

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ

1

В ШЕСТИ ТОМАХ

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: ИСТОРИЯ,

экономика,
техника, право, менеджмент, финансы,
биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной
библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

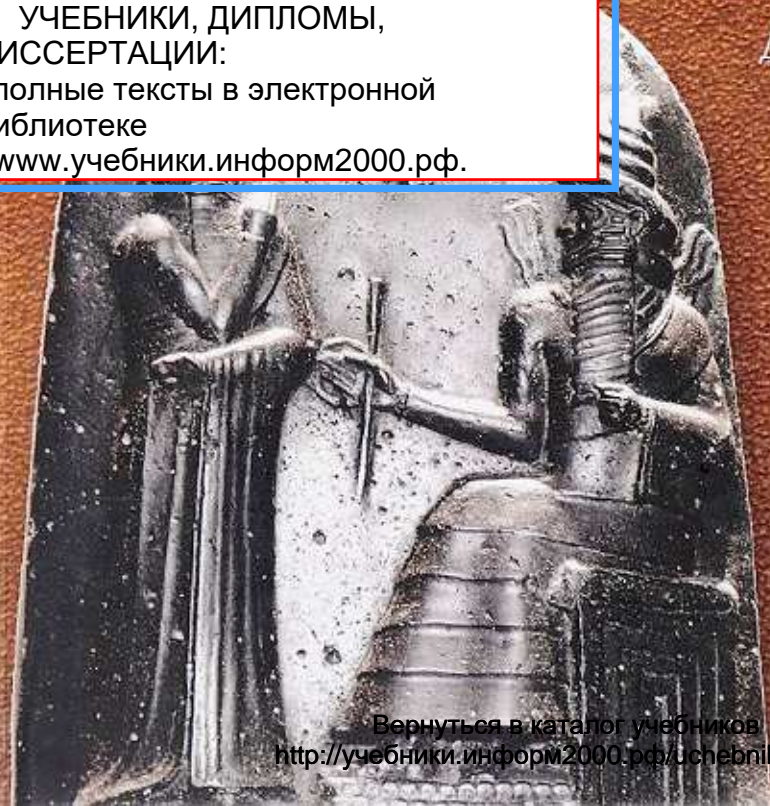
Экономика

ДРЕВНЕГО ВОСТОКА,

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,

ДРЕВНЕГО РИМА,

ДРЕВНЕЙ РУСИ

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

В Ш Е С Т И Т О М А Х

Под общей редакцией
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук, профессора *М.В. Конотопова*

3-е издание,
дополненное и доработанное

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-кор. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

Т О М 1

ЭКОНОМИКА
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА,
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,
ДРЕВНЕГО РИМА,
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2017

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02
Э 400

Авторский коллектив:

А.В. Аникин, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (гл. 14),
А.Ю. Егоров, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (4.11),
О.В. Каримова, к.э.н., доц. (2.10, 5.12, 6.5, 11.9, 11.10),
В.М. Конотопов, к.э.н., доц. (4.11),
М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(Введение, 2.1–2.9, 4.1–4.10, 5.1–5.11, 6.1–6.4, 7–10, 11.1–11.8, 12, 13),
Б.Е. Ланин, д.э.н., проф. (4.11, 14),
С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ
(1, 2.1–2.9, 3, 4.1–4.10, 5.1–5.11, 6.1–6.4, 7–10, 11.1–11.8, 12, 13)

Э400 Экономическая история мира: в 6 т. / под общ. ред. М. В. Конотопова. – 3-е изд., доп. и дораб. – СПб.: Алетейя, 2017. – Т. 1. Экономика Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима, Древней Руси. – 418 с.

ISBN 978-5-906980-25-0

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-906980-25-0

9 785906 980250

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Всякое глубокое экономическое исследование имеет исторический аспект, даже если оно посвящено самой насущной проблеме. Пример тому – жизнь и идеи классиков экономической науки, а точнее – ее основателей. Великий Петти, начав с проблемы налогов и сборов, углубился в дебри теории стоимости и заложил ее фундамент. Давид Рикардо, сломав голову по поводу «хлебных законов», завершил каркас классической политической экономии и сделал эту «мрачную науку» самой популярной почти на полвека.

Карл Маркс, избрав для «Капитала» в качестве основного метода исследования логический, постоянно возвращался к истории экономической мысли подобно своему не менее великому предшественнику Адаму Смиту. Поэтому история экономики – не только основа истории человечества, но и важнейшая часть его экономической теории, в состав которой включаются и политическая экономия как совокупность наиболее устоявшихся экономических доктрин, и история развития экономической мысли (история экономических учений).

Значение истории экономической мысли понятно любому образованному человеку, ибо легко провести аналогию начиная от истории математики через историю медицины и заканчивая историей музыки, то с пониманием роли истории экономики уже сложнее. Ее нам во многом заслоняет политическая история, которую все мы познавали с детства. Историю долгое время было принято рассматривать в основном как цепь политических событий: рождение и гибель государств, смены династий, революций и войн, народных движений. Но в такой истории сложно было проследить не только процесс, но и основы, причины прогресса человечества, а следовательно, и законы развития.

Если нет законов, то нет и науки. Да, мы знаем, что прогресс существует, что человечество развивается. Но дело в том, что законы развития человеческого общества (во всяком случае, основные) коренятся не в политических, а в экономических процессах. Не случайно политические термины «республика», «монархия», «демократия» появились еще до зарождения христианства и употребляются в том же значении до сих пор. А вот условия добычи элементарных средств существования, а позднее – производства и потребления материальных благ меняются непрерывно, вызывая неизбежно и политические изменения в обществе. Поэтому экономическое развитие

составляет основу развития человечества, а экономическая история – основу всей его истории.

Любая, подчеркиваем, любая сколь-нибудь значимая веха в развитии человечества имела в первооснове экономическую причину как побудительный мотив, как движитель.

Великие географические открытия – результат стремления найти короткий морской путь в Индию и добыть восточные пряности, которые были в средневековой Европе дороже золота. Первый поход Ермака в Сибирь имел своей целью получить дешевую пушнину. Политическая агрессивность США диктуется необходимостью давать заказы своему невероятному по своим размерам военно-промышленному комплексу.

Почему целые тысячелетия в экономической истории цивилизованное человечество обходилось без железа? Почему община оказалась достаточно устойчивой формой социально-экономической системы и сохранилась после ликвидации первобытно-общинного строя в рамках азиатского способа производства (в меньшей степени при античном рабовладении) и даже в европейской феодализме (кроме того, модель соседской общины легла в основу ремесленных цехов, купеческих товариществ, а в России и некоторых других странах ее существование продлилось до XX столетия)? Чем, какими объективными причинами был предопределен особый путь России в экономике Европы?

На эти и многие другие вопросы призвана ответить эта книга. Нельзя понять экономику нашего времени, не зная, как она сложилась, не зная ее истории. Экономика – это процесс, развитие, а современное ее состояние – лишь момент в этом процессе. Каждое экономическое явление наших дней имеет исторические корни: оно возникло в связи с определенными экономическими условиями в прошлом и сохраняет их отпечатки. Программирование развития экономики без понимания исторического процесса ведет к тому, что результат человеческих усилий оказывается не таким, каким ожидался. Отсюда и крылатая фраза нашего времени: «Хотели, как лучше, а получилось – как всегда».

В связи с этим надо отметить, что если первой задачей нашей книги было объединение истории развития хозяйства с историей развития экономической мысли, то второй – новое, надеемся, более глубокое осмысление экономического пути России. Многие, очень многие современные проблемы хозяйства современной России, ее экономические болячки – наследственные. Они предопределены спецификой ее предшествующего развития. А для лечения болезни необходимо знать ее историю. Этим, а не только тем, что авторы – россияне, объясняется особое место истории экономики России в нашей книге.

Россия, по словам братьев Стругацких, «свернула со столбовых дорог цивилизации». Если говорить о цивилизации европейской, то это верно. Заметим при этом, что искать, вычленять в экономической истории «единный тракт», универсальный путь просто наивно, в чем легко убедится наш читатель.

До монгольского нашествия Киевская Русь, ее экономика развивались в общеевропейском направлении. Но монгольское иго, вернее, противостояние ему, это направление резко изменило. Централизованное государство в новой России, объединившейся вокруг Москвы, сложилось раньше, чем появились экономические условия для его создания.

Но поскольку без экономики никакое государство существовать не может, оно принялось ее насаждать. Естественно, экономику административную. Отсюда в укладе хозяйства России и появились элементы «азиатского» или «древневосточного» способа производства.

Россия, однако, не была типичной страной «азиатского способа производства». Здесь имело место переплетение элементов западного и восточного путей развития. Можно выделить следующие «азиатские» черты в экономическом развитии России.

1. Общинные землевладения и традиции. Земля была собственностью общины и делилась между членами по принципу уравнительного землепользования. Принцип уравнительности, равенства определял и психологию крестьян. Нарушителя этого принципа называли кулаком, мироедом. Столыпину не удалось разрушить общину, чтобы перевести сельское хозяйство на фермерский путь предпринимательства. Декрет о земле закрепил общественную собственность на землю и уравнительное землепользование. Общинные традиции облегчили коллективизацию, которая была прямым продолжением этой же уравнительности.

2. На протяжении веков сохранилось господство государства в хозяйстве страны. Первые промышленные предприятия в XVI–XVII вв. были казенными. Петровские мануфактуры строились в основном государством, а для рождавшихся позже частных мануфактур была придумана уникальная форма посессионных предприятий, юридически считавшихся собственностью государства и управлявшихся государством. Первая фабрика в России была казенной, как и первые машиностроительные заводы. Первые железные дороги были построены казной. Кредитную систему России возглавил государственный банк, тогда как главные банки других стран были акционерными. И в результате Октябрьской революции единственным путем ликвидации капиталистической собственности стало ее превращение в государственную, хотя это и не соответствовало учению Маркса.

3. Царское самодержавие даже этимологически было вариантом восточной деспотии: царь не подчинялся законам, а его воля была законом для подданных.

Историю иногда называют полигоном экспериментов, и многое из того, что происходит с нами сейчас, в отечественной истории уже было. Был, в частности, и переход от административных методов управления к рыночной экономике, правда, в несколько иных исторических условиях. История – это огромная лаборатория, где ставились самые разные эксперименты. Это надо понять, а то, как предупреждает В. И. Даль, «прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят».

Корни социальных недугов человечеству свойственно искать в ближайшем прошлом. Для нас это Страна Советов. Там и ищем. Но, думается, корни эти значительно глубже. Советская власть сама унаследовала как доблестные черты, так и пороки Российского государства. «Вторая», сталинская империя стала пышным и, смеем надеяться, последним расцветом азиатского способа производства. А ведь ему свойственна стагнация. Великие открытия совершаем мы, а пользуются их благами другие. Так, бумага и порох появились в Древнем Китае (тоже азиатский способ), а книгопечатание, огнестрельное оружие, взрывные работы практиковались первоначально в Европе, а в Китае экспортировались.

Характерной особенностью Страны Советов стало и то, что мы создали «империю наоборот». Обычно центр империи живет за счет ограбления окраин. Мы же в угоду властным амбициям Кремля готовы были содрать последнее с населения центра в помощь «братьям по классу» аж на других континентах. Но и эта черта – наследственная, что мы попытаемся показать ниже. Болезни надо лечить. Иногда даже приглашают иностранных врачей, если у них клинический опыт больше. Академик Леонид Абалкин в одном из своих интервью говорил о том, что российские экономисты внимательно анализировали опыт всех «экономических чудес» мира, но убедились, что в чистом виде зарубежный опыт не применим в силу специфики российских недугов. Оно и верно, чтобы лечить, надо знать историю болезни.

Теперь вернемся к развитию экономической мысли. Сама по себе экономическая мысль появилась у человека одной из первых. Появилась как простой момент труда – целесообразная деятельность. А вот теоретически она начала оформляться уже в зрелых, пусть и древнейших цивилизациях.

А. В. Аникин, безусловно выдающийся историк и популяризатор экономической мысли, отмечает, что «история общественных наук образует важный элемент политических знаний и общей культуры человека. Конечно, понятие культуры стало в наше время весьма широким. Может ли считать себя культурным человек, не имеющий представления, скажем, о законах

термодинамики, строении Вселенной и структуре атома? Очевидно, нет. Но едва ли назовем мы таким и человека, который не знаком, хоть в самых общих чертах, с идеями философии и политической экономии XVIII–XIX вв., с борьбой материализма и идеализма, подготовкой теории прибавочной стоимости. А какое богатство идей, какое созвездие талантов представляет собой социализм домарксовской эпохи! Как бы ни развивалась наука и техника, мы не должны и не можем забывать жизнь и труды этих людей¹. Достоинством настоящей книги, на наш взгляд, является то, что развитие экономической мысли читатель может проследить не просто на фоне, а в тесной связи с динамикой самой мировой экономики.

Он убедится, что смена цивилизаций – процесс закономерный. Падение римской цивилизации на территории Европы, например, надолго отбросило человечество назад и по уровню его культуры, и прежде всего – по материальному уровню жизни. Не случайно новый качественный скачок европейского общества в своем развитии принято называть «ренессанс». Не случайно и то, что новые европейские мыслители Средневековья в своих раздумьях оттачивались от теоретического наследия древних греков и римлян. Другой «точки отсчета» просто не было. Экономическая мысль здесь – не исключение.

А. В. Аникин пишет: «Слово «экономия» (oikonomia, от греч. oikos – дом, хозяйство и nomos – правило, закон) является заглавием особого сочинения Ксенофонта, где в форме диалога рассматриваются разумные правила ведения домашнего хозяйства и земледелия. Такой смысл (наука о домашнем хозяйстве, домоводство) это слово сохраняло в течение веков. Правда, оно не обладало у греков таким ограниченным содержанием, как наше домоводство. Ведь дом богатого грека являлся целым рабовладельческим хозяйством, это был своего рода микрокосмос античного мира.

Аристотель употреблял термин «экономия» и производный от него «экономика» в этом же смысле. Он впервые подверг анализу основные экономические явления и закономерности тогдашнего общества и стал, по существу, первым экономистом в истории науки»¹.

Роль Аристотеля в науке вообще бесспорна. Но позвольте заметить, что в нашей книге впервые введены в научный оборот экономической теории труды другого древнего грека – Гесиода. Этот автор, вполне признанный литературоведами, был абсолютно несправедливо обойден вниманием экономистов, а ведь его наблюдения за ведением хозяйства Древней Греции, размышления о его эффективности для нас просто бесценны.

Экономика как самостоятельная отрасль науки относительно молода. Достаточно сказать, что преподавание в качестве самостоятельного универ-

¹ См. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979. С. 8.

ситетского курса началось с Адама Смита. «Экономическая история» еще моложе. Так, в России она получила «права гражданства» немногим более ста лет назад. У нас этот курс был прочитан впервые в Ярославском Демидовском юридическом лицее для будущих специалистов по финансовому праву. Поэтому не удивительно, что нам еще не раз придется открывать для себя первоисточники.

Удивительно другое. Откровенное пренебрежение к истории хозяйства и истории учений со стороны руководителей многих, как это ни странно, экономических вузов России. Удивительно сокращение читаемых курсов на фоне растущего интереса к экономике всего образованного населения страны.

Другим свидетельством общественного признания важности исторического направления стало введение нового экзамена кандидатского минимума – «История и философии науки» (в нашем случае – экономики).

Чтобы наша книга стала хорошим подспорьем соискателям ученой степени кандидата экономических наук, ее завершает обзор экономических воззрений ведущих философов от Античности до современности. Но книга адресована не только специалисту, авторы рискуют предложить ее вниманию самого широкого круга читателей.

Все критические замечания по книге будут приняты с благодарностью.

1. ХОЗЯЙСТВО 1. ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

История первобытного общества – это история экономики. Государства еще не было, поэтому мы не можем говорить об истории государства. По этой же причине мы не можем говорить об истории права. Основные источники, которые позволяют восстановить жизнь первобытных людей, – материалы археологии. Но они не содержат имен выдающихся деятелей. Даже вожди племен, как и сами племена, появятся лишь в конце истории первобытного общества. Этнографические материалы, которые позволяют восстановить некоторые стороны жизни первобытных людей по аналогии с сохранившимися очагами такой жизни, тем более не могут содержать сведений о политической жизни. Поэтому мы не можем говорить о политической истории первобытного общества, и все, что было до образования государства и письменной истории, до рождения цивилизации, принято считать предысторией.

Те же археологические и этнографические источники позволяют выяснить, как человек добывал себе средства существования, какими орудиями он при этом пользовался, как он питался. Одним из наиболее ценных археологических материалов являются «кухонные отбросы», места, куда выбрасывались остатки пищи. А история производства и распределения материальных благ, средств, существования – это история экономики. Только эта сторона истории сохранилась с первобытного времени.

Человек появился в Европе (точнее, не человек еще, а архантроп, как его принято называть) приблизительно 2 млн лет назад. Самое раннее орудие, найденное в Европе, имеет возраст 2,3 млн лет, самые ранние останки самого архантропа (фрагменты скелета) относятся ко времени 1,5–1,6 млн лет назад. Цивилизация в Европе возникла всего 3 тыс. лет назад. Таким образом, история первобытного человека, или предыстория, в Европе была в 600 с лишним раз длительней истории.

Чем ближе к нашему времени, тем короче археологические периоды. Нижний палеолит, т. е. ранний период древнекаменного века, первый период истории первобытного общества, продолжался 600 тысячелетий. Верхний палеолит, т.е. наиболее поздний отрезок древнекаменного века, длился

«всего только» 30–36 тысячелетий. Неолит, новокаменный век продолжался только 3–4 тыс. лет, а бронзовый век, в ходе которого возникла цивилизация, всего только 1–2 тысячелетия. Темпы развития человеческого общества постоянно ускорялись.

В сущности, история первобытного общества – это история формирования человеческого общества, формирования самого человека. Это время, когда на смену неандертальцу, сохранявшему еще много общего от обезьяны, приходит кроманьонец, очень мало отличавшийся от современного человека. Это время, когда из первобытного стада возникает родовой строй, когда охота и собирательство, «присваивающее» хозяйство, сменяется «производящим» хозяйством, земледелием и скотоводством.

И все это происходило в крайне трудных для человека условиях, в сущности, в условиях природной катастрофы – великого оледенения. И именно нарушение привычных условий жизни, необходимость адаптироваться к новым, суровым условиям, стали важным фактором становления человека и человеческого общества.

Льды наступали с севера. В периоды максимального оледенения они занимали половину Европы. Ледник доходил до Карпат, а его толщина в районе Скандинавии достигала 3 км. Льды наступали и отступали. Ледник наступал 6–7 раз, причем последнее наступление закончилось приблизительно 10 тыс. лет назад. Когда льды отступали, менялся климат, природные условия, растительный и животный мир.

До великого оледенения Европа была покрыта хвойно-лиственными лесами. В этих лесах бродили древние слоны, предки лошади, носороги, олени. С наступлением ледника и похолоданием лес сменялся тундрой, а животные, спасаясь от холода, покрывались густой шерстью, увеличивались в размерах. Это была «мамонтная» фауна: мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь, северный олень. Когда начиналось потепление и ледник отступал, тундра снова сменялась лесом, и снова изменялся состав животного мира. Нужно учитывать, что межледниковые периоды длились 100–200 тысячелетий. Вспомним, что человеческая цивилизация в Европе насчитывает всего 3 тыс. лет, так что времени для полного обновления флоры и фауны было достаточно. Но это значит, что и для предков человека полностью менялись условия жизни, и снова и снова надо было приспособливаться к новым условиям. Человек не покрывался шерстью, а для согревания использовал огонь и шкуры животных, совершенствовал свои жилища.

Почти вся история первобытного общества – это каменный век. Энеолит – медно-каменный век (V–IV тыс. до н.э.) существовал только на юге Европы, а в период бронзового века (III–II тыс. до н.э.) уже рождается государство и цивилизация.

Но почему каменный век? Ведь большинство орудий в это время изготовлялось не из камня, а из дерева, кости, рога, которые легче поддавались обработке. Но органические материалы, из которых были сделаны эти орудия, не сохранились до нашего времени. Дерево сгнило полностью за тысячелетия, а изделия из кости и рога остались лишь с конца каменного века. Поэтому археологи вынуждены делить каменный век на периоды, исходя в основном из техники изготовления каменных орудий: палеолит (древнекаменный век), который закончился приблизительно 10 тыс. лет назад, мезолит (среднекаменный век), который охватывал IX–VI тыс. до н.э., и неолит – VI–V тыс. до н. э. Каждый из этих периодов принято делить на отрезки времени по названиям археологических памятников, расположенных на территории Франции: Шелль, Ашель, Мус-тье, Ориньяк, Солютре, Мадлен, Азиль, Тарденуаз. (Для заучивания названий этих отрезков студенты исторических факультетов придумали «страшное» слово: «шамосмат».) Делить развитие первобытного общества на такие хронологические отрезки, которые принято называть культурами, позволяет то обстоятельство, что памятники каждой из этих культур имеют общие черты, но отличаются от материалов других культур.

Конечно, развитие хозяйства первобытного человека шло не одновременно по всей Европе. На юго-востоке был уже неолит, а на севере и в центре еще сохранялся мезолит. И, как уже отмечено, энеолит был только на юге Европы.

Ранний, или нижний, палеолит (культуры Шелль и Ашель) начался 700–600 тыс. лет назад, закончился 100 тыс. лет назад. Это самый длинный этап в истории Европы, в 6 раз длиннее всей остальной истории. Он мог быть еще длиннее, потому что первые орудия, найденные в Европе, имеют возраст свыше 2 млн лет, но осторожные археологи отсекают этот начальный период. Первые орудия были настолько примитивны, что их трудно отличить от кремневой гальки, расколотой без вмешательства человека. Кроме того, отдельные находки не позволяют утверждать, что древний человек, архантроп, постоянно жил в Европе до признанного начала палеолита.

Дело в том, что Европа не была колыбелью человечества. Здесь не было питекантропов. Предки человека появились первоначально в более теплых местах Азии и Африки. Сюда в Европу первые люди пришли из Африки, причем предполагается, что они проникали в Европу несколько раз. Расселились же они по Европе, точнее, по территории, не занятой ледником, только в период среднего палеолита.

Это были неандертальцы, в строении которых еще многое оставалось от обезьяны. Обычный рост их не превышал 155–165 см. Ходили они согнувшись: коленный сустав еще не позволял полностью выпрямить ноги. Объем

мозга был таким же, как у современного человека, но слабо были развиты лобные доли. Мощные надбровные дуги, отсутствие подбородка дополняли облик этого архантропа.

Нижний палеолит в основном приходился на период до начала оледенения. Люди (мы их все же называем людьми, чтобы не повторять принятые термины: «архантропы», «гоминиды», «неандертальцы») еще не умели добывать огонь, занимались охотой и собирательством. Согласно одним предположениям, они охотились преимущественно на мелких животных, согласно другим – на крупных: слонов, диких лошадей, носорогов. Слонов загоняли в болото, а затем убивали деревянными копьями и дубинами. Вели они кочевой образ жизни, двигаясь за стадами животных, останавливаясь на временных стоянках.

Принято говорить о первобытно-общинных отношениях, но общины, первой формы организации человеческого общества, еще не было. Это были стаи, подобные стаям современных человекообразных обезьян. Не было пока и семьи. Господствовал промискуитет – беспорядочные половые связи.

Как мы отмечали, основным критерием археологов для выделения того или иного периода каменного века служит техника обработки камня. В нижнем палеолите это техника сколов, или отщепов. От кремневой гальки откалывались пластины, в результате чего получалось универсальное орудие – ручное рубило. Оно было длиной до 35 см, имело заостренный конец, от которого отходили два лезвия, образованные сколами, а с противоположного от острия конца имело необбитую часть, пятку, которую можно было зажать в руке.

Такое рубило не годилось для охоты – оно было слишком коротким, чтобы противостоять клыкам и когтям животного. Для этого лучше подходило деревянное копьё с заостренным концом или тяжелая дубина. Но рубилом можно было разрезать шкуру, разделить на куски мясо, разбить кости, чтобы извлечь костный мозг. При помощи рубила можно было также выкопать съедобные корни или разбить гнилое дерево, чтобы достать личинок.

Шелльские рубила еще очень грубы, обычно не имеют правильной остроконечной формы. При обработке кремневой гальки результат достигался несколькими грубыми сколами. Орудия ашельского периода уже имеют более четкую форму. Мелкими сколами теперь обрабатывалась вся поверхность орудия. В результате мелкой оббивки, которую иногда называют ретушью, лезвие ашельских рубил было более прямым и острым. Ашельские орудия имели правильные миндалевидные треугольные или овальные очертания. Кроме простейших рубил появились остроконечники, скребла, которыми можно было очищать шкуру от мяса. Очевидно, теперь уже научились использовать шкуры животных для одежды и постелей.

Средний палеолит, культура Мустье, – от 100 до 40 тыс. назад – это время максимального оледенения. Леса на свободной от ледника территории сменила тундра, по которой бродили мамонты, шерстистые носороги, северные олени. Именно в этот суровый период люди расселились по Европе. Дело в том, что в это время человек научился добывать огонь, а это делало его независимым от капризов природы. Огнем люди пользовались и прежде, но это был огонь, полученный, например, во время лесных пожаров, начавшихся от молнии. Такой огонь приходилось поддерживать непрерывно, не давая ему угаснуть.

Способ добывания огня мог возникнуть при изготовлении орудий: удары по кремню вызывали искры, от которых мог загореться сухой мох, а при энергичной обработке сухого дерева оно могло нагреваться и тлеть.

Кроме временных стоянок и пещер, в которых селились люди раннего палеолита, теперь появились поселения людей под открытым небом. Каркас жилищ в таких поселениях делался из костей мамонта, покрытых шкурами, а внутри обязательно был очаг. Поскольку кости мамонта было бы сложно тащить на новое место, в таких жилищах люди жили длительное время.

Использование костей мамонта в качестве строительного материала свидетельствует, что охота на мамонта, как и на других крупных животных, была довольно успешной. Это была загонная охота, которая требовала объединения больших коллективов людей. С криками и шумом, с использованием огня, которого животные панически боятся, гнали стадо к обрыву, а затем добивали оставшихся в живых. Естественно, часть мяса при этом пропадала зря: нельзя было съесть все сразу, а заготавливать мясо впрок еще не научились.

Главным охотничьим оружием теперь стало копье с кремневым наконечником. Кремневые орудия становились все более разнообразными и специализированными. Теперь в ход шли пластины, которые откалывались от первоначальной гальки – нуклеуса, их обрабатывали ретушью – откалыванием мелких чешуек кремня от будущего орудия. Таким образом изготавливались скребла, которые обрабатывались по режущему краю и служили для выскабливания шкур; остроконечники, которыми было удобно пробивать отверстия, наконечники копий и даже что-то вроде ножей.

Общая охота, общий огонь объединяли людей. К этому времени относятся первые захоронения: член коллектива и после смерти не должен был стать добычей зверей. Об умершем надо тоже позаботиться.

На переходе к позднему палеолиту возникает родовая община. Это был матриархальный род. В условиях, когда установить отца ребенка было не всегда можно, родоначальницей была мать: она рожала и воспитывала детей, обеспечивала продолжение рода. В загонной охоте участвовали все, в том

числе и женщины. А поскольку такие облавы случались не так уж часто, то собирательство (грибов, ягод, съедобных корней и т.п.), которое было делом женщин, играло едва ли не главную роль в пропитании.

О матриархате свидетельствуют и статуэтки женщин, в основном из кости, которые, правда, сохранились лишь с начала верхнего палеолита. Скульптурных изображений мужчин того времени не обнаружено. А поскольку половые связи между родственниками, т.е. членами своего рода, были уже под запретом, не жена переходила в род мужа, а муж переходил в род жены. Естественно, что мужу, окруженному родней жены, приходилось быть уступчивым.

Итак, главным достижением мустьерского человека было овладение огнем. Что касается облавной охоты, которая приобрела особенно важное значение в это время, то она, очевидно, практиковалась и прежде, правда, в значительно меньших масштабах.

Верхний, или поздний, палеолит (культуры Ориньяк, Со-лютре, Мадлен) продолжался 30 тысячелетий, с 40 до 10 тыс. до нашего времени, т.е. был вдвое короче среднего палеолита. На смену неандертальцу в это время приходит кроманьонец, который антропологически уже не отличался от современного человека, поэтому именно к верхнему палеолиту принято относить рождение *homo sapiens*. Этот скачок в антропологическом строении человека смущает ученых, тем более что какое-то время неандерталец и кроманьонец сосуществовали. Но нет оснований предполагать, что кроманьонцы были пришельцами извне (откуда?). Очевидно, все же неандертальцы преобразились в кроманьонцев в процессе эволюции.

Природные условия пока изменились мало. В начале верхнего палеолита (Ориньяк) продолжалось оледенение, затем наступило относительное потепление (Солютре), которое сменилось новым наступлением ледника (Мадлен).

Основным занятием людей по-прежнему оставалась охота на крупных животных способом загона, но теперь кроме естественных обрывов использовались искусственные ямы-ловушки. К этому времени относится изобретение лука и стрел с кремневыми наконечниками. Эти наконечники делались из тех пластин, которые откалывались от кремневой гальки – нуклеуса.

Именно эти пластины теперь использовались для изготовления орудий. Поскольку с луком и стрелами охотиться на мамонта бесполезно, очевидно, все больше практиковалась охота на относительно мелких животных.

От мадленского периода сохранились костяные иглы с отверстиями для нити. Это отчетливо свидетельствует об изготовлении одежды из шкур. Использование пещер для жилья еще продолжалось, но теперь преобладали поселения под открытым небом. Обычное поселение, которое занимала

родовая община, состояло из 10–12 каркасных жилищ, покрытых шкурами, причем для каркаса по-прежнему использовались кости мамонта.

Поскольку основным занятием оставалась охота, были необходимы большие охотничьи угодья. Считается, что для минимальной общины в 25 человек требовалась охотничья территория в 1250–2500 кв. км. Естественно, что плотность населения была крайне мала. В Центральной Италии, например, один человек приходился на 50–100 кв. км.

Но наибольшие изменения в верхнем палеолите произошли в интеллектуальной сфере (недаром человека этого времени уже называют *homo sapiens* – человек разумный). Именно к этому времени относятся наскальные изображения, которые сохранились преимущественно в пещерах. Нас поражает передача динамики, экспрессии в изображении животных, которые совсем не похожи на детские рисунки. Между тем эти изображения имели разное магическое значение. Изображая бизона, пораженного стрелами и копьями, первобытный художник предсказывал удачную охоту.

Теперь уже не просто хоронили людей, но в могилу с человеком клали оружие и украшения для загробной жизни. Это было зачатком религиозных представлений.

Мезолит, среднекаменный век (культуры Азиль и Тарде-нуаз), продолжался с IX по VI тыс. до н.э. Эта датировка довольно условна: в то время как на основной территории Европы оставался мезолит, Южная Европа уже переходила к неолиту.

Великое оледенение закончилось, льды отступили. На месте тундры снова выросли леса, гигантские травоядные – мамонт, шерстистый носорог – вымерли. Объектами охоты теперь были козули, кабаны, лоси. Они не ходили большими стадами. На этих животных надо было охотиться в лесах в одиночку, что было значительно труднее загонной охоты, поэтому охота все более дополняется рыболовством и снова повышается роль собирательства. Женщины собирают плоды, в том числе фисташки, миндаль, семена бобовых. Рыбу ловят сетями, бьют острогой. Следствием развития рыболовства стало изобретение лодки. Это были долбленки из одного ствола, но сердцевина ствола не столько выдалбливалась, сколько выжигалась, а потом посредством выпаривания и распорок стенки отгибались наружу.

Поскольку охота на одиночных животных не требовала объединения больших коллективов людей, теперь люди селились маленькими группами – по 6–18 человек. А благоприятные демографические условия способствовали увеличению плотности населения. Например, между Одером и Эльбой эта плотность составляла 1 человек на 30–80 кв. км.

Совершенствовалась и техника обработки камня. Если прежде произошел переход от рубил, которые готовились из гальки – нуклеуса, к изготовлению

орудий из пластин, которые откалывались от этого нуклеуса, то мезолит – это век микролитов и составных орудий. Микролиты, т.е. мелкие осколки кремня, теперь не только использовались в качестве наконечников стрел и копий, но вкладывались в костяную или деревянную основу орудия, образуя зубцы на его поверхности. При этом сочетались твердость и острота кремня с удобством для держания кости или камня.

Последний этап каменного века, неолит, длился с VI по V–IV столетия до н.э. Эпоха неолита была столь важной для развития человеческого общества, что этот период принято называть «неолитическая революция»: в это время происходит переход от «добывающего», или «присваивающего», хозяйства, охоты и собирательства к «производящему» земледелию и скотоводству. Если до этого человек только брал то, что для него приготовила природа, то теперь он сам производил необходимые для себя продукты.

Мезолитом (точнее, гарденуазом) заканчивается хронологическое выделение культур. Теперь уже несколько культур в разных частях Европы, различавшихся характером керамики, погребений, жилищ, существовало одновременно, и эти культуры служили зародышем образования будущих народов.

Производящее хозяйство, земледелие и скотоводство сначала на рубеже VII и VI тыс. возникло на юге, на Крите и в Греции. Затем оно продвигалось на север и достигло Дании и Швеции к середине IV тыс. до н. э. Потребовалось свыше двух тысячелетий, чтобы это производящее хозяйство пересекло Европу с юга на север.

Переход к производящему хозяйству означал рост производительности труда и появление прибавочного продукта. Земледельцы жили благополучнее охотников. С увеличением их численности они двигались на новые земли, земли охотников. Для самих охотников преимущества земледелия не были очевидными. Вольная жизнь в лесах, охотничий азарт и удача – все это было не только привычно, но и представлялось более приятным, чем нудный труд земледельца. Вражды между охотниками и земледельцами не было: они не были конкурентами в добывании продуктов питания. Как уже говорилось, для охотничьей общины были необходимы многие десятки квадратных километров охотничьих угодий. На этом фоне земледельческие хозяйства были совсем небольшими: поля и пастбища располагались не далее чем в часе ходьбы от селения.

Земледелие было подсечно-огневым, но существенно отличалось от более поздних форм подсечно-огневой системы. Крупные пни и большие деревья оставались: при тогдашнем уровне техники их выкорчевать было невозможно. Почва не вспахивалась, а лишь слегка взрыхлялась мотыгами. Семена не разбрасывались по полю, а зарывались в землю, удобренную зо-

лой. Выращивались ячмень, полба, бобы, горох, лен. В отличие от скотоводческих племен Азии и Африки животноводство у европейцев лишь дополняло земледелие. Разводился в основном мелкий скот – козы и овцы. В отличие от охотников, для которых были характерны временные стойбища, земледельцы жили стабильными селениями. Такое селение в среднем насчитывало около 100 жителей, и его хозяйственные угодья не превышали 50–100 га.

Примером может служить селение Ниа-Никомедия (название дано археологами) в Северной Греции. Поселок занимал половину гектара и состоял из 15 домов в среднем по 64 кв. м.

В каждом доме жила семья из 5–7 человек, а всего в поселке насчитывалось около 100 жителей. Дома были деревянными, из дуба и вяза. Основной конструкции являлись столбы, причем внешние ряды столбов, которые служили основой стен, дополнялись внутренним рядом столбов, которые поддерживали крышу. Даже полы в этих жилищах были не земляными, а деревянными. Очевидно, такое селение занимала община из кровных родственников.

Прогресс в обработке камня (а ведь еще продолжался каменный век) заключался в появлении шлифованных и сверленых орудий. Типичный пример таких орудий – шлифованный каменный топор с высверленным отверстием для топорища. По расчетам археологов (они сами для эксперимента шлифовали и сверлили), для изготовления такого топора требовалось затратить не один год.

Важным техническим достижением неолита было появление керамики – сосудов из обожженной глины. Правда, гончарного круга пока еще не изобрели. Сосуды изготавливались преимущественно спирально-жгутовым способом; глиняные жгуты в 3–4 см толщиной налеплялись по спирали, образуя стенки будущего сосуда. Иногда скатанные из глины кольца налеплялись и не по спирали. Такие сосуды у разных племен имели разную форму и по-разному украшались – ямками, вдавленными в глину линиями. Это обстоятельство послужило для археологов критерием для выделения отдельных культур неолита и последующих периодов. Дело в том, что при раскопках, начиная с этого времени, самым массовым видом находок становятся обломки глиняных сосудов.

Время металла начинается в Европе с энеолита – медно-каменного века (V–IV тыс. до н. э.). Но энеолит прослеживается только на юго-востоке Европы. На остальной территории продолжался неолит, который в дальнейшем сменился бронзовым веком. Металлургия меди возникла в районе Эгейского моря в V тыс. Но медь – слишком мягкий металл и к тому же слишком дорогой для изготовления орудий производства. Поэтому из меди делали украшения, и лишь редко использовали ее для изготовления оружия.

Между тем там, в юго-восточном углу Европы, продолжался стремительный (стремительный – по сравнению с прежними временами) технический, экономический и культурный прогресс. Здесь появился ткацкий станок и уже изготавливались шерстяные и льняные ткани. Возникли большие поселения, численность населения которых достигала нескольких тысяч человек. В центре такого поселения, на возвышенном месте, располагался акрополь – укрепленная ровом и крепостным валом часть города. В таком городе уже были улицы и даже площади на их перекрестках. Слово «город» мы здесь употребляем условно, это были скорее зародыши будущих городов.

Бронзовый век, или эпоха бронзы, начинается на берегах Эгейского моря в III тыс. до н.э. и в течение II тыс. распространяется почти на всю территорию Европы. Но бронзовый век – это уже время рождения государства и цивилизации. Это кри-то-микенская культура, которую мы будем рассматривать за рамками этой главы, да и гомеровские греки использовали еще бронзовые орудия. Поэтому мы рассматриваем бронзовый век как период разложения первобытно-общинного строя и рождения государства.

Одним из главных достижений материальной культуры этого времени было развитие металлургии бронзы, т.е. добычи оловянных и медных руд, выплавки этих металлов и изготовления сплавов из них. Но и бронза была слишком дорогим металлом для изготовления орудий труда. Из бронзы делались в основном украшения и оружие.

Пожалуй, главным сдвигом в области техники производства стал переход от мотыжного земледелия к пахотному. Поскольку вспахать можно было гораздо больше земли, чем обработать мотыгой, увеличилось производство хлеба и других продуктов.

Для вспашки требовалась тягловая сила – не козы и овцы, а крупный рогатый скот. Пока что пахали преимущественно на волах. Лошадь имела другое предназначение – она использовалась в боевых действиях и в качестве транспортного животного. В животноводстве возрастала доля крупных животных, и в целом повысилось значение животноводства в сельском хозяйстве. Если земля пока была немеряной, а к тому же пахотная земля находилась в общинной собственности, то скот был в частной собственности и стал олицетворением богатства.

Пахотным земледелием и скотоводством занимались мужчины. Еще больше повышали их роль военные столкновения: они были еще и воинами – защитниками. Переход от материнского рода к отцовскому, который начался значительно раньше, теперь завершился.

Да и сам род существенно изменился. Те времена, когда вся добыча – продукты охоты, собирательства и земледелия – поступала в общее распо-

ряжение, ушли в прошлое. Как уже сказано, скот был уже собственностью отдельных семей. В собственности семьи находилось и жилище со всем имуществом. В общей собственности оставалась земля, но пашня делилась между членами рода, и урожай шел не в общие закрома, а в распоряжение той семьи, которая собрала его со своего участка.

Все это – и повышение роли скотоводства, и переход к пахотному земледелию, и выделение отдельных семей из общего хозяйства рода – отражало то обстоятельство, что повысилась производительность труда и появился прибавочный продукт, появилось богатство, которое можно было захватить. Усиливаются военные столкновения, первоначальная цель которых – захват добычи.

Селища (археологический термин, который означает неукрепленное поселение) сменились городищами – селениями, окруженными земляным валом с палисадом – деревянной крепостной стеной. Такие городища обычно строились на местах, укрепленных природой: на возвышенностях с крутыми склонами, на стрелках при слиянии рек (в этом случае было достаточно укрепить валом и палисадом лишь одну сторону). Среди археологических находок появляется много оружия: мечи, копья, шлемы.

В связи с этим род, родовая община, отходит на задний план. Силами такой общины невозможно совершить грабительский набег или защититься от такого набега. На первый план выходит племя – объединение родственных общин. А поскольку такое объединение имеет военные задачи, главой племени становится военный вождь, т.е. человек, который проявил себя храбрым воином и способным военачальником. В его выдвижении (выборе) участвуют не все члены племени, а лишь мужчины – воины. Так складывается строй военной демократии, который у всех европейских народов был шагом к образованию государства, предшествовал этому образованию.

Вокруг такого вождя естественным путем формируется группировка опытных воинов, на которых он опирается, которые составляют ядро войска племени. Эта военная верхушка не только лучше вооружена, чем остальные члены племени, но выделяется и имущественным положением: ведь именно они захватывают и делят военную добычу. Уравнительные принципы общинного строя слабеют.

Уже в период энеолита кроме общинных селений – городищ – появились более крупные селения, центром которых являлся укрепленный акрополь. Есть все основания предполагать, что такие селения были центрами племен, а акрополь являлся резиденцией вождя и его дружины.

Подробнее основные черты строя военной демократии мы будем рассматривать, когда речь пойдет об образовании государств: Древней Греции, Древнего Рима, Киевской Руси.

Итак, развитие первобытного общества в Европе происходило в условиях природной катастрофы – великого оледенения. Из этого отнюдь не следует, что этот катаклизм, заставив человека адаптироваться к новым условиям, ускорил развитие. Оледенение не распространялось на страны будущего «азиатского способа производства», однако там цивилизация возникла раньше, чем в Европе. Заслуга европейцев в другом – в том, что они смогли пройти свой путь к цивилизации даже в этих трудных условиях.

Вся история первобытного общества укладывается в рамки каменного века, потому что с его завершением начинается переход к государству. Появление металлургии, сначала меди и бронзы, было лишь составной частью такого перехода.

За время каменного века человек совершил целый ряд изобретений и открытий, выделивших его из мира животных. Уже само появление каменных орудий было революцией: ведь человек их делал, изготавливал, а не брал в готовом виде, так что уже в этом был зародыш перехода от присваивающего к производящему хозяйству.

Не менее важное революционное значение имело изобретение способа добывания огня и строительства жилищ. Дело не только в том, что это обеспечило человеку выживание в условиях оледенения. Если пещеры для него приготовила природа, то жилище с очагом надо было строить, производить.

Вспомогательное значение имело изобретение лука и стрел, иглы и ткацкого станка, керамических сосудов. Все это изготавливалось, производилось, а не заимствовалось у природы. Так что переход к земледелию и скотоводству был лишь завершением процесса становления производящего хозяйства.

И все же техника первобытного общества была настолько низкой, что человек не мог производить прибавочного продукта: все, что он производил своим трудом, он сам и потреблял (охота и собирательство – тоже труд). Конечно, человек добывал этот минимум необходимого для себя в составе группы таких людей: стая, община, семья. Ведь надо было кормить детей и стариков, и если один охотник приходил без добычи, то другой добывал больше, чем было необходимо ему. Это и было основой общинных отношений: человек неминуемо погиб бы, если на его долю не приходилась бы часть общей добычи. Но в среднем добыча соответствовала потребностям общины, и существенных излишков не было.

Именно отсутствие прибавочного продукта было основой «первобытного коммунизма», уравнительного распределения материальных благ. Без прибавочного продукта была невозможна эксплуатация чужого труда: нельзя эксплуатировать человека, который сам потребляет все, что производит. Без прибавочного продукта была невозможна и цивилизация – городская

жизнь, ремесло, наука, потому что каждый должен примитивно добывать пищу.

Как рождалась цивилизация? По мере технического прогресса росла производительность труда, порождая прибавочный продукт. Теперь за счет этого прибавочного продукта, излишков, могли существовать люди, которые сами не занимались добыванием пищи. Их руки и голова были освобождены для других занятий: они могли изготавливать ремесленные изделия, заниматься наукой, искусством. С появлением этого нового слоя людей прогресс человечества резко ускорился. Однако для того, чтобы эта новая группа людей могла существовать, необходимо было отобрать прибавочный продукт у тех, кто его производил, и передать этим новым людям. А это было возможно лишь при разделении общества на классы и рождении государства.

Завершением перехода к цивилизации в Европе стала «железная революция» – появление железных орудий труда. Медь и бронза еще не совершили такой революции, потому что еще не охватили сферу производства.

Но не следует преувеличивать значение этой революции для рождения цивилизации. Во-первых, она имела значение только для Европы. Древне-восточные цивилизации не только возникли, но и испытали расцвет до этой революции.

Во-вторых, и в самой Европе античная цивилизация появилась до возникновения металлургии железа. Здесь прибавочный продукт появился уже в результате «неолитической революции», а в дальнейшем его доля лишь увеличивалась. Это, в частности, и позволяет нам ограничивать рамки первобытной истории каменным веком.

Но переход к цивилизации в Европе и странах Востока происходил разными путями, и это различие в генезисе цивилизации отразилось на дальнейшей истории.

В Европе государство возникло из строя военной демократии как объединение для защиты и нападения. В хозяйственные дела оно почти не вмешивалось. При строе военной демократии каждый взрослый мужчина был воином. Он мог постоять за свои права, его нельзя было заставить работать на другого, обратить в раба. Можно было эксплуатировать лишь захваченных на войне пленных, обращая их в рабов.

А общинные отношения уже разрушались. В общине уже возникла частная собственность – на скот, на приусадебное хозяйство, на урожай со своего поля. Это создавало условия для рождения частной собственности на землю, для проявления личной предприимчивости, хозяйственной инициативы.

На Востоке важнейшей функцией государства было строительство оросительных систем, которые и обеспечивали получение высокого прибавочного продукта. Для этого требовалось объединить трудовые усилия населения

речной долины, используя традиционные общинные порядки. Общественные работы, коллективный труд на благо общины превратились в государственную трудовую повинность. Власть общины над личностью усиливалась, в то время как сама община все более подчинялась государству, представляя его ячейку.

Земля без воды, без орошения в климатических условиях стран Древнего Востока ценности не представляла, поэтому государство, верховный собственник оросительных систем, становится верховным собственником и земли, а значит, ее недр и того, что на ней растет. Следствием сочетания государственной собственности на землю и государственного управления общественными работами стала собственность государства на все хозяйство страны, иными словами, сложилась централизованная государственная система хозяйства.

Усиление государства, в основе которого лежали общинные отношения (общественная собственность, общественные работы), означало одновременно и усиление общинных порядков. Интересы отдельного человека были подчинены общественным интересам, интересам общины и государства. Сила традиций, характерных для общинных отношений (все должно делаться так, как было при отцах и дедах), сковывала, подавляла личную предприимчивость.

Так сложилось два главных направления хозяйственного и общественного развития – путь Востока и путь Запада.

2. ЭКОНОМИКА 2. ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

2.1. Страны Древнего Востока

Первые государства на Земле, первые очаги цивилизации возникли в странах с жарким климатом, в долинах рек с плодородными наносными почвами: в долине Нила, в долинах Тигра и Евфрата, Инда, в лессовых долинах китайских рек. Эти государства и принято называть государствами Древнего Востока.

Очаги европейской цивилизации возникли гораздо позже. Если всю историю человечества от рождения первых государств до наших дней разделить на две равные части, то окажется, что вся первая половина истории – это только история стран Древнего Востока. Античная, западная, цивилизация родилась лишь на середине истории.

Почему восточные государства возникли так рано? Потому что жаркий климат в сочетании с плодородными наносными почвами позволял получать высокий прибавочный продукт даже при низкой технике земледелия, до той «железной революции», которая сыграла решающую роль для перехода к цивилизации в Европе. А прибавочный продукт – главное условия перехода к классовому обществу, государству и цивилизации. Без прибавочного продукта невозможна городская жизнь, наука, искусство.

Но получать этот высокий прибавочный продукт от земледелия в странах Востока было возможно лишь при строительстве ирригационных систем: неорошаемая земля – это в жарком климате бесплодная пустыня.

Но для строительства таких систем надо было объединить силы населения речной долины, организовать совместную работу многих общин. Такое объединение и послужило основой рождения государств.

Государства Древнего Востока имели принципиальные отличия от античных рабовладельческих государств:

1) рабы не составляли там главную производительную силу общества, т.е. материальным производством, сельским хозяйством и ремеслом занимались не рабы, а люди, которые считались свободными;

2) там не было частной собственности на землю. Земля находилась в общинно-государственной собственности;

3) государство там приобрело форму «восточной деспотии», т.е. бесправия жителей перед лицом государства.

Причины этих особенностей таились в общинных отношениях. В странах Запада община распадалась при переходе к государству. Члены общины, которые прежде имели землю в общей собственности, делили землю в частную собственность, и каждая семья стала вести свое хозяйство. Общей осталась лишь обязанность защищать эту землю и свой народ с оружием в руках.

На Востоке так получиться не могло: ирригационные работы требовали коллективного труда. Но поскольку земля без воды ценности не представляла, то сохранилась и коллективная собственность на землю. Община сохранилась внутри государства.

Само государство, как уже сказано, возникло из необходимости объединить силы для строительства оросительных систем. Естественно, что эти системы стали государственной собственностью, а поскольку земля без орошения ценности не представляла, то и верховным собственником земли тоже становилось государство. Общинная собственность превращалась в государственную, оставаясь общинной, и государство возникало как объединение общин. Община при этом становилась ячейкой государства, инструментом эксплуатации общинников правящей верхушкой.

Обязанность людей трудиться на благо общины превратилась в государственную трудовую повинность. А поскольку все население работало на государство, труд рабов там играл второстепенную роль.

Античный рабовладелец должен был раба купить, потом кормить, одевать, и конечно, он содержал лишь столько рабов, сколько было необходимо для его хозяйства. А в распоряжении восточных владык находилась огромная армия даровых работников. Этим людям не надо было покупать, кормить, одевать. Эту массу дарового труда можно было использовать очень расточительно, для государственных работ большого масштаба. Поэтому там и строились такие колоссальные сооружения, как египетские пирамиды и грандиозные храмы и дворцы.

Следствием сочетания государственной собственности на землю и государственного управления общественными работами стала собственность государства на все хозяйство страны. Иными словами, сложилась централизованная государственная система хозяйства.

Для управления общественными работами требовался мощный бюрократический аппарат, который также был характерен для стран Востока.

Но если на Востоке рабы не составляли основную производительную силу общества, можно ли эти государства называть рабовладельческими?

Очевидно, нельзя. К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли эти страны в особый, «азиатский способ производства». Поскольку этот термин введен основопо-

ложниками марксизма, очевидно, его следовало рассматривать как составную часть марксистской теории? Тем не менее в советской исторической науке «азиатский способ» не был принят как официальный. Он выпадал из системы исторического материализма, согласно которой все народы должны проходить один путь, одни и те же стадии развития: рабовладельческий строй, феодализм, капитализм... А тут параллельно генеральному направлению оказывается «азиатский способ», где нет ни рабовладельческого способа, ни феодализма. К тому же «азиатский способ» чем-то напоминал наш государственный социализм.

«Азиатский способ» (мы будем употреблять этот термин для обозначения особенностей экономического развития стран Востока) – не альтернатива рабовладельческой формации. В тот период, который на Востоке соответствовал европейскому феодализму, там сохранялись основные черты «азиатского способа». Сохранялись общинные отношения, сохранялась общинно-государственная собственность на землю. А это значит, что там не было феодалов: ведь феодал – собственник земли, да еще с крестьянами. Крестьяне подчинялись непосредственно государству через систему государственной администрации, платили государству высокие налоги, выполняли государственную трудовую повинность, и за счет всего этого существовала правящая верхушка, только не феодальная, как в Европе, а бюрократическая.

Бюрократическая, потому что сохранялась господствующая роль государства в экономике и требовался аппарат не только для управления государственным хозяйством, но и для контроля над всем хозяйством страны. Прямым следствием этого было продолжение восточной деспотии, т.е. бесправия жителей страны перед лицом государства.

Но экономическое развитие стран Востока затормозилось. Это принято называть «восточная стагнация». И европейские народы, которые пришли к цивилизации гораздо позже, быстро обогнали Восток в экономическом развитии, в результате чего страны Востока попали в экономическую, а частично и политическую зависимость от Запада.

Именно европейские ученые (Ньютон, Дарвин и др.) заложили основы современной науки. Именно в Европе был изобретен паровой двигатель и заложена основа машинной индустрии. Порох был известен уже в Древнем Востоке, но только в Европе с изобретением огнестрельного оружия он совершил революцию в военном деле. Бумага уже с древности была известна в Китае, но только в Европе с изобретением книгопечатания она породила взрыв информации.

В чем заключались причины «восточной стагнации»? В сохранении общинных отношений. Общинные отношения означали, что интересы общества (общины, а в конечном итоге – государства) ставились выше интересов

отдельного человека и подавляли личную инициативу и предприимчивость. Общинные отношения означали замороженные на века традиции: все должно делаться так, как было при отцах и дедах. Например, если в индийской деревне отец и дед были цирюльниками, сын мог быть только цирюльником, все остальные пути были для него закрыты. Сохранялось господство общественной собственности на землю, но в условиях, когда земледелие еще оставалось основной отраслью хозяйства, для развития экономики была нужна частная собственность на землю.

Такова схема основных особенностей экономического развития стран Востока. В истории разных государств и на разных этапах развития она проявлялась по-разному. В одних случаях это был огромный государственный сектор хозяйства, в других главную роль играла прямая эксплуатация государством общинников – земледельцев, причем община превращалась в административную ячейку. В некоторых случаях, особенно с развитием товарно-денежных отношений, на Восток проникали элементы европейской экономики, и особенности «азиатского способа производства» проявлялись лишь частично. Но общим для стран Древнего Востока было то, что рабовладельческие отношения здесь играли второстепенную роль, а господствующая верхушка существовала за счет эксплуатации основной массы земледельцев.

2.2. Шумер

2.2.1. ЗАРЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кольбелью европейской цивилизации была крито-микенская культура. Но переход к цивилизации человеческого общества вообще начался с Шумера, с низовьев рек Тигра и Евфрата. Здесь раньше, чем где бы то ни было, возникли города-государства – уже в IV тыс. до н.э. Здесь раньше, чем в других местах, родилась письменность – на рубеже VI и III тыс. до н.э. Вавилон и Ассирия заимствовали эту письменность у шумеров, а с ней – и значительную часть культуры и мировоззрения. Знаменитый кодекс Хаммурапи был, в сущности, компиляцией из шумерских законов.

Не удивительно, что с Шумером связаны и библейские сюжеты. Отсюда была заимствована легенда о всемирном потопе и ноевом ковчеге. Потоп не был всемирным, затоплена была только территория Шумера. Во время весенних разливов Тигр и Евфрат действительно затопляли всю эту низменность, так что на поверхности оставались только холмы, на которых располагались населенные пункты. Но когда разлив сопровождался ураганным ветром с

моря, они покрывались водой. Это было местное наводнение, но для шумеров весь мир и составляла их земля, поэтому для них это был мировой потоп, и даже свою историю они разделяли на два периода: до потопа и после потопа.

А Ной жил в шумерском городе Шуруппаке. Только звали его не Ной, а Ут-Напиштим. В клинописных записях сохранилось предание о том, что бог приказал Ут-Напиштому: «Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всего живущего!» [12, с. 150]. И на землю сошел Ут-Напиштим не у Арарата, а у горы Нисир восточнее Тигра.

В Библии упоминаются многие города Шумера. Например, библейский патриарх Авраам жил в городе Ур, и лишь оттуда он переселился в Ханаан.

2.2.2. ПРИРОДА

Какие обстоятельства послужили причиной столь раннего возникновения городов и государства? Тигр и Евфрат во время ежегодных разливов приносили сюда массу плодородного ила, покрывая им прилегающую местность. Это плодородие возобновлялось каждый год без каких-либо усилий со стороны людей. К тому же аллювиальные почвы – мягкие, такие почвы легко обрабатывать. Результат – сказочная урожайность. Уже в III тыс. до н.э. средняя урожайность зерновых здесь составляла сам-36, иногда доходя до сам-104, тогда как в период расцвета Римского государства в Италии I–II вв. до н.э. она составляла только сам-6, а в России в середине XIX в. – сам-3,5 [1, с. 43].

Такая высокая урожайность обеспечивала получение большого прибавочного продукта, без которого невозможен переход к цивилизации, невозможно отвлечение значительной части людей от производства продуктов питания и необходимых предметов потребления. Высокий прибавочный продукт в Шумере позволял занимать значительную массу населения на строительстве ирригационных систем, строительстве грандиозных храмов – зиккуратов. Это были столь значительные сооружения, что породили легенду о вавилонском столпотворении.

Для строительства только одной террасы храма в городе Уруке (о котором, между прочим, Библии тоже говорится) требовалось, чтобы 1500 человек работали по 10 часов в день в течение 5 лет [13, с. 206].

Но здешние места стали обильными и богатыми лишь в результате деятельности человека. Изначально они были не приспособлены к жизни людей. Как уже говорилось, Шумер регулярно затопляли воды Евфрата и Тигра,

а после спада воды оставалась цепь болот. В этих условиях заниматься земледелием было невозможно.

Первые орудия человека – это дерево и камень. Но на этой болотистой равнине не было месторождений камня. Лесов здесь тоже не было, поэтому дерево считалось ценностью. Покидая свое жилище из глины и тростника, хозяева забирали с собой деревянную дверь. И когда герой здешнего эпоса Гильга-меш, военный вождь Урука, отправляется в поход на город Киш, окруженный лесом, он заявляет: «Нарублю я кедра» [15, с. 24].

Здесь в изобилии была только глина, и поэтому все делали из глины: жилища, крепостные стены, дворцы и даже серпы. Казалось бы, глина – наименее подходящий материал для режущих орудий, тем не менее и серпы здесь были из обожженной глины.

Глина послужила и материалом для письма, причем материалом очень устойчивым: ведь она, будучи обожженной, не гниет и не горит. И Шумер нам оставил огромные глиняные архивы.

Но все же орудия каменного века – это камень и дерево, поэтому в период каменного века Шумер не был заселен. Человек здесь появился лишь в период энеолита.

2.2.3. ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО. РОЖДЕНИЕ ПИСЬМА

Люди сюда пришли в V тыс. до н.э. с гор, расположенных восточнее Тигра. Для своих горных богов они стали здесь строить искусственные горы – зиккураты.

Селились они, конечно, на холмах, и эти селения стали основой будущих городов. Так возникла культура Убейд. С самого начала, т.е. уже в V тыс. до н.э., им пришлось заниматься мелиорацией, потому что без этого здесь земледелие было просто невозможно. Особенность здешних мест заключалась в том, что надо было не только орошать поля, но и прежде всего осушать их, освобождать от воды, затоплявшей землю во время разливов, осушать болота. И делать это надо было постоянно: даже при кратковременном прекращении мелиоративных работ поля заболачивались.

По представлениям шумеров земля – это местность, пересеченная каналами, и только прорытием каналов был завершен процесс мироздания.

В Западной Европе достаточно было примитивно обработать прилегающую к общинному поселению землю и засеять ее. Общинное хозяйство было самодостаточным. Земледелие не требовало дальнейшего объединения. А здесь было невозможно вести мелиоративные работы силами маленькой общины. Нужно было, чтобы кто-то объединил труд огромной массы людей,

организовал проведение мелиоративных работ. Это и привело к возникновению государственной власти. Мелиорация стала главной ее функцией. И цари городов-государств Шумера в описании своих деяний обязательно подчеркивали, что они прокладывали каналы.

Переход к государству начался с храмового хозяйства. Первым общественным сооружением, которое возводилось в поселении на холме, был храм – зиккурат. Он становился центром хозяйственной жизни.

Поскольку сохранялись общинные отношения, то существовал общественный фонд – запасы продовольствия и предметов, которые были общими для жителей селения. Естественным местом хранения этих запасов были помещения храма. Организация мелиоративных работ оказывалась также в ведении храма. Таким образом, в руках храмового персонала оказалось сосредоточено «общественное дело». И значение этого «общественного дела» определяло мощь жрецов.

Вся земля считалась собственностью бога, но та пашня, которая вводилась в оборот путем строительства мелиоративных сооружений под руководством храма, оказывалась под прямым контролем жрецов.

Впрочем, первоначально земледельческие работы не входили в состав храмового хозяйства. Земледелием занимались свободные общинники, но определенную часть урожая они должны были отдавать на содержание храма, т.е. жрецов и обслуживавшего их персонала.

Кроме этой натуральной повинности, жители селения должны были исполнять трудовую повинность, т.е. участвовать в строительных работах и работах по сооружению и содержанию в порядке мелиоративных систем.

Как уже сказано, при храме и в самом храме жили не только жрецы, но и обслуживавший их персонал: молольницы муки, пекари, повара, мастера по изготовлению одежды и украшений. Правда, ремесло в составе храмового хозяйства играло второстепенную роль.

Поскольку в храмах находились склады жизненных припасов, то при них были и «заведующие складами», которые вели учет поступления этих припасов и их расхода. Невозможно было все это держать в памяти, и в процессе этого учета рождалась письменность.

Самые ранние документы, относившиеся к концу IV тыс. до н.э., были обнаружены при раскопках города Урука. Это было еще пиктографическое письмо – условные рисунки, обозначающие тот или иной предмет или действие. Со временем рисунки становятся все более условными и перерастают в клинопись. Знаки наносились тростниковой палочкой на глиняной плитке (табличке или таблетке). Письменные знаки получались в виде клинышков. Потом табличка обжигалась.

Поскольку эти таблички возникли для учета запасов, а потом для распределения земельных участков, они отражали в основном экономическую жизнь общества. Потребность в письме была столь важной, что уже в начальный период шумерской цивилизации при храмах действовали школы писцов, причем автором учебных пособий обычно был глава храмового хозяйства – сангу.

2.2.4. ЭНСИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Между тем общинные отношения сохранялись, и кроме храма, действовал второй центр общественной жизни – совет старейшин. Такое «двоевластие» рождало определенные противоречия и привело к переходу от храмового хозяйства к энси-альному.

В общинных отношениях рождались элементы строя военной демократии. Кто-то должен был возглавлять вооруженные силы. Очевидно, их возглавлял выборный военный вождь. Известно, что власть энси первоначально была выборной. О том, что военачальником был один из жрецов, сведений нет. В Европе такие военные вожди в итоге оказывались во главе государства (например, короли франков первоначально были военными вождями).

Это происходило и в Шумере, только в условиях господства храма такой военачальник приобретал титул энси – верховного жреца и полубожественную власть, а храмовое хозяйство становилось энсиальным, или царским (энси в исторической литературе принято называть царями).

Рождение энсиальной власти раскрывается в главном эпосе шумеров – поэме о Гильгамеше. Гильгамеш – это историческое лицо, военный вождь Урука Бильгамес, живший приблизительно в 2800–2700 гг. до н.э. Гильгамеш предложил совершить военный поход на город Киш, от которого Урук находился в зависимости. Совет старейшин Урука выступил против этого похода. Тогда Гильгамеш обращается непосредственно к народу и получает согласие. Поход закончился победой и усилением власти Гильгамеша. Основное внимание историков привлекает именно конфликт между военным вождем и советом старейшин – богатейшей верхушкой города, которая и выдвигала военного вождя, военачальника. Выступая перед народом, Гильгамеш противопоставляет себя этой богатой верхушке – «тем, кто ездит на ослах».

Итак, Гильгамеш – это прежде всего военный вождь. Но клинописные источники нам ничего не говорят о том, как разрешался второй конфликт, как военные вожди подчинили себе жрецов и встали во главе храмового хозяйства. Несомненно лишь, что определенную роль в этом играла воору-

женная сила, которая стояла за его плечами, и его личные качества предводителя.

Имеет право на существование и предположение, что будущие энси – цари – выдвигались из самой храмовой администрации, из состава жрецов, но это менее вероятно. Скованные традициями действия жрецов не позволяли выдвинуться кому-либо из них в положение абсолютного владыки.

Государственность в Шумере, как уже сказано, рождается уже в конце IV тыс. до н.э. Вокруг крупных храмов возникают города – государства: Ур, Урук, Шуруппак, Лагаш, Ниппур, Эриду. Но окончательно государственная власть оформляется в III тыс. с выдвижением царей – энси.

О могуществе этой власти, о том, насколько царь возвышался над своими подданными, свидетельствуют царские захоронения, получившие у исследователей название «шахты смерти».

Захоронения остальных людей, в том числе и очень богатых и занимающих высокое положение в обществе, – это простые могилы, куда, правда, вместе с покойником помещались обиходные предметы, например, керамические сосуды и украшения.

Царские же захоронения представляли целую анфиладу выложенных кирпичом подземных помещений, где находился богатый инвентарь, золотая и серебряная посуда и украшения. Но главное – вместе с царем на тот свет отправлялось до 80 человек, которые должны были его обслуживать. Это были отнюдь не рабы, а придворные, при жизни занимавшие высокое положение. Таким же образом хоронились и члены царской семьи. В знаменитом захоронении царицы Шубад археологи обнаружили останки 68 придворных дам, имевших такие же богатые украшения, как и сама царица. Захоронения остальных людей в Шумере не сопровождались человеческими жертвами.

Как уже сказано, в это время, т.е. в середине III тыс. (26–25 вв. до н.э.), храмовое хозяйство перерастает в энсиальное, т.е. непосредственно подчиненное царю, который теперь был и главным жрецом – энси. Более того, имя божества как верховного владыки храмового хозяйства исчезает. Это хозяйство уже рассматривается как собственность энси и членов его семьи.

Но этим не исчерпывались изменения в организации хозяйства. Прежде материальным производством непосредственно занимались общины, которые лишь часть этой продукции отдавали на содержание храмов и жрецов. Храмовое хозяйство представляло лишь верхушку хозяйства города, предназначенную для обслуживания храмового персонала.

Теперь же складывается система единого государственного хозяйства, управляемого из единого центра. Энсиальное хозяйство многократно увеличивается, охватывая все отрасли, а община в организации хозяйства оттесняется на задний план.

По расчетам исследователей, в энсиальных хозяйствах было занято около трети всего населения, а в распоряжении государства находилось теперь больше половины обрабатываемой земли. Эта земля обрабатывалась работниками царского хозяйства, которые вначале назывались шуб-лугалями, а позже гурушами. Правда, был еще один термин – земледельцы, но так назывались представители администрации, которые ведали отдельными участками сельскохозяйственных работ.

Гуруши не были рабами. Это видно из того, что к этой группе относились и воины, а за свою работу в царском хозяйстве они, кроме продовольственного пайка, получали земельные наделы. Иногда исследователи их называют «свободные неполноправные», потому что они не состояли в общинах и не участвовали в общинной жизни [14, с. 36]. Как считает А. И. Тюменев, это «общинники, вовлеченные в царское хозяйство» [11, с. 422].

2.2.5. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛО

Вся энсиальная земля делилась на три части. Одна часть обрабатывалась отрядами шуб-лугалей, или гурушей, и продукция этих полей шла на государственные склады. Другая часть называлась «земля кормления» и распределялась между представителями царского персонала, в том числе гурушами, составляя, в сущности, часть заработной платы. Такие участки получали не только рядовые работники, но и представители администрации. Третья часть, «земля возделывания», раздавалась участками всем желающим за уплату долей урожая.

Техника сельского хозяйства совершенствовалась. Уже в конце IV тыс. мотыжное земледелие сменяется пахотным. Появляется плуг, точнее соха, которая взрыхляла землю. Более того, это пахотное орудие было снабжено специальной воронкой, через которую пахота засеивалась зерном. Пахали на ослах, реже на быках. Лошадей у шумерцев пока не было. В пахоте участвовало три человека: один погонял ослов, второй направлял соху, а третий сыпал в воронку посевное зерно. Очевидно, это было не очень удобно.

В шумерской поэме III тыс. до н.э. плуг и мотыга спорят, кто из них важнее. Побеждает мотыга. Именно она прокладывает каналы, проводит все работы по осушению и орошению полей, а это было важнее взрыхления почвы.

Сеяли ячмень, полбу, дурру (вид сорго), пшеницу сеяли редко и мало. Важное место занимали плантации финиковой пальмы, которая считалась священным деревом. Финиковая пальма выращивалась не только для получения фиников, но и древесины – ценного строительного материала.

В составе государственного хозяйства было и скотоводство, причем нередко очень специализированное: в ведении отдельных пастухов находились, например, ослиные матки и молодые бычки.

Главным в прогрессе сельскохозяйственной техники было не появление пахотного орудия, а совершенствование мелиорации. Поэтому-то мотыга в споре и победила плуг. Первоначально использовались многочисленные естественные протоки Евфрата и Тигра, а потом стали прокладывать искусственные каналы, покрывшие всю территорию Шумера, и каждый царь – энси, перечисляя свои заслуги, выделял эту сторону своей деятельности.

Но в строительстве каналов, в мелиоративных работах персонал энсиального хозяйства, шуб-лугали и гуруши, не участвовал. Эти работы проводились под руководством администраторов энсиального хозяйства крестьянами-общинниками, для которых это было важнейшей государственной повинностью.

Второй государственной повинностью общинников были строительные работы. Строились все более крупные храмы, дворцы правителей, города теперь обносились крепостными стенами, но и в этих строительных работах персонал царского хозяйства не участвовал. Эти работы тоже велись руками общинников.

А поскольку мелиоративные и строительные работы производились по инициативе государства и под руководством энсиальных инженеров и администраторов, то централизованное государственное хозяйство охватило и труд общинников, которые формально в состав этого хозяйства не входили.

В энсиальном, т.е. государственном хозяйстве трудились и ремесленники: столяры, кузнецы, кожевники, портные, пекари. Важное место занимало изготовление изделий из тростника. Поскольку дерево было дефицитным материалом, из тростника изготавливались корзины для хранения продуктов и документов, циновки, которые использовались и для погребения покойников, а первоначально – суда. Довольно крупными были хлебопекарни. В одной из них на выпечку хлеба за два месяца была использована тысяча гур (200 т) муки.

Ремесленники относились к все тому же сословию гурушей, обеспечивались продовольствием и получали земельные наделы, игравшие роль приусадебных хозяйств. В этом отношении не было разницы между людьми, занятыми в сельском хозяйстве и ремесле.

Натуральное довольствие в среднем составляло 60 сил (36 кг) зерна в месяц для мужчин и 30 сил (18 кг) для женщин. В некоторых случаях зерно заменялось хлебом. Это дополнялось небольшим количеством растительного масла и фиников. Административный персонал и квалифицированные работники получали снабжение «по отдельным табличкам» (по особым

спискам), т.е. по повышенным нормам. Кроме продовольствия, работники государственного хозяйства получали некоторые предметы потребления, например, шерсть на одежду.

Кроме этих натуральных выдач, работники государственного хозяйства получали от государства наделы земли. Обычный надел составлял от 1]3 бура до 1 бура (от 2 до 6 га). Вместе с наделом давалось зерно для посева, сельскохозяйственные орудия и рабочий скот (обычно ослы).

Ремесленники получали сырье и материалы с государственных складов и на склады сдавали готовую продукцию. Существовали строгие нормы выработки, в соответствии с которыми использовался даже специальный термин – «человеко-день». Он отличался от знакомого нам трудодня именно тем, что труд был нормирован, и человеко-день соответствовал определенному объему работы, которую следовало выполнить. Например, на изготовление судна вместимостью в 60 гур (7,5 т) требовалось затратить 900 человеко-дней.

Система учета и отчетности была доведена до такой степени, что проводились контрольные ревизии – проверка соответствия отчетов низших руководителей реальному положению дел. Такие контрольные акты сохранились в архивах глиняных табличек.

Рабочий персонал энсиального хозяйства делился на две группы: людей, которые обслуживали общие потребности хозяйства, и людей, обслуживавших энси и членов его семьи. Наивысшего развития достигли отрасли ремесла для обслуживания царской семьи и придворных: ювелирное дело, деревообработка, изготовление музыкальных инструментов и т.п.

В конце III тыс. до н.э., в период так называемой третьей династии Ура (22–21 вв. до н.э.), когда цари Ура практически объединили весь Шумер, подчинив энси других городов, централизация государственного хозяйства еще усиливается. В сфере ремесла это выражалось в появлении крупных мастерских. В самом Уре было 8 таких мастерских: кожевенных, столярных, кузнечных, по изготовлению тканей и одежды. Прекращается выделение ремесленникам наделов для удовлетворения их личных потребностей: теперь они переводятся на полное обеспечение со стороны государства.

По мере развития ремесла усиливался торговый обмен между городами и с окружавшими Шумер народами. Но и этот обмен был в основном тоже в руках государства. Этим занимались государственные торговые агенты – дамгары. В качестве мерил стоимости сначала использовались скот и зерно, а затем металлические слитки. До денег шумеры еще не додумались.

Для управления этим хозяйством был необходим огромный государственный аппарат. Чиновники этого аппарата составляли теперь новую, служилую знать, противостоявшую старой родовой знати. Эти чиновники

обычно были выходцами из тех же гурушей и по своему правовому положению были «свободными неполноправными», т.е. полностью зависимыми от воли царя. Чиновниками теперь практически становились и жрецы, и даже энси зависимых городов. Естественно, как представители верховной власти, они имели существенные привилегии по сравнению с остальным населением.

Итак, основную часть людей, занятых в материальном производстве Шумера, составляли свободные общинники и государственные работники – гуруши. Статус гуруша настолько отличался от статуса раба, что гуруш мог стать и государственным администратором. Рабы составляли незначительную долю занятых и лишь в некоторых отраслях хозяйства, причем не столько рабы, сколько рабыни. Например, текстильным производством (прядением шерсти) занимались именно рабыни. Уже в самых ранних надписях, в период складывания шумерской цивилизации, упоминаются рабыни под названием «женщины горной страны»: очевидно, основным источников поступления рабов были военные столкновения с горным Эламом и захват пленных.

Шумерские законы отнюдь не исключали рабовладения. Отцу разрешалось продавать в рабство своих детей, и дочерей часто продавали в рабство. Цена раба составляла 14–20 шекелей серебром (117–168 г серебра) [1, с. 47–48]. Но, как уже сказано, их удельный вес в материальном производстве был незначителен

Это и понятно. Натуральное хозяйство крестьянина-общинника велось трудом семьи, а в государственном хозяйстве было выгоднее использовать даровой труд населения. Ведь раба тоже надо было содержать. И рабы постепенно растворялись в общей массе персонала.

2.2.6. БЫТ

Материалы археологических раскопок и клинописных архивов позволяют восстановить картину быта рядового шумерца

Прежде всего, отметим, что это горожанин. О деревнях Шумера ничего неизвестно. Да и были ли они, эти деревни? В ранний период истории Шумера низменность – это регулярно заливаемое болото. Селиться можно было только на холмах – возвышенностях. Но именно на этих возвышенностях строились храмы – зиккураты, а вокруг них – города. А когда потом низменность пересекла сетка каналов, это была храмовая земля, и селиться здесь, среди орошаемых полей было, очевидно, не принято.

Центром города было окруженное крепостной стеной самое высокое место, где располагался храм, царский дворец, а также хозяйственные и жилые

постройки храма и царского хозяйства. Позже стеной обносилась и остальная часть города. Гильгамеш (Бильгамес), в частности, прославился и тем, что обнес стеной протяженностью в 10 км весь город Урук.

В шумерских городах не было прямых улиц. Это были, в сущности, не улицы, а произвольные проходы между домами. Они не мостились, а так как почва была глинистой, то в дождливую погоду это была непролазная грязь. Дома не имели окон, поэтому улица представляла собой проход между однообразных глухих стен.

Дома строились из обожженного кирпича. С улицы в дом вела небольшая дверь, узкий проход от которой вел во внутренний дворик, и в этом проходе ставился сосуд с водой, чтобы входящий мог обмыть ноги от уличной грязи.

Внутренний дворик был вымощен кирпичом, с наклоном к середине, где находился водосток. Вокруг этого дворика и располагались отдельные помещения – комнаты. Как мы видим, здесь уже была заложена схема античных домов с внутренним двориком – атрием.

Предполагается, что основная жизнь протекала не в темных комнатах, а в дворике и на плоской крыше.

В древнейший период, в IV тыс. до н.э., дома были одноэтажными, но позже, в эллинистический период, они становятся двухэтажными. На первом этаже располагались кухня, хозяйственные помещения, а жили хозяева на втором этаже. По реконструкции этот второй этаж имел галерею, окружавшую внутренний дворик. Никакой мебели, столов, стульев в этих домах не было. Меблировка сводилась к сундукам-корзинам для хранения одежды, циновкам-коврикам и подушкам.

В некоторых домах были мастерские: при раскопках там были найдены соответствующие инструменты и множество заготовок. В «доме учителя» при раскопках Ура было обнаружено много учебных табличек. Были также обнаружены харчевня, постоялый двор, где часть комнат нижнего этажа была оборудована под стойла, а другая часть – под комнаты для постояльцев [3, с. 184–192; 13, с. 254].

Пищу хозяев этих домов составляли ячменный чурек и ячменная каша с кунжутным маслом и растительными приправами, финики.

Города были довольно крупными. Население Большого Ура в период его расцвета, т.е. города с пригородами, достигало 250 тыс. человек [3, с. 199].

2.2.7. ОБЪЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ

Как уже сказано, опорой выдвижения царей-энси, позволившей им одержать победу и над жрецами, и над общинной аристократией, была армия. Что из себя представляло войско шумеров?

Первоначально это было народное общинное ополчение. Каждый член общины был воином-защитником. Народное собрание состояло из воинов, выбиравших и военного вождя. Как и повсеместно, эти воины сами обеспечивали себя вооружением и боевым снаряжением: шлем, копье, войлочный плащ с нашитыми металлическими бляхами. Лук в боевых действиях не применялся, он использовался только для охоты. Поскольку эти воины занимались в основном сельским хозяйством, их боевая выучка была довольно примитивной.

По мере выдвижения военной верхушки на первый план выходит новый род войска – боевые колесницы. Знатный воин воевал на колеснице, запряженной ослами или мулами и снабженной «рогами» – выдвинутыми вперед остриями для поражения врагов. Вооружение такого воина составляли тоже копье или дротики.

При переходе к энциальному строю создается регулярное войско. Комплектуется оно из людей энциального хозяйства. Эти люди находятся на полном государственном содержании: им выдается продовольствие и жизненные припасы, за ними закрепляются участки земли, как и за другими гурушами. В документах указывается, что эти профессиональные воины, численность которых иногда доходила до нескольких тысяч, «ежедневно кормились» перед лицом царя.

Действовали они уже строем. Копейщики щитов не имели, но перед ними стояла линия щитоносцев с тяжелыми четырехугольными щитами. Не только легковооруженное общинное ополчение, но и колесницы аристократов теперь отходят на задний план. Наконец, при Саргоне, т.е. в конце III тыс. до н.э., в войско вводятся отряды лучников.

Сам характер развития хозяйства Шумера требовал объединения страны в одно государство. Чтобы мелиоративные системы, системы каналов отдельных городов достигли максимальной эффективности, надо было их связать в единую сеть. Очевидно, это и было главным стимулом попыток объединения Шумера. Такие попытки делались правителями Ура, Лагаша и других городов. Но объединение оказывалось очень кратковременным и непрочным. Победенные энси номинально признавали господство победителя, но сохраняли свою самостоятельность.

Последняя такая попытка была сделана правителем Уммы Лугальзагеси. Он в XXIV в. до н.э. одержал победу над энси других городов, перенес свою резиденцию в Урук и принял титул царя Шумера. Но и это объединение

было, в сущности, конфедерацией самостоятельных государств. Лугальзагеси правил 25 лет, после чего был побежден Саргоном.

Саргон, по преданию, был приемным сыном водоноса, садовником, потом служилым человеком царя города Киша. Очевидно, он обладал незаурядными способностями, потому что за короткое время захватил власть не только в Кише, но и во всем Аккаде, увеличил свое войско до 5400 человек, завоевал Шумер и значительную часть северной Месопотамии. В сущности, это было объединение Месопотамии в одно государство. Под его руководством мелиоративные системы отдельных городов слились в единую ирригационную сеть.

Саргон и его наследники правили с XXIV по XXII вв. до н.э., а затем страна была завоевана горным племенем кутиев. Кутии, впрочем, не стали разорять страну. Они опирались на прежних правителей – энси и на жрецов, получая с них дань. Страна опять раздробилась на мелкие города-государства. Как это обычно происходит при взаимодействии культур разных уровней, кутии стали ассимилироваться в шумерском обществе, теряя свои первоначальные бойцовские качества.

Господство кутиев продолжалось около ста лет, после чего они были разбиты объединенными силами городов Ура и Урука.

После кутиев страна была снова объединена под руководством третьей династии Ура. В период правления этой династии (XXII–XXI вв. до н.э.) экономика и культура Шумера достигают наивысшего расцвета.

Наконец в 1737 г. до н.э. Вавилон «разрушил стены Ура», и на этом история Шумера закончилась. Шумер стал составной частью Вавилонского государства, шумерский язык был вытеснен вавилонским, и глиняные таблички теперь составлялись не на шумерском, а на вавилонском языке.

* * *

Итак, история Шумера – это история страны типичного восточного пути развития, «азиатского способа производства». Особенности этого пути здесь больше чем где бы то ни было определялись необходимостью создания ирригационно-мелиоративной сети, вызвавшей ранее возникновение государства и обеспечившей высокий прибавочный продукт, необходимый для развития цивилизации.

Хозяйство Шумера развивалось как централизованное государственное хозяйство со строгой системой учета и отчетности и огромным слоем людей, непосредственно работавших на государство и получавших содержание от государства. Именно необходимость учета и породила здесь ранее возникновение письменности.

Люди «неполноправные», т.е. находившиеся на государственной службе, подчинявшиеся строгому регламенту и получавшие государственное обеспечение, занимали здесь более высокое положение в обществе, чем «свободные» общинники.

А вот еще один элемент «азиатского способа производства» – сохранение общины и общинных отношений – здесь проявлялся сравнительно слабо. Государство здесь не стало объединением общин. Государственное хозяйство выросло из храмового, жреческого. Все более расширяясь, оно сокращало прерогативу общинных порядков и подчиняло общину, вовлекая ее в сферу государственного хозяйства. Ведь именно «свободные» общинники строили ирригационные сооружения, храмы и дворцы под руководством государственных инженеров и администраторов.

В этих условиях частная собственность и частное предпринимательство могли существовать лишь на задворках этой системы. Были мелкие торговцы, владельцы харчевен и постоянных дворов, но они лишь дополняли государственную систему, заполняя ниши вне государственного хозяйства. Выполняя определенные административные или производственные функции на службе государству и находясь на государственном обеспечении, человек чувствовал себя надежно и комфортно.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980.
3. Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
4. Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
5. История Древнего Востока. М., 1988.
6. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
7. Массой В. М. Эпоха первых цивилизаций // Вопросы истории. 1986. № 3.
8. Массой В. М. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке // Вопросы истории. 1967. № 5.
9. Мелларт Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
10. Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
11. Тюменев А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.-Л., 1956.
12. Церен Э. Библейские холмы. М., 1966.
13. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
14. Шиллюк Н. Ф. Древний Восток. Свердловск, 1991.
15. Эпос в Гильгамеше. М., 1961.

2.3. Вавилон

2.3.1. АССИМИЛЯЦИЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Тот Вавилон, о котором мы знаем из Библии, Вавилон На-вуходонносора и Валтасара, вавилонского столпотворения и вавилонского плена иудеев, это лишь самый конец многовековой истории этого города-государства.

Особенности его экономического развития определялись двумя факторами. Во-первых, тем, что это государство было прямым наследником Шумера, шумерской культуры и сети ме-лиоративно-ирригационных каналов. Во-вторых, тем, что Вавилон находился на пересечении торговых путей, водных и сухопутных, между Средиземным и Индийским морями. Это был главный торговый центр Ближнего Востока.

Он притягивал не только купцов, но и кочевников, и воинственные племена, находившиеся на стадии военной демократии. Поэтому история Вавилона – это история того, как его многократно завоевывали эти воинственные дикие племена, которые здесь переставали быть воинственными и дикими.

Первый период истории Вавилона – это период аморейской династии.

Амореи – это семитское скотоводческое племя. Они пасли скот в степях, расположенных к востоку от Месопотамии, и, как говорится в клинописных источниках, «не знали ни домов, ни городов». Столкнувшись с земледельческой культурой Месопотамии, воинственные кочевники стали перенимать оседлый образ жизни, а их вожди захватывали власть в некоторых городах. Так и город Вавилон в 1894 г. до н.э. оказался под властью аморейской династии. Из царей этой династии особенно прославился Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), который объединил под своей властью почти всю Месопотамию.

Но наиболее прославился этот царь не завоевательными войнами и даже не действиями по восстановлению и развитию ирригационной системы, а составлением свода законов из 232 статей, охватывавших все стороны жизни населения Вавилонии. Как уже говорилось, в основу кодекса были положены шумерские законы, но теперь они были приведены в систему и дополнены в связи с изменениями в экономике страны. Именно законы Хаммурапи позволяют нам детально восстановить экономическую жизнь государства в этот период.

Наследники Хаммурапи правили еще 200 лет. В 1595 г. до н.э. Вавилон был разграблен хеттами, а затем захвачен горными племенами касситов. После этого все повторяется: касситы ассимилируются, перенимают культуру и обычаи местного населения. Сначала вожди этого народа ведут себя как

завоеватели, устанавливая власть в отдельных городах, а затем цари касситской династии начинают проводить такую же политику укрепления хозяйства страны, какую до них проводили цари аморейской династии. Правила они более 400 лет, и в XIV в. до н.э. начался даже новый экономический подъем Вавилонии.

Касситская династия прекратилась в 1176 г. до н.э. На этот раз страну захватили соседи – эламиты. Госодство Элама, впрочем, продолжалось недолго. Вавилонский царь Навуходоносор I (1126–1105 гг. до н.э.) разгромил эламитов и даже на короткое время подчинил Ассирию.

Длительное время продолжалась борьба между Ассирией и Вавилоном за господство в Месопотамии. В 729 г. до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, и на столетие (с 729 по 626 гг. до н.э.). Вавилон стал частью Ассирийского государства.

В отличие от прежних завоевателей ассирийцы были народом, близким вавилонянам по культуре и даже по религии. Вавилон был для ассирийцев священным городом. В правящей верхушке Ассирии за власть боролись две группировки – ассирийская и вавилонская, а некоторые ассирийские цари короновались в Вавилоне как вавилонские. В сущности, это было Ассиро-Вавилонское государство. Но продолжалась борьба двух центров, и иногда Вавилон подвергался опустошительному разрушению.

Между тем с конца IV тыс. до н.э. на Месопотамию стала надвигаться новая волна кочевников-скотоводов. Это были халдеи. У них сохранялись еще родо-племенные отношения. Государства у халдеев не было, каждый вождь племени действовал самостоятельно. Но и халдеи в Месопотамии постепенно ассимилировались, а их вожди оказывались даже в составе правящей верхушки Ассирии.

В 626 г. до н.э. ассирийский военачальник, родом халдей, перешел на сторону Вавилона и основал халдейскую династию (626–556 гг. до н.э.). В период правления этой династии Вавилон достиг небывалого расцвета и могущества.

Халдейский Вавилон – это Вавилон Библии. Вавилонский царь Навуходоносор II дважды разгромил Иерусалим, переселив в Вавилонию верхушку иудейского общества и превратив Иудею в провинцию вавилонской державы.

В 556 г. до н.э. халдейская династия прекратилась. В результате развернувшейся борьбы за престол царем стал Набонид, представитель арамейского племени. Он перенес центр государства в Аравию, а наместником в Вавилоне поставил своего сына Белшаруцура (библейский Валтасар).

История Вавилона кончается в 539 г. до н.э., когда персидский царь Кир захватил этот город и присоединил к державе Ахеменидов.

Итак, за полтора тысячелетия своей истории Вавилон неоднократно завоевывался племенами, находившимися на стадии первобытно-общинного

стройка, а точнее – на стадии военной демократии, когда уже выделились военные вожди племен. Этой стадии, как известно, присуща особая воинственность. Оказать достойное сопротивление этим воинственным завоевателям изнеженные, «окультуренные» вавилоняне оказывались не в состоянии. Но каждый раз повторялось одно и то же: воинственные, дикие завоеватели ассимилировались, растворялись среди местного населения, перенимали у него культуру и обычаи, и имя народа-завоевателя сохранялось только в названии очередной династии: аморейской, касситской, халдейской. В конечном итоге Вавилон оставался Вавилоном.

2.3.2. РАСПАД ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И АРЕНДА

В первый период процветания Вавилона, период Хаммурапи, централизованного государственного хозяйства уже не было. Не было объединенных в трудовые отряды государственных работников – гурушей, исчезли крупные государственные мастерские.

Правда, государству в лице царя принадлежало 30–50% земли, но эта земля уже не обрабатывалась трудом государственных работников. Часть земли передавалась в пользование представителям огромного бюрократического аппарата в качестве платы за службу. Земельные наделы получали за службу и воины. Остальная земля сдавалась практически в аренду «приносящим доход». Это были люди, получавшие участки государственной земли за определенную плату. Такой способ использования земли был проще и экономичнее организации государственных работ, поскольку основывался на использовании материальной заинтересованности и не требовал армии надсмотрщиков. Таким же образом использовались земли храмов, которые тоже входили в состав государственного земельного фонда.

В сущности, это были арендные отношения. Более того, богатые люди арендовали государственную землю крупными участками, чтобы делить ее и в свою очередь сдавать в аренду мелким хозяевам для непосредственной обработки. Государственные чиновники, получавшие землю в качестве платы за службу, тоже делили ее на мелкие участки и сдавали в аренду. Такой чиновник имел право продать свой земельный участок, только к покупателю переходила и обязанность нести государственную службу.

Законы Хаммурапи ограничивали продажу общинной земли, а это значит, что подобная практика была уже довольно распространенной. Но эта практика не соответствовала общинным отношениям. Община распадалась. Территориальная община (деревня за пределами города или городской квар-

тал) практически превратилась в административную единицу. Сохранился совет старейшин, но он возглавлялся теперь представителем царя, а важнейшие судебные функции были переданы назначенным царем судьям.

Основные ирригационные работы выполняли общинники, но и в этом возрастала роль частных хозяев. По законам Хаммурапи, если кто-то не доглядит за состоянием ирригационных сооружений на своей земле и от этого пострадают соседи, виновный обязан возместить им ущерб.

И все же ослабление централизованного управления ирригационными работами вело к упадку этой системы. Использовалось лишь то, что осталось от прежних времен. Во II тыс. до н.э. началось засоление почв и урожайность упала в три раза.

Итак, в чем заключались изменения в экономике по сравнению с шумерскими временами? Централизованное государственное хозяйство распалось, община превратилась в административную ячейку государства, в инструмент для сбора налогов. В противовес государственной собственности на землю стала развиваться частная собственность: землю, которую можно сдать в аренду и продать, уже нельзя назвать общественной собственностью.

Существенным изменением в социальной структуре общества стало расширение рабовладельческих отношений. Сходит на нет патриархальное рабство. Если раньше продажа детей в рабство считалась нормой, и выход дочери замуж означал продажу ее жениху, то теперь, наоборот, жених получал с невестой приданое от ее отца. Законы Хаммурапи ограничили кабальное рабство. Если прежде несостоятельный должник становился рабом кредитора, то теперь долг отрабатывал не сам должник, а члены его семьи, причем только в течение трех лет.

Но численность рабов, приобретенных путем покупки у иноземцев или захвата пленных, существенно возросла. Рабский труд стал широко использоваться в мелких хозяйствах. Это оказывалось достаточно выгодным, потому что не требовались надсмотрщики: находясь рядом с хозяином, раб не мог отлынивать от работы. Семья среднего достатка обычно имела от 3 до 6 рабов. Не иметь рабов считалось признаком бедности.

В правовом отношении население страны делилось на три категории: авилум, мушкенум и вардум. Вардум – это рабы. Они тоже имели некоторые права. Рабу разрешалось иметь свое имущество, вступать в брак со свободной женщиной, причем дети от этого брака считались свободными. Авилум – свободный полноправный человек, мушкенум – государственный служащий. Если в Шумере государственные служащие были господствующей группой населения, то по законам Хаммурапи их правовой статус был ограничен. Если за членовредительство ави-лума полагалось наказание по принципу талиона («око за око, зуб за зуб»), то наказанием за членовредительство мушкенума

был денежный штраф. Это кажется странным: ведь и при Хаммурапи государственные чиновники обладали повышенными правами, и простые люди от них зависели. Очевидно, здесь имело значение то обстоятельство, что для членов общин сохранялись традиционные архаичные нормы, а для царских слуг устанавливались новые нормы, более соответствующие товарно-денежным отношениям.

В VI–IV вв. до н.э. все эти процессы получают дальнейшее развитие. Царь теперь – лишь один из крупных землевладельцев, и даже не самый крупный. Он использует свою землю, как и другие, путем сдачи ее в аренду. Таким же образом используется и храмовая земля. Значительная часть этой земли была разобрана жрецами, которые платили храму арендную плату и уже от себя сдавали мелким арендаторам.

Когда земля сдавалась мелким хозяевам, практиковалось два вида арендной платы: или арендатор ежегодно платил оговоренную сумму, или отдавал хозяину земли треть урожая.

Земли крупных частных владельцев нередко формировались путем скупки владений мелких хозяев (или их закабаления), поэтому были разбросаны по разным частям страны.

Итак, земельный фонд страны теперь состоял из отдельных владений разного происхождения, и правовая разница между этими владениями постепенно стиралась. Правда, существовали «общие» земли – болота, пастбища, дороги, каналы, но это были не царские, а общегосударственные земли.

Главными статьями доходов государства и храмов были налоги, которые теперь собирались в денежной форме, и церковная десятина. Оставалась и государственная трудовая повинность по прокладке каналов и строительству, в которой должно было принимать участие все население. Но от этой повинности можно было откупиться, наняв вместо себя другого человека или просто заплатив определенную сумму денег. Продавалось и покупалось все: земли, сады, административные должности и должности жрецов.

А в конечном итоге непосредственными производителями были мелкие хозяева на небольших участках земли, собственных или арендованных. Размер этих участков колебался от 1/3 до нескольких га и располагались они обычно полосами вдоль арыков.

В прежние времена Тигр и Евфрат во время разливов приносили на поля массу плодородного ила. По мере развития мелиоративной системы такое естественное удобрение полей сходило на нет. Чтобы сберечь плодородие земли, теперь приходилось переходить к двухпольному севообороту, а иногда засевать лишь треть земли. В крупных хозяйствах, где практиковалось стойловое содержание скота, могли удобрять землю навозом, но в мелких хозяйствах такого источника удобрений не было. Это диктовало необхо-

димось интенсификации земледелия, перехода к садово-огородным культурам.

Но именно для мелких хозяйств это часто было невозможно. Финиковая пальма, как и другие садовые культуры, первые годы после посадки не дает плодов. Чтобы перебиться в переходный период, надо было залезать в долги, а это вело к ростовщическому закабалению и разорению.

К тому же происходило парцеллирование хозяйств – дробление их при передаче по наследству.

Все это способствовало развитию ростовщичества и субаренды. В одних случаях богат арендовал у храма или государства большой участок земли, чтобы его раздробить и сдать в аренду мелким хозяевам, конечно, за более дорогую плату. В других случаях закабаленные крестьяне превращались из собственников в арендаторов своих хозяйств.

А техника сельского хозяйства оставалась на том же уровне, что и в Шумере. Правда, теперь здесь появились лошади, но они использовались только на войне. А пахали теперь не столько на осле, сколько на волах и даже козлах.

В этот поздний период истории Вавилона дальнейшее распространение получили рабовладельческие отношения, причем все чаще эксплуатация рабов приобретала форму римского пекулия: раб вел самостоятельное хозяйство, лишь часть доходов отдавая рабовладельцу. Рабы арендовали участки земли, иногда у своих же хозяев, владели ремесленными мастерскими, торговыми заведениями. Вспомним, однако, что в античном мире пекулии были одним из главных признаков разложения рабовладельческого строя.

Особенности экономического развития Вавилона определялись все большим расширением сферы товарно-денежных отношений. Поскольку Вавилон находился на пересечении водных и сухопутных дорог, торговля между Западом и Востоком шла через этот город. Вавилон стал экономическим центром Ближнего Востока. Это и было главной причиной роста товарно-денежных отношений и продвижения на Восток экономических моделей Запада.

2.3.3. ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

Поскольку Вавилон был международным торговым центром, в обращении здесь были монеты разных государств. Поэтому вавилоняне, не обращая внимания на номинал монет, принимали их по весу содержащегося золота и серебра.

Огромные масштабы приобрело ростовщичество, появились банки на уровне банков поздней Римской империи и даже торгово-ростовщические

дома. Наиболее известными среди них были дома «Сыновей Эшби» и «Сыновей Мурашу». Такие дома действовали не только в сфере международной торговли, но и в земледелии, выступая посредниками между крупными землевладельцами и арендаторами и налаживая рациональное ведение сельского хозяйства.

С развитием торговли развивалось и ремесло. Новым здесь было распространение производства железных орудий, несмотря на то что железо было привозным. В недрах страны уже обнаружили нефть, и даже современное слово «нефть» происходит от вавилонского «напту». Но нефть пока использовалась только для заправки светильников, а битум – в качестве раствора при кладке кирпича.

Дерево по-прежнему оставалось дорогим привозным материалом, поэтому его экономили и старались заменять чем-нибудь другим. Геродот писал: «Вавилонские суда... целиком сделаны из кожи» [2, с. 142]. Например, распространенным видом судов был келек – плот на кожаных бурдюках, наполненных воздухом. Такие бурдюки использовали для переправы через водные преграды, входили они и в состав снаряжения воинов.

Ткани, как и в Шумере, здесь первоначально готовились только из шерсти. Льняные ткани получают распространение только с VII в. до н.э. Впрочем, вавилонские ткачи готовили не ткани, а сразу готовые изделия – одежду, покрывала, скатерти. Ткачество было домашним занятием, составной частью натурального хозяйства. Но с VII в. до н.э. покрой одежды усложнился, и богатых людей теперь уже не удовлетворяла примитивная одежда домашнего изготовления. Появились профессиональные портные.

В VI–IV вв. до н.э. Вавилон был огромным городом. Его территория достигала 10 кв. км, а численность населения – до полмиллиона. По тому времени это был мегаполис.

Центром города была Эсагила – зиккурат главного бога вавилонян Мардука высотой в 21 метр. Современникам эта башня казалась чудом. Такие башни возводились для связи с небом, с богами, для усиления покровительства богов. И у пленных иудеев строительство этого сооружения в сочетании с конгломератом многоязычного населения Вавилона, в значительной степени пришло и временного, породило легенду о «вавилонском столпотворении».

Здесь же находился огромный дворцовый комплекс, где было сосредоточено управление государством. В состав этого комплекса входили и знаменитые «висячие сады», создание которых потом приписывалось ассирийской царице Шаммура-мат (Семирамиде). В действительности, как считали сами вавилоняне, «висячие сады» были построены для жены Навуходоносора, родом из Мидии, которая скучала по родным горам. На арочных сводах были

построены террасы, насыпана земля, организовано орошение и насажены деревья. Сады возвышались над главным входом в город – воротами Иштар. Город был окружен двумя крепостными стенами высотой в 8 и 11–14 м.

Жители города занимались не только ремеслом и торговлей, но и сельским хозяйством. Городские районы, населенные земледельцами, считались деревнями.

«Сам город, – писал Геродот, – полон трех- и четырехэтажными домами и пересекается прямыми улицами» [2, с. 178]. Восемь широких проспектов, мощенных камнем, вели к городским воротам. В сторону от них отходили переулки и тупички. Они были не столь парадными, как главные улицы, но почва состояла из многовекового наслоения строительного мусора, обломков кирпичей, черепков и была плотно утрамбована, поэтому топкой грязи, как в городах Шумера, здесь не было.

Геродот говорит о трех- и четырехэтажных домах, каких не было в Шумере. Но на улицу они по-прежнему выходили глухими стенами, а внутренние помещения были открыты во внутренний дворик или дворики, которых могло быть несколько.

Появилась мебель – столы и стулья, и на изображениях того времени мы видим пирующих за столами людей.

Теперь в Вавилоне было много доходных домов, которые сдавались в наем под жилье. Например, семья Эшби имела в городе 44 дома.

Вавилон был городом приезжих, людей, которые приезжали сюда по торговым и иным делам. Поэтому здесь было много постоялых дворов, харчевен, публичных домов. Значительную часть этих заведений содержали рабы на правах пекулиев.

* * *

Можно ли отнести Вавилон к странам «азиатского способа производства»? Один из признаков этого способа производства – сохранение общины и общинных отношений внутри государства. Но община здесь превратилась в административную ячейку, через которую собирались налоги и распределялась государственная трудовая повинность. Строго говоря, это уже не была община. Общинные наделы закладывались ростовщикам, продавались и покупались, и разница между хозяйством общинника и человека, имевшего землю на правах частной собственности, постепенно исчезала.

Для стран «азиатского способа» характерна не просто общинная, а общинно-государственная собственность на землю: государство – верховный собственник всей, в том числе и общинной земли. В Шумере и Вавилоне

времен Хаммурапи эти два вида собственности были разделены. Но государственная, т.е. царская и храмовая земля стала делиться между сановниками государства и жрецами, давалась за службу и постепенно закреплялась за владельцами в частную собственность. Уже сам принцип аренды земли, который стал всеохватывающим в Вавилоне, не соответствовал статусу общественной собственности на землю.

Общественная трудовая повинность, характерная для «азиатского способа», сохранялась: без этого было невозможно поддерживать в рабочем состоянии ирригационную систему и возводить зиккураты. Но если в Шумере этим занимались только общинники, то в Вавилоне трудовая повинность распространялась на все население, причем от нее можно было откупиться.

Централизованное государственное хозяйство, достигшее высшего развития в Шумере, в Вавилоне исчезло. Источником доходов правящей верхушки здесь служили налоги, храмовая десятина и арендная плата с государственных и храмовых земель.

В странах «азиатского способа» рабы не составляли основную производительную силу общества. Материальным производством занимались в основном не рабы. В Вавилоне производство находилось в руках мелких хозяев, которые не являлись и не считались рабами. Рабовладельческие отношения усиливаются к концу истории Вавилона, но сразу вступают с стадию кризиса рабовладельческой системы, стадию пекулиев и колоната.

А была ли здесь «восточная деспотия», т.е. бесправие жителей страны перед лицом государства (царя)? Как отмечают некоторые исследователи, цари Вавилона не были юридически даже монархами [2, с. 31]. Царь ежегодно перед верхушкой вавилонского общества должен был заново доказывать свое право на престол. И смена правителей происходила в значительной степени под давлением этой верхушки.

Итак, здесь распалась община и государственное хозяйство, общественная собственность на землю переросла в частную: если земля арендовалась, продавалась и покупалась, это уже нельзя было назвать общественной собственностью. Правда, материальным производством здесь, как и в других странах Востока, занимались в основном не рабы, а мелкие хозяева, и оставалась государственная трудовая повинность, без которой нельзя было обойтись в условиях ирригации.

Почему здесь сохранились лишь отдельные элементы «азиатского способа»? Потому что Вавилон был торговым центром Ближнего Востока и здесь стали рано развиваться товарно-денежные отношения. Земля обычно становится товаром лишь в конце перехода к рынку, а здесь аренда и купля-продажа земли практиковалась на протяжении почти всей истории Вавилона. Здесь покупались даже должности высших сановников и жрецов.

Способствовала развитию новых экономических отношений и многократная смена династий. Когда страну завоевывали дикие племена, нарушалась стабильность, прерывались традиции. При восстановлении хозяйства после разрушений некоторые процессы начинались с «чистого листа», попадая под влияние новых рыночных отношений.

Вавилон – это открытое общество, это смесь народов, смесь обычаев, смесь норм экономической практики. В этом противоречивом конгломерате неизбежно должны были побеждать наиболее прогрессивные явления. Победил рынок.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Беляевский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.
3. Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. М., 1974.
4. История Древнего Востока. М., 1988.
5. Кленгель-Брандт Э. Путешествие в Древний Вавилон. М., 1979.
6. Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
7. Мелларт Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
8. Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
9. Шиллюк Н. Ф. Древний Восток. Свердловск, 1991.

2.4. Ассирия

Ассирия занимала особое место среди стран Востока. Это было военно-паразитическое государство, которое существовало за счет ограбления и эксплуатации завоеванных стран. Поэтому для Ассирии было характерно непомерное развитие военно-государственной машины, на обслуживание которой была поставлена вся экономика.

С агрессивным характером этого государства была связана и садистская жестокость вавилонских владык по отношению к побежденным, необычная даже для тех времен.

2.4.1. РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА. ТОРГОВАЯ, РОСТОВЩИЧЕСТВО И РАЗРУШЕНИЕ ОБЩИНЫ

В IV тыс. до н.э. в верхнем течении Тигра, как и по всей Месопотамии, рождаются города, в том числе Ашшур, по имени которого и было названо будущее государство Ассирия.

Но природные условия здесь были иными, чем в Шумере и Вавилонии. Тигр, только что вырвавшийся из горных ущелий, здесь имел стремительное течение, не затоплял местность во время разливов, принося массу плодородного ила. Здесь было трудно создать мелиоративную систему с каналами и арыками. Здесь поля получали влагу от дождей и таяния снегов. Хлеб убирали в июле, а уже в августе зной иссушал растительность, и даже в садах «сохли сочные растения».

Земля здесь была не очень плодородной, да и было ее немного: долины были стиснуты отрогами гор. Площадь пригодных для обработки земель не превышала 12 тыс. кв. км [1, с. 345]. Зато здесь были прекрасные горные пастбища, что обеспечивало значительный удельный вес скотоводства в сельском хозяйстве. Горы были богаты лесом, камнем, рудой.

Поскольку здесь не было достаточно развитой ирригационной системы с каналами и арыками, доля храмовых земель была незначительна. Земля находилась в общинной собственности и даже практиковались общинные переделы земли.

Не было пока и государства. Во главе города стоял ишши-акум – верховный жрец и военный вождь, но он был подчинен совету старейшин города, общинному органу – верхушке общинной знати. Именно этот совет старейшин руководил жизнью города.

Важное место в хозяйственной деятельности городской верхушки занимала посредническая торговля. С севера, с Кавказа и Средней Азии, через горные перевалы в Месопотамию и к берегам Средиземного моря везли на вьючных ослах лазурит, сердолик, шерсть и другие товары, а в обратном направлении – ткани и ремесленные изделия. В III тыс. до н.э. с переходом к бронзе значение этого пути возрастает, потому что только этим путем на юг поступало олово – важная часть этого сплава. Торговля оловом и была сосредоточена в руках ассирийских купцов. Дороже всех за металл платил Вавилон, это укрепляло экономические связи Ассирии и Вавилона, а ассирийская знать накапливала богатства.

Патриархальное рабство, характерное вообще для этой стадии развития общества, здесь проявлялось в особенно жесткой форме. Согласно законам XIV в. до н.э., глава семьи был неограниченным владыкой над всеми ее чле-

нами. Они, в сущности, были его рабами. За провинность муж мог отрезать уши жене. Дочери считались товаром, предназначенным для продажи, причем закон предусматривал «стоимость девушки». Эти жесткие законы, очевидно, в какой-то степени в дальнейшем способствовали проявления жестокости к побежденным.

В XIII–XII вв. до н.э. община постепенно разрушается. Начинается продажа земли, закрепление ее в частную собственность. Величина хозяйств отдельных семей теперь колеблется от 3 до 30 га. Крупные землевладельцы теперь переносят усадьбу из поселения в свои владения и строят башни для их защиты.

Но как обычно, разорение общинников происходило через ростовщичество. В отличие от законов Хаммурапи ассирийские законы не ограничивали деятельность ростовщиков. Ростовщические проценты колебались от 20 до 80% в год. Несостоятельные должники поступали в распоряжение кредитора на положение полураба для отработки долга.

Особыми формами ростовщического закабаления здесь были «оживление» и «усыновление». «Оживление», т.е. спасение от голода в трудное время, ставило «оживленного» в полную зависимость от кредитора вместе с семьей и хозяйством. Подобная практика существовала в XVI–XVII вв. и в России. «Накормленный» подписывал кабальную грамоту, т.е. практически становился крепостным.

«Усыновление» было замаскированной формой продажи земли, поскольку общинные нормы все-таки ограничивали такую продажу за пределы общины. По закону «усыновленный» попадал в зависимость к «усыновителю» вместе с хозяйством как член его семьи.

Таким образом, все больше общинной земли оказалось во владении крупных собственников, которые жили в городе и не участвовали в жизни общины. А общинные повинности раскладывались на все уменьшающееся число ее членов.

Изменения происходили и в политической сфере. Поскольку посредническая торговля играла все большую роль в экономике Ассирии, необходимым становится и укрепление политических связей с торговыми партнерами, особенно с Вавилоном – главным из этих партнеров. Естественно, в качестве главы Ассирии в этих дипломатических отношениях должен выступать уже не совет старейшин, а ишшиакум. Союз с Вавилоном был даже скреплен династическим браком, в котором иш-шиакум выступал в качестве главы государства. Это увеличивало власть ишшиакума, и в XIV в. он уже именуется царем Ассирии. Естественно, царь Ассирии уже не мог подчиняться совету старейшин одного только города Ашшура.

Активизация внешней политики выражалась не только в дипломатических отношениях. Ассирия начинает завоевательные войны. На смену брон-

те теперь приходило железо, торговля оловом теряла прежнее значение, и Ассирия оказалась в стороне от новых торговых путей. Надо было пробиться к Малой Азии, к центрам железной металлургии, а также к Средиземному морю, где резко возросла роль финикийских городов в международном обмене. Это и определило основное направление завоеваний – на запад. В IX в. до н.э. Ашшурнадирапал II подчинил мелкие государства Сирии и вышел к Средиземному морю.

2.4.2. РЕФОРМЫ ТИГЛАТПАЛАСАРА III

В XVIII в. до н.э. наступление остановилось. Ассирия терпела поражение от Урарту, ее снова вытеснили из Сирии. К тому же наместники отдельных областей на завоеванных территориях поднимали мятежи, стремясь к независимости.

Ассирийское войско оставалось ополчением земледельцев, исполнявших военную повинность. Такое ополчение, вполне пригодное для обороны страны, не годилось для завоевательных войн и далеких походов. Участие в войне разоряло земледельцев, отрывая их от хозяйств.

Интересы торговой верхушки также не совпадали с завоевательными устремлениями царя и окружавшей его новой военной знати. Правда, завоевания велись в направлениях, выгодных для развития торговли, но ограбление и разорение завоеванных территорий, дань и кровавый террор препятствовали развитию торговли. Торговые пути перемещались из охваченных войной зон. Для торговли выгоднее было установление союзов, а не война. А ограбление завоеванных земель, дань, захват пленных – все это поступало в царское хозяйство, усиливая его, т.е. шло мимо торговой верхушки ассирийского общества.

Эти противоречия и послужили причинами приостановки завоеваний и экономического упадка Ассирии в XVIII в. до н.э.

Выходом из сложившегося положения стали реформы Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.), которые завершили формирование ассирийской военной державы, существовавшей за счет ограбления завоеванных стран.

Главной была военная реформа. На смену народному ополчению была создана государственная регулярная армия. В ополчении каждый воин должен был обеспечивать себя сам оружием и всем необходимым в соответствии со своими средствами. Богатые воевали на колесницах, победнее – составляли пехоту, вооруженную дротиками, луками и пращами. Поскольку в основном эти воины занимались своими хозяйствами и являлись на службу только для участия в военных походах, военная подготовка у них была слабой.

Новая армия находилась на полном государственном обеспечении. Военнослужащие не только получали оружие от государства, но оставались на государственном содержании и в промежутках между военными действиями, не отвлекаясь на хозяйственные дела. Эта армия комплектовалась в основном за счет бедняков, разоренных людей. Не имея других средств существования, эти люди охотно шли на государственную службу, тем более что кроме казенного содержания они могли надеяться на военную добычу.

Была установлена строгая пропорция между отдельными родами войск: на одного колесничего должно было приходиться 2 всадника, 4 тяжеловооруженных пехотинца и 8 легковооруженных. Очевидно, что главную силу ассирийской армии составляла пехота. Тяжеловооруженные пехотинцы имели шлемы и панцири, сражались мечами и копьями, легковооруженные использовали дротики, луки и пращи. Воевали уже строем, действуя попарно: за спиной щитоносца стоял воин с копьем. Оба были вооружены мечами.

Ударную наступательную силу составляли колесницы. В каждую было запряжено от 2 до 4 коней, и экипаж тоже состоял от 2 до 4 воинов. Новым родом войск была конница. Здесь она стала использоваться впервые на Ближнем Востоке. Колесницы могли действовать только на ровной местности, а воевали часто и в горах.

Новыми для Ближнего Востока были и саперные части. Они не только строили мосты и наводили переправы, но и готовили осадную технику – катапульты и тараны. Иногда неприятельскую крепость катапульты забрасывали не только камнями, но и глиняными сосудами с горячей смолой. «Снаряды» разбивались, осажденные были вынуждены бороться с огнем. Ассирийский таран представлял довольно сложное сооружение. К высоким козлам на колесах, защищенным сверху специальным навесом, подвешивалось бревно, которое раскачивалось людьми, долбя стену или ворота.

Ассирийская армия была самой большой на Ближнем Востоке. Ее численность доходила до 120 тыс. человек.

Второй реформой Тиглатпаласара III, значительно меньшей по своему значению, чем военная, была административная, направленная на укрепление центральной государственной власти. Наместничества были ликвидированы, раздроблены на мелкие области, во главе которых поставлены правители, строго подчиненные центральному аппарату. Эти правители уже не обладали достаточными силами, чтобы поднимать мятежи против центральной власти. Они были просто назначенными центром чиновниками. К тому же на эти должности нередко назначались евнухи.

Совершенствованию ассирийской военной машины способствовали и крупные изменения в сфере производительных сил. На смену ослам и быкам, которые прежде были основной тягловой и транспортной силой, приходят

лошади и верблюды. Естественно, без лошадей не могла бы возникнуть победоносная ассирийская конница, а вьючные верблюды оказались превосходным транспортным средством даже в горах.

Как уже говорилось, в начале I тыс. до н.э. на смену меди и бронзе приходит железо. Месторождений медной руды на Ближнем Востоке было не так уж много, и к этому времени они были в основном выработаны. Еще более редкими были месторождения других компонентов бронзы. Месторождений железной руды было намного больше, но выплавлять из нее железо люди научились не сразу.

Вообще-то железо к этому времени давно уже было известно людям – метеоритное железо. Но так как метеоритное железо – большая редкость, оно считалось драгоценным металлом, и даже изделия из него оправляли в золото.

Чтобы расплавить железную руду, требовалась очень высокая температура, недостижимая при тогдашней технике, и это составляло главную трудность в производстве железа. Поэтому люди сначала научились нагревать руду только до вязкого состояния, а затем молотом выбивать из нее шлаки. Но такое железо было еще довольно мягким. Чтобы полностью использовать его преимущества перед бронзой, надо было превратить его в сталь, т.е. насытить углеродом. Все это было довольно сложно, поэтому металлургия железа на Ближнем Востоке первоначально была освоена только в Малой Азии, и сложности металлургического производства держались там в строжайшем секрете.

Малую Азию ассирийцы не завоевали, но захватили торговые подступы к ней, и ассирийская армия была вооружена железным оружием. В самой Ассирии наибольшее развитие получили две отрасли ремесла, обслуживающие армию, – металлургия и производство оружия. В развалинах главных городов Ассирии археологи нашли остатки складов железных изделий, главным образом вооружения.

2.4.3. ВОЕННО-ПАЗАТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

После реформ Тиглатпаласара завоевания усилились. Теперь в состав Ассирийской империи вошла вся Месопотамия, Сирия, Финикия с городами Тир, Сидон, Дамаск, Библ. Саргон II (722–705 гг. до н.э.) разгромил Иудею. Асархаддон (680–669 гг. до н.э.) вторично опустошил Иудею и даже на какое-то время овладел Египтом.

Ассирийские цари стремились подчинить весь известный им мир, т.е. весь Ближний Восток. Длиннейший титул Асархаддона начинался словами «Асархаддон, царь великий, царь могучий, царь вселенной...» и заканчивался: «...подчинивший себе все человечество» [2, с. 150].

В поэтическом изложении В. Брюсова этот титул звучит так:

*Я вождь земных царей и царь Ассархаддон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни сбросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг мой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!*

И все же основным направлением ассирийских завоеваний оставался запад – к берегам Средиземного моря. И не только потому, что Финикия была главным посредником в торговле между Востоком и Западом, и захват этой страны означал захват главных путей международной торговли. Направление агрессии теперь определяло то обстоятельство, что это был район с большими природными богатствами и высоким уровнем экономического развития. Здесь находились главные ремесленные центры, цветущие города, высокая плотность населения. Здесь можно было захватить огромные богатства, взять в плен и угнать в Ассирию массу людей, в том числе квалифицированных ремесленников. Теперь именно эта цель выступала на первый план, а не захват торговых путей. Торговать-то Ассирии было, в сущности, нечем, и ассирийцы даже не пытались овладеть мореплаванием, оставив это дело в руках финикийцев.

Ограбление завоеванных земель, военная добыча стали доходным промыслом Ассирийского государства, главным источником государственных доходов.

Завоевания сопровождалась садистской жестокостью. В записях о своих подвигах Салманасар I заявлял, что он приказал ослепить 15 тыс. пленников. В аналогичных записях Ашур-банипала сообщается, что во время похода на Египет побежденных «повесили на колья, содрали с них кожу и покрыли ею городскую стену» [1, с. 374–375]. Еще один ассирийский царь хвастается: «Я сжигал мальчиков и девочек... Оставшихся в живых я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза» [7, с. 7]. О таких массовых казнях в победных репортажах говорится как о подвигах, а сцены расправ изображаются на памятных стелах в назидание современникам. Стирались с земли населенные пункты и оставалась пустыня.

Ограбление завоеванных стран и вывоз материальных ценностей начинающая с Тиглатпаласара III стали дополняться переселениями побежденных, угоном населения на территорию собственно Ассирии или на земли, присо-

единенные ранее. В победных реляциях появилась новая формула: «Столько-то людей я увел и причислил к населению Ассирии». Только после одного похода Тиглатпаласар переселил 150 тыс. человек. С завоеванных территорий шли потоки людей с семьями, повозками, скотом, чтобы осесть на новом месте и восстанавливать хозяйство.

Такие переселенцы назывались «шакну». Конечно, их селили не на общинных землях, а на государственных, царских, в частности, на землях, присоединенных к Ассирии в результате завоеваний.

Шакну вели обычные натуральные хозяйства, платили государству налоги, выполняли трудовую повинность, но не могли вернуться на родные места, и их можно было передать или продать частному владельцу, правда, только вместе с землей и хозяйством.

Переселения означали резкое увеличение государственного хозяйства, государственных, царских земель. Теперь эти государственные земли с прикрепленными к ним шакну использовались для содержания государственного аппарата. Мелкие чиновники получали небольшие участки земли с шакну, чиновники высшего ранга – крупные владения, но обычно разбросанные по разным частям страны. Если использовать российскую терминологию, то шакну были, в сущности, прикрепленными к земле крепостными, а передаваемые чиновникам земли можно назвать поместьями, тем более что у нас поместья первоначально передавались тоже за службу. А земли, которые оставались в распоряжении царя, использовались для содержания царского дворца и прочих государственных нужд.

Таким образом, в материальном производстве Ассирии, если исключить ремесленников, не связанных с сельским хозяйством, теперь было занято три группы зависимого населения: коренные ассирийцы, у которых еще сохранялись остатки общинных отношений, шакну и рабы. Свободные ассирийцы-земледельцы были обязаны платить налоги и выполнять трудовую повинность в пользу государства. Их статус отличался от шакну лишь тем, что они не были прикреплены к земле и их нельзя было продать с землей.

Сохранились и рабовладельческие отношения, потому что часть военнопленных обращалась в рабов. Рабам здесь разрешалось жениться и иметь семью, владеть имуществом. Существовала категория «посаженных» рабов, которые вели хозяйство на выделенных им участках, и при продаже имения оно переходило в руки нового владельца вместе с «посаженными» рабами.

С течением времени происходило сближение отдельных групп зависимого населения, а поскольку жителей завоеванных территорий было гораздо больше, чем самих ассирийцев, коренное население Ассирии стало растворяться среди побежденных.

Но в первую очередь угонялись из завоеванных стран квалифицированные ремесленники, люди, которые умели обрабатывать металл, изготавливать оружие, строить архитектурные сооружения. В городах Ассирии создаются металлургические предприятия, арсеналы. Царские дворцы, до сих пор поражающие своим великолепием и масштабами, с крылатыми человеко-быками при входах, строятся не только в Ашшуре и Ниневии, но и в специально созданной новой резиденции царя – Дур-Гларрукине. Дворец в Ниневии был расположен на искусственной террасе высотой в 30 метров и занимал свыше 10 га. Здесь находилась и знаменитая библиотека Ашшурбани-пала, насчитывавшая десятки тысяч клинописных табличек, в которой были собраны все отраженные в письменности знания стран Ближнего Востока.

2.4.4. НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ГИБЕЛЬ

В результате завоеваний разрастался, занимая господствующее положение, военно-государственный сектор. Военная добыча и дань поступали в распоряжение государства, т.е. царя и новой служилой верхушки. Собственностью царя и административного персонала становились и новые земли вместе с шакну. За счет ограбления захваченных территорий строились царские дворцы и арсеналы.

Старая общинно-родовая знать почти ничего от этого не получала. Ее основным занятием была посредническая торговля, потому что на основной территории Ассирии не производилось товаров, нужных для других стран. Поэтому она была заинтересована в захвате мировых торговых путей. Для нее был важен выход к Средиземному морю и подчинение Финикии. Но постоянные войны на этих путях, разрушение городов и разорение были несовместимы с торговлей.

Для развития торговли было необходимо сохранить и упрочить привилегии городов. В этом отношении интересы городской верхушки Ашшура и Вавилона совпадали. Когда, упоенный своими победами и могуществом, Синаххериб упразднил привилегии городов и разрушил Вавилон, это означало разрыв со старой городской знатью Ассирии. Очевидно, все-таки поддержка этой знати была важна для царей, потому что после убийства Синаххериба его наследник Асархаддон не только восстановил привилегии городов, но и заново отстроил Вавилон. Однако противоречия между царем и старой аристократией сохранялись и послужили в конечном итоге одной из причин падения Ассирии.

Военно-политическое объединение ряда стран Ближнего Востока в Ассирийскую империю не стало экономическим объединением. Экономиче-

ски эти страны не были связаны между собой. Иными словами, объединение было искусственным, не вызывалось экономическими потребностями, поэтому не могло быть длительным.

Ассирийское государство стало государством-паразитом, существовавшим за счет побежденных. Государство, но не страна. Материальные и людские ресурсы побежденных шли на усиление государственной военной машины, но не на укрепление хозяйства Ассирии. Наоборот, война истощала хозяйства ассирийских крестьян, причем не только налогами и трудовой повинностью, но и отвлечением в армию трудовых ресурсов. Ведь не могла комплектоваться эта огромная армия только из обезземеленных и разоренных, иначе говоря, из люмпенов.

Место ушедших занимали побежденные, да и сама армия все более разбавлялась представителями покоренных народов. Некоторые из них, выдвигаясь по службе, включались в состав новой служилой знати. Естественно, эта разношерстная армия теряла свои боевые качества.

Все это и привело к гибели Ассирийской империи. Победителями стали действовавшие в союзе Вавилон и Мидия. В 612 г. до н.э. пала и была разрушена Ниневия, в 614 г. – Ашшур, а в 690 г. были разбиты остатки ассирийской армии.

* * *

Итак, какие особенности экономического развития Ассирии мы можем отнести к «азиатскому способу производства»?

Рабовладельческие отношения здесь явно не играли существенной роли в экономике. Как и в Вавилоне, здесь происходил переход от патриархального рабства сразу к практике, характерной для распада рабовладельческих отношений в античном мире: раб уже мог иметь свое имущество и свою семью.

Господствующее положение занимал государственный сектор, но это не было производительное хозяйство. Государство здесь не занималось ирригацией, не производило необходимой для общества продукции. Это была военная машина, и все хозяйство страны было поставлено на обслуживание этой машины

Основными производителями материальных благ оставались крестьяне – как ассирийские крестьяне, у которых еще сохранялись остатки общинных отношений, так и земледельцы завоеванных стран. И те и другие зависели от государства и работали на государство. На государство работали и ремесленники, причем в основном из побежденных Ассирией стран.

Итак, второстепенная роль рабовладельческих отношений в экономике, господствующее положение государства и прямое подчинение государству

непосредственных производителей материальных благ – основные черты азиатского способа производства в Ассирии.

Но общинные отношения, сохранение которых тоже считается важной стороной «азиатского способа», стали разрушаться уже в начальный период истории Ассирии (продажа земли, разные формы ростовщического закабаления), а затем отошли на второй план в ходе завоеваний, когда старая общинно-родовая аристократическая верхушка стала подавляться новой военной служилой аристократией.

Важной особенностью экономического строя Ассирии стало зарождение здесь феодальных по сути отношений: появление слоя крепостных – шакну и раздача служилым людям поместий с этими шакну.

В какой-то степени слабость проявления черт «азиатского способа» определялась, в частности, тем, что ирригация здесь играла второстепенную роль.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. История Древнего Востока. М., 1988.
3. Липин Л., Белов А. Глиняные книги. Л., 1956.
4. Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
5. Мелларти Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
6. Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
7. Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977.
8. Садаев Д. Ч. История Древней Ассирии. М., 1979.
9. Шилюк Н. Ф. Древний Восток. Свердловск, 1991.

2.5. Финикия и Карфаген

Экономическое развитие Вавилона и Ассирии определялось ростом торговых, экономических связей между Востоком и Западом, взаимопроникновением культур, развитием товарно-денежных отношений и сближением двух путей развития – восточного и западного. Поэтому здесь уже не было «азиатского способа производства» в чистом виде. Но в наибольшей степени это сближение двух путей развития проявлялось в экономике Финикии, страны купцов и мореплавателей, которая держала в своих руках торговлю между Востоком и Западом.

А Пунические войны были попыткой силой оружия решить противостояние Востока и Запада.

2.5.1. ХОЗЯЙСТВО ФИНИКИЙСКИХ ГОРОДОВ

Финикия занимала морское побережье у подножия Ливанских гор. Узкая полоса земли между горами и морем ограничивала возможности развития земледелия. Мелкие речки, сбегавшие с гор, не позволяли создавать здесь крупные ирригационные системы. Правда, здесь практиковалась террасная система искусственного орошения: на склонах гор ступеньками делались террасы, и горный поток поочередно орошал их. Эти горные склоны были также прекрасным пастбищем для скота.

Горы были богаты лесом, особенно ливанскими кедрами, древесина которых высоко ценилась. В горах имелись месторождения медной и железной руды. Прибрежные воды были богаты рыбой, и рыболовство было важным источником существования местных жителей.

В VIII–VII тыс. до н.э. здесь складывается иерихонская культура – культура оседлых земледельцев и скотоводов. Они выращивали ячмень и пшеницу, разводили коз и даже для защиты запасов от мышей приручили кошку. Жили они небольшими общинными поселками в глинобитных домах.

В VI–IV тыс. до н.э. хозяйство делает некоторый шаг вперед. Кроме пшеницы и ячменя, появляется чечевица, а кроме коз, начинают разводить свиней, овец и крупный рогатый скот.

Как и по всему Ближнему Востоку, в III–II тыс. до н.э. на побережье возникают города-государства, центры ремесла и торговли, сначала Эбла, Библ, Алах, затем Тир, Сидон, Угарит.

Город Эбла уже в III тыс. занимал площадь в 56 га и насчитывал 20–30 тыс. жителей. В городах уже были мощенные камнем улицы, дворцы. Дворец был резиденцией царя и администрации города, здесь хранились разнообразные запасы и находился городской архив.

Как и в Гумере, на глиняных табличках велся строгий учет посевов, поступления и расхода продовольствия, сырья, ремесленных изделий. Использовалась шумерская письменность, приспособленная к местному языку. Были даже словари для перевода шумерских терминов на местные.

Города располагались на морском побережье, а некоторые – даже на близких островах. Например, на скалистом острове стоял город Тир. Места здесь было мало, поэтому строили многоэтажные дома. Не только продовольствие, но и питьевую воду доставляли с материковых владений Тира.

А для устройства рыночной площади и строительства храма пришлось искусственно увеличить территорию острова, насыпав на дно моря щебень и песок.

Финикия не была единым государством. Самостоятельным государством был каждый город с окрестными землями. Правда, в конце II тыс. до н.э. в положение лидера финикийских городов выдвигается Тир, но это не означало объединения страны. Политически другие города ему не были подчинены, и единых органов управления не было.

Горожане здесь не были земледельцами. Города Финикии были подлинными центрами ремесла и торговли. Тир славился красивыми мастерскими, где ткани окрашивались пурпурной краской, добываемой из моллюсков. Сидлн был центром стекольного производства. Во всех финикийских городах были развиты металлургия и металлообработка. Часть ремесла была сосредоточена в руках государства: действовали крупные царские ремесленные мастерские. Об уровне развития строительного дела свидетельствует тот факт, что в Иерусалиме строительными работами, в частности, на постройке Иерусалимского храма, были заняты мастера из Тира.

Но главной отраслью производства в Финикии было судостроение, по развитию которого Финикия лидировала среди стран Средиземноморья. Здесь строились два вида морских судов: «круглые», т.е. вместительные, для перевозки грузов, и «длинные», быстроходные, имевшие военное назначение. Торговые ходили в основном на веслах, военные имели парусное оснащение.

На принадлежавшей городам-государствам сельской территории сохранялись общинные отношения. В общинах находились «дома собраний», где решались внутренние вопросы жизни общины. Общине должна была платить налоги царю, члены ее должны были выполнять трудовую и воинскую повинность.

Несмотря на то что сельское хозяйство в экономике финикийских городов играло второстепенную роль, оно уже имело товарный характер. Кроме того, что население городов существовало за счет продовольствия из сельской местности, вино и оливковое масло шли и на экспорт.

Как и в Шумере, здесь существовал фонд царских земель и царское государственное хозяйство, в котором работали пахари, пастухи, виноградари и другие работники, получавшие содержание с государственных складов, подобно шумерским гурушам. Часть земель царского фонда сдавалась в пользование за службу как высшим чиновникам, так и ремесленникам, занятым в царском хозяйстве.

Свободное население делилось на три сословия: 1) земледельцы-общинники, 2) «царские рабы», т.е. государственные служащие, и 3) «рабы

царских рабов» – люди, которые были заняты в хозяйствах этих государственных служащих.

Были в Финикии и просто рабы, но их было немного, и они не играли существенную роль в хозяйстве: финикийские города не вели завоевательных войн, поэтому основной источник поступления рабов – захват военнопленных – здесь почти отсутствовал. Финикийские рабы были в основном купленными. Рабы составляли важную статью международной торговли, финикийские купцы покупали и перепродавали этот «товар», и естественно, какая-то часть рабов оставалась в собственности и самих финикийцев.

2.5.2. МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И КОЛОНИЗАЦИЯ

Главное место в хозяйстве финикийских городов занимала международная посредническая торговля. Уже во II тыс. до н.э. финикийцы вели морскую торговлю с Египтом и сухопутную – с Месопотамией и Малой Азией. Они совершали в это время регулярные плавания на Крит, главный очаг крито-микенской культуры, где зарождались основы будущей европейской цивилизации, а в финикийском городе Угарите существовал даже квартал микенских купцов.

В Грецию они везли предметы роскоши из Месопотамии, которые здесь высоко ценились, потому что в Греции только еще рождались полисы и собственное ремесло еще не достигло того уровня, которым Греция будет славиться позже. В «Одиссее» говорится о «многих нарядах», которые доставил сюда финикийский корабль. Часть финикийцев даже оседала в греческих городах, и их культурное влияние было настолько значительным, что именно финикийская письменность была положена в основу греческого алфавита.

Но греки считали финикийских купцов людьми лживыми и хитрыми (впрочем, это обычная репутация торговцев в стране со слабо развитыми товарно-денежными отношениями). «Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик лукавый, злобный хитрец, от которого много людей пострадало» – так рассказывает Гомер. Свинопас Эвмен, который помог Одиссею вернуть свое положение в Итаке, был в свое время захвачен финикийцами и продан в рабство.

Финикийцы были не только купцами, но и пиратами, захватывая чужие суда или прибрежных жителей ради обращения их в рабство. Гребцами на их судах были рабы.

Финикийские корабли доходили до Гибралтара и вели торговый обмен с населением Пиренейского полуострова. Денежного обращения эти местные жители пока еще не знали, поэтому серебро для них было просто одним из

металлов. Финикийцы выменивали серебро на другие товары и в огромном количестве его вывозили.

К началу I тыс. до н.э. финикийцы заняли монопольное положение в торговле по Средиземному морю. В условиях, когда народы Средиземноморья находились на разных уровнях развития и ремесленные изделия развитых стран ценились в отсталых неимоверно дорого по сравнению с сырьевыми и продовольственными товарами, такая посредническая торговля приносила огромные прибыли.

Во II тыс. до н.э. началась финикийская колонизация, во многом похожая на последовавшую позже греческую. Колонии основывались первоначально как торговые фактории для облегчения торговли с местным населением. Но, как и в Греции, дополнительной целью колонизации был отток избыточного населения. В запертых на узком пространстве между горами и морем финикийских государствах при сравнительно благоприятных условиях жизни с каждым поколением численность населения увеличивалась, и дома уже не всем хватало работы. Например, приблизительно в 1100 г. до н.э. происходит организованное массовое переселение молодежи Тира в Северную Африку и основание там города Утики.

Финикийские колонии появляются на всем Средиземноморье: Гадес на Пиренейском полуострове (нынешний Кадикс), города в Сицилии, Сардинии, на Мальте, Балеарских островах. Финикийцы основали колонию даже за Геркулесовыми столпами на Канарских островах.

Чаще всего они селились на островах, защищенных от нападений морским пространством. Нападений же с моря не приходилось опасаться: ведь финикийский флот здесь был сильнейшим. Страбон писал, что они «не владеют большими территориями на лежащем напротив побережье и не захватили другие острова, но главным образом живут на море» [4, с. 25]. Правда, эти слова относятся к гораздо более позднему времени.

Конечно, колонии подчинялись метрополии, т.е. тем финикийским городам, которыми они были основаны, и платили им денежный налог.

2.5.3. КАРФАГЕНСКАЯ ДЕРЖАВА

В VIII в. до н.э. Финикия была завоевана ассирийскими царями и стала провинцией Ассирии. Граждане Тира пять лет (725–720 гг. до н.э.) выдерживали осаду на своем скалистом острове, страдая от жажды и голода. Сидон был разрушен, а царь Тира признал зависимость от Ассирии.

Колоний ассирийское завоевание не коснулось. Они получили независимость от метрополий и стали самостоятельными государствами.

Однако это оказалось не так уж хорошо для них. Финикия для колоний была объединяющей силой и защитой против врагов. В случае опасности на помощь мог прийти финикийский флот. К тому же началась конкурентная борьба с греческой колонизацией. Все это требовало объединения, и объединение совершилось под руководством Карфагена, колонии Тира, основанной приблизительно в 825 г. до н.э.

Одни колонии присоединялись к Карфагену добровольно, отдаваясь под его защиту, в других случаях Карфаген покорял силой. Например, Карфаген разгромил финикийскую колонию Гадес и утвердился на юге Пиренейского полуострова. Кроме того, Карфаген основывал и собственные колонии. Так возникла

Карфагенская держава, куда входило все побережье Северной Африки, юг Пиренеев, Сицилии и Сардинии. В сущности, Финикия восстановилась на новом месте, только теперь это было единое государство.

Конечно, главную роль в хозяйстве Карфагена и других городов Карфагенской державы играла посредническая торговля. В основном Карфаген торговал металлами и рабами. Металлы добывали в Пиренеях, а рабов захватывали в африканских племенах, остававшихся на стадии первобытно-общинного строя. Высоко ценившиеся в Риме и Греции рабы-негры поступали именно из Карфагена.

Посредническая торговля не требовала чеканить собственную монету. При расчетах здесь использовались греческие и персидские деньги, а также слитки драгоценных металлов.

Вывозил Карфаген и собственную продукцию. Здесь действовали крупные ремесленные мастерские, подобные греческим эргастериям, в которых использовался труд рабов. В этих мастерских готовилась керамика, ткани, изделия из драгоценных металлов, предназначавшиеся в основном для экспорта. И конечно, как и в Финикии, здесь строились морские суда.

Покоренные Карфагеном африканские племена облагались натуральным налогом: они должны были отдавать городу десятую часть урожая. Но сам город был окружен рабовладельческими имениями типа римских вилл. Это было интенсивное товарное хозяйство. Здесь были виноградники, плодовые сады, оливковые рощи, продукция которых шла на продажу, в том числе и за пределы Карфагена.

Имения рабовладельцев, ремесленные мастерские с использованием труда рабов – все это означало господство рабовладельческих отношений античного типа.

Если уже в Финикии мало что оставалось от «азиатского способа производства» и финикийские города лишь немногим отличались от греческих полисов, то теперь, оказавшись в тесной связи с античными государ-

ствами, финикийцы почти полностью переняли основные особенности их социально-экономического устройства. В Карфагене образованные люди знали Гомера, произведения греческих философов и поэтов, и только культ Молоха, бога войны, требовавший человеческих жертв, составлял контраст античным традициям.

Особенности социально-экономического строя Карфагена определяли и его политический строй, который вполне заслуживал название олигархии.

Высшую административную власть в Карфагене в V– IV вв. до н.э. осуществляли два суфета, избиравшиеся на один год. Это была полная аналогия двум римским консулам периода республики, которые также выбирались только на один год.

Власть суфетов была ограничена несколькими коллегиальными органами, которые комплектовались из самых знатных и богатых семей – советом 30 и советом старейшин из 300 членов. Кроме того, был еще контрольный орган – совет 104, который следил за деятельностью высших органов власти и соблюдением законов. Олигархи, объединенные в эти коллегиальные органы, бдительно следили, чтобы никто не мог стать диктатором, сосредоточив в своих руках всю власть.

Но войны, которые вел Карфаген, все же привели к установлению такой единоличной власти. В конце VI в. до н.э. была установлена военная диктатура полководца Магона, наследники которого продолжали править Карфагеном, и последним из этих наследников стал Ганнибал, который чуть не одержал победу над Римом.

Магон провел военную реформу, которая и обеспечила продолжение правления его наследников. До реформы сухопутное войско Карфагена представляло обычное народное ополчение, которое состояло из граждан, являвшихся для участия в военных действиях с собственным вооружением. Но такое ополчение обычно комплектуется из крестьян, а крестьян в Карфагене почти не было. Как местные племена, покоренные Карфагеном, так и собственники рабовладельческих хозяйств не могли составить основу такой армии. Правда, Карфаген насчитывал 200 тысяч жителей, но городской плебс в те времена также не составлял основу народного ополчения. Карфаген имел сильный флот, но слабое сухопутное войско.

Магон создал армию из наемников на полном государственном содержании. Только в отличие от реформы Тиглатпаласара III в Ассирии эта армия набиралась в основном из представителей других народов – иберов, лигуров и др. Эта армия, полностью зависимая от диктатора-полководца и ничем не связанная с олигархическими семьями, обеспечивала власть Магона и его наследников, хотя, конечно, магониды защищали интересы Карфагена, т.е. его олигархической верхушки.

Мы не будем проследивать историю Пунических войн, закончившихся во II в. до н.э. гибелью Карфагенской державы, поскольку эти события относятся к политической истории. Отросток Востока в Средиземноморье, хотя и успешно перенимавший основы античного, западного хозяйства, не смог противостоять молодому растущему ядру западной цивилизации.

* * *

История Финикии и Карфагена – это история продвижения Востока на Запад, история ассимиляции восточной цивилизации Западом.

В финикийских городах, несмотря на то что их основным занятием была торговля по Средиземному морю между Востоком и Западом, еще сохранялись существенные черты «азиатского способа производства». Оставалось государственное, царское хозяйство с государственными мастерскими, фондом государственных земель, которые обрабатывались государственными работниками, подобными шумерским гурушам. Существовал административный бюрократический аппарат управления этим государственным хозяйством, государственные склады и строгий учет натуральных поступлений и расходов. В сельской местности господствовали общинные отношения, общины подчинялись государству, платили налоги, исполняли военную и трудовую повинность.

Но это государственное хозяйство уже играло второстепенную роль, отесняясь на задний план международной торговлей купцов-мореходов.

В колониях, а потом в Карфагенской державе все эти «азиатские» элементы исчезали. Контактируя с античной цивилизацией, финикийцы перенимали ее порядки.

Уже не государство с его чиновниками, а олигархи, выросшие на барышах международной торговли, стали определяющей силой в экономике и политике. Господствующими стали рабовладельческие отношения: труд рабов использовался и в имениях богачей, и в ремесленных мастерских, и даже на флоте, где гребцами были тоже рабы.

Покоренные племена платили дань и были обязаны выполнять повинности в пользу государства, но это была дань завоевателям, а не обязанности общинников служить верховной власти своего народа.

Граждане Римской республики и греческих полисов были патриотами. В Карфагенской державе, разбросанной на землях других народов, не могло быть такой патриотической силы. И это обстоятельство не могли преодолеть полководческие таланты Гамилькара и Ганнибала.

Л и т е р а т у р а

1. Авдаков В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. История Древнего Востока. М., 1988.
3. Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1986.
4. Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.-Л., 1963.
5. Шифман И. Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987.

2.6. Древний Египет

Египет – это, конечно, не Азия, а Северная Африка. Но именно на примере Древнего Египта принято рассматривать особенности «азиатского способа производства», т.е. восточного пути экономического развития, потому что это государство представляется наиболее отчетливым воплощением его основных особенностей. Поэтому экономическое развитие Древнего Египта в составе стран Древнего Востока.

Шумер и Древний Египет – самые ранние очаги цивилизации на земле, самые ранние государственные образования. И экономическое развитие этих двух стран происходило почти одинаково. Основной причиной этого сходства было то обстоятельство, что земледелие здесь было почти невозможно без ирригации, зато при условии ирригации обеспечивало очень высокий прибавочный продукт, необходимый для возникновения цивилизации. Сходные условия породили одинаковое хозяйство. В животном мире это называется конвергенцией.

2.6.1. НИЛ. РОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Египет – это долина реки Нила. В среднем течении ее ширина колебалась от 3 до 22 км, а низовья реки, ее дельта, были огромным болотом, заросшим папирусом, царством крокодилов и бегемотов. Так же как Тигр и Евфрат, Нил во время разливов затоплял долину. Над водой оставались островками только возвышенности с человеческими поселениями, и между собой жители этих поселений общались на лодках.

Так же как в Месопотамии, разливы приносили массу плодородного ила, и слой этого ила здесь достигал десятиметровой толщины. Это была очень мягкая земля, которая не нуждалась в настоящей вспашке. Деревянная соха нужна была не столько для взрыхления земли, сколько для того, чтобы присыпать землей брошенные семена.

Египтяне называли свою страну «Кемет» – «Черная» по цвету земли, противопоставляя «красной стране» – окружающим пустыням и скалам. Следует добавить, что дождей там практически не было, так что Нил был единственным источником жизни.

Режим реки определял и календарь. Началом года считалась середина июля, когда начинался подъем воды. Разлив продолжался четыре месяца. К середине ноября Нил входил в берега и начинался посев в мокрую землю. За следующие четыре месяца урожай созревал и убирался. Потом начинался период беспощадного зноя, когда вся растительность засыхала. Египтяне делили год на три сезона по четыре месяца: сезон разлива Нила, сезон «всходов», а точнее – сельскохозяйственных работ, и сезон «засухи».

Но в отличие от Месопотамии на окружающих долину горах рос лес. Вспомним, что ширина долины составляла лишь несколько километров, так что склоны гор были рядом. Поэтому древесина здесь не ценилась так высоко, как в Шумере, хотя все же и здесь ее не хватало. А сами горы, конечно, были сложены из камня. Здесь добывались алебастр, известняк, песчаник. В горах были месторождения медной руды, и можно было найти кремь для каменных орудий.

Поэтому долина Нила была уже населена во времена палеолита, а в период неолита здесь уже существовали довольно крупные общинные поселения, жители которых занимались земледелием и скотоводством. Они выращивали ячмень, полбу (эммер), лен, кунжут. Основную пищу составляли ячменные лепешки, каша из полбы (та самая, которую любил пушкинский Балда), свежая и сушеная рыба.

В период энеолита здесь появились медные орудия – сначала иголки и рыболовные крючки, затем топоры и ножи. Поскольку медь – материал мягкий, в нее добавляли песок.

Основным сельскохозяйственным орудием оставалась каменная мотыга, но уже в период энеолита возникла примитивная ирригация. Это пока еще были не каналы и водохранилища, а канавы – рыки и окружавшие поля дамбы, которые задерживали воду. В этих работах использовались те же мотыги и плетеные корзины для переноски земли. Убирали урожай деревянными серпами с вставленными кусочками кремня – микролитами, растирали зерно зернотерками.

Так же как в Месопотамии, разливы Нила заставляли людей селиться крупными сообществами на холмах. Центром такого поселка, естественно, был храм, окруженный жилищами жрецов и выделявшейся общинной знати. Такая концентрация населения в крупных поселках способствовала раннему выделению ремесла.

Так, уже в IV тыс. до н.э. возникли города-государства, номы. В Верхнем Египте, т.е. среднем течении Нила, насчитывалось 22 нома, в Нижнем, т.е. в районе дельты, – 20.

Уже в этот так называемый додинастический период истории Египта сложились основы иероглифической письменности. Этого требовал учет поступления и расхода запасов. Но материалом для письма здесь были не глиняные таблички, а папирус – склеенные в два слоя (вдоль и поперек) расплюснутые стебли нильского тростника. Писали на папирусе черными и красными чернилами при помощи кисточки – калама, тоже из тростника. Написанный текст скатывался в трубочку – рулон.

Но в отличие от шумерских табличек папирусы лишь в исключительных случаях сохранились до нашего времени, поэтому в распоряжении исследователей нет целых архивов хозяйственных записей, и особую важность для изучения истории Древнего Египта имеют надписи на камне в захоронениях фараонов и знати.

Итак, государство в Древнем Египте зарождается в IV тыс. до н.э. в лице городов-номов во главе с номархами. Этот период можно было бы отнести к стадии военной демократии, потому что номарх – военный вождь. Но здесь его выдвижение в первую очередь определялось волей храмовых жрецов. В Египте, где вся жизнь зависела от природных факторов, прежде всего от разливов Нила, господствующее положение занимали жрецы, которые рассчитывали время разлива, определяли сроки полевых работ, в сущности, ведали хозяйством нома, и обставляли все это с особой торжественностью, как волю богов. Такое подчинение жителей храму позволяет считать ном государственным образованием.

Египетская религия выросла из первобытного тотемизма, и египетские боги сохранили головы животных. Гор имел голову сокола, Тот – голову ибиса, а богиню города Бубастиса олицетворяла кошка, которая считалась там священным животным.

В Египте очень многое оставалось от первобытной общины, даже от матриархата. Здесь сохранялось наследование по женской линии. Фараонами были мужчины, но фараоном человек мог стать, лишь женившись на представительнице рода фараонов. Фараон Хоремхеб не был наследником династии, но, вступив в брак с сестрой жены фараона Эхнатона, «законно» получил трон. И даже Цезарь женился на Клеопатре, чтобы египтяне сочли его своим владыкой. Поэтому фараоны женились на сестрах и других близких родственницах: других-то наследниц династии не было.

2.6.2. РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ. ИРРИГАЦИЯ

Между тем дальнейшее совершенствование ирригационной системы требовало объединения страны, и объединение совершилось. Во второй половине IV тыс. до н.э. в результате упорной борьбы за первенство между отдельными номами возникло два государства – Верхнее и Нижнее царства, а к концу этого тысячелетия они слились в одно государство. Объединение приписывается фараону Мине, который после этого построил на рубеже Верхнего и Нижнего Египта город Мемфис и сделал его столицей объединенного государства.

Но сепаратистские тенденции сохранились. Каждый номарх стремился к независимости, каждый ном имел свой храм и своих богов-покровителей. Жители Фив считали крокодилов священными, а в некоторых номах к ним относились как к вредным хищникам. Правда, теперь и богов старались объединить в единый пантеон, но при этом некоторые боги оказывались на вторых ролях, что, конечно, не устраивало их жрецов.

И дальнейшая история Древнего Египта – это чередование периодов единого государства и процветания с периодами распада на отдельные номы и экономического упадка. Иногда такие периоды распада были связаны с нашествиями иноземцев, например, гиксосов в III тыс. до н.э. Периоды единства и экономического возрождения принято называть отдельными царствами. Хронологически это выглядит следующим образом:

Раннее царство: XXXI–XXIX вв. до н.э. – I–II династии.

Древнее царство: XXVIII–XXIII вв. до н.э. – III–VI династии.

Период распада: XXIII–XXV вв. до н.э. – VII–X династии.

Среднее царство: XXI–XVIII вв. до н.э. – XI–III династии.

Период распада: XVIII–XVI вв. до н.э. – XIV–XVI династии.

Новое царство: XVI–XI вв. до н.э. – XVIII–XX династии.

Период распада: XI–X вв. до н.э. – XXI династия.

Позднее царство: IX–VIII вв. до н.э. – XXII–XXV династии. [4, с. 28].

Технический прогресс на протяжении этой многовековой истории Древнего Египта шел довольно медленно. В период Среднего царства на смену медным приходят бронзовые орудия, а в период Нового царства появляется даже железо. Но это метеоритное железо пока было редким металлом, использовалось в основном для украшений, и изделия из железа оправлялись в золото. Лишь с VII в. до н.э. железо становится основным материалом для изготовления орудий труда и оружия, но это было уже за пределами истории Древнего Египта.

В Египте и окружающих странах не было месторождений железной руды, поэтому распространение железа было следствием укрепления связей Египта с Передней Азией и античными государствами. Но и в это время население продолжало пользоваться традиционными каменными орудиями.

Египтяне освоили производство стекла. Это было непрозрачное стекло, из которого готовили украшения и парадные сосуды. Производство глиняной посуды на гончарном круге достигло высокого мастерства, но и в период Нового царства сосуды искусно вытачивались из твердых пород камня.

Совершенствовалось металлургическое производство, но только в период Нового царства появились мехи для подачи воздуха в горн. До этого горн раздувался ртом через трубку. В это же время горизонтальный ткацкий станок сменился вертикальным, более производительным.

Только в период Нового царства стали применяться колесные повозки для перевозки грузов. Такое позднее появление их было связано с тем, что основными транспортными артериями были Нил и ирригационные каналы.

На смену мотыге приходят пахотные орудия уже в период Древнего царства, но за последующие столетия они лишь немного совершенствуются. Такое орудие, строго говоря, плугом можно было назвать только условно: оно не было предназначено для переворачивания пластов земли – в этом здесь не было необходимости. Пахали на коровах. В плуг впрягались две коровы, а за упряжкой ходили два-три пахаря: один направлял плуг, второй погонял коров, а иногда третий тянул их за собой.

Молотили при помощи скота. Разбросав колосья на току, гоняли по ним скот, и он копытами выбивал зерно. Для дальнейшей его обработки по-прежнему использовались зернотерки.

Расширилось число возделываемых культур. Ячмень и полба были дополнены пшеницей, бобовыми и овощами, и все больше земли занимали плодовые сады и виноградники. Здесь не знали апельсинов, лимонов, бананов, но собиралось большое количество оливок, гранатов, яблок и фиников.

Но наибольших успехов египтяне достигли в строительном деле и ирригации. Уже в период Древнего царства было освоено искусство каменной кладки, и его развитие отчетливо демонстрируют египетские пирамиды и храмы.

Ирригационная система делила поля на верхние и нижние. Нижними назывались затопляемые во время разливов Нила. Для орошения этих полей создавались водохранилища, которые заполнялись водой во время разлива, а в сухое время года вода самотеком поступала на поля. На верхние поля, куда во время разлива вода не доходила, ее приходилось поднимать при помощи журавлей – шадуфов и водяных колес

Крупнейшим водохранилищем стало Меридово озеро – центр искусственно созданного земледельческого района – Фаюмского оазиса. Помните, у В. Брюсова:

*Близ медлительного Нила,
Там, где озеро Нерида
В царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила,
Как Озириса Изиды,
Друг, царица и сестра*

«...И сестра», потому что, как мы говорили, фараоны женились на сестрах.

2.6.3. БЫТ ЕГИПТЯН

Быт египтян определялся климатическими условиями. В период засухи ил растрескивался, образуя твердые куски, и на раннем этапе истории египтяне строили жилища из этих кусков – блоков. Позже стали строить дома из сырцовых кирпичей, перемешанных с соломой и навозом. Обжигать эти кирпичи не надо было: в Египте не было дождей. По этой же причине крыши были плоскими: наклона для стока воды не требовалось. Стены дома возвышались над крышей, образуя ограждения, чтобы дети не упали с нее и чтобы защититься от нескромных взглядов соседей: хозяева проводили ночь под открытым небом.

Комнаты обычно не имели окон. Со стороны внутреннего дворика они были открытыми, без стен, и проникавшего света было достаточно. Двор был окружен высокой стеной из тех же глинобитных кирпичей, поэтому, как и в Шумере, улица представляла проход между двух серых стен. Каждый клочок земли во дворе был засажен деревьями, которые давали не только плоды, но и тень. У состоятельных людей в этом саду обязательно находился бассейн, к которому вели ступеньки.

Засаживались деревьями не только частные владения, но и городские площади. В городах обязательно находились каменные резервуары с водой, к которой тоже вели ступеньки. Здесь можно было не только купаться, но даже плавать на лодке. В городах были и каменные колодцы шириной в несколько метров, куда тоже вели ступеньки, чтобы спуститься и набрать воды.

Городские усадьбы состоятельных людей нередко занимали более гектара, а дома имели несколько этажей. Нижний этаж занимали хозяйственные помещения. Здесь мололи зерно, пекли хлеб, здесь стояли ткацкие станки.

Хозяева жили на верхних этажах, стены которых были покрыты росписями: египтяне любили расписывать все вертикальные плоскости.

Египтяне умели сидеть по-восточному, на коврах и подушках, но все же мебели здесь было больше, чем в Шумере. В жилых комнатах находились кресла, табуреты, столы, шкафы для одежды, кровати, а иногда – и шкафы для хранения библиотеки из свитков.

Обедали египтяне, сидя за столами, причем на каждого участника трапезы полагался отдельный столик. В состав меню египтянина среднего достатка входили не только лепешки, каша, рыба и овощи, но и фрукты, и жаренное на вертеле мясо. Но обязательной составной частью всякой трапезы было большое количество ячменного пива.

Школяры, писцы, ремесленники по вечерам работали при свете ламп, которые заправлялись оливковым маслом или маслом клещевины (касторкой). Иногда эти лампы были подлинно художественными изделиями.

Одежду мужчины даже высокого общественного положения нередко составляла одна набедренная повязка, если не считать украшений – браслетов, ожерелий, подвесок. Иногда он носил прямую короткую юбку с сандалиями или льняное платье – тунику. Одежда женщины состояла из тонкой рубашки и белого гофрированного прямого платья.

2.6.4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Переходя к рассмотрению социально-экономической структуры древнеегипетского общества, мы должны подчеркнуть, что все поразительные достижения Древнего Египта – от создания сложнейшей ирригационной системы до пирамид, храмов и дворцов – результат труда основной массы населения страны – крестьян.

Египетский земледелец был крестьянином, т.е. он жил своим домом со своей семьей и вел индивидуальное крестьянское хозяйство. Но он находился в полной зависимости от государства. Верховным собственником земли считалось государство в лице фараона, номарха, жрецов храма. Более того, в некоторых случаях государство предоставляло крестьянину зерно для посева, а на время полевых работ – рабочий скот. Но за все это крестьянин должен был не только отдавать государству часть своего урожая, но и проводить определенное время года на государственных работах – строительстве ирригационных сооружений, храмов и пирамид. Именно для этого в Древнем Египте каждые два года проводилась перепись населения и хозяйства. Там существовал даже земельный кадастр – оценка плодородия каждого участка земли. Если не признавать систему эксплуатации государством всего кре-

стьянства, а не только отдельных категорий зависимых людей, такой учет населения и хозяйства оказывается бессмысленным.

Такова общая социально-экономическая картина древнеегипетского общества. Но она усложнялась существованием категорий населения, в разной степени зависимых от государства, поэтому следует рассмотреть, как развивалось собственно государственное хозяйство и кто в нем был занят. Оговоримся, что в состав государственного хозяйства следует включать не только хозяйство фараона, но и хозяйства номархов и храмов. В периоды единства Египта (т.е. «царств») хозяйства номархов и храмов были частями единого государственного хозяйства.

Следует, однако, учитывать, что в распоряжении номарха находилась не только часть государственного хозяйства, переданная ему в управление, но и личный «дом», собственное хозяйство, которым номарх владел по наследству. И хозяйство самого фараона тоже состояло из двух частей – личный «дом» фараона и собственно государственное хозяйство. И даже простые чиновники, получавшие за службу земельный участок от государства, имели и свои личные хозяйства. Впрочем, государственное и частное в этом переплетении нередко сливались, так что было трудно отделить одно от другого, тем более что и административные должности тоже передавались по наследству.

Среди должностей государственных чиновников встречались такие: «начальник двора молольщиц муки для остроконечного хлеба», «начальник двора молольщиц муки для лепешек». Следовательно, существовали не только государственные мукомольные предприятия, но даже отдельные предприятия по изготовлению муки разных сортов. Естественно, в составе государственного хозяйства были и хлебопекарни. Уже это обстоятельство свидетельствует о многочисленных работниках государственного хозяйства, которых надо было кормить.

Среди подразделений государственного хозяйства существовала «палата мастеров», в ведении которой находились ремесленные мастерские по отдельным специальностям – деревообделочные, кожевенные, металлообрабатывающие и т.д. На рисунке в одной из фиванских гробниц изображена литейная мастерская, в которой работают 12 мастеров.

Все эти люди получали продовольствие с государственных складов, причем выдача продовольствия, как и поступление его на склад, строго учитывалась.

Государственные поля также обрабатывались рабочими отрядами, разделенными на «десятки» и «пятерки». Все необходимое, как продовольствие, так и зерно для посева и орудия, они получали через своих начальников – «бригадиров» из государственных хранилищ.

Труд в земледелии бы строго нормированным. Отряд из пяти человек должен был обрабатывать площадь в 50 арур. На каждого приходилось 10 арур, или «хата». Итак, «хата» – это норма обработки земли на одного человека [9, с. 89]. Одна из должностей государственных чиновников называлась «начальник царских стад», а это означало, что в составе государственного хозяйства было и животноводство.

Если учесть, что в состав этого хозяйства в периоды объединенного Египта входили и хозяйства номархов и храмов, а только храмовые хозяйства – это 30% земли и 20% населения, можно с достаточным основанием утверждать, что государственный сектор «доминировал» в экономике Египта [11, с. 120].

Работники государственного хозяйства назывались в Египте «мерет». Это не рабы. Рабы назывались «бак». Мерет имели свои дома и семьи, получали довольствие с государственных складов, а позже им начали выделять участки земли для ведения натурального хозяйства. Здесь мы видим полную аналогию с шумерскими гурушами.

Труд рабов – бак использовался тоже в государственном хозяйстве. Основным источником поступления рабов были войны, которые Египет вел с соседними народами. Как и везде в те времена, пленные становились рабами. Следует оговориться, что военнопленными считались не только воины, но и вообще население побежденной страны. Захват людей в рабство был одной из главных задач военных походов.

Но экономическое положение рабов в государственном хозяйстве лишь немногим отличалось от положения мерет. Они выполняли те же работы, что и мерет, и даже нередко в тех же рабочих отрядах, получали государственное содержание по тем же нормам, а когда государственным работникам стали выделять участки земли, такие же участки получали и рабы.

С течением времени ведение самостоятельных хозяйств стало даже основной формой эксплуатации рабов: рабу выделяли участок земли в наследственное пользование, и лишь определенную часть урожая (или дохода) он должен был отдавать государству. Естественно, такой раб был заинтересован в результатах своего труда, т.е. этот метод эксплуатации оказывался экономически эффективным.

В античном мире рабов, захваченных в одной стране, старались разобщить. А в Египте, наоборот, их часто селили вместе, специальными поселениями. Часть рабов – военнопленных – попадала в собственность частных лиц – чиновников, командиров и даже рядовых воинов. Но и в этом случае раб мог иметь семью, вести самостоятельное хозяйство и распоряжаться своим земельным наделом почти как собственным. Он мог его не только передать по наследству, но и продать, причем даже своему рабовладельцу.

Получался парадокс: хозяин раба мог распоряжаться его личностью, но не его землей [9, с. 128].

Как отмечают исследователи, все это не соответствовало нормам обычного, т.е. античного рабовладения. А точнее, это соответствовало нормам распада античной рабовладельческой системы. Ведь по законам поздней Римской империи рабовладелец тоже не мог отобрать у раба пекулий. Рабовладельческие отношения здесь, в Египте, принимали господствующие формы эксплуатации основной массы населения.

Дополнительным источником рабства было ростовщическое закабаление свободных людей, которое стало широко практиковаться уже в период Среднего царства. Ростовщические проценты здесь не ограничивались законом. Ссуды давали из 100% годовых. Но чаще практиковались «натуральные» формы закабаления. В одном из кабальных документов говорится: «Я твой раб навеки в оплату за то, что сделал ты во второй год, когда была смерть» [9, с. 139]. В сущности, это обычная кабальная грамота, какие в России составлялись в начале XVII в. Но и эти кабальные рабы сохраняли свою семью и хозяйство, обычные условия своего труда.

2.6.5. РАЗЛОЖЕНИЕ ОБЩИНЫ

Но прокладывали каналы и строили пирамиды не работники государственного хозяйства, мерет, и не рабы – бак, а «царские люди» – так назывались крестьяне земледельцы. Началось с тех времен, когда храмовое хозяйство еще считалось общинным достоянием, поэтому крестьяне обеспечивали существование храма и жрецов. Здесь, при храме, хранились общинные запасы, и в трудное время эти запасы расходовались на общие нужды. Храмовые жрецы руководили нужными всем ирригационными работами. Поэтому, когда храмовое хозяйство превращалось в номовое, а потом становилось государственным, это воспринималось не как насилие, а как норма хозяйственной жизни.

Можно ли считать, что общинные отношения сохранялись? Уже в период Древнего царства, когда каждые два года стали проводиться переписи людей и скота, это означало подчинение общины государству. Община превращается в административную ячейку государства, а общинные советы стали возглавляться чиновниками государственного аппарата.

Общинный надел все более превращается в частное владение, которое можно сдать в аренду или продать. Продажа земли практиковалась уже в период Древнего царства. Аренда стала обычным явлением, причем условия аренды были очень суровыми. Арендатор должен был отдавать хозяину зем-

ли от четверти до трети урожая, а если он получал от этого хозяина рабочий скот, орудия и семена для посева, в его распоряжении оставлялась только шестая часть урожая. Это никак не соответствовало общинным уравнильным порядкам. Поэтому не общины, а просто крестьянство было объектом эксплуатации со стороны государства.

Крестьяне должны были платить натуральный налог и отбывать государственную трудовую повинность. В период Нового царства земледelec должен был в качестве натурального налога отдавать 30% урожая (22,5% государству и 7,5% храму). Кроме того, два месяца в год он должен был отбывать трудовую повинность: работать на строительстве и содержании ирригационных систем, строительстве пирамид, храмов и дворцов.

Одним из учреждений государственного аппарата было «Ведомство поставщика людей», которое и занималось привлечением людей на принудительные государственные работы и их распределением. При этом ведомстве была тюрьма, где содержались в качестве заложников родственники бежавшего с работ человека.

Огромный размах государственных работ облегчался тем обстоятельством, что значительную часть года, периоды разлива Нила и засухи, было невозможно заниматься сельскохозяйственными работами.

2.6.6. РОДОВАЯ И СЛУЖИЛАЯ ЗНАТЬ. РЕФОРМА ЭХНАТОНА

Для того чтобы вести систематический учет населения и хозяйства (ведь надо было доходить буквально до каждого крестьянина), собирать налоги, распределять людей на работы, управлять всеми подразделениями государственного хозяйства, требовалась огромная армия чиновников, государственный бюрократический аппарат.

Основными подразделениями этого аппарата были три ведомства: общественных работ, финансово-податное и военное. Особенностью этого аппарата была нерасчлененность функций: государственные чиновники нередко занимали должности жрецов, а военачальники выполняли гражданские функции. Так, один «начальник воинов руководил сооружением каналов», а его заместитель «доставлял камень для построек и перевозил статуи», о чем свидетельствовали деловые документы [1, с. 223].

Конечно, высшие должности в этом аппарате занимали знатные люди, номовая знать, но знатность не всегда обеспечивала достаточную компетентность управления, да и разросшийся бюрократический аппарат требовал больше чиновников, чем могла дать старая родовая верхушка. Поэтому приходилось привлекать и людей не столь знатных. А если человек проникал в

эту среду и проявлял хорошие деловые качества, он мог достичь и высоких должностей. Так формировалась новая, служилая знать, игравшая все большую роль в управлении государством.

Правда, чтобы занять хотя бы низшую ступеньку чиновной лестницы, стать писцом, надо было иметь образование, закончить школу писцов. Один из учебников тогдашних школьников представлял панегирик профессии писца. В нем описывалась тяжкая доля крестьянина, каменщика, солдата. «Смотри, нет такой работы, где бы не было надсмотрщика, за исключением работы писца, ибо писец сам надсмотрщик... Ты будешь посылать многих, если будешь слушать слова старших» [1, с. 189].

Папирус был слишком дорог, чтобы его давать школьникам, поэтому они обычно писали на разграфленных плоских кусках известняка. Красные и черные чернила ученики готовили сами. Кроме письма и счета, школяры изучали законы, историю, географию и основы техники.

Со временем нарастали противоречия между старой родовой аристократией и новой служилой знатью, в руках которой все больше сосредоточивались основные нити управления.

Возникло и другое противоречие – между растущей властью фараона и номовыми жрецами. Когда фараон, усиливая центральную власть, превращал хозяйства храмов в составные части государственного хозяйства, это не могло нравиться жрецам старых богов

А между тем жрецы сохраняли определенную власть над фараоном. Хотя власть фараона считалась божественной, он мог получить эту власть только по велению главного бога египтян Амона-Ра, через оракул Амона, а точнее – по велению фи-ванских жрецов.

Эти противоречия и вылились в острый конфликт при Аменхотепе IV (1372–1354 гг. до н.э.), который попытался провести религиозно-политическую реформу. В противовес Амону он выдвинул на первый план бога Атона, бога видимого солнца. Старые боги отменялись или объявлялись прислужниками Атона.

Теряли власть и их жрецы. Это был переход почти к монотеизму. Сам фараон принял имя Эхнатон («угодный Атону») и перенес столицу из Фив, где находился храм Амона, во вновь построенный город Ахетатон («Горизонт Атона»). Эта реформа ослабляла номовую, т.е. старую родовую знать, поскольку она группировалась вокруг храма традиционных богов, и повышала роль служилой аристократии.

Реформа восстановила против Эхнатона всю номовую знать. Не нашла она поддержки и у народа, который продолжал чтить традиционных, привычных богов. К тому же старые храмы, вышедшие из общинных порядков, были понятней и ближе. Эхнатон правил всего десять лет и умер молодым,

неизвестно, своей ли смертью. Его преемник восстановил прежние порядки, прежний пантеон египетских богов. Но новая служилая аристократия сохранила свои позиции.

2.6.7. ПИРАМИДЫ

Символ Древнего Египта для нашего современника – пирамиды, усыпальницы фараонов. Но пирамиды воздвигались не в течение всей истории Древнего Египта, а за сравнительно короткий отрезок этой истории. Известные нам гигантские пирамиды строили фараоны IV династии Древнего царства. Это пирамида Хуфу (греки называли его Хеопсом), пирамида Хафра (Хефрена) и Менкадра (Микерина), не достигавшая и половины высоты своих соседей.

Пирамиды строились для обеспечения жизни фараона в загробном мире, поэтому погребальные камеры наполнялись всем, что могло понадобиться в той жизни фараону, превращались в склад дорогой утвари, предметов роскоши, украшений. Естественно, все это было самого высокого качества, достойного престижа фараона. Для обслуживания фараона на том свете вместе с ним хоронились сотни людей. Но несмотря на все меры против грабителей, еще в древности погребальные камеры были разграблены, и только сами пирамиды сохранились как памятник древнего зодчества.

Размеры пирамид действительно поражают. Высота пирамиды Хеопса 146 м. По словам К. Керрама, она «значительно выше собора Св. Петра в Риме... который мог бы свободно разместиться в гробнице египетского фараона даже вместе с лондонским собором Св. Павла» [5, с. 140].

По свидетельству Геродота, на строительстве пирамиды работало 100 тыс. человек, сменявшихся каждые три месяца в течение 20 лет. Обычно строительство велось в периоды «сухости» и разлива Нила, свободные от сельскохозяйственных работ, но иногда продолжалось и весь год, отрывая крестьян от хозяйств [2, с. 99].

Рядом с местом строительства возникали большие поселки, где в одном квартале стояли дома ведавших строительством чиновников, а рядом, за глинобитной стеной, длинные бараки, где жили рядовые строители.

Строительство пирамид истощало хозяйство страны, поэтому уже фараоны пятой династии отказались от строительства гигантских пирамид, ограничиваясь сравнительно небольшими постройками. А в дальнейшем для спасения от грабителей захоронения фараонов стали прятать под землей, скрывать.

димые для хозяйства страны, а предназначенные для фараона и его двора. И привезенное золото не служило в качестве денежного эквивалента и даже для накопления богатства. Золото считалось символом божественности, поэтому фараона хоронили в золотом саркофаге, его лицо покрывали золотой маской, а гробницы в изобилии украшались золотом.

Второе направление торговых связей – Синайский полуостров, Финикия и Сирия. Отсюда доставлялись олово, серебро, ливанский кедр, ткани и краски.

Египетские торговые экспедиции добирались до сказочной страны Пунт в Восточной Африке. Одна такая экспедиция, организованная царицей Хатшепсут (Новое царство), изображена в подробностях на стенах специально для этого построенного полупещерного храма в Фивах. Участники похода в Пунт сначала должны были двигаться пустыней к берегам Красного моря, там строили корабли и, погрузившись на них, плыли по Красному морю на юг. Возвращались суда, нагруженные богатствами этой страны: черным деревом, мирровой смолой, слоновой костью, ладаном, экзотическими животными, а также «туземцами и их детьми» [1, с. 199]. Опять мы видим набор товаров не необходимых для населения и хозяйства Египта.

Египет вел торговлю также с Критом и Микенами: при раскопках там были обнаружены изделия египетского производства.

Эту внешнюю торговлю, по крайней мере в основном, вело государство. Даже если не принимать во внимание экспедицию царицы Хатшепсут, привозились сюда товары не для народа и даже не для богатых людей. Устроить домашний зоопарк с пантерами, жирафами и обезьянами не мог даже высокопоставленный сановник.

2.6.9. ВОЙНЫ И АРМИЯ

Внешняя торговля имела не только меновой, но и военный характер. Торговые экспедиции, особенно вглубь Африки, были одновременно военными набегами. Завоевательные походы фараонов велись по направлениям этих же торговых связей: к югу, в глубь Африки, и к востоку – к Финикии и Сирии.

Уже в период Древнего царства началось наступление вверх по Нилу, и здесь египтяне начали осваивать рудные месторождения. В это же время к Египту был присоединен Синайский полуостров и там началась разработка медных руд.

В дальнейшем экспансия усилилась. Для закрепления завоеванной территории на юге в Нубии было организовано наместничество, а на востоке в

зависимость от Египта попали Сирия и Финикия. Там у власти оставались местные династии, но облагались данью в пользу фараонов. Для закрепления верности местных правителей использовалась система заложничества. Дети этих правителей и местной знати забирались в Египет, воспитывались при дворе фараона, воспринимали египетскую культуру, поклонение египетским богам, а вернувшись домой, составляли проегипетскую прослойку в правящей верхушке местного общества. Они даже обращались за помощью к Египту в случае внешней опасности.

Успехам военных походов способствовала организация вооруженных сил. Уже в период Древнего царства это было не общинное военное ополчение, а государственная регулярная армия.

Для населения существовала не только трудовая, но и воинская повинность. Молодые египтяне призывались на военную службу, проходили военное обучение, а отслужив свой срок, возвращались к обычной жизни, но оставались военнообязанными на случай войны. Во время службы они обеспечивались за счет государства одеждой, пищей и оружием. Существовал «Дом оружия», где не только готовилось и хранилось вооружение, но и обеспечивалось все материальное снабжение армии.

В период Древнего царства армия состояла из отрядов пехоты, вооруженных луками, копьями и мечами. Пока не было не только конницы, поскольку египтяне не знали лошадей, но и боевых колесниц.

Колесницы появились в период Нового царства, после нашествия гиксосов. Они и были заимствованы у гиксосов. Возникли новые виды вооружения: серповидный бронзовый меч, бронзовый боевой топор, сложный лук, склеенный из рога и разных сортов дерева, пластинчатый панцирь. Эти новые виды вооружения имели азиатское происхождение, были заимствованы в странах Передней Азии.

В период Нового царства в составе армии стали преобладать наемники – сирийцы, ливанцы, негры. Эти люди, не связанные ни с номовой знатью, ни вообще с народом Египта, полностью зависевшие от своих командиров, очевидно, считались более надежной опорой власти.

История Древнего Египта как самостоятельного государства заканчивается в VII в. до н.э. Асархаддон покорил Египет и 15 лет (671–655 гг. до н.э.) Египет был частью Ассирийской империи. Правда, после этого на короткое время страна снова восстановила самостоятельность под властью Саисской династии, но в 525 г. до н.э. Египет был завоеван персами, а в 332 г. – Александром Македонским.

* * *

Итак, Древний Египет принято рассматривать в качестве классического образца «азиатского способа производства». Как и в других странах, где основой развития хозяйства была ирригация, государство господствовало в экономике, и государственный сектор доминировал в хозяйстве страны. Частная собственность, богатство не определяли положение человека в обществе, а определялись его местом в государственной иерархии. Человек мог быть богатым землевладельцем и иметь большое хозяйство с зависимыми людьми лишь постольку, поскольку он занимал определенную административную должность. Правда, его хозяйство практически было наследственным, но оно и наследовалось вместе с должностью. Этим определялись и основные противоречия в правящей верхушке: новая служилая знать оттесняла старую номовую аристократию.

Господством государства в экономике определялось и существование особого сословия – мерет, государственных работников, находившихся на казенном обеспечении.

Однако примитивная схема, согласно которой государство возникает как объединение общин, общинная собственность на землю превращается в государственную, а общинные общественные работы – в государственную трудовую повинность, здесь оказывалась гораздо сложнее.

Переход от общины к государству здесь проходил через два этапа. На первом этапе это было объединение общин вокруг храма местного божества, где были сосредоточены общины, общественные функции, от складов общественных припасов до координации ирригационных работ. Именно вокруг храмов и возникает первая ячейка государственности во главе с жрецами и номовой знатью, возникает ном.

Второй этап – объединение номов в отдельное государство во главе с фараоном, превращение храмовых и номовых земель в общегосударственные и местных общественных (изначально общинных) работ в государственную трудовую повинность.

В основе этого процесса, у его истоков лежали действительно общественные, общинные потребности, которые тем легче было превратить в государственные, что они освящались авторитетом божества и реальной необходимостью ирригации.

Община между тем переставала существовать, превратившись в административную ячейку государства. Общинный надел становится наследственным владением, которое можно было даже продать, и покупатель тем самым становился членом общины. И теперь государство эксплуатировало уже не общинников, а просто земледельцев, интересы которых община не защищала.

Определяющим фактором восточного пути развития, «азиатского способа производства» считается второстепенная роль труда рабов в материальном производстве. Это в полной мере относилось к Древнему Египту, где труд рабов не только играл второстепенную роль, но и эксплуатация рабов существенно отличалась от рабовладельческих отношений Запада. Рабы эксплуатировались так же, как другие разряды зависимого населения, сливаясь с ними в единую массу.

Разложение «азиатского способа производства» в связи с развитием товарно-денежных отношений и частной собственности здесь имело особый характер. Мы не знаем в Египте крупных купцов или банкиров. Не частные предприниматели, расширяя сферу своей деятельности, увеличивают свои позиции в экономике, а чиновники государственного аппарата и жрецы захватывают куски государственного хозяйства, закрепляют данные им в управление части этого хозяйства в свою собственность.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Белова Г. А. Загадки древних пирамид // Вопросы истории. 1983. № 5.
3. Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
4. История Древнего Востока. М., 1988.
5. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
6. Копрелл Л. Во времена фараонов. М., 1982.
7. Монтпэ П. Египет Рамзесов. М., 1989.
8. Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
9. Спучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта. М., 1982.
10. Церен Э. Библейские холмы. М., 1966.
11. Шиллюк Н. Ф. Древний Восток. Свердловск, 1991.

2.7. Древняя Индия

В Индии государство и цивилизация рождались дважды. Сначала возникла индская цивилизация в бассейне реки Инда. Ее называют также харапской, по названию одного из крупнейших городов этого государства. Расцвет этой цивилизации приходился на XXIII–XVIII вв. до н.э., т.е. это третья по времени возникновения цивилизация в мире после Шумера и Египта.

Конец этой цивилизации положило вторжение ариев в Индию, в результате которого страна вернулась к первобытнообщинному строю.

Вторично государство и цивилизация рождаются лишь тысячелетие спустя в долине Ганга, но это была уже цивилизация другого народа.

В отличие от Месопотамии и Египта основой рождения государств здесь была не необходимость ирригации. Обильные осадки позволяли получать в Индии два урожая в год без создания единой ирригационной системы. Искусственное орошение ограничивалось местными масштабами: небольшими каналами в сторону от рек, колодцами и журавлями – шадуфами. Для этого не надо было объединять страну.

Более насущной задачей здесь была борьба с джунглями, их расчистка под пашню. Эту работу было невозможно выполнить в масштабах всей Индии, поэтому индийские государства охватывали только «окультуренные» земли по берегам рек, которые соединялись между собой дорогами через джунгли. А в этих джунглях обитали дикие охотники и собиратели, неподконтрольные государственной власти, нападавшие на караваны купцов и окраинные селения.

2.7.1. ЗАГАДКИ ИНДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Как уже сказано, индская, или хараппская, цивилизация существовала в долине Инда в XXIII – XVIII вв. до н.э. Для историков эта цивилизация представляет сплошные загадки. Первая загадка заключается уже в том, что письменность этого государства нерасшифрована. Здесь не было выбитых на камне надписей о деяниях и победах царей, деловые записи на пальмовых листьях и кусках ткани, естественно, не сохранились. Не сохранился и сам язык жителей этого государства. Остались лишь вырезанные на камне печати, которые, строго говоря, не были печатями. Они прикреплялись к тюкам с товарами для обозначения принадлежности этих товаров. Но это была письменность – специалисты насчитывают до 20 знаков, вырезанных на этих печатях. Расшифровать, однако, эти знаки пока не удалось.

Поэтому судить об индской цивилизации мы можем лишь по материалам археологических раскопок двух главных ее городов – Хараппы и Мохенжо-Даро. Названия этих городов условны. Мохенжо-Даро назван по современному названию местности, где велись раскопки, а Хараппа – по названию современной деревушки. Археологи обнаружили еще несколько поселений городского типа того времени, но по своим размерам они намного уступали Мохенжо-Даро и Хараппе.

Вторую загадку для историков представляют сами эти города. Они были четко распланированы. Главные улицы шириной в 10 м пересекались под прямым углом, а в стороны от них, тоже под прямым углом, отходили переулки. Город был разбит на кварталы размером 200 на 400 м. Такой четкой планировки городов не было ни в других странах Древнего Востока, ни в средневековой Европе. Но это значит, что города не выросли на базе разросшихся сельских поселений, а были построены по плану сильным государством, которое могло в этом деле диктовать свою волю.

Более того, здесь была городская система канализации, какой не было нигде ни в древности, ни в Средние века. В каждом доме имелась «комната для омовений» (термин историков нашего времени), у которой был слив в городскую канализацию.

Каждый из двух крупнейших городов занимал площадь в 2,5 кв. км и насчитывал несколько десятков тысяч жителей.

Д. Неру противопоставляет эти города другим городам Востока. Там лицо города определяли грандиозные храмы и чертоги правителей, вокруг которых располагались примитивные жилища городского люда, здесь же главное место занимали «сооружения, возведенные для удобства жителей» [6, с. 71].

Ровная застройка города, преобладание благоустроенных домов привели английского индолога А. Бэшема к выводу, что «среднее сословие» здесь играло большую роль, чем в Шумере и Египте [2, с. 23].

В результате раскопок у археологов иногда возникало впечатление о преобладании домов в несколько этажей. Дело в том, что в периоды разливов Инда города неоднократно затоплялись, речные наносы повышали уровень земли, заполняя нижние этажи. Эти нижние этажи оставались под землей, а новые стены надстраивались на основе прежних. Кстати, это было одной из причин, почему и улицы оставались прежними.

Сами дома были похожи на аналогичные жилища в Месопотамии и Египте. Они были сложены из обожженного кирпича, имели плоские крыши, располагались вокруг внутреннего двора и окон на улицу не имели.

К западу от города находилась «цитадель» – окруженная зубчатой стеной крепость площадью 180 на 360 м, расположенная на искусственной платформе высотой в 15 м. Цитадель, таким образом, возвышалась над городом и была от него отгорожена. Это обстоятельство может служить дополнительным свидетельством существования государственной власти

Кроме зданий общественного назначения, в цитадели находился прямоугольный бассейн площадью 12 на 7 м и глубиной 2,5 м. Индийский историк Д. Косамби считает, что этот бассейн имел религиозное значение. В индий-

ской традиции подобные бассейны назывались «пруд лотосов» и служили местом обитания апсар – водяных нимф [5, с. 75].

2.7.2. ХОЗЯЙСТВО ИНДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В Хараппе рядом с крепостью находилось огромное зернохранилище площадью 50 на 40 м. В Мохенжо-Даро аналогичное зернохранилище находилось внутри крепости. Очевидно, это зерно предназначалось не только для правящей верхушки, но и для всех горожан. Можно предполагать, что здесь существовало государственное хозяйство и государственное распределение продовольствия, как в Шумере. Во всяком случае, государственные зернохранилища свидетельствовали, что цитадель господствовала не только над горожанами, но и над сельскими жителями.

По территории, которую охватывала индская цивилизация, протекало семь крупных рек. Две из них впоследствии пересохли. Илистые отложения во время разливов обеспечивали восстановление плодородия почвы, хотя слой ила здесь был не столь значительным и плодородным, как в Египте. Известно, что здешние торговые люди бывали в Шумере и были знакомы с системами орошения в Месопотамии, но подобных ирригационных систем жители индской цивилизации у себя не строили: очевидно, не было в этом необходимости. По свидетельству Д. Косамби, здесь была борона, но не было плуга.

Выращивали здешние жители пшеницу, ячмень, горох, кунжут. Важное место в хозяйстве занимала финиковая пальма. Была освоена культура хлопчатника и изготовление хлопчатобумажных тканей. Из животных разводились зебу, буйволы, козы, овцы, свиньи, ослы. Возможно, началось приручение слонов.

В городах существовали все те же отрасли ремесла, что и в Египте и Месопотамии того времени. Индская цивилизация – это бронзовый век. Из бронзы изготавливались разнообразные орудия, причем бронзу вывозили отсюда в другие страны, следовательно, здесь было хорошо развито ее производство.

Исследователи отмечают, что здесь было очень мало оружия, а его качество было ниже, чем качество орудий труда. Совсем не было мечей, а наконечники копий не имели ребра жесткости, так что при сильном ударе такой наконечник должен был согнуться. Вероятно, это миролюбие объяснялось тем, что пока не с кем было воевать.

Индские печати находят при археологических раскопках в Месопотамии, а также на территории Ирана и Туркмении, что свидетельствует об активных торговых связях. Отсюда вывозили хлопчатобумажные ткани, бронзу, а также слоновую кость, жемчуг, павлинов и обезьян.

В XVIII в. до н.э. индская цивилизация перестала существовать. Мохенджо-Даро был сожжен и разрушен завоевателями – ариями, а жители перебиты. После этого жизнь на развалинах города уже не возобновлялась.

Конечно, одной из причин разгрома была примитивность вооружения и то обстоятельство, что войско завоевателей было конным. Завоеватели находились на стадии первобытно-общинного строя, но их военная организация была намного лучше.

Но этому предшествовал продолжавшийся веками период постепенного упадка культуры. На протяжении ее тысячелетнего существования историки не обнаруживают существенного прогресса. Внешним выражением этого служила застывшая планировка городов. Но в истории стояние на месте приводит к регрессу. Города ветшали, часть улиц застраивалась домами. И причины этого застоя и упадка цветущей цивилизации тоже представляют одну из загадок истории.

2.7.3. АРИИ

Завоеватели-арии были кочевниками-скотоводами. Они не знали городов и письменности, находились на стадии родо-племенного строя. Это были воинственные племена, и слово «война» на их языке означало «захват коров».

К началу II тыс. до н.э. они населяли обширные степные пространства от Польши до Средней Азии. В начале этого тысячелетия или из-за перенаселенности, или из-за засухи, поразившей пастбища, мир ариев пришел в движение. Часть племен двинулась на восток, часть на юг, часть на запад. Некоторые племена переместились на территорию Европы и составили основу будущих греков, латинян, кельтов. Славянские и балтийские народы тоже ведут свое начало от них. Сливаясь с местным населением, они занимали господствующее положение и передавали ему свой язык. Так возникла группа индоевропейских языков, хотя антропологически народы этой группы имеют мало общего между собой. Немцы или прибалты нашего времени не похожи на индийцев, хотя относятся к одной группе индоевропейцев.

Завоевания ариев и их распространение по всей Евразии послужили основой для создания теории превосходства арийской расы в нацистской Германии. Поэтому в советской исторической литературе история арийских завоеваний или замалчивалась, или, по крайней мере, об ариях было принято говорить очень осторожно.

В чем заключались причины такого победоносного распространения ариев по континенту? Очевидно, в особенностях кочевого скотоводства. Это

были те же причины, которые позволили кочевникам-монголам два тысячелетия спустя завоевать Среднюю Азию, Кавказ, Сибирь и русские княжества.

В отличие от оседлых земледельческих народов кочевники мобильны. У них всегда имеется «передвижной» запас пищи в виде скота, их жилища – повозки, но главное – стремительное конное войско, которого еще не знали тогда побеждаемые народы.

Завоевания ариев были опустошительны. Они настолько разрушали местное хозяйство, местную культуру, что она не могла уже восстановиться в прежнем виде (именно так и случилось с индской цивилизацией). Язык ариев стал господствующим в Индии, вытеснив местные наречия. Это еще одна из причин, почему не расшифрована письменность индской цивилизации.

Не встречая существенного сопротивления, арии прошли через земли Инда и расселились по центральной части Индо-Гангской равнины. Эту центральную часть Индии теперь стали называть «земля ариев». Индия вернулась к первобытно-общинному строю, превратилась в страну мелких деревень, которые первоначально были стоянками скотоводов. От нескольких последующих столетий после нашествия ариев не осталось никаких археологических памятников, никаких материальных следов.

2.7.4. ВАРНЫ И КАСТЫ

Когда кочевники-скотоводы переходят к оседлой жизни, все большее место в их хозяйстве начинает занимать земледелие. Перестав кочевать, они перестают быть «чистыми» скотоводами. В Индии начинается «ведийский» период, который заканчивается образованием государства в VII–VI вв. до н.э.

Свое название этот период получил от слова «веды» (родственного нашему «ведать» – мы ведь тоже индоевропейцы). Веды – это религиозные гимны, описания обрядов и т.п., которые передавались от поколения к поколению в устной форме (письменности еще не было). Рабиндранат Тагор писал, что веды – «поэтическое свидетельство коллективного выражения народного восторга и благоговейного ужаса перед жизнью» [6, с. 80]. Наиболее известная из вед – Ригведа, которая возникла в конце XVI в. до н.э. К этому же времени относятся поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», которые тоже веками передавались в устной форме и были записаны лишь в Новое время. Поскольку веды и эпические поэмы рождались в определенном обществе, они содержат сведения об организации этого общества и хозяйства и являются важным источником для истории.

Это был родо-племенной строй. Каждое племя занимало определенную территорию. Во главе племени стоял военный вождь – «раджа» (слово, род-

ственное латинскому «рекс»). Единицей, на которые делилось племя, была родовая община – «грама». Впоследствии грамой называли просто деревню.

Родовые отношения были закреплены в «законах Ману» – оформленных в законы обычаев. Согласно этим законам, после смерти отца имущество не делилось, а передавалось старшему сыну. «Остальные братья должны жить при нем, как при отце». Особенно тяжелым было положение женщины. Согласно законам Ману, она «ничего не должна делать по своей воле... В детстве женщина должна подчиняться отцу, в молодости – мужу, по смерти мужа – сыновьям» [1, с. 529]. Впрочем, по древнему обычаю после смерти мужа она должна была за ним взойти на костер.

Земледелие сочеталось со скотоводством. Выращивались те же земледельческие культуры и разводились те же виды скота, что и в индской цивилизации. Правда, у ариев были лошади, но, как и в других странах Востока, они использовались в основном в военных целях. Появился тяжелый плуг, в который запрягалось от 6 до 12 быков.

На рубеже I тыс. до н.э. получило распространение железо. Предполагается, что техника железной металлургии была принесена с очередной волной кочевников с севера. Для Индии появление железа имело особо важное значение: вырубка джунглей, т.е. расширение хозяйственной сферы, была невозможна без железного топора.

В ведийский период складывается система варн и каст. Начало было положено делением всех людей на ариев и не-ари-ев, т.е. прежних местных жителей, которые для завоевателей были чужими.

Уже в Ригведе общество делится на четыре варны: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр, и каждый арий был членом одной из этих варн. Варны были замкнутыми группами: человек принадлежал к своей варне по рождению, и переход из одной варны в другую исключался.

Высшую варну составляли жрецы – брахманы. Очевидно, они в первую очередь выделились в замкнутую группу, ведающую религиозными обрядами. Они считались учеными и учителями. Брахманы занимали высшую ступеньку сословной лестницы, выше правителей и воинов. Д. Неру писал: «Правитель и воин всегда склонялись перед ученым... Предполагалось, что этот класс мыслителей или философов стоял на вершине социальной лестницы и пользовался всеобщим почетом и уважением. За ними шли люди действия, правители и воины» [6, с. 87]. Не следует, однако, забывать, что эта ученость исходила из религиозных канонов. Монополия на ученость не препятствовала брахманам занимать крупные государственные посты и не определяла их материального положения. Некоторые брахманы влачили нищенское существование.

На втором месте стояла варна кшатриев – воинов и правителей. Кшатрии, сражавшиеся на боевых колесницах и слонах, составляли основу войска. А так как раджи, возглавлявшие племена, были военными вождями, то они обычно были из кшатриев.

На третьем месте стояла варна вайшьев. Вайшьи – это торгово-земледельческое сословие. Как пишет А. Бэшем, вайшья – это хозяйственник, «деловой человек Древней Индии» [2, с. 153]. Впрочем, к этой варне относились и крестьяне.

Четвертая варна – шудры. Шудры должны были обслуживать представителей высших варн, выполняя грязные и унижительные работы. Шудра должен был питаться объедками, носить изношенную и выброшенную одежду. Наказание за убийство шудры было таким же, как за убийство кошки или собаки. А так как занятия ремеслом не входили в функции трех высших варн, то именно шудры занимались некоторыми отраслями ремесла.

Но даже шудры входили в состав общества ариев, составляя его низшую прослойку. За пределами варн оставались «неприкасаемые», чандалы, общение с которыми оскверняло представителей варн. Чандалам не разрешалось жить в селениях ариев, есть они могли только из разбитой посуды.

Однако варны – это не касты. Не было касты брахманов или вайшьев. Существование каст дополнительно усложняло социальную структуру. Каста – это еще более замкнутая группа, как правило люди определенной профессии. Были, например, касты рыбаков, охотников, кожевников, подметальщиков улиц. Д. Неру выводит зарождение кастовой системы из существования деревень, жители которых занимались определенным ремеслом. Были, например, деревни плотников, кузнецов и т.д. Эти деревни обычно располагались недалеко от города и обслуживали горожан.

На фоне суровых норм варн и каст рабство в Индии было очень мягким, настолько, что иностранцы его вообще не обнаруживали.

Словом «даса» – раб первоначально называли покоренных ариями аборигенов Индии. Рабом мог стать военнопленный. А также человек, приговоренный к рабству на определенный срок по решению суда. Человек мог сам продать в рабство себя и свою семью. Рабом мог стать и неоплатный должник, но только после того, как отработывал долг, он становился свободным.

Чаще всего рабы использовались в качестве домашней челяди, слуг. Раба не только нельзя было убить, но закон ограничивал и телесное наказание раба. Хозяин мог «экономить за счет жены и детей, но не за счет раба» [2, с. 164]. Раба нельзя было заставить выполнять унижительную или грязную работу. Принуждение к этому вело за собой освобождение раба. Хозяин, подвергший насилию рабыню, был обязан отпустить ее на волю.

2.7.5. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО МАУРЬЕВ

Ход экономического развития неизбежно вел к образованию государства. К середине I тыс. до н.э. на территории Индии сложилось около десятка государств, концентрировавшихся вокруг городов. Как и в других странах Востока, например, в Шумере, Финикии, это были города-государства, т.е. государство представляло город с окружающими сельскими владениями. Наиболее значительным из этих государств была Магадха, расположенная в нижнем течении Ганга.

Северо-западная часть Индии входила в состав Персидской державы Ахеменидов. В 80-х гг. IV в. до н.э., завершая победу над Ахеменидами, в Индию вторгаются войска Александра Македонского. Для солдат Александра Индия была фантастической страной, где тростник достигал гигантских размеров (бамбук), шерсть росла на растениях (хлопок), а жители умели получать белый песок, который был слаще меда (сахар). Нашествие, а точнее, набег Александра Македонского был кратковременным и в Индии остался почти незамеченным, но ускорил объединение страны в единое государство.

Чандрагупта, основатель династии Маурьев в Магадхе, захватывает сначала Пенджаб, оставшийся бесхозным, поскольку ушли персы, а потом и Александр Македонский, а затем присоединяет к своим владениям и остальные части Индии. Династия Маурьев правила объединенным Индийским государством с 317 по 180 гг. до н.э.

Подробные сведения об организации этого государства и особенно об организации государственного хозяйства содержатся в трактате «Артхашастра», название которого переводится как «Наука об увеличении материального благосостояния» [5, с. 147]. Составил «Артхашастру» советник Чандрагупты брахман Чана-кья (или Каутилья) в конце IV в. до н.э., и это сочинение является основным письменным источником об организации государственного хозяйства Индии Маурьев. По словам Д. Косам-би, это было «единственное государство, где политическая экономия воспринималась как наука» [5, с. 156].

Государственное хозяйство Маурьев было весьма обширным. Все рудники принадлежали государству. Часть их разрабатывалась непосредственно государством, часть сдавалась подрядчикам. Все, что добывалось в лесах, от слонов до древесины, также считалось собственностью государства. В составе государственного сектора были прядильные и ткацкие предприятия. Оружие изготовлялось в государственных арсеналах, корабли строились на государственных верфях. В составе государственного аппарата существовало ведомство орошения, которое руководило ирригационными работами. Среди государственных чиновников в «Артхашастре» упоминаются надзиратели

за царскими землями, лесами, царским скотом, казной, инспектор государственных зернохранилищ, надсмотрщики за торговлей и пошлинами.

Очевидно, что при таком огромном бюрократическом аппарате трудно было избежать коррупции. Чанакья писал, что уследить за чиновником, который склонен поживиться за счет государства, так же трудно, как определить, сколько воды выпивает рыба в реке [5, с. 148].

Для контроля за чиновниками была учреждена должность «служителей справедливости» – инспекторов, которые вели надзор за всеми подразделениями власти.

Сельская территория делилась на округа – джанапады. Эти округа были разделены пространствами лесов, населенных атавиками – дикими племенами охотников и собирателей. Низшей административной единицей, из которых состояли джана-пады, была деревня – грама.

В каждой граме был свой орган управления – деревенский совет во главе со старостой, представителем государства, обычно из богатых крестьян. За выполнение административных функций он освобождался от налогов. В крупных деревнях при старосте состояли счетовод, стражник, сборщик налогов.

Эти деревенские органы, кроме сбора налогов, ведали пустующими землями, занимались организацией государственных работ – строительством дорог, плотин, оросительных сооружений, причем деревня на время выполнения этих работ освобождалась от налогов.

Джанапады делились на две категории – раштра и сита, причем земли сита считались государственной собственностью. Их доля постепенно увеличивалась, поэтому греки даже считали, что вся земля в Индии принадлежит государству. Государственными считались новые земли, расчищенные от леса силами государства, а также земли переселенцев из других мест (в Индии, как и в Ассирии, практиковалось переселение побежденных).

Налог с крестьян на землях сита был выше. Крестьяне раштра отдавали государству 1/6 часть урожая, сита – 1/4, а иногда даже 1/3 урожая.

Крестьянам сита запрещалось переселяться в другие места, сюда был закрыт доступ странствующим артистам и запрещалось строительство зданий для общественных собраний и игр, чтобы не отвлекать людей от полевых работ.

Именно на землях сита выделялись в пользование участки земли государственным служащим, в частности, солдатам, на льготных условиях. Освободившиеся участки поступали в распоряжение ведомства государственных земель. Иногда такой участок обрабатывался приговоренными к принудительным работам по решению суда, а иногда сдавался в аренду «исполу».

Такому арендатору обычно предоставлялся и рабочий скот и зерно для посева, урожай делился пополам, и женщины семьи арендатора должны были молотить зерно государственной половины урожая.

Все это позволяет утверждать, что государство занимало господствующую позицию в экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве.

2.7.6. ГОСУДАРСТВО И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Особенно удивительно то, что государственное хозяйство Маурьев было построено на принципах товарно-денежных отношений. Чиновники, государственные служащие получали плату не натурой, а деньгами, и на эти деньги они должны были покупать все необходимое, в том числе и с государственных складов.

Денежной единицей была пана – монета весом в 3,76 г. серебра. Первые монеты появились в VI в. до н.э. Это были пластинки серебра с указанием веса и клеймом, но без легенды, без надписей. Чеканка монет с легендой начинается только во II в. до н.э.

Денежное жалованье получали не только чиновники. Самое большое жалованье, 48 тыс. пан в год, получали главная жена царя, царица-мать, наследный принц и главнокомандующий. Самую низкую плату, 60 пан, платили неквалифицированным работникам. Это соответствовало крайне скудному прожиточному минимуму. Квалифицированный мастер на государственной службе получал 120 пан, солдат-пехотинец – 500 пан. Солдатское жалованье быстро возвращалось в казну, потому что военных лагерях государственные маркитанты продавали с государственных складов.

Значительная часть крестьянской продукции, как уже отмечено, поступала на государственные склады и здесь проходила дальнейшую обработку: зерно превращалось в муку, семена кунжута в масло, хлопок и шерсть – в пряжу. Эти работы выполнялись тоже за денежную плату. А конечная продукция поступала в продажу, причем не только людям, занятым в государственном аппарате.

Рудники и металлургические предприятия принадлежали государству, но государство не занималось производством орудий труда, утвари и украшений. Металл продавался торговцам, ремесленным объединениям и отдельным мастерам. Государство не занималось производством товаров широкого потребления – это было делом частных ремесленников.

Ремесленники государства Маурьев были объединены в корпорации – шрени по профессиям (например, шрени хлопка-ткачей), подобные ремесленным цехам средневековой Европы. По утверждению А. Бэшема, шрени «существовали во всех значительных индийских городах и охватывали почти

все сферы производства» [2, с. 234]. Как и средневековый европейский цех, шрени устанавливали стандарты и цены, правила организации и оплаты труда, имели собственные знамена.

Проявлением товарно-денежных отношений было и то обстоятельство, что в индийском правосудии наказанием почти за все преступления была система штрафов. За убийство кшатрия полагался штраф стоимостью в 1000 коров, вайшьи – 100, шудры – 10 коров. Штрафы были дополнительным источником государственных доходов.

В этих условиях важное место в экономике страны занимала торговля. Существовало правило, запрещавшее частным торговцам продавать товары на месте их производства. Купец должен был везти приобретенный товар в другую часть страны. Но дороги проходили через леса, населенные дикими племенами. Были даже целые деревни профессиональных грабителей. Поэтому купцы объединялись в караваны численностью до 500 человек, которые двигались через джунгли с вооруженной охраной. По прибытии на новое место оружие надлежало сдать в местный арсенал на хранение.

К началу нашей эры большие масштабы приобрела торговля с Западом, особенно с Римской империей. Туда вывозились предметы роскоши, пряности, шелк, сандаловое дерево, сахар. Для Индии эта торговля имела активный баланс, и уже тогда началась утечка золота из Европы на Восток.

2.7.7. ГОРОДА

Развитие централизованного государственного хозяйства, ремесла и торговли означало бурный рост городов. Население некоторых городов достигало полмиллиона человек. Столица страны Паталипутра тянулась вдоль Ганга на 14,4 км, а ширина города в сторону от Ганга достигала 3 км. По утверждению Д. Косамби, она была «величайшим городом в мире» [5, с. 149].

В «Артхашастре» содержалось требование строгой планировки городов. Город, согласно этим требованиям, должен был иметь шесть главных улиц, из которых три должны идти с севера на юг, а три – с запада на восток. Однако на практике требования «Артхашастры» выполнялись не всегда. Некоторые города действительно имели правильную планировку, а, например, в городе Бхир-Маунд в кривую главную улицу вливался лабиринт узких переулков, разветвлявшихся по прихоти частных застройщиков.

Но дома здесь отличались от домов Месопотамии или Египта. Дом завершался не плоской, а полуцилиндрической сводчатой крышей с заостренным коньком и иногда – шпилем. Внешние стены дома не были глухими, а выходили на улицу окнами и балконами. Но, как и в Месопотамии, в центре стро-

ения находился квадратный двор, окруженный верандой. К домам богатых горожан примыкали сады с обширными водоемами. Индийцы любили цветущие деревья и цветы, среди которых особое место занимал лотос, имевший религиозное значение. Но роза тогда была еще неизвестна индийцам.

Город, как правило, был окружен рощами для отдыха горожан. «Артхашастра» рекомендовала в городе устраивать общественный колодец на каждые 10 семей.

2.7.8. АРМИЯ

Несмотря на то что кшатрии были военным сословием, в период вед к военной службе привлекалось все население, т.е. существовала всеобщая воинская повинность. Однако в государстве Маурьев произошел переход от этой повинности к регулярной государственной армии. Это было большое войско. По словам Плутарха, Чандрагупта Маурья завоевал Индию с армией в 600 тыс. человек. А с вспомогательными войсками ее численность доходила до миллиона.

Эта армия состояла из четырех родов войск: слонов, конницы, колесниц и пехоты. По словам Д. Неру, этому составу армии соответствовали четыре фигуры в шахматах, родившихся именно в Индии. Согласно «Артхашастре», боевое подразделение состояло из 45 колесниц, 45 слонов, 225 конных и 675 пеших воинов [2, с. 141]. Боевые слоны шли обычно в авангарде армии, сминая ряды врагов. На спине каждого слона, кроме погонщика, находились 2–3 воина, вооруженные длинными копьями и луками. Но у слонов был один недостаток: достаточно было испугать одного из них, особенно с помощью огня, как паника распространялась на других, и слоны выходили из повиновения, топча собственных воинов.

В индийской армии использовались баллисты, стенобитные машины и зажигательные снаряды. В составе этой армии были и санитарные отряды с подразделениями ветеринаров для обслуживания слонов и лошадей.

Для индийской армии были характерны необыкновенные для того времени черты гуманности. Законы войны обеспечивали неприкосновенность крестьянам – земледельцам, и греки с удивлением отмечали, что крестьяне продолжали работать на полях, даже если рядом происходило сражение. Убийство пленных сурово осуждалось. Их обычно отпускали за выкуп, а если пленного не выкупали, он становился рабом, но отпускался на волю после отработки суммы выкупа.

2.7.9. АШОКА И БУДДИЗМ

Наивысшего расцвета экономика государства Маурьев достигла в период правления Ашоки, внука Чандрагупты (273–232 гг. до н.э.). Ашока был приверженцем буддизма, нового религиозного течения, возникшего в Индии в VI в. до н.э. При Ашоке буддизм распространился за пределы Индии и стал одной из мировых религий. И даже VI–III вв. до н.э. в истории Индии иногда называют буддийским периодом.

В работе по экономической истории мы не можем давать подробный анализ этого религиозного учения, тем более что историки по разному толкуют это учение. В интерпретации советских историков буддизм исходил из того положения, что жизнь есть страдание. Поэтому следует отказаться от всех жизненных благ и стремиться уйти из жизни в нирвану – состояние абсолютного покоя. Однако Д. Неру утверждал, что «буддизм учил не отказу от жизни и деятельности, а отрешенности от мирской суеты» [6, с. 84]. Буддизм возник как еретическая секта в составе индуизма и непосредственно был направлен против кастового строя и привилегий брахманов.

Одним из требований буддизма был отказ от насилия, и именно эта черта нашла наиболее полное воплощение в политической практике Ашоки. Завершая объединение страны, Ашока завоевал Калингу, небольшое государство на западе Индии. Сотни тысяч людей погибли в сражениях и были переселены на новые места. После этого Ашока заявил, что раскаивается и больше воевать не будет. В специальном указе он писал, что, «когда покоряют непокоренную страну, там происходит убийство, смерть и угон людей, а это мучительно и тяжело» [2, с. 62]. Армия теперь нужна только для парадов.

После этого Ашока стал уделять главное внимание общественному благоустройству. Было выстроено много больниц для людей и лечебниц для животных с бесплатным медицинским обслуживанием за счет государства. На главных торговых путях через определенные интервалы закладывались колодцы, места отдыха и фруктовые сады.

После смерти Ашоки страна распалась на мелкие государства, которые были уже неспособны оказать существенное сопротивление завоевателям. Начались вторжения иноземцев – греко-бактрийцев, саков, парфян.

* * *

Насколько экономика Древней Индии соответствовала традиционному стандарту «азиатского способа производства»? Труд рабов в материальном производстве играл ничтожно малую роль. Государство занимало господ-

ствующее положение в экономике и индской цивилизации, и в державе Маурьев. Особенностью Индии было то, что государственный сектор Маурьев был построен на базе товарно-денежных отношений. Но во всех сферах хозяйства существовал и довольно развитый частный сектор, причем в ремесле дело дошло даже до образования профессиональных объединений, подобных средневековым цехам Европы.

Другой особенностью Древней Индии было то, что здесь не зафиксированы крупные частные земельные владения, крупные хозяйства с использованием труда зависимых крестьян. Представители высших варн не становились крупными землевладельцами, довольствуясь обеспечением за счет государственного хозяйства и наследственными привилегиями.

Государство и правящие сословия существовали за счет крестьян, объединенных в общины. Общины находились под контролем государства, но распад общины, общинных отношений здесь не прослеживался. Поэтому относительно Индии можно утверждать с полным правом, что государство существовало за счет крестьян-общинников и эксплуатировало крестьян через общины.

Главной причиной консервации общинных отношений был кастовый строй. Принадлежность к определенной касте или варне наследственно закреплялась за человеком. Шудра не мог стать кшатрием, но в своей деревне он был полноправным. Правда, средневековый европейский крестьянин тоже не мог стать дворянином, но там существовало среднее, городское сословие. Здесь же разрыв со своим сословием означал переход в низшую, бесправную группу, переход в число отверженных. Кастовый строй, составлявший главную особенность Индии, закреплял существовавший порядок.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
3. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985.
4. История Древнего Востока. М, 1988.
5. Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М., 1968.
6. Неру Д. Открытие Индии. М., 1955.
7. Чайльд Г. Древний Восток в свете новых раскопок. М.,
8. Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.

2.8. Древний Китай

2.8.1. ДИНАСТИИ И ТРАДИЦИИ

История Древнего Китая – это не история одного государства. На протяжении веков здесь государства складывались, затем распадались на несколько самостоятельных царств. Одному из этих царств иногда удавалось объединить страну, а потом снова происходил распад.

Самым первым государством на территории Китая было государство Инь или Шан. По утверждению Л.С. Васильева, одного из крупнейших российских специалистов по истории Китая, это было еще не государство, а «прото-государство». Оно просуществовало семь веков – с XVIII в. до 1027 г. до н.э. Его сменило государство Чжоу (или Западное Чжоу), которое существовало два с половиной столетия, до 770 г. до н.э. Правда, принято считать, что Чжоу (точнее, Восточное Чжоу) существовало до 221 г. до н.э., но в действительности в VIII в. до н.э. оно распалось (иногда наши историки это называют периодом феодальной раздробленности), и следующие пять веков, до 221 г. до н.э., на территории Китая было несколько самостоятельных государств.

В 221 г. Китай был объединен династией Цинь, правление которой продолжалось 14 лет (221–207 гг. до н.э.), а затем ее сменила династия Хань, которая правила два века (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.). Правда, в китайской традиции считается, что правление этой династии продолжалось до 220 г. н.э., но в действительности в первые годы нашей эры Китай снова распался на мелкие государства.

Проследить эти сложные перипетии политической истории Древнего Китая – не наша задача. Для рассмотрения экономической истории мы выделим лишь два периода:

Шан Инь объединим с периодом Западного Чжоу, т.е. первые 9,5 веков существования государства. Это тем более целесообразно, что племена Чжоу, покорив Шан Инь, полностью переняли его культуру и организацию хозяйства.

Остальные семь веков истории Древнего Китая также можно объединить: организация хозяйства за это время не претерпела существенных изменений.

Уже в период первого же известного нам китайского государства, царства Шан Инь, существовала иероглифическая письменность. Впоследствии она способствовала объединению Китая: люди из разных районов огромной страны говорили на разных наречиях, но иероглифы у них были общие и написанное было понятно всем.

Но деловые архивы – главный источник по экономической истории – от первых царств не сохранились. Писали тогда на бамбуковых планках, скрепленных нитками, а бамбук, как и все растительные материалы, в земле быстро разлагается. Поэтому важным видом источников того времени для нас служат гадательные надписи на костях животных (в основном на лопатках). По содержанию вопросов, задаваемых божеству, можно судить о некоторых сторонах жизни людей.

Главным же источником по истории Китая считаются «Исторические записки» Сыма Цяня, жившего во II в. до н.э. Это, в сущности, не источник, а историческое исследование, охватившее почти всю древнюю историю Китая. Однако именно то обстоятельство, что китайская историография традиционно берет за основу династический подход сочинения Сыма Цяня, создает определенные трудности: государство уже распалось на составные части, но считается, что династия продолжала существовать до объединения страны новой династией.

2.8.2. ГОСУДАРСТВА ШАН ИНЬ И ЧЖОУ

Один из наиболее ранних предков современного человека, синантроп, жил на территории Китая. Уже в период раннего палеолита люди здесь занимались охотой и собирательством, изготавливали грубые каменные орудия и пользовались огнем. В IX–VIII тыс. до н.э. они начали осваивать земледелие.

В эпоху неолита, т.е. в V–III тыс. до н.э., в долине Хуанхэ люди жили небольшими поселениями из нескольких десятков домов. Это были полуземлянки площадью около 20 кв. м. С конической крышей из жердей и соломы, которая поддерживалась врытыми в землю столбами. Рядом с поселком даже находились мастерские для изготовления орудий и обжига керамических сосудов.

Орудия, конечно, изготавливались из камня – топоры, ножи, мотыги, зернотерки и др. Это были старательно отшлифованные орудия с хорошо заточенными лезвиями. Для охоты эти люди употребляли лук со стрелами и копья. Первым злаком, который здесь возделывали, был гаолян, а первыми прирученными животными – свиньи и собаки. К концу неолита появляется гончарный круг, начинается возделывание риса, а среди домашних животных – коровы, лошади, овцы.

Поселения располагались на лессовом плато вдоль Хуанхэ. Лесс намывался во время разливов реки. Но он осаждался и на дно реки, и тогда она меняла русло, отклоняясь на десятки и сотни километров. Эти капризы Хуанхэ

были, конечно, бедствием для населения, поэтому даже слово «несчастье» изображалось иероглифом, означавшим разлив реки.

И все же бассейн Хуанхэ был наиболее благоприятным для развития земледелия районом Китая, поэтому именно здесь рождаются первые государства.

Формирование государственности повсеместно происходило по одной схеме. У племени, объединяющего родственные общины, а иногда у союза родственных племен неизбежно появляются верховные органы: военный вождь, предводитель вооруженных сил, общий храм, общественные склады припасов. В разных условиях на первый план выступают разные функции этих органов: у древних греков – военная (строй военной демократии), в Месопотамии – координация ирригационных работ, которая часто осуществляется жрецами храма. Этот процесс, как правило, и завершается образованием государства. У племен бассейна Хуанхэ верховным правителем становится ван – военный вождь и одновременно верховный жрец.

В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится о первой династии Ся, т.е. о первом государстве, которое возникло во II тыс. до н.э., перечисляются даже имена правителей этой династии. Но других сведений о существовании государства Ся до нас не дошло.. Согласно «Историческим запискам», последний правитель этой династии отличался особой жестокостью, вызвавшей восстание подчиненных племен. Один из предводителей этих племен в 1700 г. до н.э. сверг его и основал династию Шан, которую потом племена Чжоу стали называть Инь.

В XIV в. был построен «великий город Шан», который стал столицей этого государства. Территория государства Шан Инь составляла 20–25 тыс. кв. км. Административными единицами были владения отдельных племен, во главе которых стояли их вожди, и власть вана, главы государства на них распространялась лишь частично. В этом отношении государство Шан Инь было просто объединением племен. Власть царя – вана к тому же ограничивал совет старейшин из вождей племен и родоначальников.

В 1027 г. до н.э. войска шанского вана были разгромлены племенами Чжоу, которые входили в состав государства и которым была поручена охрана его северо-западных границ. Так была основана новая династия Чжоу.

Правители Чжоу сохранили прежнюю государственную структуру, культуру, письменность, сохранили государственную службу для прежних ремесленников. Поэтому Шан Инь и Чжоу мы можем рассматривать как одно государство. Сменились только династии.

2.8.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ШАН ИНЬ И ЧЖОУ

Можно ли считать это государство просто объединением племен?

Как и в других древневосточных государствах, здесь существовал большой государственный сектор хозяйства. Население, которое занималось производительным трудом, делилось на две категории: чени – люди, занятые в хозяйстве вана, и чжуни – люди, которые лишь на время привлекались к государственным работам.

В составе государственного аппарата было три ведомства: хозяйственное, общественных работ и военное. В составе хозяйственного ведомства были подразделения управления земледелием, строительством и ремеслом.

В городе Шан на участке земли размером в 6 га, кроме царского дворца, располагались государственные склады и ремесленные мастерские, где работали бронзолитейщики, мастера по камню, резчики кости, оружейники, изготовители боевых колесниц. Все они получали снабжение с государственных складов.

Существовали государственные поля, где работа велась под надзором полевых надсмотрщиков казенными орудиями. На одном из государственных складов археологи обнаружили 3,5 тыс. серпов.

Но и крестьяне – чжуны тоже были обязаны трудиться на государство. Предполагается, что первоначально это была система «колодезных полей». Так она называлась потому, что схема расположения полей напоминала иероглиф «колодец». Члены общины из 8 семей, кроме обработки своих полей, расположенных по краям, должны были возделывать расположенное в центре общее поле, урожаем с которого поступал правителю. Каждое поле было площадью в 100 му (6 га), в том числе и общее поле. Философ IV в. до н.э. Мэн Цзы считал это идеальной системой землепользования и относил ее расцвет к началу I тыс. до н.э. Л.С. Васильев считает, что эта схема – «лишь символическое отражение реальности» [2, с. 278], т.е. не было таких общин из 8 семей, а были «большие поля», урожаем с которых шел государству, и эти поля составляли девятую часть обрабатываемой крестьянами земли.

Обработка «больших полей» проводилась с большой торжественностью. Первую борозду проводил сам ван, затем люди, занимавшие высшие государственные посты, и лишь потом в работу вступали крестьяне-общинники. По окончании работы следовало щедрое угощение для всех участников.

Урожай с государственных и «больших» полей шел в государственные закрома и предназначался для обеспечения продовольствием государственного аппарата и людей, занятых в государственном хозяйстве.

В деревне сохранялись общинные отношения с уравнительным землепользованием и переделами земли в соответствии с изменениями состава се-

мей. Старейшины общин, фулао, должны были следить за выходом крестьян на «большие поля» и другие виды государственных работ. За выполнение этой общественной функции они получали двойной надел в общине.

Таким образом, хозяйственная система здесь полностью соответствовала тому, что наблюдалось в других странах Древнего Востока: обширное государственное хозяйство, сословие государственных работников, государственная эксплуатация крестьян, объединенных в общины.

Конечно, здесь были и рабы, но, очевидно, их труд не играл существенной роли в хозяйстве. Главным источником рабства обычно служит захват военнопленных, но здесь военнопленных сотнями приносили в жертву богам, а это значит, что использование их в качестве рабов не ценилось. Был здесь, правда, особый источник рабства: в рабство человека обращали по решению суда за преступления, причем в соответствии с общинными традициями, вместе с семьей. Конечно, он при этом становился не частным, а государственным рабом.

Важной стороной становления государства является переход от народного ополчения к регулярной государственной армии. В период военной демократии это еще сочетание хорошо вооруженной военной дружины из представителей верхушки племени с народным ополчением, которое все более отходит на второй план.

Основу военной мощи иньцев составляли колесницы, на которых сражалась знать. В каждую колесницу было запряжены две лошади, а в самой колеснице находилось три бойца: копейщик, лучник и возница.

За колесницами следовала вооруженная луками, копьями и боевыми топорами пехота. Она состояла из отрядов по 72–88 бойцов в колоннах по 10–12 человек в ряд. Один отряд действовал с одной колесницей [2, с. 200]. Это были обученные профессионалы, сражавшиеся строем, т.е. государственное регулярное войско. И лишь за ним двигалось крестьянское ополчение.

Заметим, что в XIII в. главнокомандующей армией из 13 тыс. человек была жена вана Фу Хао, что, очевидно, свидетельствует о положении женщины в китайском обществе.

2.8.4. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛО

Уже существовали товарно-денежные отношения. В каждом городе был рынок, который делился на ряды продавцов зерна, оружия, посуды и т.д. Специальные чиновники следили за порядком на рынке и даже регулировали цены. В качестве денег использовались раковины каури. Кроме государственных ремесленников были и частные, которые готовили изделия

на заказ и на продажу. Да и крестьяне сбывали часть своей продукции на рынке.

Государства Шан Инь и Чжоу – это бронзовый век, но из бронзы пока готовили только оружие и ритуальные сосуды.

Кроме металлургии бронзы к основным достижениям ремесла следует отнести освоение шелкоткацкого производства. Широко использовалось дерево, из которого строились бревенчатые дома, крыши которых поддерживались рядами деревянных столбов.

В сельском хозяйстве также использовались в основном деревянные орудия. Правда, уже появилась деревянная соха, но в качестве ее тягловой силы использовались сами пахари. Пахали вдвоем: один тянул соху, а другой направлял ее. Мягкие лессовые почвы позволяли использовать такой примитивный способ обработки земли.

В гадательных надписях (на лопатках) иньского периода встречается вопрос: «Будет ли дождь достаточным для урожая?» Очевидно, именно дожди в основном орошали землю, а ирригация только зарождалась. О рождении ирригации свидетельствует иероглиф «поле», который изображает участок земли, разделенный на четыре части оросительными каналами.

Количество видов сельскохозяйственных культур и домашних животных существенно увеличилось. Теперь выращивали просо, пшеницу, бобы, горох, фасоль, рис. Крестьяне разводили овец, коз, коров, лошадей, кур, уток, гусей.

Наше представление о населении первых китайских государств будет неполным без упоминания о некоторых сторонах быта. Зажиточные люди жили в деревянных домах, а крестьянским жилищем оставалась такая же полуземлянка, как и в период неолита. В богатых домах были низенькие столики и кровати. Стульев не было. Сидеть в обществе полагалось на пятках со сдвинутыми коленями.

Штанов пока не было. Они будут заимствованы у кочевников только в IV в. до н.э. (ездить верхом без штанов неудобно). Основную одежду составлял халат, под который иногда надевалось что-то в роде юбки, а сверху зимой – меховая шуба. На голове летом носили плетеную шляпу, знакомую нам по китайским гравюрам, а зимой – меховую шапку.

2.8.5. КОНФУЦИЙ И ПЕГИСТЫ. ЦИНЬ И ХАНЬ

Для того чтобы рассмотреть экономическое развитие Китая после распада государства Чжоу, нам необходимо выделить основные политические события за этот период.

Уже сказано, что государство Шан возникло как объединение племен. Периферийные племена сохраняли некоторую самостоятельность. Такое по-

ложение сохранилось и в государстве Чжоу. Вожди племен получали титул правителя – чжу-хоу. Это и привело к раздроблению государства в VIII в. до н.э. В VIII–IV вв. Китай представлял конгломерат самостоятельных государств, которые боролись между собой за господствующее положение в этой системе.

Именно в этих государствах, а не в объединенном Китае рождаются учения об организации государственной власти – конфуцианство и теория легистов.

Конфуций родился в середине VI в. до н.э. в небольшом государстве Лу на северо-востоке Китая. В основе его учения лежали обычные понятия о морали, долге, гуманности. Он писал: «Питаться грубой пищей и пить только воду, спать, подложив под голову локоть – радость в этом! А богатство и знатность, добытые бесчестным путем, – для меня это словно парящие облака» [4, с. 366].

Он считал, что отношения между правителем и подданными должны быть такими же, как между отцом и детьми. И такой идеал он видел в древности, в сохранившихся общинных отношениях. Он был не против знатности и богатства, но считал, что каждому человеку должно быть доступно обучение и возможность проявить свои способности. Самые способные и должны помогать правителю в государственных делах. Практически это означало, что Конфуций выступал на стороне новой служилой знати против наследственных привилегий старой аристократии.

Еще дальше в этом направлении шли легисты (от лат. *lex* – закон), учение, получившее распространение в IV в. до н.э. Выступая против наследственных прав и привилегий родовой знати, они пришли к отрицанию общинно-родовых отношений вообще. Основой власти правителя и порядка в государстве должен стать закон, обязательный для всех. Единственным основанием для назначения на должность может быть лишь преданность правителю и заслуги перед государством. Слом общинных отношений должен выражаться в создании новой пирамиды власти на базе административно-территориального деления.

Учения Конфуция и легистов нашли отражение в экономической политике правителей Древнего Китая, служили теоретическим обоснованием их действий.

Наиболее последовательно идеи легистов проводил в жизнь Шан Ян, советник правителя небольшого и экономически слабого царства Цинь. Реформы Шан Яна в 50-х гг. IV в. до н.э. превратили Цинь в сильнейшее государство Китая.

В соответствии с учением легистов Шан Ян вводит новые ранги знатности, которые присваивались за личные заслуги перед правителем. Более

того, была разрешена продажа этих рангов, которая приносила государству дополнительный доход и открывала путь в правящую верхушку незнатным, но богатым людям. Территория царства была разделена на округа, разрешена свободная купля-продажа земли, т.е. законом были ликвидированы общинные отношения. Особые меры принимались для развития земледелия. Тем, кто производил больше зерна или осваивал новый участок земли, давалось освобождение от государственных повинностей.

Естественно, реформа Шан Яна вызвала крайнее недовольство старой циньской знати, и после смерти своего покровителя, царя Сяо Гуна, Шан Ян был убит. Но введенные им порядки сохранились и даже после объединения Китая в 221 г. до н.э. были распространены на всю его территорию.

После смерти очередного циньского правителя на троне в 246 г. оказался его 12-летний сын Инь Чжен, принявший потом имя Цинь Шихуанди, самый одиозный и противоречивый правитель Китая. С 230 по 221 г. он разгромил войска боровшихся за власть шести царств и объединил Китай, основав династию Цинь. Именно при нем было завершено строительство Великой китайской стены для защиты от вторжения кочевников. В течение всей его жизни 700 тыс. рабочих строили колоссальный мавзолей Цинь Шихуанди, в который была помещена целая армия из терракотовых воинов в натуральную величину – одно из чудес света.

Все это потребовало колоссальных затрат, в том числе затрат даровой рабочей силы крестьян. Налоги и трудовая повинность выросли настолько, что крестьяне целыми деревнями бежали за пределы страны, бросив свои поля.

Но страдали не только крестьяне. Болезненно опасавшийся за свою жизнь император подолгу не оставался на одном месте, а того, кто сообщал о его местонахождении, казнили. Все исторические и философские сочинения подлежали сожжению, а их хранение наказывалось в лучшем случае отправкой на строительство Великой стены. «Всех, кто на примерах древности будет порицать современность, – требовал император, – казнить со всем родом» [9, с. 81]. Свыше 460 конфуцианцев были живыми закопаны в землю.

Но вся династия Цинь – это только правление самого Цинь Шихуанди. После его смерти Китай охватило народное восстание, и один из крестьянских вождей, деревенский староста Лю Бан основал династию Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.).

Приняв полностью разоренную страну, эта династия продержалась почти 200 лет. Императоры этой династии (и их советники) проводили в жизнь одновременно идеи Конфуция и легистов. Была создана государственная школа подготовки чиновников и обязательные экзамены для претендентов на должность. Натуральные повинности населения все более заменялись

денежными налогами. Снова усилился государственный сектор хозяйства: были введены государственные монополии на железо, соль и вино, и предприятия соответствующих отраслей перешли в руки государства.

В 8 г. н.э. в результате очередного восстания императорскую власть захватывает Ван Ман, основавший новую династию Синь. Он пытался выполнить требования выдвинувших его повстанцев, которые сводились к восстановлению древних общинных порядков. Были конфискованы земельные владения знати, восстановлено общинное уравнительное землепользование. Каждый крестьянин должен был получить 100 му земли. Были установлены твердые государственные цены на продукты питания и товары народного потребления.

Но восстановить общинный строй не удалось. Последовало новое восстание, и в 23 г. Ван Ман был убит.

На этом древняя история Китая заканчивается. Далее следовали новые народные восстания, нашествия кочевников. На короткое время Китай объединялся под властью новой династии, затем снова распадался на мелкие государства.

2.8.6. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Техника ремесла и земледелия продолжала развиваться как в условиях централизованных государств, так и в периоды раздробленности. В VI–V вв. на смену бронзе приходит железо, а в IV в. из железа уже делают лемехи, мотыги, кирки, серпы, топоры, не говоря уже об оружии. В период династии Хань здесь уже действовали доменные печи и выплавлялась сталь. В металлургии употреблялись механические мехи, приводимые в движение от водяного колеса. В Европе такое «водяное дутье», да и сам доменный процесс распространяются только в мануфактурный период, двумя тысячелетиями позже.

Металлургия железа находилась в основном в руках государства – действовали 48 государственных предприятий, конечной продукцией которых было оружие, орудия труда и бытовые предметы.

В конце II в. до н.э. здесь была изобретена бумага, которую выделывали из конопли. Но в качестве материала для письма ее стали использовать только через столетие, а пока употребляли как оберточный материал

Значительные достижения были и в технике земледелия. В Китае не возникло такой ирригационной системы, как в Египте и Месопотамии, потому что в этом не было острой необходимости: достаточно часто шли дожди, а когда возникала потребность в дополнительном орошении, особенно для

рисовых полей, строились местные оросительные сооружения. В период династии Хань были изобретены сеялка и молотилка с ножными педалями, что свидетельствовало о появлении крупных хозяйств, потому что в крестьянских хозяйствах, конечно, эти машины не применялись.

2.8.7. ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО

Между тем общинные отношения в деревне начинают разрушаться. В VI–VII вв. прекращаются переделы земли в связи с изменением состава семей общинников и начинается переход к купле-продаже земли, а в IV в. продажа земли получает законную, легальную форму. Община превращается из собственника земли в объединение собственников и аппарат для распределения налогов и государственной трудовой повинности (впрочем, таким аппаратом она была и прежде).

Одновременно с продажей земли начинается ее аренда. Арендаторы назывались «гостями». Слово «гость» в китайском языке употреблялось в смысле, противоположном слову «хозяин». В «Истории Хань» было сказано: «Кто сам земли не имеет, а арендует ее у богатых и возделывает ее, тот и есть гость» [7, с. 340].

Крестьяне и были основным объектом эксплуатации со стороны государства. Они платили натуральный налог с урожая и денежный налог с «души», а также несли трудовую повинность. Доля натурального налога постепенно сокращалась, а доля денежного налога со всего населения увеличивалась.

Наиболее тяжелой повинностью была трудовая. Месяц в году крестьяне должны были строить дамбы, плотины, каналы, дворцы, иногда очень далеко от дома. Время пути к месту строительства не учитывалось. В рукописи I в. до н.э. было сказано: «Трудовую повинность отрабатывают далеко. Проходит положенный срок, два срока, а сыновья не возвращаются. Отцы и матери – в горе, жены и дети – в слезах» [7, с. 340].

Государственное хозяйство, очевидно, тоже существовало, но уже не играло столь важной роли в экономике страны. В трактате «Гуань Цзы» VII в. до н.э. автор дает инструкцию правителю: «Приказы, которые должен отдать правитель... починить плотины и дамбы, вспахать и прополоть поля и посадить растения» [3, с. 43]. Очевидно, на своей земле крестьяне пахали и сеяли без указаний правителя, следовательно, речь идет о государственном хозяйстве.

Укрепление государства, как и повсеместно, выражалось в переходе к регулярной государственной армии. В первые века после распада государства Чжоу главной боевой силой оставались колесницы, на которых сражалась

родовая знать, обученная военному делу. Пешее ополчение играло второстепенную роль. Аристократы соблюдали строгие «джентльменские» правила ведения войны, по которым главное место в сражениях занимали поединки выдающихся воинов (как в «Илиаде»). Жестокие сражения без соблюдения правил рассматривались как дело диких варваров.

Но колесницы не были пригодны для сражений в гористой местности. С VI в. до н.э. главным родом войск стала пехота, которая обучалась и обеспечивалась вооружением за счет государства. Это открыло дорогу для карьеры незнатных людей: на военном поприще можно было выдвинуться в ряды первой знати.

В северных царствах, испытывавших натиск со стороны кочевников, решающую роль начинает играть конница, заимствованная у тех же кочевников. У них же были заимствованы штаны, которых прежде китайцы не носили.

Война становилась все более жестокой. Когда в III в. до н.э. войско Цзинь победило Чжао, было перебито 450 тыс. захваченных в плен воинов. Это лишний раз показывает, что превращение пленных в рабов в Китае не было важнейшим источником рабовладения.

2.8.8. ТОРГОВЛЯ

Развитие товарно-денежных отношений в Китае усиливается в IV–III вв. до н.э. Об этом свидетельствует легализация купли-продажи земли, введение подушного денежного налога, доля которого возрастала по сравнению с натуральными платежами. Это значит, что у людей были деньги, что они что-то продавали, получая денежную плату.

Первоначально металлические деньги в разных царствах имели разную форму – в виде ножей, мотыг и других предметов. Цинь Глихуанди ввел единую форму монет для всего Китая – бронзовый диск с отверстием посередине. Это было удобно: можно было нанизывать монеты на шнурок и носить на шее. Поэтому и после его недолгого царствования такая форма монет сохранилась.

Купцы в Китае составляли самостоятельное сословие. Караваны отсюда шли в Персию, а в I в. н. э. китайский шелк продавался уже в Риме, и император Тиберий пытался остановить утечку золота на Восток, запретив мужчинам носить шелковую одежду. Уже Сыма Цянь писал, что «варвары на далеком Западе вытягивают шеи, чтобы разглядеть Восток, и стараются сфокусировать свой взгляд на Китае» [8, с. 140].

* * *

Мы разделили экономическую историю Древнего Китая на два периода, потому что между ними не было прямой преемственности. Период Инь и Чжоу – это только бассейн Хуанхэ, а следующий период – это уже весь Китай.

Экономический строй Инь и Чжоу наиболее соответствовал нормам «азиатского способа производства» – с четко выраженным государственным хозяйством, сословием государственных работников, прямой эксплуатацией крестьян-общинников («колодезная система» и «большие поля»).

В конгломерате царств и при династиях Цинь и Хань все эти черты прослеживаются не столь явно. Более того, начинается разложение первоначальной четкой структуры. Община разлагается, развиваются товарно-денежные отношения, вводится денежный налог со всего населения, на смену старой верхушке родовой знати приходит служилая знать, т.е. происходят процессы, которые мы наблюдали и в других странах Древнего Востока.

Второстепенное значение труда рабов сохраняется на протяжении всей истории Древнего Китая. Пленных убивают, а не превращают в рабов. Источником частного рабовладения служит ростовщическая кабала, а государственного – судебные приговоры.

Государственное хозяйство, занимавшее господствующее положение в экономике Инь и Чжоу, постепенно утрачивает это положение. Государственные поля с государственными работниками исчезают, их заменяет натуральный налог с крестьян и денежный со всего населения. Остается государственная промышленность: металлургия, металлообработка, а иногда вводятся государственные монополии в некоторых других отраслях.

Любопытно, что господство государственного хозяйства утрачивается вместе с господством родовой знати, с приходом новой, служилой аристократии.

Эти изменения, как и везде на Востоке, были связаны с развитием товарно-денежных отношений, проникавших во все сферы жизни.

2.9. Эволюция «восточной» экономики

Нетрудно заметить, что чем дальше мы уходим в глубь веков, тем резче проявляются черты восточного пути развития. Шумер, Индское государство в долине Хуанхэ, Египет Древнего царства, государства Инь и Чжоу в Китае имели общие черты: большое государственное хозяйство, которое включало и ремесло, и земледелие, и занимало господствующее положение в экономике, значительный слой государственных работников, которые были заняты в этом хозяйстве и обеспечивались всем, необходимым для жизни с государственных складов. В деревне сохранялись общинные отношения с уравнительным землепользованием. Крестьяне платили государству налоги (обычно в натуральной форме) и обязательно выполняли государственную трудовую повинность. За счет этой повинности велись ирригационные и строительные работы. Существовал централизованный государственный аппарат, в состав которого входили как руководители подразделений государственного хозяйства, так и чиновники, обеспечивавшие сбор налогов и организацию государственных работ для остальной части населения.

В дальнейшем происходит постепенное разложение этой централизованной экономики, причем происходит это по мере развития товарно-денежных отношений, а иногда – под прямым воздействием рождавшейся цивилизации Запада (Финикия и Карфаген).

Доля государственного хозяйства сокращается, и оно уже перестает играть господствующую роль в экономике. Основным источником существования государственного аппарата становятся все в большей степени налоги с основной массы населения, с крестьян.

Все большую долю в обеспечении государственных работников занимает выделение им участков земли для ведения натурального хозяйства. Представители правящей верхушки становятся землевладельцами, или получая земли от государства, или используя выделенные им в управление части государственного хозяйства. Следует отметить, что этот слой крупных землевладельцев здесь вырос не «снизу», а «сверху», из государственных чиновников, причем они сохраняли государственные должности. Их земли иногда сдавались в аренду, иногда обрабатывались трудом зависимых людей.

Общинные отношения в деревне постепенно разрушались, причем это происходило в двух направлениях. С одной стороны, органы самоуправления общины все более превращались в составную часть государственного административного аппарата, в инструмент по распределению налогов и государственной трудовой повинности, а в связи с этим даже деревенские старосты получали определенные привилегии от государства. С другой стороны, по

мере развития товарно-денежных отношений разрушается общинное землевладение. Общинная земля становится товаром. Начинается купля-продажа земли и сдача ее в аренду.

Изменяется состав правящей верхушки. На смену старой родовой аристократии приходит новая служилая знать, люди, выдвинувшиеся из низов на государственной службе (экзамены для чиновников в Китае, реформы Тутанхамона в Египте). Это тоже было одним из проявлений разрушения общинно-родовых порядков. Возникает конфликт между старой родовой аристократией и служилой знатью.

По мере развития товарно-денежных отношений в ремесле и торговле возникает частное предпринимательство. Рождается слой купцов, которые ведут как внутреннюю, так и внешнюю торговлю. В некоторых странах появляются даже крупные торговые дома.

Но несмотря на все эти процессы, основа остается неизменной. Труд рабов играет второстепенную роль, а правящая верхушка общества, связанная с государственной властью, существует за счет эксплуатации крестьян – земледельцев.

Таким образом, мы можем выделить то, что не было обязательной составляющей частью экономики стран Древнего Востока. Не обязательным было создание огромных государственных ирригационных систем. Они играли решающую роль в экономике Месопотамии и Египта, но не играли такой роли в Индии, Китае и Финикии. Мощное государственное хозяйство, поражающее воображение, господствовало в экономике древнейших государств, а затем его значение постепенно уменьшалось. Разрушались общинные отношения в деревне, и община становилась лишь инструментом эксплуатации крестьян государством. Оставалось главное: второстепенная роль труда рабов, эксплуатация государством основной массы населения и связь господствующей верхушки с государственной властью.

2.10. Экономическая мысль Древнего Египта

Египетская экономика характеризовалась командно-направленным производством и распределением, процветающей торговлей с другими народами. В Египте существовали три основные отрасли управления: финансовое ведомство, военное ведомство, ведомство общественных работ.

Экономическая мысль нашла отражение в сводах законов и наставлениях по государственному управлению, в поучениях чиновникам (писцам), которые явились главными памятниками древнейшей истории.

В трактате «Поучения гераклеопольского царя своему сыну», написанном в III тыс. до н.э., в Древнем царстве определялись правовые и собственные отношения, которые составляют основу экономических связей. Четкая организация бюрократического аппарата управления – в центре внимания «Поучения». Для строгого учета материальных и трудовых ресурсов рекомендовалось хорошо вознаграждать работу чиновников. Учет материальных и трудовых ресурсов сопровождался проведением переписей населения. Это было важно для проведения грандиозных работ по ирригационному строительству, переделу земель после ежегодного разлива Нила, созданию общеегипетской системы орошения и по ведению культового строительства.

В период Среднего царства (ок. 2050–1750 г. до н. э.) создано сочинение «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи», которое пользовалось известностью и в Новом царстве. В нем дано описание социально-экономического строя и форм управления. В Древнем мире уже сложилось три отрасли управления – финансовая, военная и общественных работ. Наиболее важную роль в госуправлении играли грамотные люди, осуществлявшие учет и контроль в стране. В этом сочинении было записано: «Неграмотность равносильна зависимости»; «Занятие писца превосходит любое другое занятие (медника, плотника, строителя)», «Нет занятий, свободных от начальников, кроме писца. Писец сам себе начальник»; «Нет писца, лишённого пропитания из имущества дома царя».

«Поучение» характеризовало не только вопросы управления, но и социальные проблемы. Оно обращено к молодежи с призывом учиться, повышать свое образование.

Источником экономической мысли для Нового царства (вторая половина II тыс. до н.э.) явились памятники письменности «Анналы Тутмоса III», «Папирус Вильбура» и др. В Древнем Египте ведущей была государственная собственность, которая, однако, не отождествлялась с личной собственностью фараона, а выступала как должностное владение царя, как государственное достояние. Частная собственность вельмож и ремесленников также выступала как должностное владение и передавалась сыну только при условии, что он получал соответствующую должность.

Стремлению превратить должностное владение в частную собственность препятствовал юридический барьер. Чтобы предмет, земля, гробница стали частной собственностью, надо было доказать: 1) что ОН сделан своими руками в свободное от работы время; 2) что ОН сделан из собственного материала, а не из сырья, полученного с царских складов; 3) что ОН (постройка, гробница) находится на собственной, а не на царской (государственной) земле.

Для царства Позднего периода (I тыс. до н.э.) источниками экономической мысли явились архивные документы, дарения земли храмам, договоры об аренде и найме). Развитие товарно-денежных отношений видно из документов, раскрывающих условия функционирования капитала, приносящего проценты. Долговые обязательства заключались как в товарной, так и в денежной форме. Процент с ссуды составлял 150–200%.

В Древне Египте были и социальные конфликты. Гражданская война, имевшая место в III тыс. до н.э. (это XXIII–XXI вв. до н.э.), возникла в результате чрезмерного усиления государственной эксплуатации и ростовщичества. Эти события нашли отражение в «Речении Ипусера», правда, написанного спустя несколько веков. Очевидно, потому, что социально-экономическая ситуация прежних времен вновь стала актуальной.

«Речение» написано с позиций интересов тех, кто больше всего пострадал от разрушения государственной централизованной машины управления, – господствующей части чиновничьего аппарата. Ипусер вещал: «Земля перевернулась подобно гончарному кругу... простолюдины стали богатыми. Собственники богатства стали неимущими» [1, с. 45]. Во время переворота были вскрыты архивы и расхищены податные декларации. Централизованная государственная машина была разрушена. Но через два-три столетия в «Речениях Ипусера» и других сочинениях вновь на первый план выдвинуто централизованное управление. Система регулирования трудовых ресурсов сделала возможным создание сложнейшей системы ирригации, построение пирамид и храмов – величайших чудес света.

Ирригационное и культурное строительство, которое осуществлялось в Древнем Египте в широких масштабах, обусловило мобилизацию, умелое планирование и перераспределение материальных ресурсов в соответствии с потребностями проводимых работ. Система государственного хозяйства функционировала бесперебойно много веков. Цивилизация Древнего Египта накопила огромные знания, которые передавались в веках, а также распространялись горизонтально в соседних странах и континентах.

В то же время громоздкая государственная машина управления, господство чиновничьих порядков, концентрация налогов в интересах государства мешали развитию инициативы отдельных производителей. Цивилизация Египта вступила в стадию упадка.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 1. М., 1995.

3. Древнекитайская философия. Т. 1–2. М., 1972–1973.
4. История Древнего Востока. М., 1988.
5. История и культура Китая. М., 1974.
6. История Китая с древнейших времен. М., 1974.
7. *Конрад Н. И.* Избранные труды. М., 1974.
8. Погребенные царства Китая. М., 1998.
9. *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 1–2. М., 1975.

3. ЭКОНОМИКА КРИТО-МИКЕНСКОГО 3. ОБЩЕСТВА

Остров есть Крит Посреди винноцветного моря прекрасный.

Гомер. «Илиада»

На территория Греции государство и цивилизация рождались дважды: сначала в первой половине II тыс. до н. э., затем в первой половине I тыс. Первая из этих цивилизаций, крито-микенская, полна загадок.

Основана эта цивилизация была не эллинами. Предполагается, что это были выходцы из Малой Азии. Греки их называли пелазгами. Но значительная часть греческих мифов посвящена именно этой цивилизации.

Согласно этим мифам, правитель Крита Минос был сыном Зевса и похищенной им дочери финикийского царя Европы. Некоторые исследователи утверждают, что искусство Крита зародилось в Финикии. Из мифа о Тесее и Минотавре мы узнаем, что греки находились в зависимости от Крита и платили ему дань, в том числе людьми. Для греков, находившихся тогда на стадии первобытно-общинного строя, кносский дворец Миноса был сказочным лабиринтом, из которого нельзя было выбраться без путеводной нити Ариадны. С мифом о Минотавре перекликаются и фрески на стенах дворца, изображающие игры молодых людей с быками. Дворец-лабиринт был построен инженером и архитектором Дедалом, которому приписывается изобретение многих строительных механизмов. И поэмы Гомера были посвящены крито-микенскому времени. Агамемнон, предводитель осаждавших Трои, был правителем (царем) Микен. Правда, Гомер «осовременивает» события «Илиады» и «Одиссеи», придав социальному строю предшествующего общества близкие ему черты военной демократии.

Из сочинений древнегреческих историков мы узнаем, что правитель Крита построил флот и благодаря мощной военно-морской силе подчинил себе сначала Кикладские острова, а затем и многие другие земли, в том числе приморские районы Греции. Покоренные земли были обложены данью, которая и служила источником процветания Крита [5].

Наиболее подробные сведения об экономике и культуре крито-микенского общества дают материалы археологических раскопок. В XVII–XV вв. до н.э. столицей государства на Крите являлся Кносский дворец. Это было гигантское сооружение из 1,5 тыс. помещений, расположенных в 3–4 этажа общей площадью 16–18 тыс. кв. м. В центре этого сооружения находилась парадная часть – мегарон с тронным залом и святилищем. Вокруг этой части

располагались жилые помещения правителя и его приближенных, а на периферии дворца – мастерские и кладовые. Имевшиеся в кладовых запасы зерна, оливкового масла, вина, шерсти и т. п. явно превышали потребности не столь уж многочисленных обитателей дворца.

Поражает благоустройство дворца. Водопровод доставлял сюда питьевую воду из источника, расположенного в 10 км от Кносса. Дворец имел канализацию с дренажной системой. Здесь не было жарко: свет сюда поступал не через окна, а через световые колодцы – шахты. В помещение не проникали ни палящие лучи солнца, ни леденящие ветры. Конечно, через световые колодцы лился дождь, но влага уходила через систему подземных труб.

О высоком уровне материальной культуры свидетельствуют вещи: расписные керамические сосуды, лампы, печати из полудрагоценных камней.

Фрески на стенах помещений дворца демонстрируют быт его обитателей. Их одежда имела утонченный и изысканный вид, а во взорах и жестах изображенных на фресках женщин К. Керам обнаруживает даже «французский шарм» [6, с. 76].

Здесь была и письменность, но эта письменность периода расцвета Кносса («письмо А») не расшифрована именно потому, что язык этой письменности не имеет ничего общего с греческим языком.

Ниже дворца в Кноссе располагался «Нижний город» с сетью мощеных улиц, с каналами, берега которых были укреплены каменными плитками. Очевидно, здесь жили близкие правителю знатные и богатые люди. Стены многочисленных помещений их домов также были украшены фресками. Особенно известен двухэтажный «Южный дом» с портиком и колоннами.

Отдельные дома-дворцы стояли и в сельской местности. Это были двухэтажные каменные здания с 20–30 помещениями, с кладовыми, погребями, винодельными и маслобойнями.

Остров был покрыт сетью дорог со сторожевыми постами.

В распоряжении правителя были армия и флот. На одной из фресок дворца мы видим отряд воинов-негров во главе с белым командиром. Очевидно, войско Крита состояло не только из местных жителей.

Но главной опорой правителя был флот, состоявший из больших палубных кораблей, имевших до 17 рядов гребцов. Есть основания предполагать, что моряки, которые, конечно, были профессионалами в своем деле, архитекторы-строители, художники входили в состав ближайшего окружения правителя. Вспомним, что и в Древнем Египте архитекторы находились среди приближенных фараона.

В середине XV в. до н. э. остров пострадал от разрушительного землетрясения. На ослабленное землетрясением государство с севера надвигается волна греков-ахейцев, и Крит оказывается под их властью. Но ахейцы пе-

реняли у прежних хозяев острова многие элементы их культуры, в том числе негреческую письменность, сохраняли и даже восстанавливали дома и дворцы.

Но центр цивилизации теперь перешел на континент, в Арголиаду, в Микены. Арголиада была одной из территорий, завоеванных Критом, и находилась под его властью. Расцвет культуры здесь начался еще в XVI в., т.е. до завоевания Крита ахейцами. Основные элементы культуры здесь были те же, что и на Крите, потому что это была часть Критского государства. Но теперь, по мере упадка Крита, расцветают «златообильные Микены».

Архитектура дворца Микен подобна архитектуре кносско-го дворца. Здесь тоже множество помещений и тоже фрески на их стенах. Но есть и отличие: дворец окружен каменными стенами из многотонных блоков. Эти стены получили название циклопических, потому что греки в своих мифах приписывали их строительство одноглазым великанам – циклопам. Кносский дворец не имел таких стен, потому что островное положение и мощный флот обеспечивали защиту лучше всяких стен.

Так же как на Крите, около акрополя располагался «нижний город». Горожане жили в многокомнатных домах-дворцах с обширными кладовыми. Особенно известны дома «торговца оливковым маслом» и «торговца вином». Так они названы потому, что в этих домах были обширные кладовые с запасами указанных припасов и велся строгий учет прихода и расхода их на глиняных табличках.

В разные стороны от Микен расходились мощные дороги, которые вели к другим населенным пунктам такого же типа, правда, не столь богатым.

Гомер называл Микены «златообильными». Действительно, археологи здесь нашли особенно много золотых и серебряных украшений и посуды. Очень богаты здесь захоронения – с золотыми масками на лицах и золотыми пластинами на груди.

И все же культура микенского периода уступала критской. «Пышно-поножные мужи ахейцы» усвоили чуждую им негреческую культуру, но для эпигонов она не могла стать столь же органичной. Крито-микенское общество этого периода было смешанным. Даже этнически оно состояло из греков и пелазгов.

Но в XIII в. до н.э. государство захлестнула волна дорийского нашествия. Дорийцы тоже были греками, но к ним на север не доходило культурное влияние Крита, и они не могли перенять новые порядки, неприемлемые для их первобытнообщинного строя. Дворцы-акрополи были разрушены, традиции ремесла утрачены, микенские поселения покинуты. Культура побежденных была настолько чуждой, что новые поселения располагались в отдалении от крито-микенских руин. Это, кстати, обеспечило хорошую сохранность их для археологов.

На развалинах крито-микенской культуры стала рождаться цивилизация нового типа. Разрушение деспотического государства, в котором элитарная дворцовая культура существовала за счет эксплуатации массы населения, способствовало укреплению демократических общинных отношений. Материальной основой новой цивилизации стала «железная революция». Металл стал общедоступным, что дополнительно способствовало демократизации общества.

Итак, что же из себя представлял социально-экономический строй крито-микенской цивилизации? Прежде всего, мы должны отбросить представление, что она была подобна сменившему ее античному рабовладельческому обществу, что история здесь просто повторилась дважды. Греческий полис базировался на демократических принципах. Его акрополь состоял из публичных зданий, а не был резиденцией правителя («царя») и его приближенных.

Как и в странах Древнего Востока, мы обнаруживаем на Крите централизованное государственное хозяйство. Кносский дворец объединял жилище царя, кладовые и производственные помещения. Здесь работали ремесленники, которые готовили изящные керамические, бронзовые и серебряные изделия и расписывали стены. Исследователи утверждают, что эти ремесленники не могли быть рабами: сложность и высокое художественное достоинство их изделий невозможны при рабском труде. Из сохранившихся материалов кносского архива (на глиняных табличках) мы узнаем, что явка на работу этих ремесленников строго регламентировалась. Значит, жили они вне дворца и своим трудом отработывали государственную повинность.

При обширных кладовых дворца, где велся строгий учет поступления и расхода припасов, также были производственные помещения, где, например, готовили оливковое масло.

Запасы, хранившиеся в кладовых, поступали сюда в виде натуральной повинности с населения. Из тех же глиняных табличек мы узнаем, например, что единицей обложения с овцеводства было стадо в 100 голов, с которого надо было сдать определенное количество шерсти.

Запасы кладовых, как считается, намного превышали потребности жителей кносского дворца, следовательно, они не только собирались с населения, но в какой-то форме предназначались и для снабжения этого населения. Мы знаем, что именно так было в странах Древнего Востока.

А кто строил сам кносский дворец и массивные стены Микен? Рабы? Как выясняется, тогда были в основном рабыни, которые обслуживали хозяйство дворца, выполняя черные работы. Очевидно, строительством занималось основное население острова, выполняя государственную повинность, как было вообще в странах Древнего Востока.

Одна из особенностей стран Древнего Востока – государственная собственность на землю. Известно, что на Крите было две категории людей, ис-

пользующих землю, «полученную от народа». Во-первых, чиновники, владевшие большими участками земли. Эту землю, как выясняется, они частично сдавали «в аренду». Конечно, слово «аренда» здесь можно применять только условно. Правильней сказать, что эти чиновники получали доход с земледельцев, которые вели хозяйство на их земле. Во-вторых, небольшие участки земли от государства получали рядовые земледельцы, которые были обязаны за эту землю нести государственные повинности [3, с. 152].

Земля, «полученная от народа», – это не земля в частной собственности. Государство распоряжалось этой «народной» землей по своему усмотрению, что характерно для стран Древнего Востока.

Были здесь и рабы, которые поставлялись из завоеванных территорий. Об этом свидетельствует, например, миф о Тесее. Эти рабы, а в основном рабыни обслуживали дворцовое хозяйство.

Таким образом, в крито-микенском обществе господствовали социально-экономические отношения, характерные для стран Древнего Востока – с централизованным государственным хозяйством, государственно-общинной собственностью на землю, отношения, при которых материальным производством занимались не рабы, а свободные люди, эксплуатируемые элитарной правящей верхушкой.

Это были не эллины. Это Азия случайно забрела в Европу. Здесь и писали то на глиняных табличках, как на Востоке, и их письмо, которое уже было известно грекам-ахейцам, Эллада не приняла. Она изобрела свое письмо. Остались мифы. И первое столкновение Запада и Востока, как будет и впредь, кончилось победой Запада.

Л и т е р а т у р а

1. Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
2. Древняя Греция. М., 1956.
3. *Златковская Т. Д.* У истоков европейской культуры. М., 1961
4. История Европы. Т. 1. М., 1988.
5. Историки Античности. Тексты. Т. 1. Древняя Греция. М., 1989.
6. *Керам К.* Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
7. *Леницман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
8. *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. 1. Л., 1940.
9. *Струве В. В.* Общественный строй Древнего Крита // Вестник древней истории. 1950. № 4.
10. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 4.1. ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

4.1. Гомеровский период

Период истории Греции с XIII–XII вв. по VIII в. до н.э. принято называть гомеровским, потому что именно к этому периоду относятся поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Следует оговориться, что в поэмах Гомера описываются события крито-микенского периода (Троянская война происходила до дорийского завоевания), но эти события «осовремениваются», приобретают подробности, которые были понятны и близки современникам.

Но в гомеровский период еще не было государства. Это был переходный период от первобытно-общинного к классовому обществу, который принято называть периодом строя военной демократии. Он так называется потому, что, с одной стороны, верховным органом племени (а единого народа пока нет, есть племена) было народное собрание, а с другой – для руководства военными действиями это народное собрание выбирало вождя. В условиях усиливавшихся в это время военных столкновений все большую роль в жизни племени начинает играть военная верхушка во главе с вождем. Столкновения же усилились, потому что появление прибавочного продукта вело к появлению богатства, которое можно было захватить у соседа, да и захват военнопленных с обращением их в рабов становился выгодным. Такой строй военной демократии на переходе к классовому обществу был у всех европейских народов.

Басилевсы, которые действуют в поэмах Гомера, были не царями, как иногда переводят это слово, а военными вождями племен, которые со своими дружинами явились осаждать Трою. В отличие от североамериканских индейцев или восточных славян периода военной демократии в племени гомеровских греков был обычно не один басилевс. На острове Итаке, где жил Одиссей, была целая группа басилевсов (женихи Пенелопы), причем они даже не участвовали в войне. Да и сами басилевсы представляли лишь верхний слой выделившейся военной верхушки – эвпатридов.

Народное собрание у гомеровских греков уже отошло на второй план. При осаде Трои знатные басилевсы решают все дела между собой, а когда представитель рядовых воинов, Терсит, пытается вмешаться, Одиссей не только посрамляет его словесно, но и колотит палкой, причем это не встречает протеста со стороны других рядовых воинов.

Повседневная жизнь знати не отличается от жизни крестьян. Одиссей умеет пахать и косить, причем относится к этим занятиям как к весьма впечатляющим. Его жена, Пенелопа, проводит время за ткацким станком.

Техника земледелия уже довольно высока: поле перепахивается трижды. Но основу богатства составляет не земля, а скот. Именно о скоте, как определяющем богатство того или иного человека, говорится в поэмах Гомера. Для стада каждого вида домашних животных полагается отдельный пастух (преданный Одиссеею Евмей – свинопас), а над ними поставлен главный пастух.

Почему основу богатства составляет не земля, а скот? Очевидно, это было психологическим пережитком общинных отношений, когда земля еще оставалась собственностью общины. В первую очередь возникала частная собственность на скот. В поэмах Гомера есть рабы – пастухи, но нет рабов – пахарей.

Но в гомеровский период частная собственность на землю уже есть. Если рядовые общинники владеют одинаковыми клерами – общинными наделами, во владении басилевсов крупные имения – ойкосы. У Гомера имеются описания нескольких таких ойкосов. Например, в состав ойкоса басилевса Алкиноя входят дом с широким двором, поле, сад, виноградник, огород, в гинеее рабыни во главе с хозяйкой работают за ткацкими станками.

Подробную картину хозяйственной жизни ойкоса изображает бог-кузнец Гефест на щите, который он готовит для Ахилла. Казалось бы, на щите следовало изображать военные сцены, но Гефест почему-то считал иначе. Во всех описаниях ойкоса он состоит из трех главных частей: хлебного поля, пастбища, виноградника.

Ойкос – натуральное хозяйство. Все, что там изготавливается, предназначено для потребления в самом ойкосе. Поэтому здесь готовят и ремесленные изделия: ткют ткани и шьют одежду, изготавливают керамическую посуду, в том числе большие амфоры для хранения продовольствия, и даже готовят оружие и боевые колесницы. Иногда ремесленников-демиургов приглашают со стороны.

«Богатые и знатные» – так обычно характеризует Гомер басилевсов. Знатность и богатство неразделимы. Денег у героев Гомера пока нет. Чеканка денег начнется только в VII в. Но концентрация богатства в руках знати должна неизбежно породить товарно-денежные отношения. И следы этого у Гомера есть. Одиссей в одном из своих приключений называет себя сыном критского купца. Его тянет море и морские путешествия. Некоторые историки называют его полукупцом, полупиратом. Очевидно, это крито-микенское наследие. Во всяком случае, гомеровским грекам знакома меновая торговля, которая, впрочем, сочеталась с разбойничьими нападениями на чужие берега.

А рабовладельческие отношения уже были. Правда, использовался труд не столько рабов, сколько рабынь. Так, в хозяйстве Одиссея занято 50 рабынь. Они прядут и ткут, перемалывают зерно в муку, готовят пищу, помогают хозяйке. Почему рабыни, а не рабы? Потому что хозяин раба, вооруженный мечом воин, был ненамного сильнее раба, вооруженного мотыгой. Не следует забывать, что раб – это военнопленный, он тоже был воином. А государственного аппарата принуждения пока еще не было, как не было и самого государства.

Немногочисленные рабы, например, упомянутый свинопас Евмен, преимущественно заняты в скотоводстве. Можно предполагать, что это в основном дети рабынь, рожденные и воспитанные в неволе.

Это патриархальное рабство. Рабы едят за одним столом с хозяином. Они, в сущности, включены в состав большой патриархальной семьи и поэтому стоят на страже интересов хозяина.

4.2. Полис

Следующий период истории Древней Греции – с VIII по IV вв. до н.э. – период государств-полисов. Правда, при изложении политической истории этот отрезок времени принято делить еще на два периода: архаический период – до VI в. и следующий за ним классический период. Но для экономической истории такое деление нецелесообразно не только потому, что между этими периодами нет четкой грани, но и потому, что экономические процессы целесообразно рассматривать в динамике на протяжении всей истории независимых полисов.

Как известно, Древняя Греция не была единым государством, а состояла из многих маленьких государств-полисов. Собственно, полис – это город с примыкающей сельской местностью. Полис Афины – это прежде всего город Афины.

Территория полиса была невелика – несколько десятков и максимум несколько сотен квадратных километров. Из города даже пешком можно было за несколько часов добраться до границы полиса.

Первоначально население полиса составляло всего только несколько сот граждан, и, как можно понять из древнегреческой литературы, в полисе все знали друг друга. В дальнейшем численность населения возрастала, и в период расцвета (V в. до н.э.) число граждан крупнейших полисов могло достигать до нескольких десятков тысяч [2, с. 8]. Все граждане могли участвовать в народном собрании – экклесии, где решались государственные дела.

Вообще же город состоял из двух частей. На возвышенности располагался окруженный крепостной стеной акрополь – здесь были святилища,

храмы. У подножия находился нижний город – жилые кварталы, ремесленные мастерские, лавки. Агора – городская площадь, где проходили экклесии, находилась здесь же, в нижнем городе. Первоначально агора была просто городской площадью, затем там был построен амфитеатр каменных скамей, где участники собрания могли располагаться с большими удобствами.

В городах Греции были уже водопровод, канализация, мостовые; в домах – ванны и уборные с каменными стоками.

4.3. Демократическая эволюция

Социально-экономическое развитие полисов происходило двумя различными путями. Одним путем шло большинство полисов Греции во главе с Афинами. Там происходила интенсификация земледелия, развивались ремесло и торговля, шла демократизация, складывались классические рабовладельческие отношения. Вторым путем шли полисы Спарты, Крита, Фессалии, которые возникли путем завоевания и порабощения местного населения пришлыми племенами, стоявшими на более низком уровне культурного и экономического развития.

Мы сначала рассмотрим первый, «классический», вариант развития, преимущественно на материале Афин, выступавших лидером этой группы полисов.

Схема социально-экономического развития полисов этой группы выглядела следующим образом. Первоначально власть и господствующее положение принадлежали аристократам – эв-патридам, в собственности которых находились и относительно крупные земельные владения. Но по мере развития городов на первый план в экономике полисов выдвигаются новые, городские отрасли – ремесло и торговля. Разбогатевшие на базе этих новых отраслей «новые богачи» (подобные нуворишам и «новым русским» позднейшего времени) оттесняют старую земельную аристократию на задний план, побеждают ее. А поскольку они побеждали под демократическими лозунгами, в передовых полисах были установлены демократические порядки.

Эта схема почти соответствует действительности, но только как схема. Реальные события были значительно сложнее.

Даже в период наивысшего расцвета городов-полисов сельское хозяйство не отошло на второй план. Занимаясь ремеслом и торговлей, граждане сохраняли связь с землей. Житель полиса не считался полноправным гражданином, если не владел землей и не занимался сельским хозяйством. Ведь первоначально полисы возникли как объединения сельских жителей, как административные и военные центры. Каждый полноправный член общины

владел участком земли – клером, доставшимся ему по жребию (слово «клер» и означало «жребий»). По своей величине клер соответствовал потребностям натурального крестьянского хозяйства. Ремесло же и торговля не считались занятиями, достойными гражданина. Этим занимались преимущественно метеки – чужестранцы, жившие в городе, а также рабы и вольноотпущенники.

Даже при введении имущественного ценза (законы Солона) в VI в. за основу принимались лишь доходы от сельского хозяйства, но не от ремесла и торговли. Иными словами, даже в результате демократических реформ Солон человек, не занимавшийся сельским хозяйством, не считался гражданином, не имел политических прав. Естественно, люди, занимавшиеся ремеслом и торговлей, тяготились своим бесправным положением, были настроены против сложившегося порядка и против эвпатридов, которые олицетворяли этот порядок.

Казалось бы, общинная система клеров была несовместима с эксплуатацией крестьян крупными землевладельцами. Между тем, по словам Аристотеля, уже в VII в. «вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы можно было увести в кабалу и их самих, и детей» [8, т. 1, с. 243]. Концентрация земли в руках военной верхушки началась еще уже в гомеровский период. А с развитием товарно-денежных отношений возникла аренда земли и долговое рабство. Сначала крестьянин не мог вернуть ссуду, взятую у эвпатрида под залог земли. Земля становилась собственностью кредитора. Крестьянин превращался в арендатора земли, на которой он вел свое хозяйство. В дальнейшем, если он не мог выплатить арендную плату, эвпатрид мог продать его и его семью в рабство [7, с. 8–13]. Часть крестьян при этом вытеснялась в город. Против эвпатридов теперь были настроены и крестьяне, и городской плебс.

Но в условиях развития товарно-денежных отношений и эвпатриды не составляли уже монолитной группы. Часть эвпатридов разорялась, часть втягивалась в торговлю, особенно морскую.

Реформатор Солон в молодости занимался морской торговлей. Правда, по словам Плутарха, он «странствовал скорее для приобретения большего опыта и познаний, чем ради обогащения» [11, с. 103]. В связи с новым экономическим состоянием эти эвпатриды-торговцы оказывались на стороне городского плебса. В новых условиях решающей становилась не родовитость, а имущественное положение человека. И оказалось, что разбогатеть на городских отраслях хозяйства можно было быстрее.

Демократические преобразования в передовых полисах прошли довольно сложный путь, причем на ранних этапах свой вклад в демократизацию внесли тираны. Тиранами тогда называли людей, которые захватывали еди-

ноличную власть в полисе. А так как эту власть они отбирали у «законных» ее носителей – аристократов, то должны были опираться на демос, на основную массу граждан, т.е. проводить преобразования в их интересах.

Так, тиран Писистрат, захвативший власть в Афинах в 560 г., пользовался поддержкой крестьян. Он захватывал имущество знати и часть его раздавал народу. Так же он поступал с земельными владениями своих противников. Из его действий особенно примечательно введение дешевого сельскохозяйственного кредита для крестьян.

В результате переворота тирана Кипсела в Коринфе значительная часть аристократии была изгнана, а их земли поделены между бедными крестьянами.

Но действия тиранов, как правило, имели ограниченный, «единовременный» характер. Они не проводили существенных социально-политических реформ, поэтому быстро теряли социальную опору. К концу VI в. династии тиранов в Греции были ликвидированы.

Гораздо больший результат имели преобразования Солона и Перикла. Солон был избран на должность первого архонта, т.е. главы афинского полиса, в 594 г. Несмотря на его принадлежность к знатному роду, его реформы были направлены против эвпатридов. Он ликвидировал некоторые их привилегии, несколько ограничил крупное землевладение, отменил земельные долги и долговое рабство. Нетрудно заметить, что все эти действия – в пользу крестьян. Городской плебс от этих реформ ничего не получил.

Главная реформа Солона, цензовая, также обходила горожан. Она делила граждан на четыре разряда в соответствии с доходом с земли (точнее, с величиной натурального продукта, который могла дать земля). Единицей исчисления дохода служил медимн – мера объема, равная 52,6 литра. Очевидно, что эта единица имела условный характер: медимн оливкового масла по стоимости не был равен медимну зерна. Очевидно, при определении ценза делались соответствующие пересчеты.

Первый разряд составляли пентакосимедимники – богатейшие хозяева с доходом свыше 500 медимнов, второй – всадники с доходом свыше 300 медимнов, третий – зевгиты, получавшие свыше 200 медимнов, четвертый – феты с доходом менее 200 медимнов.

В соответствии с доходами распределялись и обязанности, преимущественно военные. Представители первых двух разрядов были конными воинами, но пентакосимедимники, кроме того, были обязаны выполнять литургии в пользу государства – строить суда, организовывать общественные праздники, отдавать часть дохода на содержание бедняков. Зевгиты служили в войске гоплитами, феты – в легковооруженной пехоте и на флоте. Естественно, в соответствии с этим распределялись и политические права.

И все же некоторые из законов Солона защищали интересы ремесленников. По словам Плутарха, Солон «направил граждан к занятию ремеслами» [11, с. 118] и даже требовал, чтобы отцы отдавали своих сыновей «в учение ремеслу». Следует подчеркнуть, что здесь речь идет именно о гражданах, а не о метеках – очевидно, о тех бедняках, фетах, которые или утратили землю, или не получали достаточного для жизни дохода от земли и были лишь номинально земледельцами. Более того, тем, кто переселялся в Афины, чтобы заниматься здесь ремеслом, предоставлялись права гражданства. Таким образом, если, с одной стороны, установление четырех разрядов закрепляло деление жителей на граждан – земледельцев и неграждан (метеков) – ремесленников и торговцев, то с другой – вовлекало граждан в занятия ремеслом и облегчало метекам переход в состав полноправных граждан.

Реформы Солона имели компромиссный характер и не устраивали полностью ни одну из сторон. Крестьяне надеялись на передел земли в свою пользу, крупные землевладельцы были недовольны запретом земельной кабалы. И Солон был вынужден эмигрировать из Афин.

К тому же практика военных действий обнаружила, что главную боевую силу Афин составляет не привилегированное конное войско, которое оказалось вообще непригодным для войны в горных условиях, а гоплиты и особенно флот. Это выдвигало на первый план зевгитов и фетов. Особую роль сыграла победа над персидским флотом в битве при Саламине в 480 г.

Прямым следствием стало завершение демократической эволюции реформами Перикла в середине V в. до н.э. Теперь уже низший разряд граждан, феты, получил доступ ко всем государственным должностям. Из фетов теперь в основном состояла эkkлeсия – главный орган государственной власти, феты заседали в суде – гелиэе. А так как заседания проходили 2–4 раза в месяц, небогатый человек не мог выполнять государственные обязанности без ущерба для своих дел, а феты были людьми бедными, была установлена плата – 2–3 обола за заседание. Позже, в IV в., за присутственный день в суде платили 3 обола, а в эkkлeсии – даже 1–1,5 драхмы, т.е. 9 оболов [3, т. 2, с. 36]. Чтобы получать лишнюю плату, многие записывались в несколько отделений суда. Стала выдаваться особая плата на посещение театра.

Теперь решением государственных дел занимались преимущественно люди, которые не имели своих источников дохода, не занимались хозяйством, – люмпен-пролетарии.

Доля этих людей особенно выросла в период Пелопонесской войны против Спарты (431–404 гг.). Перикл и другие афинские лидеры признавали, что сухопутное войско Спарты сильнее афинского, но решающую роль после морской победы над Персией они отводили флоту, который у Спарты был очень слабым. В результате Афины легко побеждали Спарту на море, а

спартанские гоплиты совершали набеги на территорию афинского полиса, разоряя крестьян. Разоренные сельские жители хлынули в город. Теперь не надо было отрываться для решения государственных дел от своих хозяйств.

Фукидид приписывал Периклу утверждение, что афиняне «считают вредным, не обсудивши дела во всесторонних прениях, перейти прямо к выполнению того, что нужно» [12, с. 138].

Результаты таких прений нередко зависели от действий предводителей толпы – демагогов, которые добивались успеха лестью и заигрыванием с массой. По словам Платона, Перикл сделал афинян «ленивыми, трусливыми, болтливыми и жадными» [4, с. 261]. Даже защиту родной земли они уже не считали высшей доблестью, добиваясь создания армии наемников.

Этот период истории Афин называют золотым веком Перикла. Для смягчения социальных противоречий Перикл развернул большие государственные работы. Был построен храм

Афины – Парфенон, была проложена пропилея – парадная дорога на Акрополь, были построены другие сооружения, которыми славятся Афины. Афины своим величием затмили все остальные города Греции. На этих общественных работах была занята масса работников, купцов, судовладельцев.

В жизнеописании Перикла Плутарх приводит длинный перечень разных специальностей ремесленников, которые получали работу и выгодные заказы при развертывании строительства. Общественные работы использовались, в частности, для того, чтобы городское население «могло пользоваться общественными суммами не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, в походах» [11, с. 205]. Здесь снова деление на граждан, которые несли военную службу, и неграждан, занятых в городском хозяйстве, но решающий мотив – повысить благосостояние последних.

На все это требовались огромные средства. Часть этих средств поступала в виде налогов с богачей, особенно богачей-метеков, но значительная часть – в виде взносов союзников.

Победа афинского флота в персидских войнах обеспечила Афинам господствующее положение в греческом мире. Поэтому они возглавили морской союз, в который вошли 30 греческих полисов. Была создана союзная казна (1000 талантов, т.е. 30 т серебра), куда каждый из полисов должен был делать ежегодные взносы. Предполагалось, что эти деньги должны тратиться на армию и флот, на укрепление морского могущества Греции, но значительная их часть тратилась на строительные работы в Афинах. «Эллины возмущались, видя, что на вносимые ими по принуждению деньги, предназначенные для войны, мы золотим и наряжаем город», – писал Плутарх [11, с. 204]. Афины теперь жили в значительной степени за счет других полисов.

Для смягчения социальных противоречий Перикл использовал и клерухии – военно-земледельческие поселения в колониях и на зависимых территориях. Там каждому, согласившемуся уехать из Афин, предоставлялся значительный участок земли, достигавший иногда доходности, необходимой для зев-гита. Только в Херсонес Перикл отправил тысячу переселенцев. Клерухии не только позволяли избавиться от скопившейся в Афинах массы люмпенов, но и укрепляли власть Афин над союзниками и заморскими территориями.

Но дань с союзников прекратилась после поражения в войне со Спартой в 404 г. до н.э. Население Афин беднело. Крестьяне были вынуждены возвращаться к своим разрушенным хозяйствам, но им очень трудно было восстанавливать хозяйство на новом товарном уровне: нельзя восстановить за год виноградники и оливковые сады. Это был закат Афин. За IV в. число афинских граждан сократилось вдвое.

Демократизация афинского общества сначала обеспечила господствующее положение этого полиса в греческом мире и победу над персами, а затем, будучи доведена до крайней степени, в сущности, до абсурда, послужила основной упадка Афин.

4.4. Великая колонизация

Поскольку развитие сельского хозяйства, ремесла, а тем более торговли в греческих полисах определяла колонизация, необходимо выяснить содержание этого процесса для рассмотрения того, как развивались основные отрасли хозяйства в собственно греческих полисах.

Полисы были обращены лицом к морю: они располагались в долинах, выходящих к морю или на окружающих островах. Поэтому очень рано здесь возникла морская торговля, которая, конечно, первоначально имела меновой характер. Определенное значение имела и преемственность с крито-микенской цивилизацией. Но главным стимулом развития морской торговли стала колонизация, которую принято даже называть «великая колонизация».

Как уже ясно из изложенного, население полиса не могло превышать определенного предела. Все граждане полиса должны были (или, по крайней мере, имели право) участвовать в народном собрании, решавшем основные государственные дела. Уже это обстоятельство ограничивало численность граждан. Но чтобы быть гражданином, надо было иметь участок земли, а количество земли у полиса было ограничено.

Когда численность граждан превышала определенный предел, избыточная часть их садилась на корабли, отправлялась за море, где-нибудь там,

за пределами собственно Греции, находила удобное и, как правило, очень красивое место, высаживалась на берег, строила новый город и основывала новый полис. Вот этот новый полис и становился колонией прежнего. Там были большие массивы плодородных земель, которые почти не использовались местным населением. Для Греции они стали источником дешевого хлеба. Таким образом, первым стимулом колонизации были перенаселенность полисов, земельный голод.

Вторым стимулом стала потребность в торговом обмене. Жители колоний завязывали такой обмен с местным населением, сбывая ему греческие товары в обмен на местные. В Греции интенсивно вырубались леса – для строительства флота, под сельскохозяйственные угодья – и теперь лес ввозили из колоний. В Греции не было некоторых металлов. Из колоний везли и рабов. Колонии стали посредниками в торговле греков с другими народами. Греческий купец – мореход, отправляясь за море, попадал в знакомую ему обстановку греческого полиса, иногда буквально к своим знакомым. Только эти знакомые уже знали обычаи местных жителей и могли оказать существенную помощь в торговле.

Обычно колонисты занимали лишь узкую прибрежную полосу земли, не продвигаясь в глубь страны. Существенных противоречий с местным населением не возникало. Господствующая верхушка варварских племен была заинтересована в обмене излишков имеющихся продуктов и особенно пленных на греческие товары – вино, оливковое масло, ремесленные изделия. При этом происходило заимствование элементов греческой культуры и быта.

Ведь не случайно именно Греция стала тем очагом, с которого началось распространение передовой культуры и экономики в Европе. Здесь была прямая преемственность. Через Крит и Микены сюда проникали достижения восточных цивилизаций, и элементы их были в переработанном виде усвоены греками. А теперь Греция сама стала источником распространения достижений цивилизации на другие народы.

Первыми греческими поселениями за морем были торговые базы – эмпории, которые возникли еще на рубеже IX–VIII вв. на берегах Сирии и Палестины. Людей на этих базах было еще немного, достаточно лишь для того, чтобы принимать суда из Греции и осуществлять торговые операции.

В дальнейшем по мере увеличения населения полисов основу хозяйства колоний стало составлять земледелие, и отсюда в Грецию хлынул поток дешевого зерна. Теперь основную часть колонистов составляли крестьяне. Со всем не обязательно это были крестьяне, потерявшие землю в результате закабаления крупными землевладельцами. Значительная часть их оказывалась безземельной в результате естественного прироста населения. Полученный в наследство от отца участок в размере прежнего клера мог прокормить семью

лишь одного из сыновей хозяина. А за морем земли было много. Много веков спустя подобная ситуация повторилась в значительно измененном виде при организации аграрных английских колоний в Америке.

А по мере роста населения торговля и земледелие в колонии дополнялись ремеслом, и колония все в большей степени становилась полноценным полисом.

Для экономики самой Греции колонизация имели три важных следствия. Во-первых, приток дешевого хлеба из колоний стал причиной интенсификации земледелия Греции – перехода от зернового хозяйства к виноградарству и садоводству. Гораздо выгоднее было не выращивать пшеницу и ячмень в самой Греции, а готовить здесь вино и оливковое масло и выменивать их через колонии на зерно.

Во-вторых, торговый обмен через колонии вызвал перерастание ремесла в товарное производство. Теперь требовалось гораздо больше ремесленных изделий, поэтому происходил переход от мелких мастерских, индивидуальных ремесленников к эргастериям, где работали рабы. Значительную часть предметов, которые археологи обнаружили в скифских курганах Причерноморья, составляют греческие ремесленные изделия.

В-третьих, торговля через колонии обеспечивала приток дешевых рабов, которых местная правящая верхушка охотно выменивала на греческие товары. А это обстоятельство способствовало развитию рабовладельческих отношений и делало Грецию подлинно рабовладельческим обществом.

Все это означало развитие крупного товарного производства с использованием труда рабов. Греция стала центром рынка, охватывавшего все Средиземноморье. По выражению Платона, греческие колонии, разбросанные по всем берегам Средиземного моря, напоминали лягушек, рассеявшихся вокруг пруда.

В западном направлении основной миграционный поток устремился к Италии и Сицилии. Самым крупным из греческих полисов на западе стали Сиракузы в Сицилии, о которых мы знаем больше, чем о большинстве полисов в самой Греции. Наиболее известными колониями в Италии были Сибарис и Неаполь. Сибарис настолько прославился своей роскошью, что слово «сибарит» стало нарицательным. Крупнейшей колонией за пределами Италии стала Массалия (Марсель). Греческие суда стали плавать и за «столпы Геракла», за Гибралтар.

Экспансию греков на Восток отражает миф о походе аргонавтов. Описание совсем не мифических подробностей этого плавания доказывает, что греки хорошо знали берега Черного моря.

Черное море было окружено греческими колониями. Константинополь вырос из греческой колонии Византии. На месте нынешнего Севастополя

был греческий Херсонес, в районе Керчи находился Пантикапей. Достойны упоминания колонии Пити-унт (Пицунда), Диоскурия (Сухуми), Фанагория, Горгиппия (Анапа). О значении причерноморских колоний для Греции свидетельствует то обстоятельство, что товары из Боспорского царства (т.е. только часть черноморских товаров) составляли половину греческого импорта.

4.5. Сельское хозяйство

Рассмотрение основных отраслей хозяйства Греции мы начинаем с сельского хозяйства. Одной из важнейших составных частей демократизации в передовых полисах была борьба между крупными землевладельцами и крестьянами. Реформаторы, начиная с Солона, опирались на крестьянство и в той или иной степени ограничивали крупное землевладение. Периоды притеснения и даже закабаления крестьян сменялись периодами, когда кабальная задолженность крестьян ликвидировалась, ограничивались возможности расширения крупных хозяйств, а иногда даже часть крупных земельных владений конфисковывалась. В результате в период своего расцвета Греция выступила страной преимущественно мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

В V–IV вв., по подсчетам Э. Виля, лишь 10% земли в Аттике занимали крупные хозяйства свыше 10 га, 30% – хозяйства в 5–12 га, а 60% – хозяйства менее 5 га [8, с. 279].

В крестьянских хозяйствах зерновые (пшеница, ячмень), как правило, дополнялись виноградниками, оливковыми садами и огородами. Первоначально, как и в гомеровский период, эти хозяйства были натуральными. Не только хлеб и овощи, но и оливковое масло и вино предназначались преимущественно для собственного потребления. Однако уже сам факт закабаления крестьян эвпатридами свидетельствовал о развитии товарно-денежных отношений. Ведь натуральное хозяйство экономически неуязвимо: если все необходимое производится в своем хозяйстве, нет необходимости занимать деньги. А если деньги нужны, то их проще получить, продавая часть своей продукции.

Положение резко меняется с развитием колонизации и внешней торговли. Сельское хозяйство становится товарным. Если бы оно оставалось натуральным, то откуда же бралось огромное количество вина и оливкового масла, которые греки отправляли за море? Ведь это были главные статьи греческого экспорта, и подводные археологи обнаруживают, что греческие суда были загружены в основном амфорами именно с этими продуктами.

А импорт зерна в больших количествах свидетельствовал, что Греция уже не обеспечивала себя собственным хлебом. Следовательно, главное место в сельском хозяйстве теперь заняли виноградники и оливковые плантации.

Этому способствовало еще одно обстоятельство: каменистые почвы и сухой климат были не очень благоприятны для выращивания зерновых, но для виноградарства и оливковых садов были вполне благоприятны.

Переход к этим интенсивным отраслям происходит в VI– V вв. Государство способствовало этому преобразованию. В составе реформ Солона были законы, которыми запрещался экспорт зерна и поощрялся экспорт оливкового масла. При Писис-трате оливковые рощи были объявлены священными, а от земледельцев требовали высадить определенное количество оливковых деревьев.

Таким образом, в условиях Греции оказался возможным переход к товарному производству и интенсивным отраслям без разрушения мелкого крестьянского землевладения.

4.6. Ремесло и торговля

Переходя к рассмотрению развития ремесла, мы сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, полис – это город, в котором развивались городские отрасли хозяйства – ремесло и торговля. Греция экспортировала не только вино и оливковое масло, но и ремесленные изделия. Некоторые отрасли ремесла (чеканка по металлу, расписная керамика) стояли на грани искусства. По крайней мере половина горожан занималась ремеслом и торговлей. И одним из аспектов демократических преобразований была победа «новых» богачей, выдвинувшихся на базе ремесла и торговли, над крупными землевладельцами – эвпат-ридами.

С другой стороны, занятия ремеслом и торговлей считались недостойными гражданина. Гражданином мог считаться лишь человек, который владел землей и занимался сельским хозяйством. Вспомним четыре разряда граждан, установленные Солоном. По словам Плутарха, ни один молодой человек из хорошей семьи не захотел бы стать Фидием или Поликлетом: эти мастера занимались презируемым трудом, не связанным с сельским хозяйством и формально относившимся к ремеслу.

Но «бедность заставляла многих свободных делать рабские и низкие дела», т.е. заниматься ремеслом [13, с. 130]. Треть граждан города Афины проводила дни в заседаниях экклесии и гелиэи, довольствуясь нищенской платой в несколько обол. Это были граждане, т.е. люди, которые получили

права гражданства от родителей, связанных с землей, но по той или иной причине потеряли эту связь, однако не были лишены прав гражданства, полученных по наследству. Они находились в положении люмпенов, но занимались престижным делом – управлением страной и судопроизводством. Это было почетно, но малоодоходно: на деньги, получаемые за участие в заседаниях, нельзя было содержать семью. Как уже сказано, в IV в. за присутственный день в суде платили до 3 оболов, за участие в народном собрании – 1–1,5 драхмы, т.е. 6–9 оболов, но оно собиралось 3–4 раза в месяц. В то же время плата квалифицированным работникам на строительстве составляла 2–2,5 драхмы в день, неквалифицированным – 1,5 драхмы [3, т. 2, с. 36]. Поэтому трудолюбивая часть бедняков предпочитала заниматься полезным, хотя и презируемым трудом.

При строительстве Эрехтейона из ста занятых работников 47 составляли метеки, 20 – рабы, причем рабы трудились вместе с хозяевами и получала одинаковую с ними плату. Эта плата не зависела от социального статуса.

Презрительному отношению к ремеслу противоречил упомянутый закон Солона, который требовал отдавать детей в обучение ремеслу.

И все же основную часть ремесленников составляли неграждане: метеки, вольноотпущенники и отпущенные на оброк рабы. По расчетам Ю. Белоха, в Афинах насчитывалось 100 тыс. граждан, 300 тыс. метеков и 100 тыс. рабов [12, с. 122]. Неполноправные метеки – люди пришлые, и обеспечивали они в основном процветание городских отраслей.

Доля метеков в составе населения афинского полиса постепенно увеличивалась. По сведениям, приведенным в монографии А. Ж. Доватура, в V в. они составляли 7–12% всего населения полиса, в IV в. – 16–21% [7, с. 56–57]. И это несмотря на то, что часть метеков регулярно переходила в состав граждан. Вспомним и о другом законе Салона, которым предписывалось привлекать в Афины ремесленников из других стран и даже давать им права гражданства.

Очень коротко отметим достижения отдельных отраслей ремесла. Больших успехов греки достигли в металлургии, особенно металлургии железа. Они умели как ковать металл, так и отливать металлические изделия.

Керамическое производство поднялось до уровня искусства; краснофигурные и чернофигурные вазы греков расходились по всей ойкумене. Они покрывались очень стойким лаком, секрет которого забыт.

Большое значение имело судостроение, особенно в Афинах. Именно флот обеспечил Афинам гегемонию в Средиземном море. Наиболее совершенным видом греческих судов были триремы (триеры) – с двумя мачтами и тремя рядами гребцов. Попроще были торговые суда – широкие, плоскодонные. Ходили они под парусами.

В комедиях Аристофана перечисляются ремесленники разных специальностей: башмачники, кузнецы, плотники, ювелиры, скорняки, оружейники. Плутарх в биографии Перикла упоминает скульпторов, живописцев (скульпторы и живописцы считались ремесленниками), медников, эмалировщиков, чеканщиков, каретников, канатчиков, кожевников и т. д. Это только мастера, которые участвовали в государственных строительных работах.

С достижениями ремесла были связаны и впечатляюще научные достижения греков. Наши школьники до сих пор изучают теорему Пифагора. Ученые пифагорейской школы пришли к выводу о шарообразности Земли. Эратосфен вычислил ее размеры. Аристарх открыл вращение Земли и планет вокруг Солнца. Медики до сих пор дают клятву Гиппократу. Географические карты греков охватывали почти весь Старый свет.

С развитием колонизации спрос на ремесленные изделия резко возрастал. Мелкие мастерские перерастали в эргастерии – предприятия с трудом рабов. Первоначально эргастерии были небольшими, от 3 до 12 рабов, затем их размеры увеличивались и в среднем по величине эргастерии было занято уже 20–30 рабов. Техника, конечно, оставалась ручной, но уже складывались зачатки разделения труда, и некоторые историки называли эти предприятия мануфактурами.

Раб – работник, не заинтересованный в высоком качестве своей продукции. Эргастерии готовили продукцию массового спроса преимущественно на экспорт – для обмена через колонии с варварами. В маленьких мастерских изготавливали предметы для избранных, в эргастериях – ширпотреб.

Эргастерии были рентабельными предприятиями. По расчетам Ю. Белоха, стоимость купленного раба погашалась в эргастерии за 2–3 года. Владелец ремесленной мастерской, который первоначально лишь зарабатывал на пропитание, становился крупным предпринимателем, «новым богачом», и деньги позволяли ему существовать безбедно, даже будучи бесправным метеком, а в некоторых случаях получать права гражданства.

С другой стороны, в промышленное дело теперь вовлекаются и предприимчивые люди из состава знатных граждан. Демократические реформы ограничивали возможность увеличивать земельные владения, но никто не запрещал вкладывать средства в торговлю и промышленность. Даже такой почтенный государственный деятель и оратор, как Демосфен, владел двумя эргастериями – по производству кроватей и ножей. Стыдно было самому заниматься ремеслом, но владеть эргастерием и получать соответствующий доход можно было, не теряя достоинства.

Таким образом происходило сращивание богатых метеков с наиболее предприимчивыми представителями высшего слоя граждан, а одновременно – сближение ремесленников-метеков с фетами – беднейшими гражданами.

Торговля, как и ремесло, не считалась занятием, достойным граждани-на. В комедии Аристофана «Облака» участие в торговле на рынке одного из героев рассматривается как основа для утверждения, что этот человек – не гражданин. Но, очевидно, это касалось только городской торговли. Участие Солона в торговом мореплавании не мешало ему стать главой государства.

Особое значение для Афин и других передовых полисов имела внешняя морская торговля. Греция экспортировала через колонии вино, оливковое масло, ремесленные изделия, импортировала зерно, корабельный лес, кожи, шерсть, меха, рыбу, мед, воск и многое другое. В период своего расцвета Афины стали транзитным пунктом, через который шли товары для всей Греции, причем главное место в этой торговле занимал хлеб.

В каждом городе существовали торговые ряды – рыбные, винные, оливкового масла и др. За порядком торговли следили специальные должностные лица – агораномы.

Первоначально в качестве денег греки употребляли связки железных прутьев – оболов. Чеканить деньги в Греции начали с VII в. Денежная система была довольно сложной. Крупнейшей денежной единицей считался талант, но ценность этой единицы была различной в разных полисах. В эвбейском таланте заключалось 29 кг серебра, в эгинском – 37 кг. В таланте заключалось 60 мин, в мине было 100 драхм, в драхме – 6 оболов [2, с. 5].

Но это лишь приблизительное соотношение ценности основных денежных единиц, потому что в разных полисах они различались. А поскольку простому человеку было трудно разобраться в соотношениях ценности денег разных полисов, это обстоятельство породило трапезитов – менял, специалистов по денежным расчетам. Если в средневековой Европе слово банкир происходило от слова «банка» – скамья, на которой сидел такой меняла в торговом центре, то слово трапезит происходило от слова «трапеза» – стол, за которым сидел меняла.

Трапезиты принимали и вклады от своих клиентов, чтобы расплачиваться за купленные ими товары. Из обмена денег выросла практика перевода денежных сумм со счета одного клиента на счет другого.

В руках трапезита скапливались довольно крупные суммы чужих денег. Он пускал их в рост, давал ссуды под проценты. Должник за ссуду обычно платил 12–18%, но при финансировании торговых экспедиций эта плата повышалась до 30%. Ссуда судовладельцам и купцам-мореходам были одним из наиболее распространенных видов кредитных операций, и заморская торговля Греции в значительной степени шла в кредит.

4.7. Рабы

Поскольку Греция была страной классического античного рабства, необходимо рассмотреть, в чем заключались здесь рабовладельческие отношения.

Было два существенных отличия греческого рабства от римского. Первое отличие заключалось в том, что в римском государстве большинство рабов составляли военнопленные, а в Греции – купленные. Была Римская империя, но не было греческой. Греция не завоевывала огромные территории с населением, превращая их в свои провинции. Греческая колонизация не вела к порабощению туземного населения. Но выделявшаяся верхушка местных «варварских» племен охотно выменивала рабов на греческие товары.

Но и здесь рабы, как правило, не были греками. Законы Солона запрещали продажу несостоятельных должников в рабство, и даже военнопленных эллинов из других полисов обычно не обращали в рабство, а возвращали домой за выкуп. Поэтому и называли раба часто не по имени, а по происхождению – Фригиец, Сармат, Галл. Правда, за долги и даже за неуплату налогов могли попасть в рабство метеки, но они были и изначально чужеземцами.

Второе отличие греческого рабства от римского заключалось в том, что здесь в сельском хозяйстве труд рабов применялся сравнительно мало. Как уже сказано, здесь преобладали крестьянские хозяйства, а не специализированные товарные хозяйства крупных землевладельцев, как в Риме. Небольшой участок земли могла обработать своим трудом семья крестьянина, но и доход от такого участка был достаточен лишь для содержания этой семьи. Покупать рабов и тратить на них было нецелесообразно. Правда, в хозяйстве зевгита было обычно 2–3 раба, которые помогали хозяину и были, в сущности, почти членами его семьи.

Сведения о численности рабов, а следовательно, об их удельном весе в хозяйстве страны, весьма противоречивы. По расчетам одних исследователей, их было больше, чем свободных, – в Аттике от 75 до 150 тыс., по расчетам других, рабы составляли 25–43 % всех жителей Аттики. По сводным данным, приводимым в монографии А. И. Доватора, в V в. рабы составляли в афинском полисе 25–35% всего населения, в IV в. – 40–50%, т. е. их доля существенно увеличилась [7, с. 56–57].

В комедиях Аристофана даже нищий имел нескольких рабов. Считалось неприличным идти по улице без раба, самому нести в темное время светильник или сосуд с маслом по дороге в баню. Свободную женщину должна была обязательно сопровождать рабыня-горничная. Немногие в городе имели от

300 до 1000 рабов, но большинство – 10–16. Например, у Аристотеля было 13 рабов. Но многие бедняки все же рабов не имели.

Как уже ясно из сказанного, очень много рабов было занято в домашнем хозяйстве. В богатых афинских домах штат прислуги насчитывал 50 рабов. Каждый раб имел определенную обязанность – привратника, повара, музыканта и т. д. Одна из специальностей домашних рабов – педагог. Но раб-педагог не учил детей, а выполнял обязанности гувернера – следил за поведением ребенка, сопровождал его на улице и т. п. Особенно ценились рабы, рожденные в греческом доме, освоившие греческую культуру. (Вспомним, что баснописец Эзоп, по преданию, был рабом.) Из числа таких рабов домашнего воспитания назначались домоправители, надсмотрщики над другими рабами.

По выражению Аристотеля, раб – «говорящий инструмент», следовательно, он не имеет никаких прав. Человек, который «повредил» чужого раба, должен был компенсировать ущерб рабовладельцу. И все же убийство раба (даже своего) в Афинах могло караться изгнанием. От истязаний господина раб мог найти убежище в храме. Его в этом случае могли передать другому господину, если жрец находил, что жалобы раба справедливы.

Домашние рабы, рабы-слуги не были заняты в материальном производстве. Одной из главных форм использования рабского труда в производстве были эргастерии. Руководил таким предприятием обычно доверенный раб хозяина: работать на кого-то даже в такой должности свободному человеку считалось унижительным. Но особенно широко труд рабов применялся в горном деле, на рудниках, причем там преимущественно использовались арендованные рабы.

Аренда рабов приобрела в Греции значительные масштабы. Некоторые рабовладельцы, например, Никий, имевший около тысячи рабов, сами не использовали их труд, а покупали их специально для сдачи в аренду. Такие рабовладельцы содержали даже школы для обучения рабов. Там готовили поваров, флейтисток, танцовщиц, которых тоже сдавали в аренду для организации пиров.

Со временем рабов все чаще стали отпускать на «оброк». (Слово «оброк» мы здесь применяем условно, поскольку это категория не рабовладельческого, а феодального общества.) Такой раб сам нанимался к кому-нибудь на работу и лишь часть своего заработка отдавал хозяину. А наиболее предприимчивые из таких оброчников заводили свои мастерские, торговые заведения, т. е. становились предпринимателями. Такой раб обычно копил деньги для выкупа на свободу. Употреблялся труд рабов и в торговле. Раб-приказчик, торговый агент, совершал сделки самостоятельно, причем даже за пределами Греции. Увеличение эксплуатации рабов в такой форме, как и практика римс-

ких пекулиев, было отчетливым симптомом разложения рабовладельческих отношений.

Следует заметить, что отпуск раба на «оброк» и его освобождение были очень близки. Вольноотпущенник не только не становился гражданином, но и оставался в зависимости от бывшего хозяина, которому он должен был отдавать часть своих доходов.

На особом положении были государственные рабы – демо-сии. Они выполняли полицейскую службу, служили тюремщиками. Например, в Афинах полицейскими были рабы-скифы. Для гражданина считалось приличней быть арестованным рабом, чем самому исполнять эту позорную должность. Рабы-полицейские жили со своими семьями в своих жилищах. Государственными рабами были и другие должностные лица. Например, государственный раб ведал афинским архивом. Когда такому рабу Ни-комаху было поручено привести законы в систему, он даже, переписывая некоторые законы Солона, приписал их авторство самому себе.

Таким образом, положение рабов разных категорий существенно различалось, и некоторые из них по условиям своей жизни сливались с метеками. Очевидно, это служило одной из причин того обстоятельства, что в Греции не было восстаний рабов.

4.8. Спарта

Все изложенное выше относилось к большинству полисов Греции, социально-экономическое развитие которых шло приблизительно таким же путем, как и в Афинах. Особым путем развивались Спарта, Крит и Фессалия. Первоначально территория будущей Спарты была населена ахейцами, усвоившими некоторые достижения крито-микенской культуры. Но, как уже сказано, эти земли были завоеваны северными варварскими племенами греков-дорийцев. Ахейцы были частью истреблены, частью обращены в рабов-илотов. Кроме завоевателей-спартиатов, которые одни только и считались полноправными гражданами, и рабов-илотов, в Спарте была еще третья группа населения – перизки (букв.: «живущие вокруг»). Об их происхождении нет единого мнения. Предполагается, что, по крайней мере, значительную их часть составили те побежденные, которые признали власть победителей без сопротивления. Но лишь некоторые перизки жили на окраинных землях Спарты, оправдывая свое название, а большинство составляли городские жители, занимавшиеся ремеслом и торговлей. Перизки, как и афинские метеки, не имели политических прав, и очевидно, значительную их часть составляли пришлые из других полисов.

По расчетам А. Валлона, в V в. в Спарте числилось около 220 тысяч илотов, 120 тысяч периеков и только 32 тыс. спартиатов, т. е. в 6–7 раз меньше, чем илотов [5, с. 36].

Согласно законам Ликурга, легендарного законодателя Спарты, деятельность которого относят к IX–VIII вв., все спартиаты получали совершенно одинаковые участки земли – клеры с прикрепленными к ним илотами. Нарушение равенства в землевладении не допускалось. Клер нельзя было ни продать, ни даже передать по завещанию: это была собственность государства, которую спартиат получал лишь в условное пользование. Сам спартиат не занимался сельским хозяйством на этой земле. Землю обрабатывали илоты. Каждый илот со своей семьей вел самостоятельное хозяйство и лишь определенную долю продукции отдавал своему хозяину. Увеличить эту долю спартиат не имел права. Нетрудно заметить, что, если клеры были одинаковыми, одинаковым было и число илотов в клере, а следовательно, одинаковыми были и доходы спартиатов. Илоты, как и земля, были собственностью государства, поэтому спартиат не имел права убивать илотов своего клера.

Казалось бы, положение илотов было гораздо лучше положения афинских рабов. Они были подобны крепостным, обязанным платить оброк, причем величина этого оброка не зависела от произвола хозяина. Но в действительности рабство в Спарте было гораздо страшнее афинского.

Поскольку рабов здесь было в несколько раз больше, чем свободных, их надо было держать в постоянном страхе. Для этого регулярно устраивались криптии – нападения молодых спартиатов на илотов, в процессе которых старались уничтожить самых крепких и сильных. Криптии использовались также в виде формы тренировки молодых бойцов. По свидетельству Мирона, «каждый год им (илотам) полагается определенное число ударов, хотя бы они не совершили никакого проступка, чтобы они помнили, что они рабы; более того, если они переходят меру физической силы, которая прилична рабу, их наказывают смертью [5, с. 27]. Происходил отбор: спартиатам надлежало быть здоровыми и сильными, илотам – слабыми. Ради этого допускался и ущерб государственной собственности.

Очевидно, необходимость держать илотов в подчинении и явилась причиной превращения страны в военный лагерь. Согласно законам Ликурга, единственным достойным спартиата занятием были военно-спортивные упражнения. Спартиат не должен был даже обедать дома: спартиаты питались все вместе продуктами, принесенными из дома.

По достижении 7-летнего возраста государство забирало мальчиков у родителей. С 7 до 20 лет дети воспитывались в специальных лагерях – агелах. Как известно, воспитание там было очень жестким и даже жестоким. Доста-

точно сказать, что мальчиков-эфебов для приучения к боли регулярно подвергали бичеванию в храме Артемиды и иногда запарывали до смерти.

Согласно законам Ликурга, вся жизнь спартиатов строго регламентировалась. Они должны были носить одинаковую одежду, лишённую украшений, есть одинаковую пищу (спартанская похлебка получила нарицательный смысл). Закон определял даже форму бороды и усов.

Естественно, торговля и ремесло считались позорными занятиями. Золотые и серебряные монеты в Спарте не употреблялись, использовались только тяжёлые железные деньги. Запрещен был ввоз чужеземных ремесленных изделий, спартиаты должны были довольствоваться грубыми изделиями своих пери-эков.

Таким образом, если в Афинах при Перикле был доведен до крайности принцип демократии, то в Спарте до абсурда был доведен принцип равенства. Это практически остановило культурное и экономическое развитие. Спарта не дала миру ни одного крупного скульптора, поэта, философа, ученого.

Более того, стала сокращаться численность спартиатов. Законы Ликурга были рассчитаны на 9 тыс. семейств свободных граждан. Но ко времени Аристотеля (IV в. до н. э.) их осталось только около тысячи. И Аристотель писал, что Спарта «погибла из-за недостатка людей» [5, с. 36].

Переломом стала Пелопонесская война между Спартой и Афинами в конце V в. до н. э. Возникла парадоксальная ситуация: Афины стали оплотом демократических принципов, а Спарта с ее всеобщим равенством оказалась на стороне аристократии, и аристократы из Афин бежали в Спарту. Но защита аристократии была несовместима с принципом всеобщего равенства. Побеждали товарно-денежные отношения. Теперь было разрешено дарить, завещать, продавать землю. Естественно, это вело к концентрации земли в руках немногих. Суровость сменилась роскошью. По словам Плутарха, спартиатов осталось уже только 700 семей, из которых не более 100 имели землю. Остальные превратились в «неимущую чернь». Но человек, не имевший вооружения, переставал быть воином и терял политические нравы. Число гоплитов сократилось с 8 до 2 тысяч.

В I в. до н. э. тиран Клеомен (в исторических сочинениях его чаще называют царем), чтобы укрепить Спарту, стал пополнять ряды спартиатов пэриэками и даже освобожденными от рабства илотами. Но это уже не могло спасти положения, и в III в. до н. э. Спарта была завоевана македонскими войсками.

4.9. Кризис полиса

Но и в остальной Греции с IV в. происходит разложение традиционных порядков. Этот период принято рассматривать как период кризиса полиса. Кризис не выражался в обострении противоречий между рабами и рабовладельцами. Не усилился и процесс долгового закабаления и обезземливания крестьян. Греция оставалась страной преимущественно мелкого и среднего землевладения. Характер займов под залог земли меняется. Теперь такие займы чаще не ведут к закабалению. Займы под ипотеку теперь чаще берут состоятельные люди, когда им требуются крупные суммы для литургий, для торговых операций и т. п. К тому же «безземельный» в это время – не обязательно бедняк. Среди знатных и богатых афинян много таких, у которых не было приносившей доход земли. Они получали свои доходы в городских отраслях хозяйства. Оговорка «приносившей доход» не случайна: как и прежде, владеть землей мог только полноправный гражданин, и наоборот – владение землей обеспечивало статус гражданина. Главной привилегией, которую получал метек при зачислении в состав граждан, было именно право на владение землей, но совсем не обязательно земля должна была служить главным источником дохода гражданина.

Что касается людей, которые получили статус граждан по наследству, им не обязательно было иметь собственный участок земли. Они были связаны с землей через традиционные структуры – филы, демы, фратрии. Государственные и общественные земли считались общей землей и сдавались в аренду только гражданам.

Здесь не было крупных вилл, как в Риме. Владения крупных земельных собственников располагались небольшими участками в разных местах. Такие участки обычно сдавались в аренду, чаще всего метекам, потому что гражданину было унижительно работать на чужой земле.

Связь с землей для граждан становилась все более номинальной, а центр экономических интересов все более переносился в город [3, т. 2, с. 11–23]. Именно здесь развертывались главные социальные противоречия кризиса полиса.

Суть этих противоречий наиболее отчетливо выразил философ Платон: в каждом полисе теперь, писал он, «заключены два враждебных государства: одно – бедняков, другое – богачей» [3, т. 2, с. 32].

Когда власть в руках бедняков, они увеличивают литургии с богачей, прибегают к конфискациям, изгнаниям и казням, требуют увеличения раздач и своего содержания за счет государства. Именно в этом проявлялся кризис рабовладельческих отношений: ведь заниматься трудом и обеспечивать таким образом свою жизнь для гражданина унижительно. Иногда дело до-

ходило до прямых столкновений. На Аргосе в 370 г. городская беднота забила палками 1200 богатых граждан. Создаются благоприятные условия для тирании. Опираясь на недовольство бедноты, раздавая демагогические обещания, опытный политик может захватить власть.

Но еще больше нуждается в сильной власти богатая верхушка. Демократические институты полиса не позволяли защититься от обременительных литургий, от постоянной опасности конфискации, изгнаний и даже казней. Чтобы покончить с властью охлоса, держать его в повиновении страхом, нужна была диктатура сильного человека.

Постоянная угроза со стороны низов спланивала богачей. Это были уже не прежние эвпатриды. Не знатность и земля обеспечивали их положение, а деньги. У богатых граждан и богатых метеков были общие интересы. Метек банкир Пасион на свои средства построил 5 трирем, владел крупным эргастерием. Конечно, он входил в состав богатой верхушки полиса, тем более что триремы он строил для государства, а не для себя. Богачи теперь имели по 100–600 талантов, жили в дворцах с колоннадой, богато украшенных статуями и фресками. Естественно, эти видимые богатства дополнительно раздражали бедняков.

Полис уже не мог выполнить своих функций, обеспечивая сплоченность общества на базе демократических институтов. Когда это общество раскололось на два враждебных лагеря, исчез патриотизм. Почетное право защищать родину с оружием в руках превращалось в обузу, тем более что у большинства не было и оружия: ведь по законам полиса у каждого оружие было свое. Отказ от военной службы становился массовым. Происходил переход от народного войска к армии наемников.

Но наемникам чужды интересы данного полиса, его традиции. Они служат за деньги и подчиняются своему командиру, который обеспечивает жалованье. В руках военачальников сосредотачивается мощная вооруженная сила из военных-профессионалов. Возникает еще одна предпосылка для диктатуры.

В публицистической литературе (Платон, Аристотель, Ксе-нофонт и др.) на первый план выступает образ сильного правителя, вставшего над полисными институтами. «Царь должен быть общественным стражем, не допускающим, чтобы богатые терпели несправедливость, а народ страдал от произвола», – писал Аристотель [12, с. 278].

Результатом всего этого и стала поздняя тирания. Перечислим только некоторых из этих тиранов: Дионисий в Сиракузах, Ясон в Фессалии, Клеарх в Гераклее, Филомен в Фокиде и др. Заметим, что теперь тирании возникали преимущественно на окраинах греческого мира, там, где демократические

традиции полиса не уходили корнями в родовой строй и потому были не столь крепкими.

Эта поздняя тирания существенно отличалась от ранней. Если прежде тираны хоть и преследовали свои личные цели, но опирались на определенный социальный слой, то новые не имели определенной социальной базы. Если при их выдвижении первоначально и играла определенную роль поддержка демоса, которому давались направленные против олигархов обещания, то основной их опорой было войско наемников. В некоторых случаях их союзниками становилась и часть олигархов, мечтавшая о сильной власти.

Если раньше тираны сохраняли основу демократических институтов полиса, то новые решительно ломали полисные традиции. Демократические институты ликвидировались, создавались бюрократические органы управления, подчиненные непосредственно тирану. На первый план выдвигалась военно-служилая знать.

Но как и ранняя, поздняя тирания была кратковременной, обычно ограничиваясь жизнью одного правителя. Причина этого заключалась не только в отсутствии социальной базы, но и в том, что ведь тираны не были монархами, не был установлен принцип передачи власти по наследству.

Борьба демоса и олигархов выражалась не только в тирании, но и в политических переворотах. Периоды господства демоса сменялись периодами господства олигархов. Естественно, это дополнительно расшатывало устой полисных институтов.

Кризис полиса выражался также в нарастающем стремлении объединить Грецию. Этому требовал рост экономических связей. Полисы, которые возникли в условиях полунатурального хозяйства, когда достаточным был обмен между городом и окружающей сельской местностью, которые возникали в племенных рамках, теперь становились архаизмом.

Необходимость объединения диктовала и внешняя угроза. На юге укреплялся Карфаген, который уже начал захватывать ближайшие греческие полисы. С востока наступала Персия. Персы уже захватили греческие полисы-колонии в Малой Азии и подбирались к проливам в Черное море. А захват проливов был бы катастрофой: оттуда, с Черного моря, Греция получала половину потребляемого хлеба.

Но объединению Греции препятствовало продолжавшееся изнурительное противостояние Афин и Спарты, причем каждый из этих двух полисов стремился подчинить своих союзников, а в конечном итоге объединить и всю Грецию. В этом стремлении соперники не стеснялись даже прибегать к помощи Карфагена и Персии.

Новые тираны также стремились к объединению Греции, захватывая соседние полисы. Особенно успешно в этом направлении действовали возглавивший Фессалию Ясон и глава Сицилийского государства Дионисий.

Однако было очевидно, что ни одна из этих сил не в состоянии выполнить задачу объединения Греции, раздираемой внутренними противоречиями. Поэтому на первый план выступила идея «призвания варягов». Надежды на объединение Греции и успешную экспансию на Восток стали связываться с растущим Македонским государством.

4.10. Македонское господство в Греции

Поскольку империя Александра Македонского и эллинистические государства его преемников охватывали огромную территорию, преимущественно за пределами Европы, мы рассматриваем экономические процессы в Азии и Африке лишь в самых общих чертах. Иными словами, объектом нашего изложения будет не империя Александра, а Греция в составе этой империи.

Македония была расположена к северу от Греции. Ее население греки считали «полуварярами» (т. е. «полугреками»), и не только потому, что это была смесь греческих и иллирийско-фракийских племен. Местный язык был близок греческому, и естественно, страна находилась под сильным влиянием греческой культуры.

К началу IV в. Македония по уровню своего развития была близка гомеровской Греции. Ее территория распадалась на несколько областей, во главе которых стояла военно-земельная аристократия, подобная базилиевсам гомеровских греков. Ее власть ограничивалась народными собраниями, состоявшими из мужчин-воинов. Городов почти не было. В отличие от гомеровской Греции во главе страны стоял царь. Его власть была ограничена военно-племенной знатью, стремившейся к самостоятельности.

Подлинно монархический строй здесь устанавливается при Филиппе II (359–336 гг. до н. э.), который покончил с сепаратизмом, предоставив крупнейшим представителям местной знати главные посты в государстве, включив их в совет сетеров («товарищей» царя). Он создал знаменитую македонскую фалангу, и это стало главным стимулом объединения разрозненных племенных отрядов в боеспособную централизованную армию. Теперь военные составили служилое сословие, подчинявшееся царю.

В молодости несколько лет Филипп провел в Фивах, хорошо усвоив за это время греческую культуру. Став царем, он стал усиленно «внедрять» ее в Македонии, а также содействовать развитию ремесла и торговли, строитель-

ству городов по образцу Греции. Но для развития торговли надо было получить выход к морю, и Филипп в первую очередь захватывает прибрежные греческие полисы, основанные в свое время в качестве колоний.

Но это было только началом. Филипп стал продвигаться в глубь Греции, используя междоусобицы полисов. Когда один из враждующих полисов призывал его на помощь, македонские фаланги легко одерживали победу, и побежденный полис оказывался под властью Филиппа. Лишь когда македонский царь захватил уже значительную часть Греции, против него под руководством Афин объединилось несколько полисов. В 338 г. при Херонее Филипп разбил войско союзников. Этим сражением судьба Греции была решена.

Победе Филиппа способствовали не только междоусобицы полисов, но и внутренние распри в каждом из них. Борьба между демократами и олигархами теперь вылилась в дискуссию между сторонниками и противниками македонского господства.

Выразителями интересов промакедонской группировки, которая состояла преимущественно из богатых рабовладельцев, стали философы Платон и Аристотель. Аристотель сам был наполовину македонцем. Он провел молодость при македонском царе, был воспитателем его сына Александра. Эти философы доказывали, что македонский царь объединит Грецию, сохранив основные достижения строя полисов, и не только защитит от натиска Персии, но и оттеснит ее, позволив Греции захватить новые богатейшие владения и расширить выгоднейшую торговлю.

Антимакедонскую группировку, представлявшую интересы демократических слоев, возглавил Демосфен. Слово «филиппики», как стали называть его страстные обличения Филиппа, стало нарицательным. Сторонники этой группы призывали к сплочению полисов против Филиппа. Они справедливо утверждали, что подчинение Македонии ликвидирует демократические институты полисов, в том числе народные суды, раздачи, зрелищные деньги.

Филипп учитывал эти разногласия и проводил мудрую политику, стараясь привлечь на свою сторону как можно больше греков. Даже после битвы при Херонее репрессий против Афин практически не последовало: Афины были тем культурным центром, который оставался идеалом для Филиппа. В 337 г. он созвал конгресс в Коринфе с участием представителей всех полисов. На этом конгрессе было провозглашено, что полисы сохраняют свою самостоятельность со всеми демократическими институтами. Это должно было примирить с поражением по крайней мере некоторых сторонников антимакедонской группировки. На конгрессе была также объявлена неприкосновенность частной собственности с запретом переделов земли. Это означало реализацию программы сторонников олигархии.

В качестве компенсации за потерю независимости для всех греков, в том числе и демократических слоев, был выдвинут лозунг войны с Персией. Такая война теперь была посильной задачей, она восстанавливала в глазах большинства славу и величие Греции, поскольку греческие и македонские войска должны были действовать вместе, выступая в качестве победителей. К тому же Персия считалась очень богатой страной. Призыв Исократ, одного из лидеров промакедонской группировки, перенести войну в Персию, а персидское золото в Грецию находил отклик у всех слоев греческого населения.

В результате конгресса возник странный симбиоз – сочетание формально свободных полисов с военной монархией. «Самостоятельность» полисов выражалась лишь в том, что у власти оставались прежние правящие круги и сохранялись прежние органы, но лишь при условии сохранения лояльности македонскому царю. Практически эти органы были подчинены царской администрации. Преимущественное значение теперь приобретали личные связи с представителями царской администрации, и гражданин полиса постепенно превращался в подданного царя.

Тем не менее объединение Греции, хоть и ценой потери ее независимости, совершилось, а политическая программа олигархов была реализована полностью.

Стремительное наступление на Восток и создание огромной империи произошло уже при сыне и преемнике Филиппа – Александре Македонском (356–323 гг.).

Одной из главных причин побед Александра было разложение Персидского государства Ахеменидов. Оно делилось на сатрапии, и каждый сатрап стремился к самостоятельности. Завоеванный персами Египет добивался отделения от Персии, восстановления своей независимости. В западной части Персии оставались греческие колонии, сохранялись экономические связи с Грецией, и эта часть также стремилась отделиться. Армия Дария состояла преимущественно из слабо вооруженных и плохо обученных крестьян, по крайней мере часть которых видела в македонцах избавителей от крайне жестоких методов восточной деспотии.

Наиболее боеспособными частями персидской армии были отряды греческих наемников, которые оказывали самое упорное сопротивление. Но эти наемники довольно скоро приходили к выводу, что служить Александру выгоднее и надежнее, чем Дарию, тем более что они при этом оказывались в рядах своих соплеменников.

Способствовала победам и политика победителей на завоеванной территории. Александр захватывал города, стратегически важные опорные пункты, не трогая сельской местности и сохраняя прежние порядки и традиции. Но эти порядки были характерны для азиатского способа производства.

Здесь закладывалась главная особенность будущей империи – смесь Востока и Запада, симбиоз двух вариантов развития.

В соответствии с восточными традициями Александр объявил себя сыном бога. В состав армии завоевателей были включены персидские отряды. 30 тысяч персидских юношей прошли военное обучение по македонскому образцу и пополнили греко-персидское войско. Это вызвало недовольство македонских солдат: их, в сущности, уравнивали в правах с побежденными.

Так возникла огромная империя, в состав которой вошли Греция, Малая Азия, Египет, Ближний Восток, часть Средней Азии и Индии. Но это было непрочное объединение, не имевшее общей экономической основы. Египет с тысячелетней культурой, полукучевые племена Восточного Ирана, греческие полисы – все это невозможно было объединить в единую экономическую систему. Поэтому после смерти Александра империя распалась на отдельные государства, во главе которых стояли бывшие военачальники греко-македонской армии. Главными из этих государств стали Египет во главе с Птолемеем, государство Селевкидов, в состав которого вошла основная часть территории Персии, и Македония с Грецией. Главной особенностью экономического и политического строя этих эллинистических государств стало переплетение элементов Востока и Запада, которое сложилось еще при жизни Александра Македонского и было результатом его сознательной политики.

Это было соединение восточной деспотии с принципами полиса. От Востока была взята верховная власть обожествленного правителя, государственная собственность на землю и природные богатства, эксплуатация государством всего сельского населения в форме налогов и трудовой повинности. Опорой этого верховного правителя (царя) была армия из наемников, военно-служилое сословие. Господствующее положение в обществе заняла новая военно-бюрократическая аристократия.

Эллинистические правители, насаждая греческую культуру, содействовали развитию ремесла и торговли, укрепляли старые города и строили новые. Только Александрий было построено пять, из которых наибольшую известность получила Александрия в устье Нила. Для развития торговли была введена единая по всей империи денежная система.

Можно ли считать эти города полисами, т. е. второй составляющей частью эллинизма? Горожане имели определенные привилегии по сравнению с сельским населением, в городах жили богатые и знатные, именно здесь селились эллины. Признаком привилегированности были греческая культура и греческий язык. Слово «эллин» стало означать представителя господствующего слоя. Возникла ситуация, когда город стал эксплуататором деревни: именно сюда поступали налоги и натуральные поборы с сельских жителей. Но эллинистические города не были полисами в традиционном смысле, т. е. самоуправляющимися городами-республиками. Они подчиня-

лись власти верховного правителя и его заместителей. Кроме того, вспомним, что в греческих полисах формально полноправным гражданином считался сельский житель, а не горожанин-метек.

Слово «эллинизм» лишь в ограниченной степени может быть отнесено к самой Греции периода царствования Александра и его преемников. Такие черты эллинизма, как сочетание культур Востока и Запада, государственная собственность на землю, эксплуатация сельского населения и господство города над сельским населением, не распространялись на Элладу.

Экономика Греции в это время находилась под воздействием двух противоположных факторов. С одной стороны, постоянные военные столкновения разоряли ее хозяйство. Поскольку Греция считалась центром культурного мира, преемники Александра стремились из престижных соображений овладеть этим центром. Естественно, их столкновения происходили на территории Греции. Продолжались и попытки восстановить независимость Греции, восстания против власти македонского царя. Афины испытали несколько осад и поражений, сопровождаемых демократическими и олигархическими переворотами.

Особенно упорное сопротивление македонцы встречали на экономически отсталых окраинах Эллады. Против завоевателей там возникли два объединения – Этолийский и Ахейский союзы. Этолия и Ахайя (не путать с ахейцами гомеровского времени) были аграрными районами, где еще слабо развились городская жизнь, ремесло и торговля, где сохранялись пережитки гомеровского строя, где каждый мужчина был воином. В отличие от прежних объединений здесь не было полисов-гегемонов, стоявших во главе союза. Но и эти союзы в конечном итоге были разгромлены македонцами. Подавление антимакедонских восстаний было жестоким: огромная масса людей или погибла, или была обращена в рабство. Теперь значительную часть рабов в Греции составляли эллины.

С другой стороны, золото Востока теперь действительно потекло в Грецию. Сюда поступала масса захваченных на войне ценностей, в том числе дешевых рабов. В Афинах строился военный флот, производилась масса вооружения для армии Александра. Эргастерии становились все более крупными.

Следом за войсками Александра Македонского на Восток двинулись переселенцы из Греции, основывая новые полисы-колонии. Но если прежние колонии занимали небольшие участки земли на побережье, в окружении племен, сохранявших первобытные отношения, то новые колонии создавались на территориях, где уже существовала своя древняя цивилизация. Поэтому здесь культурное влияние было обоюдным: греки не только распространяли свою культуру среди местного населения, но и воспринимали местные культурные традиции. Возникало смешение культур, которое, в сущности, и получило название эллинизма.

Если прежняя колонизация не вела к подчинению, покорению местного населения и его эксплуатация выражалась только в неэквивалентном обмене, то в новых условиях полис становился городом господ, «эллинов», поставленных над сельским населением. Города были опорными базами Александра Македонского и его преемников, и приток переселенцев из Греции укреплял позиции завоевателей, получая их официальную поддержку.

Для самой Греции эта колонизация нового типа имела два последствия. С одной стороны, шел отлив наиболее активной, деятельней части греческого населения. Оставались преимущественно те, кто был или достаточно богат, или надеялся на помощь полиса и подачки богачей, отвыкнув проявлять собственную хозяйственную инициативу. С другой стороны, как уже сказано, именно через колонии в Грецию хлынул поток материальных ценностей от хлеба до драгоценных металлов. Конечно, эти ценности оказывались в руках олигархов, их роскошь в это время достигает своего максимума. Возникает острый контраст между этой роскошью и нищетой низов, ослабленных отливом деятельной части на Восток. Социально-экономической основы полиса как общины, обеспечивавшей благосостояние и независимость всех граждан, больше не существовало.

4.11. Экономическая мысль в Древней Греции

4.11.1. ГЕСИОД

Гесиод родился около 730 г. до н. э. в Древней Греции (страна Беотия). Точные данные его рождения и смерти не установлены. Относительно его происхождения сложилось множество легенд. Единственные достоверные сведения о жизни Гесиода дает его поэма «Работы и дни». Из нее мы узнаем, что Гесиод был сыном морского торговца из эолийской Кимы. Его отец, имя которого неизвестно, по чистой случайности приобрел владение в Беотии, в деревне Аскре, входившей в феспийский округ. Можно предположить, что отца Гесиода натолкнули на такое решение сложные жизненные обстоятельства, поскольку Аскра находится в суровой горной местности, где полностью отсутствовали дороги, которыми пользовались торговые караваны. Вот как описывает Гесиод это место:

*Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной.*

Плохое сообщение принудило жителей Аскры обходиться в повседневной жизни собственными средствами, не надеясь на возможности обмена с более цивилизованными чужестранцами, и заниматься преимущественно земледелием и мелким ремеслом (тележным, гончарным и т. п.).

Гесиод с самого раннего возраста занимался обработкой земельного участка. Изю дня в день, из года в год, повторяя и запоминая все операции, связанные с земледелием, он превращается в мужика-домоседа, сильно привязанного к собственной земле. Он никогда не совершал поездки по морю, кроме как однажды уже в зрелом возрасте переплыл на соседний остров Евбею для участия в поэтических состязаниях в память разумного Амфидаманта:

*В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал, –
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму
Пережидали ахейцы, собирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои,
На состязание в память разумного Амфидаманта.*

Будучи по натуре человеком общительным и любознательным, Гесиод постоянно расширял свои познания и стремился к тому, чтобы они были полезными людям, находящимся в подобных же условиях жизни. Давая в своей поэме «Работы и дни» советы по земледелию, Гесиод опирается на факты, которые он сам не один раз тщательно проверил. Свободное от земельных работ время он посвящает изучению естественной истории, астрономии, мифологии, религии, что находит отражение в его произведениях «Теогония», «Работы и дни», «Щит Геракла». Искключительной славой и уважением Гесиод пользовался у окружения именно за свое всезнание.

Критик П. Вельц в своей статье «Жизнь Гесиода» описывает личность Гесиода следующим образом: «Характер его нам известен гораздо более, чем события его жизни. Деятельный, практичный, склонный к приобретательству, но щепетильно честный, безжалостный в своей суровой добродетельности, всегда бодрый и редко удовлетворенный, то холодно рассудительный, то суеверный до полнейшей бессмыслицы, натура угрюмая и мрачная, у которой даже улыбка всегда хранит горькую складку иронии, – Гесиод напоминает нам здоровое и крепкое растение, не имевшее возможности вполне развиваться в тяжелом воздухе Беотии, на скудной почве Геликона».

Как натура серьезно настроенная, критическая, Гесиод проявляет особый интерес к общественной жизни с ее противоречиями, к потребностям личности. В произведениях Гесиода мы имеем дело с более развитой рефлексией автора, чем у Гомера. Он глубоко, с особой тщательностью, основатель-

ностью и правдивостью исследует и обсуждает сущность вещей, размышляет о боге и мире, о целях человеческой жизни.

Используемый Гесиодом прием многоступенчатого познания человеческой жизни приводит его к выводу, что мировой порядок опирается не на насилие и высокомерие, не на обман и ложь, а на нравственность и право. При этом он ясно понимает и откровенно говорит о причине распада старого порядка: сила идет впереди правды.

Произведения Гесиода не отличаются искусством стихотворной формы изложения, изяществом и подвижностью, как у Гомера. Зато затрагивают самые глубинные стороны нравственной жизни людей. «Гесиод – поэт для мужиков, Гомер – поэт для царей» – так выразил разницу между ними Александр Македонский.

Гесиод отмечал, что жизнь человека многотрудна, требует от него постоянной напряженной деятельности и самоотречения. Только упорным трудом можно добиться совершенства ремесла. Честно и правдиво он с особой основательностью раскрывает сложившиеся устои образа жизни и мышления своих соотечественников.

Гесиод ищет правду не на сияющих высотах человеческого бытия, а в нужде и повседневной работе. Видит свою миссию в разработке нравственных предписаний для правильной жизни, а также практических рекомендаций для разумного домоводства. В последнем ярко проявилась его натура как человека экономического.

Незаурядная личность Гесиода как человека экономического, была незаслуженно обойдена учеными-историками, философами и тем более экономистами. Предпринимавшиеся неоднократно попытки со стороны критиков охарактеризовать гесиодовскую поэму «Работы и дни» в основном касались ее состава, формы, моральных идей и этики того времени, происхождения и жизни Гесиода, его взаимоотношений с братом Персом. И совсем мало внимания уделялось экономическим воззрениям Гесиода, которые имеют место на протяжении всего поэтического повествования.

Как человек прозорливый, нравственный, экономический, Гесиод первым указал на то, что больше целого половина: «Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина».

Он имел в виду, когда спорил с братом Персом и преподавал ему уроки нравственности, что делиться поровну выгодней, чем брать себе все.

Гесиод в своей земледельческой поэме «Работы и дни» затрагивает многие экономические вопросы. Он пишет о пользе соревнования, правилах земледелия, управлении домостроением, потребностях человека и стимулах к труду.

С экономической точки зрения, по своей структуре «Работы и дни» – это, с одной стороны, поэтический трактат о правилах и основах экономики зем-

леделия и мореплавания, с другой – домашний рабочий календарь для земледельца и морского торговца, с третьей – сборник практических советов по управлению домоводством, с удивительной скрупулезностью собранных и с особой тщательностью проанализированных, пропущенных через себя.

В качестве методологической базы Гесиод в своей поэме использует индуктивный метод исследования. Опираясь на факты, лично им увиденные, услышанные, позаимствованные у других поэтов и проверенные временем, он делает попытку обобщить их и сформулировать принципы, которые могут быть положены в основу жизнедеятельности человека и общества в целом. В какой-то степени ему удается методом наблюдений и умозаключений выйти на определение основных принципов разумной деятельности, которые, по его мнению, могут быть использованы во всех обстоятельствах существования, аналогичного его собственному. К ним он относит следующие: необходимость упорно трудиться, чтобы обеспечить путь к богатству; не преступать законов нравственности; своевременно платить налоги; быть законопослушным, справедливым, благочестивым, добродетельным, честным, правдивым и др. Однако в целом поставленная задача не была им решена, поскольку его советы и рекомендации строились на извечно присущем местным крестьянам индивидуализме, а не на развитии общественных отношений. Гесиод с поразительной настойчивостью указывает, на что способен ловкий, искусный человек, как в самом себе он находит все, в чем есть необходимость. И это не случайно. Условия существования на индивидуальном клочке земли заставляли крестьян надеяться только на собственные силы, на свое умение, исходить из своих личных интересов.

Гесиод определяет для своих сограждан два вида занятий: земледелие и мореплавание, которые выгодны им с точки зрения их существования. При этом он отдает предпочтение земледелию, объясняя, что прибыль от морской торговли – это элемент случайности, которому присущ спекулятивный характер, и нет ничего надежнее, чем усердный труд земледельца, приносящий ему хороший результат.

Гесиод говорит о пользе соревнования, о стремлении стать богатым через труд:

*Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится.*

Он наставляет, обращаясь к своему брату, что любому делу, будь то земледелие или морская торговля, должна предшествовать серьезная мыслительная работа, которая позволяет предвидеть будущие результаты:

*Тот – наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.*

Объясняет, что добиться хороших конечных результатов можно только благодаря налаженной подготовительной работе. По этому поводу Гесиод пишет:

*В первую очередь – дом и вол работающий для пашины,
Женщина, чтобы волов подгонять: не жена – покупная!
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого; откажет он, – как обернешься?
Нужное время уйдет, и получится в деле заминка.*

Далее Гесиод дает практические советы и формулирует правила по ведению земледелия, основанные на собственном опыте, и ведет нас через все времена года, из которых каждому соответствуют свои определенные работы. При этом мы получаем наглядную картину сельского хозяйства того времени.

Заниматься мореплаванием Гесиод советует после летнего солнцеворота, когда сельские работы закончены и хорошая постоянная погода обеспечивает благополучное плавание:

*Вот пятьдесят уже минуло дней после солнцеворота,
И наступает конец многотрудному, знойному лету.
Самое здесь-то и время для плавания: ни корабля ты
Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская.
Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха теперь свой корабль быстроходный,
В море спускай и товаром его нагружай всевозможным.
Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
Не дожидайся вина молодого и ливней осенних,
И наступления зимы, и дыханья ужасного Нота.*

Описывая порядок проведения земледельческих работ, а также сроки мореплавания, Гесиод, с одной стороны, руководствовался наблюдением звездного неба и перелетов птиц, с другой – опирался на народные суеверия. Тем не менее это не помешало ему разработать домашний рабочий календарь для земледельцев. По сути дела, он заложил основы календарного планирования сельскохозяйственных работ.

Веря в лучшее будущее, в торжество справедливости, Гесиод не сомневался, что любой кризис может быть только переходным:

*Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы или позже родиться.*

И сколь пронизателен был Гесиод, рассуждая о ценностях жизни в переходный период:

*Правду заменит кулак...
Скорей наглецу и злодею станет почет воздаваться.
Где сила, там будет и право. Стыд пропадет.
Человеку хорошему люди худые
Живыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.*

Нельзя не заметить, насколько актуальны эти выводы для переходного периода и нашего общества.

4.11.2. АРИСТОТЕЛЬ – «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Экономические воззрения людей, т.е. их взгляды на хозяйственную жизнь, уходят в глубь многотысячелетней истории человечества. И хотя эти взгляды касались прежде всего и непосредственно самого хозяйственного быта тех или иных времен, в них уже можно было обнаружить интересные крупницы будущей науки, которая начинала робко прорастать в условиях определенных типов экономического устройства общества. Именно тогда люди начали предпринимать спонтанные попытки проникновения в организацию производства благ с целью удовлетворения своих потребностей.

Поэтому далеко не случайно историки мировой экономической мысли вели и ведут «археологические раскопки» на nive развития трудовой деятельности народов различных древних стран: Египта, Вавилона, Китая, Индии и Палестины... И тогда египетские папирусы, индийские Веды и Библия становятся своеобразным первоисточником для выявления правил и порядка поведения людей в хозяйственных процессах.

Однако не будет преувеличением сказать, что подлинным сосредоточением экономической идей, составивших стартовую площадку для дальнейшего формирования экономической науки в собственном смысле этого понятия, явились труды выдающихся представителей Древней Эллады. Именно Древняя Греция была «колыбелью» идей для становления и развития всей европейской цивилизации, одной из великих мастерских человеческой культуры. И в этой «колыбели» совершенно особое место принадлежит гениаль-

ному греческому философу и естествоиспытателю Аристотелю (384–322 гг. до н. э.).

Жизненный путь философа

Аристотель родился в 384 г. до н. э. на Фракийском побережье Македонии, в городе Стагире (отсюда в дальнейшем стал именоваться Стагиритом) в семье Никомаха, придворного врача и друга царя Аминты III, отца Филиппа Македонского. Он принадлежал к одной из ветвей рода Асклепиадов, чьи медицинские заслуги получили некогда высокую оценку у знаменитого врача древности Галена, считавшегося по праву вторым светилом после Гипократа.

Рано лишившись своего отца, Аристотель не пошел по стезе медицины и в 17 лет уехал получать образование в Афинах, где и поступил в знаменитую Академию великого философа Платона (427–347 гг. до н. э.), учившегося в прошлом у легендарного Сократа. Аристотеля и Платона связала крепкая дружба, хотя молодой ученик нередко выступал с критикой своего учителя (известны, например, высказывание Платона «жеребенок лягает свою мать», а также изречение Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже»). Между тем Платон называл Аристотеля «чистым разумом» и поручил ему в Академии преподавание риторики.

После смерти Платона почти сорокалетний Аристотель уехал из Афин и поселился в городе Ассе у своего товарища по Академии Гермия, где и женился на его приемной дочери Пи-фииде, которую горячо любил до самой ее кончины.

В дальнейшем царь Филипп Македонский пригласил Аристотеля воспитателем к своему сыну Александру, будущему великому полководцу, завоевателю огромных территорий мира. В 331 г. до н. э. Аристотель вернулся из Македонии в Афины, где основал известный Ликей и успешно продолжил свои философские и естественно-научные изыскания. Он умер в 322 г. до н. э. на острове Эвбее, куда был вынужден бежать из Афин в связи с обвинениями в атеизме.

Аристотель оставил после себя огромное теоретическое наследие, где он блестяще систематизировал почти все главные отрасли знания своего времени. Среди трудов ученого есть фундаментальные сочинения по философии и логике, этике и психологии, астрономии и биологии, политике и истории, риторике и поэтике. По меткому замечанию Гегеля, Аристотель, несмотря на своих предшественников (в первую очередь Сократа и Платона), выступил создателем философии как подлинной науки. Главной же задачей самой нау-

ки он считал познание бытия и видел свою миссию в расширении тех границ познания, которые были установлены в прошлом. И здесь необходимо обратить особое внимание еще на один бесспорный приоритет Аристотеля, его приоритет в области научного исследования экономического бытия. Именно в этой сфере он сыграл роль «крестного отца» будущей экономической теории, став гениальным предтечей развития экономической мысли двух последующих тысячелетий.

Придет время, и Аристотеля назовут первым экономистом в истории науки и даже «отцом политической экономии».

Сложность личности Аристотеля и многогранность его подходов к анализу экономических процессов вызывает нередко и сегодня споры по поводу выдвинутых им теоретических положений.

Так, у советских историков экономических учений сформировался достаточно односторонний взгляд на экономические воззрения Стагирита, во-первых, как идеолога рабовладельческого способа производства и, во-вторых, как на исследователя внешних сторон проявления стоимости товара, а отсюда – денег. Иными словами, Аристотель рассматривался в этом случае через призму марксистской теории, а «хорошее» и «плохое» в его концепциях определялось отдельными высказываниями самого К. Маркса, который, высоко оценивая научные заслуги этого, по его выражению, «исполина мысли», неоднократно подвергал критике ошибочность и ограниченность его взглядов. «Гений Аристотеля, – писал К. Маркс в «Капитале», – обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства»¹.

Между тем современное и непредвзятое ознакомление с экономическими постулатами Аристотеля (разумеется, при их сохраняющейся дискуссионности) позволяет увидеть в них зарождение «начал» таких направлений, как меркантилизм, фи-зиократизм, классическая политэкономия и даже (пусть не покажется и это странным) маржинализм.

Рыночный обмен как объект научного анализа

У Аристотеля отсутствует какое-либо отдельное сочинение, посвященное экономической жизни общества. Хозяйственные проблемы под разными углами зрения рассматриваются им в двух работах: «Никомаховой этике» и главным образом «Политике», но некоторые фрагментарные высказывания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 70.

встречаются и в других трудах. Хорошо известно, что среди греческих мыслителей, пытавшихся обратиться к хозяйственным вопросам до Аристотеля, принято называть Платона и Ксенофонта (430–354 гг. до н. э.).

Однако у Платона речь шла прежде всего об устройстве идеального государства, управляемого интеллектуальной аристократией (философами), а чисто экономическая составляющая занимала здесь подчиненное место. Что касается Ксенофонта, то ему принадлежит особая работа «Экономикос» (откуда и возникло одно из названий экономической теории), где излагались правила ведения домашнего рабовладельческого хозяйства. Платон и Ксенофонт делали упор не столько на рассмотрении внутренней сущности хозяйственного быта, сколько на конкретные рекомендации по его рациональному упорядочению, хотя, разумеется, определенный анализ товарно-денежных отношений в их трудах уже содержался.

Тем не менее первым автором, сделавшим рыночный обмен объектом научного исследования, был конечно Аристотель. Поскольку в дельнейшем главным содержанием экономической теории станут именно рыночные отношения хозяйствования, постольку правомерно считать Аристотеля тем ученым, который стоял у истоков экономической науки и сумел гениально подняться над обыденной практикой хозяйственного быта в его чисто «домостроевском» воплощении и впервые придать этому быту сугубо философское (иначе говоря, теоретическое) осмысление¹.

И здесь уместно задать вопрос: в какой мере в конкретных условиях Древней Эллады натуральное рабовладельческое хозяйство уже реально сочеталось с активно подрывавшими его отношениями рыночного обмена? Ответ на поставленный вопрос можно найти у самого Аристотеля, ибо нет никаких сомнений в том, что он достаточно хорошо знал не только хозяйственную практику своего времени, но и социальную структуру общества, которая не подразделялась у него схематично и упрощенно лишь на рабовладельцев и рабов.

Аристотель уделил большое внимание классификации «народной массы» в рамках государственного устройства. В этой классификации он выделил пять основных групп населения: во-первых, земледельцев и скотоводов, во-вторых, ремесленников, в-третьих, торговцев, в-четвертых, наемных работников (поденщиков) и, в-пятых, военное сословие. Особую группу составляли непосредственно рабы как лица, не принадлежащие к гражданскому обществу.

Причем именно первые четыре группы жили на доходы от своего труда, т.е. либо были свободными товаропроизводителями (население, занятое

¹ Видимо, не случайно сочинение Ксенофонта «Экономикос» получило в русском переводе название «Домострой».

в сельском хозяйстве, и ремесленники), либо обслуживали процесс обмена (торговцы), либо существовали за счет вознаграждения за продаваемые трудовые услуги.

Выражаясь современным языком, названные социальные слои населения (а они составляли его большинство) уже выступали по сути в роли непосредственных субъектов товарно-денежных отношений, субъектов того рынка, который реально существовал в Древней Греции наряду с натуральным типом хозяйствования и использованием рабского труда.

Отсюда понятно, почему Аристотель как сын своего времени обратился к всестороннему исследованию рыночного обмена.

Задолго до Адама Смита он проник в тайну того объективного процесса, который не только естественно порождает рынок, но и превращает саму рыночную экономику в естественный тип хозяйствования. Этим процессом как раз было общественное разделение труда.

Кстати, обращает на себя внимание одна небезынтересная подробность. Первые рассуждения Аристотеля о значении разделения труда не случайно содержатся в его сочинении «Ни-комахова этика». Рассматривая специализацию людей в сфере их профессиональной деятельности (понятия разделения труда тогда еще не существовало), он связывает решение чисто хозяйственных задач с проблемами морали, с необходимостью установления «справедливого равенства» в процессе обмена различными результатами этой деятельности. В определенном смысле у Аристотеля начинает формироваться именно экономическая этика.

Уместно заметить, что этическая составляющая будет в последующем неоднократно и органически вписываться в экономическую теорию. Классическим же примером подобного соединения можно считать учение А. Смита. Ведь знаменитому «Богатству народов» предшествовало его же сочинение «Теория нравственных чувств», тогда как вся задуманная им трилогия, к сожалению, осталась неосуществленной. О том, что хотел поведать человечеству А. Смит в последней части своей теории (после первых двух ее частей – этической и экономической), можно лишь догадываться, хотя несомненно она должна была образовать синтез проблем саморегулируемой рыночной системы и общественной морали.

В «Никомаховой этике» (в пятой ее книге) размышления Аристотеля об обмене, основанном на разделении труда, выглядят следующим образом. Здесь говорится о «пропорциональном воздаянии» и «пропорциональном равенстве» работ различных субъектов экономики и подчеркивается, что только в случае «расплаты», т.е. обмена товаров на деньги, возникает «справедливое равенство». Чрезвычайно важной является характеристика обмена в качестве «общественных взаимоотношений». «Ведь общественные вза-

имоотношения, – пишет Аристотель, – возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть врач и земледелец и вообще разные и неравные стороны, а их-то и нужно приравнять. Поэтому все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется, а значит, как переизбыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или еде. Все должно измеряться чем-то одним. Поистине такой мерой является потребность, которая связывает все вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, т.е. несправедливым; и словно замена потребности, по общему уговору появилась монета; оттого и имя ей «номисма», что она существует не по природе, а по установлению («номос») и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления. Итак, расплата будет иметь место, когда справедливое равенство установлено так, чтобы земледелец относился к башмачнику, как работа башмачника к работе земледельца. Монета, словно мера, делающая вещи соизмеримыми, приравнивает; и как без обмена не было бы общественных взаимоотношений, так без приравнивания – обмена, а без соизмеримости – приравнивания»¹.

Несмотря на некоторую тяжеловесность стиля (да и перевода) приведенных высказываний, попробуем сделать на их основе ряд выводов и сформулировать ключевые положения аристотелевских воззрений на процесс рыночного обмена.

Первое положение характеризует обмен как прямое следствие разделения труда, порождающего различные виды деятельности врача и земледельца, строителя и башмачника, а равно и различные формы, в которых они воплощаются (земледелец производит еду, строитель – дом, башмачник – обувь). Эти формы, вступающие в процесс обмена, представляют собой товары. Однако если еду, дом и обувь действительно можно назвать «вещами», т.е. результатами сугубо материального производства, то как быть с результатом деятельности врачей. Причем Аристотель называет их уже в самом начале перечисления отдельных специализированных работников. Думается, подобное упоминание врачей не следует связывать лишь с фактом, что именно врачом был родной отец философа Никомах, хотя даже название «Никомахова этика» можно рассматривать как своеобразное посвящение памяти отца.

На наш взгляд, здесь идет речь о попытке решения одной принципиальной экономической проблемы, о том, что товарами на рынке становятся не только материальные вещи, но и услуги (в данном случае медицинские), что

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 155–157.

эти услуги вправе вступать в обмен на еду, дом, обувь и прочие экономические блага. Таким образом, Аристотель еще в период зарождения экономической науки делает важный вывод о возможности принятия товарной формы как материальными, так и нематериальными продуктами человеческой деятельности. И далеко не случайно он отнесет потом к числу благ, обладание которыми образует подлинное богатство, такие блага, как здоровье, счастье, справедливость, мужество, умеренность, дружбу и даже красоту. Пройдет немало веков, пока люди придут к осознанию огромной и возрастающей роли нематериального богатства в развитии человеческого общества.

Второе положение Аристотеля касается непосредственно проблемы товарно-денежных отношений, ибо в процессе обмена он раскрывает специфическую форму «общественных взаимоотношений», т.е. экономических отношений между людьми.

И наконец, третье, и едва ли не самое главное положение выступает результатом оригинального подхода к исследованию «соизмеримости» и «приравнивания» различных товаров, без чего невозможен их обмен.

Для обмена всегда необходимо приравнивание «разных и неравных сторон», приравнивание различных видов деятельности людей. В основе же приравнивания должна находиться их соизмеримость, а последняя требует обнаружения определенной общей качественной субстанции в любых экономических благах.

И если в дальнейшем в теории трудовой стоимости подобной субстанцией будет объявлен исключительно человеческий труд, то Аристотель подошел к решению этого вопроса с другой стороны, назвав общей мерой всех товаров сами человеческие потребности, а способность удовлетворять потребности как раз и является полезностью товара. Кстати, Аристотелю нередко приписывали открытие двойственной природы товара, обладающего как потребительной стоимостью (полезностью), так и меновой стоимостью (способностью обмениваться в определенных пропорциях на другие товары или на деньги). Между тем тайна рыночного обмена, как ее понимал Аристотель, заключалась в другом. Она состояла в обосновании потребности (а отсюда и полезности благ) в виде своеобразной «субстанции», делающей товары соизмеримыми. Можно, конечно, считать, что полезности товаров, будучи всегда качественно различными, не в состоянии обеспечить их количественное соизмерение. Однако Аристотель выдвинул принципиально иную концепцию. Общей мерой ценности разнородных благ Аристотель назвал их полезности, обусловленные в свою очередь потребностями в этих благах. Причем он обратил внимание и на такой критерий их ценности, как степень редкости, отметив, что «благо, которое отличается редкостью, превосходит благо, имеющееся в изобилии».

Нельзя отрицать, что толкование взглядов мыслителя Древней Греции на процесс обмена вызывает и сегодня определенные разногласия. И все же трудно не согласиться с тем, что именно от Аристотеля при известном логическом развитии его постулатов идет теоретическая (пусть и достаточно извилистая) тропа к маржинализму и обоснованию понятия предельной полезности, к открытию закона ее убывания по мере роста количества обмениваемых благ.

Что же касается денег, названных в «Никомаховой этике» монетой, которую Аристотель считал выражением («заменой») потребности, посредником в обращении товаров и отсюда основой из приравнивания друг к другу и соизмерения, то и здесь уместно еще раз задуматься, насколько данный подход можно безоговорочно оценить в качестве ошибочного и ненаучного.

Экономические отношения в структуре рабовладельческого государства

В своем знаменитом труде «Политика» (особенно в его первой книге) Аристотель предлагает нам аргументированные рассуждения о рыночных механизмах хозяйствования и дает развернутую характеристику таких понятий, как деньги, богатство, торговля и ростовщичество в рамках государственного устройства. Поэтому вначале будет не лишним хотя бы тезисно рассмотреть социально-экономические воззрения философа на само государство и общество.

Аристотель разработал довольно своеобразную классификацию типов государственного устройства, куда им было включено шесть различных типов: три «правильных» и три «неправильных», причем «неправильные» представляли по сути извращение «правильных». К трем «правильным» он отнес «монархию», «аристократию» и «политейю», а к трем «неправильным» – «тиранию», «олигархию» и «демократию». «Монархия» определялась как власть одного (царя) в целях достижения блага для всего общества, «аристократия» – как власть немногих (интеллектуальной элиты) в интересах всех граждан и «политейя» – как правление большинства, отбираемого по определенным принципам, опять-таки во имя всеобщего блага. «Тирания» выражалась в правлении одного в интересах собственной выгоды, «олигархия» – в правлении немногих наиболее богатых граждан также в их собственных интересах и «демократия» – в правлении большинства неимущих граждан с целью обеспечения их интересов. При этом, руководствуясь своими этическими взглядами, Аристотель усматривал в «правильных» типах реальное воплощение добродетели, а в «неправильных» – ее отсутствие.

«Дурная власть, – подчеркивал он, – как и дурное повиновение, не полезны ни для властвующего, ни для подчиненного».

Пытаясь выделить наилучшую форму организации хозяйственной жизни, Аристотель отдавал предпочтение земледельческому государству, выступая против чрезмерной концентрации земель и ратуя за распространение мелкого и равного для всех свободных граждан землевладения. Рассматривая приоритетный характер развития населения, занятого в сельском хозяйстве («...огромное большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям»), он невольно прокладывал путь к будущей теории физиократов.

Говоря же об оценке рабовладельческой составляющей в античном мире, важно обратить особое внимание на достаточно противоречивое отношение Аристотеля к институту рабства.

Было бы по меньшей мере странным видеть в Аристотеле ученого, не исследовавшего эксплуатацию рабского труда. Немало страниц в его «Политике» посвящено характеристике рабов как одушевленных орудий производства, описанию рационального управления рабами, их отличиям от свободных граждан. «Очевидно, во всяком случае, – утверждает Аристотель, – что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо». Полагая, что рабы должны рекрутироваться из варварских народов («варвар и раб по природе своей понятия тождественные»), он приводит цитату из трагедии Еврипида «Ифигения»: «...прилично властвовать над варварами грекам».

Однако будет ли правильным считать Аристотеля убежденным сторонником рабства и подчеркивать лишь классовую целеустремленность его мировоззрения? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Ведь в будущем справедливом государственном устройстве человеческого общества Аристотель не находит места для рабства. Причем исчезновение рабства он связывает (что было чрезвычайно прогрессивным) с развитием средств производства, тогда как его сохранение с существовавшими в Древней Греции отношениями собственности. «Если бы каждое орудие, – отмечает Аристотель, – могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая... если бы ткацкие челноки сами ткали, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы». А далее он пишет, что рабом является человек, который «принадлежит не самому себе, а другому» и «становится собственностью» этого другого.

Разумеется, Аристотель не дерзал покушаться на господствовавшие в его время отношения собственности, хотя в конечном счете рискнул сделать смелый вывод: «Всякое рабство противно природе».

Переходя непосредственно к рассмотрению экономических отношений, свидетелем развития которых был Аристотель, нам представляется целесообразным остановиться на выяснении таких ключевых понятий, как деньги и богатство.

Как уже отмечалось, философ увидел в деньгах посредника в процессе обмена товарами и основу их соизмеримости, т.е., выражаясь более современным языком, универсальное средство обмена. Отсюда следовало, что сами деньги делают товары соизмеримыми. Этот тезис неоднократно подвергался принципиальной критике со стороны убежденных последователей трудовой теории стоимости и сопровождался обвинениями Аристотеля в непонимании сущности денег и поверхностном взгляде на их использование. Критика подобного рода была вполне аргументированной, если, конечно, исходить из того факта, что товары, с одной стороны, и деньги, с другой, представляют собой определенные воплощения стоимости, что деньги играют роль всеобщего эквивалента всех обмениваемых товаров, а их первой (изначальной) функцией является мера стоимости товаров. Совершенно очевидно, что изложенная концепция действительно и в корне не соответствовала взглядам Аристотеля на природу денег. По его мнению, деньги родились прежде всего в качестве наиболее удобного орудия обмена. С их помощью «измеряется как значение тех предметов, которых у нас больше, чем надо, так и потребность в тех, которых у нас недостает». «Вместо меры вещей натурою, – уточняет Аристотель, – люди согласились давать и получать за предметы нечто такое, что, будучи ценно, имеет ту выгоду перед прочими предметами, что оно удобно для обращения». И здесь же добавляет: «Сами по себе деньги суть совершенные пустяки и имеют лишь значение условное».

Все это показывает, что Аристотель вообще не рассматривал проблему соизмерения ценности различных благ и денег. Он считал, что деньги используются в виде монет не в силу обладания ими какой-либо собственной внутренней стоимостью, а лишь потому, что они обращаются. С этой точки зрения, у денег не могло быть и функции меры стоимости, вместо которой они наделялись чисто измерительной функцией, играющей роль понятного каждому, как сказали бы сегодня, масштаба цен и являлись, по сути, «счетными деньгами». Употребление денег, по мысли Аристотеля, давно вошло в обычай и в той или иной мере регламентировалось государством.

Не пытаясь искусственно модернизировать взгляды древнегреческого ученого, уместно заметить, что они (пусть и отдаленно) чем-то напоминают современный функциональный подход к сущности денег, которая определяется здесь не сама по себе, а исключительно выполняемыми ими функциями. При названном подходе деньги как раз и рассматриваются в качестве стихийно выработанного и отобранного рыночной экономикой инструмента,

необходимого для решения многочисленных проблем товарного обращения.

Наряду с деньгами Аристотель уделяет в своей «Политике» пристальное внимание категории богатства. Причем это исследование он осуществляет в рамках так называемой хрематистики (от греч. *hrema* – имущество, владение, собственность, богатство).

Аристотелевская хрематистика – это «теория искусства наживать состояние», теория искусства обогащения. По его мнению, хрематистику следует отличать от «экономии», т.е. правил ведения домашнего хозяйства. Если под экономикой он понимает естественную хозяйственную деятельность, направленную на обеспечение людей необходимыми для жизни благами (сюда входит не только натуральный тип хозяйствования, но и обмен), то целью хрематистики является преумножение богатства в виде денег.

Сославшись на слова афинского законодателя Солона, что «людям не указан никакой предел богатства», Аристотель дает собственные разъяснения по поводу различий между хрематистикой и экономикой: «...В искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели, а целью здесь оказывается богатство и обладание деньгами. Напротив, в области, относящейся к домохозяйству, а не к искусству наживать состояние, предел имеется, так как целью домохозяйств служит не накопление денег. Вместе с тем ясно, что всякого рода богатство должно бы иметь свой предел, но в действительности мы видим, происходит противоположное: все занимающиеся денежным оборотом стремятся увеличить количество денег до бесконечности».

Таким образом, в хрематистике можно обнаружить, с одной стороны, зарождение определения предмета экономической теории, как науки о богатстве, а с другой – сведение самого богатства к сумме накопленных денег, что станет в дальнейшем лозунгом меркантилизма. Однако Аристотель далеко не был сторонником идей меркантилизма в сущностном понимании. Более того, в качестве своеобразного назидания будущим реальным меркантилистами он напишет: «...Те, которые правильно понимают богатство, ищут иного богатства (не исключительно накопления денег), иного приобретения». По мысли Аристотеля, правильное понимание богатства (богатства естественного) не должно сводиться к «торговле с наживой», к приобретению все большего «множества денег».

Что касается торговли в целом как постоянно развивающейся формы товарного обмена, то Аристотель отнес ее к так называемой искусственной хрематистике и выделил три ее разновидности:

- 1) торговлю в собственном смысле (морскую, сухопутную и розничную);
- 2) отдачу денег в рост с взиманием процента;
- 3) наемничество с получением соответствующей платы за труд.

Если первый и третий виды он считал «законными» и «справедливыми», то второй (т.е. ростовщичество) – «заслуживающим презрения». «Из самой природы богатства, – подчеркивает Аристотель, – следует, что каждый вид богатства должен быть ограничен известными пределами. Взимание же процентов означает стремление беспредельно увеличивать богатство... Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые таким образом утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег... Как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими же от денежных знаков. Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе». Иными словами, в общей оценке торговой деятельности опять-таки прослеживается свойственный Аристотелю этический подход к анализу хозяйственных процессов.

С точки же зрения чисто экономической, нельзя не видеть, что рыночные отношения он стремится исследовать не только в сфере обмена товарами, но и на формирующихся рынках капитала и труда. Следовательно, даже самые первые ростки капиталистических форм хозяйствования в недрах рабовладельческого общества превращались у Аристотеля в объект серьезного научного анализа.

При этом развернутая теория искусства наживать состояние (а равно и другие теоретические концепции) сопровождается в трудах Аристотеля примерами из практики экономической жизни. И одним из таких примеров является показ монополии как особой формы рынка. Между прочим, сам термин «монополия» (от греч. *monos* – одини *roleo* – продаю) был впервые введен в научный оборот именно Аристотелем.

Естественно, что здесь еще не могло быть и речи о чем-то похожем на анализ «несовершенной конкуренции» или иных особенностей рыночных структур, до понимания которых экономическая наука дойдет лишь в XX в. И все же реальный случай установления монополии одним из величайших мудрецов Древней Греции Фалесом Милетским, о чем рассказал Аристотель, достаточно интересен и поучителен. Суть этой рыночной истории такова. Философ Фалес Милетский (кстати, ему приписывают изречение «Познай самого себя») был не чужд и некоторых экономических идей. В частности, ему принадлежит высказывание: «Лучше всех то правление и крепче то народовластие, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых». Однако сам Фалес не имел никаких крупных выгод от чисто философских занятий. И однажды он решил разбогатеть, чтобы доказать своим соотечественникам возможность приумножения состояния с помощью оригинального решения определенной хозяйственной задачи. Будучи астрологом, Фалес спрог-

нозировал богатый урожай оливок и еще зимой взял за небольшую сумму денег все маслобойни в городе Милете и на острове Хиосе. «Когда наступило время сбора оливок, – описывает это событие Аристотель, – и сразу многим одновременно потребовались маслобойни, он отдавал маслобойни на откуп на желательных ему условиях и, собрав много денег, доказал, что философам при желании легко разбогатеть, но не это является предметом их стремлений». В итоге пример установления «оливковой» монополии вошел в историю в качестве первого опыта устранения рыночной конкуренции в целях обогащения, а сама монополия была охарактеризована Аристотелем как конкретная форма хрематистики.

И нам остается сделать вывод, что даже беглое рассмотрение взглядов Аристотеля на экономическую жизнь общества позволяет по достоинству оценить его выдающийся вклад в историю науки. Гениальный поэт Средневековья Данте прославил Аристотеля в своей знаменитой «Божественной комедии», назвав его «учителем тех, кто познает». А талантливый современный швейцарский ученый Андрэ Боннар в многотомном исследовании греческой цивилизации пишет, что «Аристотель был одним из первых, кто основал науку, одним из тех, кто с честью пронес по пути человечества светильник знания».

Теоретические воззрения Аристотеля бесспорно образуют ряд важных исходных пунктов современной экономической науки – науки о развитии рыночной системы хозяйствования.

5. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕГО РИМА

5.1. Этрруски

Если рождению греческого полиса предшествовала крито-микенская цивилизация, то для римского государства аналогичную роль сыграли этруски, и даже основание Рима было связано с этрусками.

В начале I тыс. до н. э. население Апеннинского полуострова представляло смесь племен различного этнического происхождения. Наиболее многочисленными были италики. Занимались эти племена примитивным земледелием и скотоводством в условиях родового строя. Жили они в деревнях из круглых глинобитных хижин.

Железная революция здесь происходила в IX–VIII вв. до н. э., но не путем совершенствования техники у местного населения и не повсеместно. Железную технику сюда принесли греки и этруски.

В VIII в. на берегах Юга Италии и Сицилии возникли греческие полисы-колонии, в том числе такие крупные, как Сиракузы и Сибарис. Но еще раньше там появились торговые фактории греков. А поскольку греки уже владели техникой железной металлургии, то даже из торговых факторий секреты этой техники могли распространяться среди местного населения.

Одновременно с греческими колониями, в отдалении от них, в Северной Италии, между будущими Римом и Генуей, появились города этрусков и целая область их первоначального расселения – Этрuria.

И дело не в том, что остальное население полуострова не владело техникой железной металлургии, а этруски владели.

Этрускам предшествовала культура Виллановы (датируется приблизительно 900–700 гг. до н. э.), носители которой тоже умели выплавлять железо, но в остальном не отличались своим укладом от соседей.

Дело в том, что здесь не было преемственности. Быт, экономика и культура этрусков коренным образом отличались от окружающего мира, с самого начала находясь на более высоком уровне, чем у других племен Италии. Соседи оставались на уровне примитивного земледелия и скотоводства, на стадии первобытно-общинного строя, а у этрусков уже были города, развитое ремесло, письменность. В этом отношении города этрусков были подоб-

ны греческим колониям, которые тоже являлись островками цивилизации в море варварских племен.

Этрусский город VIII–VI вв. был окружен крепостными стенами. Над городом высился акрополь с храмами. Дома из кирпича и камня составляли прямые мощные улицы, пересечения которых образовывали правильные кварталы. Главные улицы были шириной до 15 м. В городах существовали водопровод и канализация.

Город Спины был подобен Венеции. Он соединялся с морем каналом длиной в 3 км и шириной 30 м, от которого в стороны отходили более узкие каналы. Дома Спины строились на сваях, а жители передвигались преимущественно по воде. Когда римляне штурмом взяли этрусский город Вейи, то он, наполовину разрушенный и разграбленный, настолько понравился римлянам, что часть их захотела остаться здесь жить, не возвращаясь домой.

Как уже сказано, этруски имели письменность. Она до сих пор не расшифрована, хоть, казалось бы, чего проще – этруски использовали греческий алфавит. Этрусские тексты легко читаются, но не переводятся. Специалисты считают, что этрусский язык не имеет родственных связей с каким-либо другим языком.

Этрусские города были городами-государствами, подобными греческим полисам. Правящую верхушку составляла военная знать во главе с главным правителем («царем», как его обычно называют). Предполагается, что этот царь имел в основном сакральные функции. Атрибутами царской власти был трон – кресло из слоновой кости, а также фации – пучки розог с секирой, которые носили сопровождавшие царя. Эти символы были потом унаследованы Римом (а позже итальянскими фашистами). В VI в. царская власть в этрусских городах была заменена выборными органами.

12 городов Этрурии были объединены в союз. В отличие от союзов греческих полисов во главе федерации не стоял какой-то один город. Это было объединение на принципе равенства союзников. Каждый город имел свои вооруженные силы. Во главе войска стояла знать, составлявшая конницу. Тяжеловооруженная пехота была построена по греческому образцу.

Высокий уровень сельского хозяйства в основном определялся достижениями этрусков в мелиорации, оросительными и ирригационными системами.

Значительная часть городского населения была занята ремеслом. Керамические изделия этрусских мастеров были близки греческим и расходились далеко за пределами Этрурии. Бронзовые и железные изделия также были на уровне греческих. Здесь готовились украшения из янтаря, доставляемого из Прибалтики. В захоронениях знатных этрусков археологи находят много изделий из драгоценных металлов.

Создание ирригационных систем, строительство городских стен и башен требовало больших трудовых затрат. Между тем массовое использование труда рабов не соответствует этой стадии социально-экономического развития. Рабы у этрусков были заняты преимущественно в домашнем хозяйстве. Ирригационные и дренажные работы были возможны только при трудовой повинности основной массы населения, как и в странах Древнего Востока.

Этруски вели обширную торговлю с Грецией и Финикией, причем эта торговля сочеталась с пиратскими операциями. У них был мощный военный флот из судов с 20–50 веслами. Морское могущество этрусков было настолько значительным, что окружающие Италию моря до сих пор носят этрусские названия: Тирренское – потому что греки называли этрусков тирренами, и Адриатическое – по названию этрусского города Адрии.

О высоком развитии товарно-денежных отношений у этрусков свидетельствует тот факт, что уже с VI в. они начали чеканить монету – из бронзы, золота и серебра.

Одной из особенностей общественных отношений у этрусков было сохранение элементов матриархата. Этрусские женщины принимали активное участие в общественной жизни, тогда как у греков и римлян заниматься общественными делами могли только мужчины. У этрусков женщины пировали вместе с мужчинами, возлежав на ложах, что было совершенно недопустимо у греков и римлян. Поэтому Аристотель обвинял этрусских женщин в распущенности.

В VII–VI вв. этруски распространяют свое влияние на соседние области – Лациум и Кампанию. Под их властью оказалась почти половина полуострова. Однако, согласно мнению большинства историков, это было не завоевание, а распространение культурного и экономического влияния на соседние племена, находившиеся на гораздо более низком уровне развития. Этот процесс сопровождался основанием новых городов-колоний.

Военные действия этруски вели в основном на море в союзе с Карфагеном против своих основных конкурентов – греческих колонистов. В VI в. они отобрали у греков Корсику. Три могущественных силы господствовали в это время на Средиземном море – греки, этруски и Карфаген. А Рима как государственного образования пока еще не было.

Закат этрусских городов начинается в V в., а в IV–III вв. растущий Рим одерживает ряд военных побед над этрусками. Одной из причин поражения этрусков было отсутствие единого центра, единого командования. Каждый город сражался за свою независимость отдельно, не получая помощи от остальных.

Рим великодушно отнесся к побежденным, поскольку даже само основание Рима было связано с этрусками. Этруски получили римское граждан-

ство, а вместе с ним освоили римские порядки и все больше пользовались латынью, постепенно забывая родной язык. Многие знаменитые деятели Рима были этрусками по происхождению, например, Меценат, имя которого стало нарицательным. Но нам они известны как римляне, а не как этруски.

К началу нашей эры этрусский язык стал мертвым. Записанных народных преданий о тех временах, подобных «Илиаде» и «Одиссее» у греков, здесь не сохранилось. Не сохранилась и

«История Тирренов» в 20 книгах, которую написал в I в. н. э. император Клавдий на основе еще имевшихся тогда источников.

Диодор Сицилийский, живший в I в. до н. э., писал об этрусках: «Они отличались мужеством, захватили обширную территорию и заложили много славных городов. Они также выделялись своими морскими силами и долгое время владовали на море... Высших воинских начальников они удостоили звания ликторов, предоставили им право сидеть в креслах их слоновой кости и носить тогу с красной полосой... Большую часть этого переняли римляне». Далее описываются «излишества» и «роскошная жизнь», из-за которых этруски якобы «лишились боевой доблести своих отцов» [2, с. 11].

Главной загадкой является происхождение этрусков. Геродот считал, что они переселились из Малой Азии, точнее, из Лидии, принеся достижения своей культуры в готовом виде. Представления о том, что этруски пришли с Востока, придерживаются и многие историки наших дней. Действительно, в конце II тыс. до н. э. по Средиземному морю с востока двигалась волна «морских народов», наводивших страх на жителей прибрежных территорий. Составной частью этой волны могли быть и этруски.

Вторая гипотеза о происхождении этрусков сводится к тому, что это были автохтонные, местные племена, третья – что они пришли из-за Альп, из Северной Европы.

Если они были автохтонами, то почему по уровню экономики и культуры оказались настолько впереди окружающих племен? Так не бывает в истории. Взаимодействие развивающихся племен допускает лишь небольшие различия в характере и уровне их развития. Еще менее реален приход этрусков с севера. С севера в Южную Европу обычно шли агрессивные племена, находившиеся на более низком уровне развития. Да и существование народа с такой относительно высокой культурой на европейской территории не осталась бы незамеченным. Но главное – эти две гипотезы не объясняют особенностей социально-экономического строя этрусков.

Но и гипотеза их восточного происхождения не раскрывает целого ряда противоречий. Мелиоративные системы, трудовая повинность основной массы населения, резкий контраст положения военной верхушки по сравнению с этой основной массой – это, несомненно, азиатские черты. Но греческий

алфавит, письменность, которая не имела ничего общего ни с клинописью, ни с иероглифами, подобные греческим полисам города-государства, близкое греческому ремесло, несомненно, отражают греческое влияние. Создается впечатление, что этот «морской народ», двигаясь с востока, сначала оказался на длительное время в зоне греческой цивилизации, воспринял некоторые основы греческой культуры, а затем продолжал движение на запад.

5.2. Царский период

«Царским периодом» принято называть ранний период истории Рима, с VIII по VI вв. до н. э., когда там был строй военной демократии, предшествовавший образованию государства. Римские «цари», как и греческие басилевсы, были военными вождями.

Лациум, область, в которой возник Рим, стал заселяться лишь на рубеже I и II тыс. Между семи холмами на берегу Тибра были болота. По словам географа Страбона, это место для поселения было выбрано по необходимости: хорошие места были уже заняты [11, с. 6].

Впрочем, это место имело и определенные преимущества. Холмы представляли естественные крепости, которые можно было усилить укреплениями, а заболоченные ложбины создавали дополнительные трудности противнику.

К VIII в. на холмах возникли деревни из круглых хижин, стены которых представляли плетень из прутьев, обмазанный глиной. Хижины были крыты соломой. Такой вид сохраняли поселения, составившие Рим, и в VI в.

Официальная дата основания Рима – 754 г. – исходит из легенды о Ромуле и Реме. Сама легенда возникла через несколько столетий после этой даты. Ромул, согласно легенде, принадлежал к роду Энея, но был сыном бога войны Марса. Поскольку Эней – персонаж мифический, а Марс – тем более, Ромул не мог быть реальным лицом.

Письменных источников об основании и первых веках Рима не сохранилось, поскольку у местного населения еще не было письменности. В исторических сочинениях, которые появились к I в. до н. э., излагается сложившаяся в римской историографии традиция. Поэтому представления о первых: веках «царского периода» дают, в сущности, лишь археологические материалы и ретроспективный анализ последующих известных событий. По современным данным, основание города Рима произошло лишь в VI в., приблизительно в 575 г., в период правления этрусской династии [5, с. 53].

Объединение деревень, которые располагались на холмах, было связано с осушением болот. При царе Тарквинии Приске, первом царе этрусской дина-

стии, долины были осушены с помощью каналов, отводящих лишнюю воду в Тибр, и замощены булыжниками. Было вполне естественно, что знаменитые своими мелиоративными системами этруски свое умение применили и при основании Рима. При Приске были возведены городские укрепления, храмы, появились каменные здания, причем теперь застраивались не только холмы, но и низины. В сущности, это и явилось подлинным основанием города.

Таким образом, «царский» период Рима был в сущности этрусским периодом и начался он не с VIII в., а значительно позже, потому что разрозненные деревни VIII в. еще не составляли социально-политическую структуру, характерную для «царского» периода.

Эта структура была построена по родовому принципу. Основной ячейкой общества являлся род, который вначале имел общие земельные владения. Десять родов составляли курию, а десять курий – трибу (племя). Три трибы составляли римский народ (популюс романус). По куриям строилось войско, по куриям собирались народные собрания, которые назывались куриатными комициями. Комиции решали важнейшие вопросы, избирали царя. Но решения комиций подлежали утверждению сенатом, состоявшим из старейшин родов. Таким образом, власть царя была ограничена куриатными комициями и сенатом – органами родового происхождения.

В сущности, царь был вождем не племени, а объединения племен, племенного союза. Отличиями царя, как и полагалось у этрусков, были пурпурная мантия, диадема и скипетр, курульное кресло из слоновой кости. Царя сопровождали ликторы с пучками прутьев и вложенными в них боевыми топорами – секирами. Эти атрибуты подчеркивали право царя судить и казнить.

Все входившие в состав родов, а следовательно, курий и триб, назывались патрициями (имеющими отцов). Но владения Рима постепенно расширялись, под властью Рима оказывались новые деревни, население же самого города пополнялось пришельцами. Эти люди уже не входили в состав «римского народа» и назывались плебеями. Плебеи были лишены политических прав.

Принято считать, что предки римлян были преимущественно скотоводами. Как и у гомеровских греков, скот составлял у них главное богатство. Не случайно слово «пекуния» – «деньги» в латинском языке происходит от слова «пекус» – «скот». И если патриции занимались преимущественно скотоводством, то плебеи – земледелием. Ремеслом и торговлей занимались также плебеи. По развитию торговли и ремесла в VI в. Рим значительно уступал этрусским городам и сохранял черты крестьянского города.

Тарквиний Приск был первым царем этрусской династии. Радикальные реформы, закончившие царский период, были делом другого царя-этруска,

Сервия Туллия. Ценовая реформа Сервия Туллия была аналогична реформе Солона. Все население, как патриции, так и плебеи, было разделено на 6 разрядов по имущественному цензу, причем каждый разряд должен был выставлять определенное количество войсковых единиц – центурий (сотен). Вооружение тоже соответствовало разрядам. Богатейшие люди объединялись в 1-й разряд, который выставлял 90 центурий тяжеловооруженных пехотинцев и 18 центурий всадников. Пехотинец 1-го разряда должен был иметь шлем, щит, поножи, панцирь, меч и копье. 5-й разряд выставлял 30 центурий пехоты, вооруженной только пращами с запасом камней. Последний, шестой разряд составляли неимущие, единственным достоянием которых были их потомки (про-лес). Они были названы пролетариями и составляли всего одну центурию.

В соответствии с имущественным цензом распределялись и политические права. Куриатные комиции были заменены цен-турпатными, в которых каждая центурия имела один голос. А так как первый разряд имел 98 центурий из 193, его голоса были решающими.

Эта реформа разрушила родовой принцип в организации войска и управлении. Решающую роль теперь играла не знатность, а имущественное положение. Впрочем, многие историки считают, что Сервий Туллий только начал ценовую реформу, а закончилась она значительно позже.

Второй составной частью реформы Туллия было разделение римских владений на территориальные округа – трибы. Это тоже было ударом по родовым порядкам: в составе трибы оказывались представители разных родов. Разрушение родовых порядков означало ликвидацию строя военной демократии и переход к государству.

Впрочем, конец царского периода и переход к периоду республики принято датировать 510 г. до н. э., когда был изгнан последний царь этрусской династии Тарквиний Гордый.

За время правления этой династии Рим превратился в этрусский город, вошедший в круг других этрусских городов. Он теперь уже был многолюдным городом с мощеными улицами, с довольно развитыми ремеслом и торговлей. Здесь появилась своя, латинская письменность, которая употреблялась наряду с этрусским письмом.

5.3. Патриции и плебеи

Переплестать экономическую и политическую историю, рассматривая отдельно экономические причины и следствия крупных политических событий и процессов, как это делается в общих курсах истории, в на-

шем случае нецелесообразно: нарушается целостность картины экономического развития. Это противоречие не имело значения при рассмотрении полуполюгендарного царского периода, когда формировалась база для дальнейшего развития. Но рассматривать отдельно экономику периодов республики и империи уже невозможно, потому что экономические процессы, начавшиеся в период республики, завершались в период империи.

Исходя из этого мы сначала рассмотрим социально-политическую историю Римского государства, историю отдельных слоев населения и их экономической роли, а затем обратимся к основным процессам экономического развития.

Казалось бы, реформа Сервия Туллия, уравнившая в правах плебеев с патрициями, должна была покончить с их противостоянием. Однако в период республики борьба между ними продолжалась, и плебеи получали все больше политических прав.

Одним из главных способов принудить патрициев к уступкам стали сецессии – отказы от участия в войне. Первая такая сецессия произошла в 494 г., когда плебеи отказались от участия в военных действиях и удалились на священную гору, находившуюся недалеко от Рима. Без участия плебеев Рим не только не мог захватывать новые земли, но и возникала угроза военного поражения, поэтому сецессии оказались весьма эффективными.

Чего добивалась плебеи? Равенства в землевладении и политических правах с патрициями.

Как уже сказано, первоначально патриции были скотоводами, плебеи занимались зерновым хозяйством и огородничеством. Для скотоводства нужны были обширные пастбища, но не требовалось закрепления земли в частную собственность. Поэтому основная часть принадлежавшей Риму земли в соответствии с родовыми традициями составляла общественное поле – «агер публикус». Члены патрицианской общины могли там пасти скот, могли захватывать часть этой земли для земледельческих хозяйств, это называлось оккупацией. Но «оккупированная» земля продолжала считаться общественной собственностью.

Плебеи же доступа к общественному полю не имели, поскольку в состав римского народа не входили. Они должны были довольствоваться землей, которая не входила в состав агера публикуса, вначале даже в пределах города. Например, между плебеями была разделена земля на Аветинском холме, одном из семи холмов Рима. В отличие от патрициев, плебеи владели землей на праве частной собственности, но на их долю досталось очень мало земли. Плебеям были выделены владения по 2 югера, т. е. по 0,5 га (югер = 1/4 га). В сущности, это были приусадебные участки. Именно такими участками в полной собственности, кроме «агера публикуса», владели в городе и патриции.

Когда Рим побеждал другие города-полисы Италии, часть земли у побежденных (обычно 1/3 их владений) отбиралась в пользу Рима и включалась в состав «агер публикус». Плебеи добивались равных с патрициями прав пользоваться этим все расширявшимся общественным полем, тем более, что они участвовали в его завоевании.

Вместо этого им стали выделять в собственность часть земли, отобранной у побежденных, для организации колоний, т. е. военно-земледельческих поселений. Так, после захвата этрусского города Вейи каждый из осевших там плебеев получил по 4–7 югеров. Как видим, собственность на землю считалась менее престижной, чем доступ к «агер публикус».

Организацией колоний достигались две цели: ослаблялось давление плебеев на общественное поле и создавался аванпост на вражеской территории для контроля за потенциальным противником. Побежденные, конечно, относились враждебно к пришельцам, которые заняли их землю, и колонисты были вынуждены стоять на страже интересов Рима.

Казалось бы, завершением борьбы за землю между патрициями и плебеями должны были стать законы Лициния и Секстия, принятые в 367 г. до н. э. Этими законами право оккупации общественного строя ограничивалось максимумом в 500 югеров (125 га), причем как для патрициев, так и для плебеев. Этот закон исходил из того, что плебеи уже могли пользоваться общественным полем на праве оккупации. Очевидно, такая практика сложилась к этому времени, и теперь речь шла уже о переделе земли. Вопрос о земле теперь переходил на новый уровень: уже не плебеи боролись против патрициев, а бедняки стремились ограничить владения крупных землевладельцев, чтобы получить землю для себя. Однако, как показали дальнейшие события, крупные землевладельцы, которые стояли у власти, бойкотировали реформу Лициния и Секстия, ее проведение в жизнь было весьма ограниченным, а через короткое время она была и вообще забыта.

Победа плебеев в борьбе за землю (все же они получили равный с патрициями доступ к агер публикус), конечно, была связана с их победами в борьбе за политические права.

Уже к началу республики коллегиальными органами власти были цензуриатные комиции, которые выбирали людей на высшие должности в государстве и решали вопросы войны и мира. Но высшие должностные лица, магистраты, могли выбираться только из патрициев. Главными из магистратов были два консула, которым принадлежали верховная исполнительная власть и командование войском. Кроме них, в число магистратов входили преторы, которые следили за порядком, цензоры, которые распределяли население по трибам и центуриям. Консулы обладали очень большими полномочиями, но их власть ограничивалась тем, что они, как и другие магистраты (кроме

цензоров), выбирались только на один год. Еще большей властью обладал диктатор, выбиравшийся в экстремальных ситуациях, но только на полгода.

Казалось бы, вообще не имел реальной власти сенат, который состоял из отслуживших свой срок магистратов. Это формально был совещательный орган, решения которого имели лишь рекомендательный характер. Но авторитет сената был огромным, и действующие магистраты не могли игнорировать эти рекомендации. К тому же сенат утверждал выбранных магистратов, утверждал решения комиций.

Механизм этого демократического аппарата управления ограничивал возможности плебса. Правом созывать комиции и ставить вопросы для обсуждения обладали только магистраты. Вопросы повестки дня сразу ставились на голосование, без их обсуждения, поэтому рядовые члены комиций не имели возможности проявить политическую инициативу. Зато подробно эти вопросы обсуждались в сенате.

Но с течением времени права плебеев все увеличивались. В начале V в. до н. э., уже после первой сецессии, была учреждена новая должность народных трибунов. Сначала выбирались два трибуна, затем их число было увеличено до десяти. Трибуны выбирались только плебеями, только из плебеев и должны были защищать интересы плебеев. Личность трибуна была неприкосновенной, он имел право накладывать вето на любое решение магистратов.

В 449 г. из сходов плебеев на Марсовом поле возник новый орган власти – трибутные комиции. Теперь слово «триба» уже не означало племени, это был территориальный орган. Первоначально трибутные комиции состояли только из плебеев, но их решения, которые назывались плебисцитами, становились обязательными для республики. По мере увеличения полномочий трибутных комиций из чисто плебейского органа они превратились в территориальные собрания, в которых участвовало все население, включая патрициев. И все же, поскольку в составе триб преобладали плебеи, эти комиции оставались преимущественно плебейскими.

Теперь в республике было уже три вида комиций: а) кури-атные (собрания патрициев), в ведении которых осталось только семейное право; б) центуриатные, которые решали вопросы войны и мира и выбирали основных магистратов; в) трибутные, которые занимались законодательной деятельностью.

В 445 г. вместо консулов впервые были выбраны военные трибуны с консульской властью. Эту должность могли занимать и плебеи. Позже снова вернулись к двум консулам, но теперь один из них был обязательно из плебеев.

К концу IV в. уже все государственные должности стали доступны плебсам – должности консулов, цензоров, преторов. Ликвидация господства па-

трициев была неизбежной, потому что с ростом республики и увеличением числа ее граждан доля старых патрицианских родов неуклонно падала.

Политическое противостояние продолжалось, но теперь оно имело другое содержание. Теперь это была борьба не безродных с родовитыми, а бедняков с богачами. Плебеи отнюдь не представляли однородную массу. Из их состава выделялась богатая верхушка, интересы которой теперь сливались с интересами верхушки патрицианского общества. Именно для нее теперь становились доступными высшие государственные должности.

Дело в том, что эти должности не оплачивались и выполнять функции магистратов мог лишь богатый человек. Претендент на должность еще до выборов старался привлечь избирателей устройством пиров и раздачей подарков. В период магистратуры расходы продолжались. Консулы должны были благоустраивать Рим, строили храмы, термы и другие сооружения. Поэтому небогатые люди, обладая политическими правами, не могли реально участвовать в управлении.

5.4. Слияние полисов Италии

Тем временем Рим вел завоевательные войны, поочередно подчиняя другие города-полисы Италии. К середине III в. до н. э. уже почти весь полуостров находился под властью Рима. Лишь на севере оставалась небольшая непокоренная территория. Но это еще не означало объединения Италии в единое государство. Этого не допускал строй полиса. Полис – это прежде всего город. Два города – это два полиса. Поэтому побежденные полисы признавали свою зависимость от Рима, но оставались самостоятельными государствами.

Чем объяснялись победы Рима? Большинство местных племен оставалось на стадии разложения первобытнообщинных отношений. Такие племена не могли оказать длительного организованного сопротивления. На высоком уровне социально-экономического развития находились этруски, но, как уже сказано, они не смогли создать прочного союза, каждый город действовал отдельно, не получая помощи от других. Высоким уровнем цивилизации отличались греческие колонии, но они уже прошли ту стадию, когда каждый гражданин был воином и военная доблесть считалась главным гражданским достоинством. Наемное войско греков имело высокую профессиональную выучку, но уступало римской народной армии.

В римском же войске объединялись две крайности. Патриотизм, идущий от общины, здесь сочетался с высоким профессионализмом. О престижности военной доблести свидетельствует то, что для выдвижения на государствен-

ную должность от претендента требовалось участие не менее чем в 10 военных кампаниях.

Это было народное ополчение, поскольку каждый имел свое оружие в соответствии с имущественным разрядом, но это не была толпа вооруженных людей, как у других племен Италии. Римские легионы отличались суровой дисциплиной, и их боевые порядки (фаланги, когорты, манипулы и т. д.), в значительной степени заимствованные у этрусков и греков, были высшим достижением вооруженных сил того времени.

Для чего Рим вел свои завоевания? Главной целью войны был захват новых земель. Победенные не облагались данью, но треть их земельных владений отходила в пользу Рима. Эта земля частью включалась в «агер публикус», частью раздавалась малоземельным римским крестьянам бесплатно, причем обычно путем организации военно-земледельческих колоний.

Как уже сказано, при этом решалось сразу несколько задач. Ослаблялись социальные противоречия внутри республики, противоречия между патрициями и плебеями. При этом низы римского населения оказывались заинтересованными в войнах и победах. Колонии становились форпостами римской власти. Но и богатая верхушка была заинтересована в захвате новых земель, на которых она могла заводить крупные рабовладельческие хозяйства путем оккупации или аренды.

Менее важной целью завоеваний был захват пленных, которые становились рабами. После падения этрусского города Вейи все участники военных действий получили по 1–2 раба. Их можно было не только использовать в своем хозяйстве, но и продать.

Ограбление захваченного города, военная добыча служила существенным дополнением к натуральному крестьянскому хозяйству. Захват такой добычи считался не только законным, но и наиболее достойным источником обогащения. Ограбление захваченного города проводилось организованно. Как рассказывает Полибий, часть войска «оставалась в боевом порядке для прикрытия грабящих», а остальные «очищали дома», снося награбленное на площадь, затем добыча делилась командирами. Утаивание награбленного сурово наказывалось [6, с. 453].

Кроме того, с побежденных взимался «налог кровью»: они должны были присылать в римское войско вспомогательные отряды, становясь, таким образом, союзниками Рима.

В результате возникло сообщество полисов, которое получило название Италийского союза. Это был не союз, объединяющий полисы между собой, а союз каждого полиса с Римом, привязывающий полисы к Риму. Оформлялся он договорами, которые Рим заключал с каждым полисом. Общим для всех союзников было подчинение Риму, отказ от собственной внешней

политики и обязанность оказывать помощь Риму во время войны. Во внутреннюю жизнь союзных городов Рим обычно не вмешивался, предоставляя им право самоуправления. Лишь союзники низшей категории управлялись префектами из Рима. Особые привилегии имели союзники из окружавшего Рим Лациума. Они пользовались правом участвовать в римских комициях, переселяться в Рим, участвовать в основании колоний и даже выдвигать из своей среды консулов. В сущности, почти с самого начала республики они считались гражданами Рима.

В положении союзников теперь оказались и римские колонии. Нужно учитывать, что первоначально они состояли из плебеев, политические права которых были ограничены. Колонисты, хоть и оставались римскими гражданами, не могли участвовать в римских комициях из-за отдаленности от Рима. Противоречия между побежденными и колонистами постепенно сглаживались, возникали общие интересы, впоследствии колонисты нередко выступали вместе с побежденным полисом против господства Рима.

Ставя союзников в разные условия, проводя политику «разделяй и властвуй», Рим препятствовал образованию единого фронта союзников против своего господства. Результатом было то, что союзники стремились не освободиться от власти Рима, а влиться в состав Римской республики, стать гражданами Рима.

Союзники разделяли с гражданами Рима бремя военных кампаний, но не имели доступа к «агер публикус», не могли участвовать в эксплуатации провинций, т. е. земель, уже завоеванных за пределами Италии, терпели произвол римских должностных лиц, в выборах которых не могли участвовать. Получение статуса граждан республики устраняло эти противоречия, поэтому как отдельные люди, так и целые полисы добиваются получения прав римских граждан. И несмотря на сопротивление сената, который стоял на страже устоев старины, права гражданства постепенно распространяются на все большую часть свободных жителей Италии.

К слиянию разнородных частей Италийского союза в единое экономическое целое, а затем и в единое государство вело распространение римских форм хозяйствования и римского образа жизни.

В результате «союзнической» войны начала I в. до н. э., когда полисы Италии поднялись против Рима, но не за отделение от него, а за слияние с ним, практически все свободные жители Италии получили права гражданства. Полисы Италии слились в единое государство.

5.5. Законы Гракхов

Между тем, как уже сказано, с конца IV в. до н. э. социально-экономические противоречия в республике качественно изменяются. Плебеи получили, в сущности, равные права с патрициями, и теперь расстановка сил была иной.

Одну из двух господствующих групп составили нобили – крупные землевладельцы. В руках нобилитета находились главные государственные должности. Вторую господствующую группу составили всадники, второй по имущественному цензу разряд военных в соответствии с реформой Сервия Туллия. Это были в основном плебеи, входившие в состав всаднических центурий, не занимавшие государственных должностей и не состоявшие поэтому в сенате. Из всадников состояли торговцы, ростовщики, промышленники – богатейшая верхушка города. В отличие от нобилитета, главную роль в котором играли традиционные патрицианские роды, всадниками были преимущественно «новые богачи».

Слово «плебс» сохранилось, но теперь этим словом объединялся беднейший слой населения, причем преимущественно городского. Родовая принадлежность отошла на второй план, решающим становилось имущественное положение.

Отражением новой расстановки социальных сил стала реформаторская деятельность трибунов братьев Тиберия и Гая Гракхов во II в. до н. э. Непосредственным толчком к реформам стали трудности набора в вооруженные силы, их сокращение и, как следствие, опасность утраты Римом военного могущества. Нарастание товарно-денежных отношений разрушало общинно-родовые принципы организации общества, на которых и базировалось комплектование вооруженных сил.

Основу римской армии составляли крестьяне. Но крестьянские зерновые хозяйства не могли конкурировать как с притоком дешевого зерна из завоеванных Римом заморских провинций, так и с крупными рабовладельческими хозяйствами, которые успешно перестраивались на новые интенсивные отрасли. Крестьяне разорялись, а тем самым сокращалось число людей, имевших достаточный для военной службы имущественный ценз. «Ведь у множества римлян, – говорил Тиберий Гракх, – нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков, а они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство» [4, с. 354].

Целью реформ и стало восстановление крестьянства. Для этого надо было заново разделить общественную землю, «агер публикус». Законы Лициния и Секстия, согласно которым земельные владения в общественном поле

не могли превышать 500 югеров, теперь были забыты, а земли, розданные в то время мелким землевладельцам, перешли за долги к крупным. Гракхи предложили восстановить действие этого закона, причем даже в более умеренном виде: установить максимум землевладения на общественной земле не в 500, а в 1000 югеров. Земли сверх этой нормы следовало отобрать и раздать беднякам участками по 30 югеров. Этой мерой предполагалось восстановить боеспособное гражданство.

Чтобы увеличить земельные владения для римских крестьян, Гракхи впервые стали основывать колонии на территории провинций. Только на месте разрушенного Карфагена было поселено 6 тыс. человек, каждый из которых получил там по 200 югеров. Это был очень смелый шаг, потому что земля Карфагена была объявлена проклятой и там не должна была возродиться жизнь.

В противовес Гракхам их противники предложили другое решение земельного вопроса – наделять землей отслуживших свой срок солдат. Но это не решало задачи восстановления боеспособности Рима: ведь земли в этом случае получали уже отслужившие солдаты. Это привлекало на сторону авторов такого предложения армию, но не способствовало увеличению набора в нее. К тому же в этом случае имелась в виду армия наемников, т. е. людей, которые обеспечивались оружием и припасами за счет государства, тогда как крестьяне служили за свой счет.

Конечно, аграрные законы Гракхов вызвали яростное сопротивление нобилитета, «оккупированные» которым земли в общественном поле теперь практически закреплялись в собственность. К тому же новые отрасли – оливковые сады и виноградники – были несовместимы с условным и временным использованием земель. Не поддержал реформу Гракхов и городской плебс, люди, которые привыкли к городской жизни, отвыкли от крестьянского труда и не собирались покидать город.

Чтобы привлечь на свою сторону городских бедняков, Гракхи проводят хлебные законы – о продаже для них хлеба по пониженной цене. Продажа дешевого хлеба беднякам и даже бесплатная его раздача широко практиковались и противниками Гракхов, но, согласно законам Гракхов, обеспечение бедняков становилось обязанностью государства. Следует заметить, что реальным источником средств для содержания плебса была эксплуатация провинций.

Гракхи добивались также предоставления прав граждан союзникам. Это соответствовало требованиям времени, поскольку полисы Италии уже сливалась в единое государство. К тому же союзники, став гражданами Рима, многократно увеличивали мощь римской армии. Однако против этого выступал не только нобилитет, но и плебеи, которые хотели сохранить свои привилегии граждан Рима.

Некоторые законы Гракхи проводят в пользу всадников, противопоставляя их нобилитету и привлекая на свою сторону. Они предложили сбор налогов в провинции Азии сдавать товариществам публиканов, состоявшим из всадников.

Главным противником Гракхов выступил сенат, который оставался оплотом нобилитета. Борьба приобрела форму открытых вооруженных столкновений. В одном из них было перебито 3000 сторонников Гракхов, в другом отряд сената убил 400 человек. В числе погибших были и сами братья Гракхи.

Несмотря на гибель братьев, их законы были проведены в жизнь. Небольшие земельные участки получили 80 тыс. граждан. Однако через короткое время розданные беднякам участки снова оказались у нобилей, а перерастание крестьянского войска в армию наемников усилилось.

В сущности, Гракхи пытались задержать процесс экономического развития, сохранить общинные принципы, сохранить основанные на этих принципах крестьянские хозяйства. Поражение Гракхов показало, что сохранение устойчивого натурального хозяйства как основы армии в условиях нарастания рыночных отношений было невозможно.

5.6. Кризис республики

Реформы Гракхов стали одним из проявлений кризиса республики, который начался во II в. до н. э., и внешним проявлением которого была эпоха гражданских войн, продолжавшихся до середины I в. до н. э.

Одним из составных частей кризиса было противоречие между полисным устройством и обширностью завоеванной Римом территории. Это противоречие благополучно разрешилось слиянием полисов Италии после Союзнической войны 91–88 гг. до н.э.

Второе, в чем выразился кризис республики, было превращение крестьянского войска в войско наемников. Именно крестьянское войско было оплотом республиканского строя. Каждый полноправный гражданин свое вооружение в соответствии с установленным цензом, занимался военно-спортивными упражнениями и обеспечивал себя во время военных действий всем необходимым. Эти принципы комплектования войска уходили корнями в общинно-родовые порядки, когда община гарантировала своим членам равные условия жизни.

Это была армия патриотов. Они защищали свою землю, свои хозяйства, свои республиканские традиции. Ремесленник или торговец не был так привязан к месту: он мог заниматься своим делом в любом городе.

Но республиканские институты не могли оградить крестьянское хозяйство от разорения. Со II в. до н. э. крестьянские хозяйства все более вытесняются крупными рабовладельческими хозяйствами, и крестьянство утрачивает свою основную роль не только в вооруженных силах, но и в политической жизни. Теперь они уже не выступают как основная сила, обеспечивающая принятие тех или иных законов.

Но владелец крупного имения не мог заменить в армии тех десятков крестьян, хозяйства которых заменило его владение. Численность крестьян, имевших необходимый для службы в армии ценз, неуклонно сокращалась, именно эту трудность и пытались преодолеть братья Гракхи.

Если Гракхи пытались восстановить общинно-республиканские традиции, то военная реформа консула Мария (107 г. до н. э.) решительно кончала с ними. Марий стал набирать в войско всех желающих, без учета ценза. Вооружение и содержание они получали за счет государства. Если крестьянин являлся на военную службу только на время войны, то теперь солдаты должны были постоянно находиться в рядах армии в течение сначала 16, а потом 20 лет. После отставки такой легионер получал земельный участок чаще всего в тех местах, где он служил, обычно в провинциях. Это был переход к профессиональной армии наемников.

Но это уже не была армия патриотов. Если прежде солдаты из крестьян не только защищали свою землю, но и через свои центуриатные и иные комиссии участвовали в решении государственных дел, то теперь легионерам были безразличны государственные республиканские институты. Теперь для них высшей властью был военачальник, который обеспечивал жалованье, военную добычу, а после отставки – обеспеченную старость на выделенном участке земли.

Опираясь на армию, такой военачальник мог стать императором. Этим титулом солдаты сами награждали своего полководца после крупной победы. Первоначально этот титул не означал монархической власти, и императоры даже избегали внешних проявлений такой власти. Формально звание императора и не давало функций власти, которые делились между сенатом и прежними магистратами, но в распоряжении императора была армия, и, опираясь на нее, он фактически становился главой государства.

Переход к империи обычно связывается с именем Цезаря, но в действительности это был длительный процесс. Переломом можно считать время диктатуры Суллы (82–79 гг. до н. э.), одного из самых жестоких правителей Рима.

Итак, кризис республики и переход к империи выразался в разрушении полисного устройства и слиянии полисов Италии в единое государство, в переходе от народного крестьянского войска к армии наемников и в установлении единоличной власти императоров.

5.7. Провинции

Но если, с одной стороны, переход к империи означал установление монархии во главе с императором, то с другой – возникновение огромного объединения стран и народов под властью Рима, обращение их в римские провинции.

Первыми провинциями стали завоеванные еще в III в. Сицилия, Сардиния с Корсикой и Предальпийская Галлия. К середине II в. в состав империи вошли Испания, Африка, Македония (основной частью которой была Греция), Азия (географически – Малая Азия). Впоследствии на севере римские владения охватили Британию, а на востоке их граница достигла Индии.

Отношение Рима к завоеванным провинциям существенно отличалось от отношения к италийским союзникам. Если полисы Италии не облагались налогами, то провинции облагались. Если в полисах Италии сохранялось самоуправление, то во главе провинций ставились наместники – проконсулы из бывших консулов и преторов. Проконсул назначался сенатом на год и поэтому не был заинтересован в процветании провинции после истечения срока наместничества.

В подчинении наместника находились расквартированные в провинции легионы и государственный аппарат. Их содержание ложилось дополнительным бременем на местное население. Отношение к военной добыче как к нормальному, законному источнику обогащения распространялось и на ограбление уже завоеванной территории.

В управлении провинциями многое было взято из эллинизма, в частности, деление на привилегированные города с романизированным населением и бесправных сельских жителей.

Сбор налогов, пошлин, эксплуатация рудников и другие доходные статьи в провинциях обычно передавались на откуп публиканам, которые заранее вносили в римскую казну назначенную сумму, а затем должны были собирать эти деньги в провинции. Условия откупа позволяли им практически бесконтрольно грабить население, собирая значительно большие суммы, чем были сданы в казну. Недоимки обращались в долг публиканам. Ростовщический процент в провинциях не ограничивался законом, как в Италии, и иногда доходил до 50%. Неоплатный должник продавался в рабство. Правитель Вифинии в конце II в. н. э. на требование Рима прислать вспомогательные войска ответил, что большинство мужского населения его страны уведено откупщиками в рабство за долги.

Потворство действиям публиканов имело политический смысл: публиканами обычно были всадники, на которых опирались первые императоры,

противопоставляя их сенаторам-нобилям. Правда, на рубеже нашей эры, при императоре Августе, большинство откупов было отменено и сбор налогов передан непосредственно администрации проконсулов. Но к этому времени позиции всадников усиливались в других направлениях, а отмена откупов была одним из симптомов слияния провинций в единое целое с Римским государством.

Одним из важных факторов социально-экономического развития провинций стали римские легионы. В период империи они размещались не в Италии (там находилась только преторианская гвардия – личная охрана императора), а в провинциях, причем в пограничных районах. Селились они стандартными укрепленными лагерями, причем в свободное от военных действий время занимались строительными работами – строили укрепленные пункты и замечательные римские дороги, мощенные камнем.

Отслужившие срок легионеры, как правило, селились здесь же, в знакомых, заранее облюбованных местах. Лагерь легионеров обрастали колониями ветеранов, селениями ремесленников, которые обслуживали нужды легионов. Здесь же, в окрестностях селились семьи легионеров. Легионерам официально не разрешалось вступать в брак до конца службы, и уж конечно неофициальная семья не могла жить в боевом лагере.

Со временем лагерь легионеров становились городами, и большинство старинных городов Западной Европы выросло из лагерей легионов: Трир, Кельн, Бордо, Амьен, Барселона, Кордова, Сарагоса, Лондиний (Лондон).

Колонии ветеранов и переселившихся в провинции римских крестьян также создавались по стандарту. Определенная территория обводилась бороздой – рвом (это велось еще с легендарного основания Рима), затем выделялась общественная земля («агер публикус»), частные наделы, а часть земли отводилась для сдачи в аренду местным жителям. Для последних это имело определенный смысл, потому что колонии освобождались от налогов, арендная плата была умеренной, а арендатор оказывался под защитой могущественных римлян.

Естественно, при этом происходила романизация местного населения. Оно усваивало латинский язык, римские обычаи, приемы в сельском хозяйстве и ремесле. Именно так было в европейских провинциях. В восточных же провинциях, в странах с древними культурными традициями, романизация шла значительно слабее.

Со II в. н. э. легионы не только были расквартированы в провинциях, но и комплектовались преимущественно из жителей провинций. Сын получившего римское гражданство ветерана вспомогательной части обычно уже служил в легионе, а внуки достигали высоких чинов. Легионер-провинциал мог дослужиться до высших командных должностей.

Императоры предпочитали комплектовать легионы из жителей европейских провинций не только потому, что в Италии уже почти не осталось свободного крестьянства, но и потому, что легионы из провинциалов, не связанных с римским обществом и зависимых исключительно от воли императора, были надежней.

Но и в романизированных западных провинциях по мере концентрации земельной собственности доля свободных крестьян-общинников сокращалась, поэтому со времени императора Адриана (117–138 гг.) солдат стали набирать преимущественно в Придунайских областях, где сохранились общинные отношения и крестьянство составляло подавляющую часть населения. Теперь даже привилегированные преторианские части состояли в основном из фракийцев и иллирийцев. В III в. дунайские легионы стали главной опорой империи и вершителями ее судеб. Престол империи стал игрушкой в руках легионов, которые смещали и назначали императоров, причем из своей среды.

Одним из способов эксплуатации провинций был захват земли и создание огромных латифундий, поскольку земля в провинциях, конечно, стоила дешево, а иногда не стоила ничего. Эти огромные владения захватывали не всадники. Они действовали в привычной для себя сфере – через откупа, ростовщичество, торговлю. Реже они становились владельцами вилл в европейских провинциях. А латифундии захватывали нобили-сенаторы и сам император. По словам Плиния Старшего, «шесть господ владели половиной Африки» [9, с. 393]. Собственностью императора считался весь Египет.

Но эти крупные хозяйства не только обогащали владельцев. Купив землю и организовав хозяйство, его владелец теперь заботился об этом хозяйстве, старался создать благоприятные условия для его процветания, а тем самым и для прилегающей территории. И какой-нибудь проконсул Веррес, который за время своего наместничества успел разорить Сицилию, не решился бы применить грабительские приемы к такому могущественному землевладельцу, как Тит Помпоний Аттик, и разоренные Римом в процессе завоевания провинции начинают постепенно оправляться.

В Северной Африке и Сицилии росли посевы пшеницы, и именно отсюда поставлялся в Италию дешевый хлеб. Во всех европейских провинциях была освоена культура оливок и винограда. Оливковые рощи покрыли Южную Испанию, причем здешние оливки были дешевле итальянских. В лесах Галлии паслись огромные стада свиней.

Европейские провинции были преимущественно аграрными. Специализации ремесла здесь не наблюдалось. Ремесленники обслуживали потребности легионов и местного населения. Правда, в Испании был развит горно-металлургический промысел, а отсюда в Италию поступали свинец, медь, золото и серебро.

Крупные латифундии, подобные африканским, в Европе встречались редко. Земледелием занимались римские колонисты, владельцы средних вилл из Италии и романизованная местная племенная знать. Вожди племен приобретали римское гражданство, перенимали римские обычаи и перестраивали свои хозяйства по римским образцам.

Хозяйство Греции переживало упадок. Здесь те процессы разорения и обезземеливания крестьян, роста городского плебса, которые были характерны для периода перехода к империи в Риме, происходили значительно ранее. Поэтому крестьянство там было малочисленным и не могло стать основой для перехода к новым, полуфеодальным формам организации хозяйства. К тому же в период колонизации, а затем эллинизма наиболее активная, предприимчивая часть населения уходила в колонии, оставляя на месте паразитическую прослойку людей, привыкших существовать за счет подачек, поэтому и города Греции утрачивали прежнее значение.

Специализированное ремесло сохранялось в восточных провинциях, из Египта везли льняные ткани, папирус. Славилась изделия старинных финикийских городов – пурпурные ткани Тира, сиданские изделия из цветного стекла, которые высоко ценились по всей Римской империи.

Так же как это ранее происходило в Греции, приток дешевого зерна из колоний подорвал крестьянское зерновое хозяйство Италии. Земледельцы Италии стали переходить к интенсивным отраслям – виноградарству и производству оливок. Катон во II в. до н. э. считал самой доходной культурой виноград.

Но процесс продолжался. С I в. до н. э. приток дешевого оливкового масла и вина из провинций стал давить на производство этих продуктов в Италии. Римские земледельцы не могли выдержать конкуренции с дешевыми привозными продуктами. Не помогло даже запрещение разводить в провинциях виноград и оливки, вырубка виноградников в Галлии.

Если прежде римское завоевание вело к обезлюдению провинций, то теперь начинается обезлюдение самой Италии. Отсюда тоже, как прежде из Греции, происходит отток людей в провинции. Это, естественно, вело к укреплению и романизации хозяйства провинций. А с усилением экономической роли провинций повышается их политический вес. В I–II вв. н. э. Италия постепенно теряет преимущественное экономическое и политическое значение в Римской империи.

Уже Цезарь старался слить Италию с провинциями в единое целое, в монархию эллинистического типа. Императоры охотно раздавали представителям местной знати права римского гражданства. Для императоров провинциалы служили противовесом римской знати, которая могла ограничить их власть. Колонии ветеранов, которые были основными ячейками романизации, состояли из римских граждан. Не теряли римского гражданства и те

деловые люди, которые ехали на новые земли заниматься хозяйством. Поэтому когда в 212 г. был издан эдикт Каракаллы, предоставлявший права римских граждан всем свободным жителям провинций, он прошел почти незамеченным. Теперь даже римский сенат состоял преимущественно из провинциалов.

Распад империи начался во II в. н. э. При императорах Траяне и Адриане наступление Рима, захват новых территорий сменяется обороной, затем отступлением. На границах империи строятся «траяновы валы» – оборонительные укрепления из валов и рвов. И даже города, расположенные далеко от границы, окружаются крепостными стенами. Причин перехода к отступлению было несколько.

Во-первых, солдаты, набираемые из жителей провинций, не были, конечно, патриотами Рима, тем более что и их военачальники и даже императоры тоже были провинциалами. Рим теперь имел только значение символа.

Во-вторых, усиление экономической самостоятельности провинций требовало политического оформления, политической независимости. В провинциях начинаются восстания против власти Рима, отдельные районы отделяются от империи.

В-третьих, с севера Европы надвигается волна варваров – лангобардов, франков, саксов, задунайских племен. Даже Германию римляне уже не смогли завоевать. В социальном строе германских племен еще сохранялось много общинно-родовых элементов, еще не выделилась экономически господствующая верхушка, которая могла бы составить проримский слой общества. И профессионализм римских легионеров уже не выдерживал напора варваров.

5.8. Социально-политический строй империи

Политический строй времени правления императоров принято по формальным признакам делить на два периода – принципат и доминат.

Сначала республика сменилась принципатом – особым видом монархической власти, при котором внешне сохранялись основные республиканские институты. Один из первых императоров, Октавиан Август, подчеркивал, что он не принял титулов, не соответствующих республиканскому строю, и его власть определялась только его авторитетом. Он был «первым», «прин-цепсом», первым сенатором, первым человеком в государстве.

Власть императора складывалась из соединения нескольких высших должностей. Должность диктатора предусматривалась и республиканским строем, но диктатура устанавливалась на полгода в чрезвычайных обстоятельствах, Цезарь же стал бессрочным диктатором. Он получил также по-

жизненную должность трибуна, цензора (т. е. утверждал списки сенаторов и всадников), пожизненное звание императора и, наконец, титул «отца отечества», который сам по себе никаких функций власти не предоставлял. Основой же всего этого была военная власть, опора на армию.

Октавиан 16 раз выбирался консулом, причем каждый год заново, ежегодно избирался трибуном. Ему принадлежал императорский триумф – высшая военная власть и право контроля над провинциями.

Все эти должности соответствовали республиканскому строю. Правда, в азиатских и африканских провинциях в соответствии с восточными традициями императору воздавались религиозные почести как богу, и в честь его строились храмы.

Власть императора имела и экономическую основу: он был богатейшим человеком, крупнейшим хозяином в стране. Ему принадлежали огромные земельные владения, особенно в провинциях (как уже сказано, в его собственности находился Египет). Императору принадлежали рудники, многочисленные мастерские в городах Италии, где производились керамические изделия, ткани, оружие.

Переход от принципата к доминату происходит в правление императора Диоклетиана (284–305 гг.), который решительно отбросил маскировку под республиканские институты, превратившись из принцепса в доминуса (господина), т. е. официально принял монархическую власть. Божественность особы императора теперь распространилась и на Рим. Придворный этикет императорского двора стал подобен персидскому. Перед императором полагалось падать ниц.

Охраной императора занималась преторианская гвардия – 9 когорт по тысяче бойцов. Срок службы преторианцев составлял 16 лет, тогда как обычные легионеры служили 20 лет; преторианец получал в год 750 денариев, легионер – 225.

Сенат в период империи, как и прежде, считался высшим органом власти (наряду с императором). Но это был уже не прежний оплот родовой аристократии. В середине I в. н. э. представители старых патрицианских родов составляли лишь 10% сенаторов, а к середине следующего века вымерли и они. Новые же были сенаторами милостью императора. Император сам составлял списки сенаторов, пользуясь своей властью цензора, исключал из этих списков своих противников и пополнял своими сторонниками. Число сенаторов то увеличивалось, то сокращалось. Цезарь довел число сенаторов до 900, Октавиан сократил это число до 600.

Естественно, такой сенат послушно утверждал все предложения императора. Впрочем, теперь звание сенатора не предполагало обязательного участия в заседаниях сената.

Сенаторы составляли высшее сословие, сословие крупнейших землевладельцев и богатейших людей. Октавиан для них установил ценз в 1 млн сестерциев. Из состава сенаторов комплектовались высшие должностные лица и командиры легионов. Таким образом, в период империи сенаторы стали преемниками нобилей.

Реальная власть в стране теперь принадлежала разраставшемуся бюрократическому аппарату. Верховное положение в этом аппарате занимал совет «друзей» императора, где и готовились все решения для утверждения сенатом. Законом для этого совета являлась воля императора. Сфера бюрократизации постепенно увеличивалась: создавались канцелярии при префектах, наместниках, ведомства по сбору налогов и т. д. К ним переходили основные функции управления. Был разработан своеобразный «табель о рангах», причем каждому рангу присваивался свой титул. Таким образом, прежние республиканские органы заменялись послушным бюрократическим аппаратом императора. А комплектовался этот бюрократический аппарат из всадников, которые постепенно становились служилым сословием.

Несмотря на обновление сената, он оставался консервативным органом, противостоявшим императору, олицетворением прежних республиканских традиций. Сенаторы были недовольны устранением их от управления государством, от контроля над провинциями. Поэтому императоры опирались на второе по богатству сословие, сословие всадников, противопоставляя их сенаторам.

Для них тоже был установлен ценз – 400 тыс. сестерциев. Из всадников комплектовался средний состав легионов и административный аппарат. Всадническими должностями были посты префекта претория, т. е. командира преторианской гвардии, и префекта Египта, императорской провинции. Всадниками были и прокураторы, управлявшие другими провинциями.

Сословие всадников пополнялось за счет аристократии провинций. В состав этого сословия включались и лица свободных профессий: юристы, писатели, ученые. Тенденция усиления среднего землевладения в противовес крупному, о чем речь пойдет далее, также способствовала возвышению этого сословия.

Низшее сословие граждан государства составлял плебс. К этой группе теперь относились все люди, не достигавшие всаднического ценза. Это были мелкие ремесленники и торговцы, разоряемые крестьяне. Но основной частью этого сословия были люмпен-пролетарии, которые содержались в значительной степени за счет государства.

Принято считать, что свое значение в политике теперь плебс утратил, поскольку комиции уже не имели значения. Однако раскопки Помпеи свидетельствуют об активной предвыборной кампании, с которой совпало извер-

жение Везувия. На стенах домов сохранились многочисленные надписи с призывами голосовать за того или иного кандидата на магистратскую должность, с сообщениями о гладиаторских играх и раздачах, которые устраивали эти кандидаты. Да, конечно, плебс не мог выбирать императора или консула, но выборы магистратов среднего звена в значительной степени зависели от плебса.

Если сравнительно обеспеченные и занятые своим делом владельцы ремесленных мастерских, мелких лавочек и крестьянских хозяйств были политически пассивны, перевороты в верхах их не касались, то люмпен-пролетариат представлял взрывчатую смесь. Его активность определялась лозунгом «хлеба в зрелищ», и они поддерживали всякого, кто обещал реализацию этого лозунга. Во второй половине I в. до н. э. только в Риме насчитывалось до полмиллиона люмпенов и постоянно раздавалось свыше 300 тысяч хлебных пайков. Конечно, причиной такой благотворительности была не гуманность императоров. Очевидно, императоры опасались плебса.

Бесплатным хлебом и зрелищами дело не ограничивалось. Каждый из императоров раздавал плебеям крупные суммы денег. Октавиан дал каждому плебею по 300 сестерциев по завещанию Цезаря, а затем уже от себя – трижды по 400 и дважды – по 60 денариев [16, с. 545].

Траян один раз распределил среди плебеев по 500 сестерциев и два раза по 75 [9, с. 422].

Особую категорию этого паразитического слоя горожан составляли клиенты. Возникла клиентела из естественного стремления бедных и слабых найти себе могущественного покровителя. Согласно представлениям римлян, такого клиента связывали с патроном отношения, подобные отношения сына к отцу. Со временем клиентела стала настолько распространенным явлением, что богатому и знатному человеку было уже неприлично появляться в обществе без свиты из клиентов. Следовательно, клиентов было в несколько раз больше, чем богатых и знатных, т. е. они составляли значительную часть горожан.

Цицерон говорил о клиентах: «У них ничего нет, кроме их голосов». Конечно, клиенты голосовали за своего патрона, во всем его поддерживая и тем повышая его положение в глазах окружающих. Они выполняли обязанности приживалов, существуя в значительной степени на подачки патрона.

Усиление монархической власти императора, повышение роли бюрократического аппарата в противовес республиканским институтам означало превращение государственного строя в строй восточной деспотии. Очевидно, захват очагов древних цивилизаций Востока, а затем слияние с ними не прошли безнаказанно. Традиции Востока, сохранявшиеся и под властью Рима, оказались сильнее.

Но восточная деспотия – это бесправие основной массы населения перед лицом государства. И в последние века Римской империи происходит процесс закрепощения основной массы жителей деревни и города.

Принимая на государственное содержание паразитическую пауперизировавшую прослойку и даже заискивая перед ней, власти к концу периода империи устанавливают жесткий режим для относительно состоятельных горожан, для ремесленников и торговцев. Ремесленники были прикреплены к своим профессиональным корпорациям – коллегиям. Им было запрещено не только выходить из коллегии, но даже вступать в брак за ее пределы. Некоторые коллегии были прикреплены к императорским предприятиям, причем работники таких предприятий даже клеймились, чтобы пресечь их попытки к бегству.

Куриалы, должностные лица города, ответственные за поступление налогов, были прикреплены к куриям и отвечали имуществом за недоимки населения. За недостатки в сумме собранных налогов их сажали в тюрьму и даже иногда казнили. Складывалась парадоксальная ситуация: государство плодило бездельников и подрывало основу экономической деятельности, предпринимательства, ускоряя тем самым свое крушение.

5.9. Сельское хозяйство

Гражданин Римской республики был земледельцем и воином, причем обе эти ипостаси были взаимосвязаны: только земледелец мог быть воином, а воин был обязательно земледельцем. Занятие земледелием было престижным образом жизни. Когда к консулу Цинциннату, который считается образцом римского гражданина, явилась делегация сообщить, что он выбран диктатором, его застали за работой в поле.

До конца республики преобладающими оставались мелкие крестьянские хозяйства в 20–30 югеров, т. е. в 5–7 га. Крестьяне выращивали оливки, виноград, овощи, но основной культурой оставалась пшеница. Хлеб составлял основу питания римлян, поэтому не случайно потом стали практиковаться именно хлебные раздачи.

Раб получал зимой в день 1,3 кг хлеба, летом, при тяжелых полевых работах – 1,6 кг. Легионеру в день полагалось 1,4 кг. Очевидно, это считалось обычной нормой потребления. Дополнительно к хлебу на вилле, которую описывает Катон, раб получал соленые маслины и дешевую рыбу. Близким к этому был и дневной рацион крестьянина. Главным блюдом горячей пищи была бобовая каша с оливковым маслом (сливочного масла римляне не употребляли). В хозяйстве, где были козы или овцы, растительная пища допол-

нялась творогом и сыром. Даже за столом у богатых и знатных растительная пища преобладала. В комедии Плавта повар заявляет, что в основном на пирах «подают на блюдах целые луга, только приправленные» и перечисляет содержимое этих «лугов»: капуста, свекла, чеснок, укроп, щавель и т. д. Очевидно, все это и выращивалось в земледельческих хозяйствах.

Для сельского хозяйства республики было характерно сочетание общественного и частного землевладения и землепользования. Основную часть земли составлял «агер публикус» – общественное поле. Именно ради расширения его Рим вел свои завоевания. За использование земли в «агер публикус» вносилась небольшая арендная плата, которая затем тратилась на общественные нужды.

Землепользование имело трудовой характер: из общественной земли каждый гражданин мог взять столько, сколько мог обработать. Этот принцип предполагал регулярные переделы земли в соответствии с изменением состава семей и другими обстоятельствами. И борьба между патрициями и плебеями в основном происходила вокруг этого принципа.

Патриции – владельцы больших стад арендовали большие участки общественной земли под пастбища. К концу периода республики такие пастбища стали арендовать откупщики-публиканы, которые собирали затем с владельцев скота определенную плату за пользование пастбищем.

Итак, «агер публикус» – это сочетание общественной собственности на землю с частным использованием. Но изначально, со времени основания Рима, существовала и частная собственность. Считается, что плебеи-земледельцы имели землю только в частной собственности за пределами «агера публикуса». Но и каждому патрицию в частную собственность был выделен участок земли в 2 югера (полгектара). Здесь стоял дом и располагалось приусадебное хозяйство. Позже такие же участки в 2 югера стали выделяться в собственность и плебеям. Дело в том, что возделывание многолетних культур (оливок, винограда) было несовместимо с переделами земли, а оливковое масло и вино были непременно составными частями рациона римлян.

Переворот в сельском хозяйстве произошел в I–II вв. до н. э., т. е. в период кризиса республики и перехода к империи. Из завоеванных провинций в Италию хлынул поток дешевого хлеба. Сложилась такая же ситуация, как в свое время в Греции: надо было переходить от зернового хозяйства к другим отраслям.

Но если греки покупали хлеб через колонии у местного населения, то в Италию он поступал в значительной степени в виде налогов и контрибуций – Рим грабил провинции. Поэтому ввозимый сюда хлеб был особенно дешевым. И главными отраслями сельского хозяйства Италии стали виноградарство и садоводство.

Эти отрасли и прежде входили в состав натурального крестьянского хозяйства, так что теперь происходило не внедрение новых отраслей, а структурные изменения, специализация на производстве вина и оливкового масла. А поскольку специализированное хозяйство не могло быть натуральным, то переворот означал переход к товарному производству, точнее, резкое увеличение товарности.

Интенсификация требовала значительных средств и времени. Оливковое дерево начинает плодоносить только через 16 лет, да и виноград первые годы после посадки не дает урожая. За счет чего жить крестьянину эти годы? Такая перестройка превышала возможности мелкого крестьянского хозяйства.

Потому изменения в структуре земледелия сопровождались разорением крестьян и переходом к сравнительно крупным хозяйствам с использованием труда рабов – виллам.

Казалось бы, натуральные крестьянские хозяйства не зависели от рынка и колебания цен, поэтому крестьянам и не надо было переходить к интенсивным отраслям. Однако сам факт разорения крестьян свидетельствовал о втягивании их в товарно-денежные отношения.

Процесс был необратим. Розданные крестьянам в результате реформ Гракхов участки земли уже через несколько лет снова оказались во владении крупных земельных собственников. 120 тыс. ветеранов, получивших землю в период правления Суллы, за короткий срок ее потеряли.

Итак, крестьянское хозяйство перестало быть основной ячейкой земледелия. Теперь ведущую роль в Италии (а позже и в европейских провинциях) играли хозяйства средних размеров – виллы. О том, что представляла вилла, мы узнаем из трактата «Земледелие» Катона Старшего (234–149 гг. до н. э.). Катон описывает образцовое, по его мнению, хозяйство и дает советы владельцам таких хозяйств.

В состав виллы Катона входят оливковая роща в 240 югеров (60 га), виноградник в 100 югеров (25 га), зерновое поле и пастбище. В соответствии с традициями Катон рекомендует принцип экономии и самообеспечения. Все необходимое надо по возможности производить внутри хозяйства. Так, по соседству с виноградником надо иметь заросли ивы, чтобы не тратиться на колья для подпорок и прутья для подвязывания лоз: на рынке цены на ивняк были довольно высокие. В I в. н. э., чтобы снабдить виноградник в 100 югеров кольями и прутьями, надо было затратить 2000 сестерциев. До минимума следует сократить расходы на содержание рабов: кормить самой дешевой пищей, одежду выдавать раз в год, а старую при этом отбирать, чтобы сделать из нее для этих же рабов одеяла. Нужно следить, чтобы раб не оставался без работы, заранее находить для него занятия на время непогоды или зимой.

Рабов на образцовой вилле не должно быть много: для виноградника достаточно 14 человек, для оливкового сада – 11. А на время уборки урожая лучше нанимать поденщиков. Это обойдется дешевле, чем целый год содержать лишних рабов.

Эти принципы экономии шли еще от натурального хозяйства. Но, с другой стороны, при выборе имения надо учитывать, чтобы поблизости находились город, море, судоходная река или хорошая дорога. Особое внимание следует уделять товарным отраслям – оливкам, виноградникам. Таким образом, здесь элементы натурального хозяйства сочетались с товарностью.

Небольшие размеры виллы не исключали крупного землевладения, но крупный собственник чаще имел несколько вилл в разных местах. Хозяйством каждой виллы управлял раб – вилик, которому предоставлялась большая хозяйственная самостоятельность. Хозяин виллы (или вилл) мог жить в городе, а на виллу приезжал только с ревизиями.

Причин того, что крупное земельное владение не составляло единого хозяйства, а было раздроблено на отдельные самостоятельные виллы, было несколько.

Во-первых, такое владение складывалось постепенно, из отдельных кусков: путем покупки земли у обедневших владельцев, закрепления в собственности частей общественной земли в разных районах.

Во-вторых, необходимость сложного аппарата надзора над огромной массой рабов делала крупные плантационные хозяйства неэффективными. Несколько десятков «знакомых» рабов в вилле были на виду у вилика и под его контролем.

В-третьих, концентрация огромной массы рабов была опасна. После нескольких восстаний рабов, особенно после восстания Спартака, рабовладельцы старались изолировать небольшие группы рабов в разных частях владений.

Итак, виллы были хозяйствами товарными и специализированными. Одни специализировались на виноградарстве и виноделии, другие – на производстве фруктов, третьи – на разведении домашней птицы, некоторые – на выращивании цветов. Политический деятель, писатель и агроном Варрон (I в. до н. э.) утверждал, что около Рима выгоднее всего разводить розы и фиалки. Каждый из городов, близких к Риму, специализировался на своем виде фруктов: Тибур славился яблоками, Куры – айвой и гранатами, Сигиния – грушами, Пренесте – орехами. Нужно учитывать, что некоторые черты полиса сохранялись и город объединял окружавшую сельскую местность.

Из провинций сюда привозили новые плодовые растения, и теперь в Италии стали разводить вишни, персики, абрикосы, которых прежде римля-

не не знали. В I в. до н. э. возникла мода на павлинье мясо и яйца, и на некоторых виллах стали разводить павлинов.

Продукция вилл предназначалась для продажи в городах. А поскольку она производилась дешевым трудом рабов, то была недорогой. Известно, например, что жареная гусятина считалась пищей римлян небогатых.

В результате перехода к интенсивным отраслям, по словам того же Варрона, Италия превратилась «в цветущий сад». Это не было преувеличением: поля исчезали, а рощи и сады сливались.

Техника земледелия оставалась довольно примитивной. Однако поле уже не вскапывалось мотыгами, а вспахивалось на волах. Основным пахотным орудием оставалась примитивная соха, но уже появился и сложный плуг на колесах, переворачивавший пласты земли. Зерновые убирали серпами, причем срезали не стебли под корень, а лишь колосья. Появилась, однако, и жнейка. Это была повозка с частым зубчатым гребнем, который сдирал колосья в повозку. Гребень, естественно, находился спереди повозки, а оглобли – сзади, так что вол толкал повозку перед собой. Молотили хлеб цепами или гоняли по току скот, который копытами выбивал зерно. Иногда по току волочили доски с зубьями, которые тоже выбивали зерно. Мололи зерно на ручных мельницах, но уже появились и водяные.

Особых успехов римляне добились в производстве вина и оливкового масла, качество которых не уступало аналогичным продуктам нашего времени. Нужно учитывать, что вино входило даже в рацион рабов, а оливковое масло не только употреблялось в пищу, но использовалось в качестве обычного средства для умачивания тела и для освещения.

Но особенно большие достижения у римлян были в селекции. Плиний Старший в I в. н. э. писал, что видел «дерево, привитое всеми способами и отягощенное всякого рода плодами: на одной ветке росли орехи, на другой – ягоды, на третьей – виноград, на других – груши, винные ягоды, гранаты, яблоки». Конечно, к описанию такой диковинки следует относиться критически, но уже то, что ученый поверил в это чудо, свидетельствует о высоком уровне селекции.

Тарентские овцы имели такое тонкое руно, что их приходилось пасти в специальных кожаных попонках, чтобы они не порвали и не испачкали свою драгоценную шерсть. Следует учитывать, что римляне носили почти исключительно шерстяную одежду: льняные и шелковые ткани привозились издавна и были доступны немногим.

Таким было сельское хозяйство Италии в первые века империи. Этот же тип хозяйства, виллы, быстро распространился на европейские провинции – Галлию и Испанию. Иной была организация хозяйства в южных и восточных

провинциях, особенно в Африке и Сицилии. Здесь преобладали огромные латифундии-сальтусы в тысячи и десятки тысяч гектаров.

Но и сальтус не представлял единого хозяйства. Он обычно эксплуатировался путем аренды и субаренды. Примером такой организации хозяйства могут служить огромные владения императоров в Северной Африке, которые находились под управлением проконсулов как особая императорская провинция.

Эти земли делились на сальтусы, которые сдавались крупным арендаторам-кондукторам, в основном из императорских вольноотпущенников или даже рабов (те же виллики, только более крупного масштаба). Кондукторы часть земли использовали для организации крупного хозяйства с использованием труда рабов, но большую часть сдавали мелкими участками арендаторам-колонам, преимущественно из местных жителей. Аренда была натуральной: колонны в качестве арендной платы отдавали 1/3 урожая зерна или оливок, 1/4 гороха. Подобным образом было организовано хозяйство сальтусов и других владельцев.

Дальнейшая эволюция сельского хозяйства, которая происходила в последние века Римской империи и являлась составной частью ее кризиса, определялась двумя обстоятельствами.

Во-первых, тем, что из провинций в Италию теперь поступало не только дешевое зерно, но и дешевое вино, оливковое масло и другие продукты. В результате, как было сказано в разделе о провинциях, сельское хозяйство Италии приходит в полный упадок, земли забрасываются или превращаются в пастбище для скота.

Во-вторых, наступает кризис рабовладельческих отношений, преобладающими становятся такие формы эксплуатации труда, как пекулий и колонат. Эти новые формы, которые использовались преимущественно в сельском хозяйстве, целесообразно рассматривать отдельно, в связи с кризисом рабовладельческих отношений.

5.10. Город, ремесло и торговля

Прежде чем переходить к рассмотрению эволюции городских отраслей хозяйства, ремесла и торговли, мы должны выяснить, что из себя представлял город в Римском государстве.

Античные полисы, в том числе полисы Италии, были аграрными. Только гражданин полиса-города имел право владеть землей на территории полиса-государства. Полноправным гражданином, т. е. горожанином, считался лишь человек, который занимался сельским хозяйством. Так было в Древней

Греции, так было и здесь. Город был резиденцией выборных органов власти, местом торговли и ремесла, религиозным центром. Город и окружающая сельская местность были неразрывны.

Уже в период республики город утрачивает сельский облик. Рынок обносится каменными галереями, площади украшаются статуями, идет интенсивное строительство каменных зданий.

Меняется характер и жилой застройки. Жилище богатого горожанина выросло из сельской хижины первых жителей Рима. Здесь тоже не было окон, которые заменяло отверстие в потолке и внутренний дворик. Планировка такого дома была традиционной. За остием-прихожей находилось центральное помещение – атрий с отверстием в потолке и бассейном-имплювием под ним. Первоначально имплювий был хранилищем дождевой воды для хозяйственных нужд, а позже, когда атрий превратился в богато украшенное парадное помещение, бассейн стал дополнительным украшением. За атрием располагался перистиль – внутренний дворик тоже с бассейном. Вокруг атрия располагались жилые помещения, триклиний – столовая, таб-лин – кабинет хозяина.

Парадный атрий не мог иметь окон, потому что был окружен другими помещениями. Но и эти другие помещения были обычно без окон или с очень маленькими окнами. Дело в том, что до I в. н. э. римляне не использовали застекленных рам, и надо было защищать жилье от зимних холодов. К тому же в римских домах не было печей. Вместо них использовались переносные жаровни с углем и отопительные приборы, похожие на наши самовары. Для освещения использовались лампы-светильники на оливковом масле, которые сильно коптели.

Это обстоятельство накладывало отпечаток на распорядок дня. Парадные празднества, прием гостей, театральные представления и другие зрелища назначались с утра.

Особое место в жизни горожан занимали термы – бани. Недаром консулы и императоры, чтобы увековечить свою память и заслужить благодарность народа, строили наряду с храмами термы. Дело в том, что термы были не столько банями, сколько клубами. Здесь находились публичные библиотеки, спортивные залы, галереи для философских дискуссий, именно здесь проходила в основном общественная жизнь.

К началу нашей эры в Риме насчитывалось 700– 800 тысяч жителей. Естественно, все они не могли жить в описанных домах с атриями и перистильями. Жильем большинства горожан были инсулы – многоквартирные доходные дома. В таком доме, имеющем несколько этажей, можно было снять комнату или несколько комнат. Владелец инсулы сдавал ее в аренду, а арендатор

сдавал квартиры и комнаты и получал квартирную плату. Это была такая же субаренда, как в сальтусах.

Жить в инсулах было не очень удобно. Кухни в них не были предусмотрены, поэтому было необходимо или покупать готовую к употреблению пищу, или питаться на стороне. Невозможно было содержать в инсуле рабов: для них там не было места. Если господин поселялся в инсуле, рабу (или рабам) предоставлялась возможность жить и кормиться на стороне. Бедняки снимали крошечные каморки под крышей и помещения под лестницами, в подвалах.

Значительная часть горожан занималась ремеслом. При раскопках Помпеи оказалось, что почти в каждом доме действовали ремесленные мастерские – суконные, стекольные, кузнечные. В городе было 30 хлебопекарен, так что горожане, очевидно, в основном покупали не муку и не зерно, а готовый хлеб. Если прежде хижина в городе принадлежала человеку, который вел натуральное хозяйство и сам себя обеспечивал всем необходимым, то теперь в городе живут подлинные горожане, которые с сельским хозяйством не связаны, которые снимают комнаты и квартиры и питаются покупной пищей.

Развитие ремесла в Римском государстве, как и в средневековой Европе, шло по линии специализации. Ремесленные специальности дробились, их число увеличивалось. Кожевенное производство Рима делилось на несколько специальностей: одни готовили обувь, другие – бурдюки, третьи – конскую упряжь. Были даже такие специальности, как изготовление колесных осей или глаз для статуй. Очевидно, даже такие узкие специалисты находили достаточно заказчиков. Некоторые кварталы Рима назывались по специальностям селившихся там ремесленников: кварталы кузнецов, парфюмеров, стекольщиков, медников и т. д.

Начинается и специализация городов. Катон рекомендовал покупать повозки в Суэссе и Лукании, молотильные доски – в Альбе и Риме, ведра, кувшины, медную посуду – в Капуе и Ноле, туники, тоги, плащи и плуги – в Риме. Капуя славилась бронзовыми изделиями, Арреций – керамикой, Парма, Помпеи – шерстяными тканями.

Ремесленники, как и в Греции, считались людьми второго сорта. В период республики ремеслом занимались плебеи, а позже ремесленными мастерскими владели преимущественно вольноотпущенники и выделенные на пекулий рабы.

Преобладали мелкие мастерские, в каждой из которых было занято несколько человек, но были и крупные предприятия. В керамических мастерских Арреция было занято иногда до сотни рабов. Принадлежавшие императорам мастерские по производству оружия, тканей, одежды, конечно, тоже не могли быть мелкими.

Ремесленники объединялись в коллегии по специальностям, подобно тому как ремесленники средневекового города объединялись в цеха. В состав коллегий входили и вольноотпущенники, и рабы на равных правах со свободными.

Первоначально это были добровольные объединения, но в последние века империи в соответствии с общей тенденцией они были подчинены государственной власти. Как уже сказано, ремесленники были прикреплены к коллегиям. Члены коллегий были обязаны беспрекословно выполнять государственные заказы и облагались денежным налогом. Из самостоятельных производителей они превратились в низший разряд государственных работников.

Торговля не считалась столь же низменным занятием, как ремесло. Платон в своем трактате «О земледелии», рассматривая три способа обогащения, ремесло не упоминает вообще, ростовщичество называет непристойным занятием, а торговлю ставит на первое место, хотя считает ее делом рискованным. Для пропагандиста сельского хозяйства это очень высокая оценка торговли. Рискованность торговли определялась тем, что это была в основном морская торговля, связанная с опасностью нападения пиратов и кораблекрушений.

Римские трехмачтовые суда периода империи, которые могли перевозить до 500 т груза и до 600 пассажиров, были соизмеримы с европейскими кораблями XVII–XVIII вв.

Внешняя торговля Рима имела пассивный баланс, который до поры перекрывался налогами и контрибуциями с провинций. Из Италии в основном экспортировались вино и оливковое масло и некоторые ремесленные изделия. Но вино и оливковое масло были основными предметами экспорта Греции, с которыми итальянским продуктам было конкурировать трудно. Позже, когда производство этих продуктов стало успешно развиваться в провинциях, их экспорт из Италии стал перекрываться импортом, поскольку провинциальные продукты были дешевле. Ремесло же имело давние традиции в странах Востока, и там не только не покупали римских изделий, но и экспортировали свои в Италию.

Из Африки и Сицилии в Италию поступал хлеб, из Корсики – лес, из Испании везли оливковое масло, вино, металлы, в том числе золото и серебро, из Галлии – тоже вино и оливковое масло. Предметы роскоши поступали из Греции и стран эллинистического Востока.

Развитию торговли способствовало строительство замечательных римских дорог. Остатки этих превосходных каменных шоссе сохранились до нашего времени, причем даже в такой отдаленной от Рима провинции, как Британия. Вторым благоприятным фактором было введение единой денеж-

ной системы по всей империи. Более того, там даже практиковалось страхование грузов.

Торговые связи уходили далеко за пределы империи. Уже действовал Великий шелковый путь, по которому из Китая в Италию поступал шелк, из Индии – пряности и драгоценные ткани. Был и второй дальний торговый путь – «янтарный», которым из Прибалтики везли янтарь и кожи. Отовсюду поступали рабы.

По мере того как провинции уравнивались в правах с Италией, приток налогов и контрибуций иссякал. Теперь он уже не компенсировал пассивность торгового баланса. Оплачивать огромные масштабы импорта стало нечем. Возник финансовый кризис, который стал составной частью общего кризиса Римской империи.

Первоначально в VI–V вв. до н. э. в качестве денег в Риме использовались медные слитки, а при внешней торговле – греческие и этрусские деньги. В IV в. в Риме начинают чеканить медные деньги, а в III в. – серебряные. Серебряный денарий весил 4,5 грамма. Он был равен 4 сестерциям или 10 ассам.

С появлением денег неизбежно рождается ростовщичество. В Римской империи было два вида ростовщиков – публиканы и аргентарии. Высшее положение занимали публиканы, о деятельности которых мы уже говорили. Публиканы брали на откуп сбор налогов в провинциях, разоряли целые области, продавая в рабство за долги их жителей. Публиканы арендовали крупные хозяйственные объекты. Например, они арендовали рудники в Испании, а затем сдавали их частями мелким арендаторам, которые и занимались добычей руды. Они арендовали крупные участки земли под пастбища, а затем собирали плату с владельцев скота, которые пользовались этими пастбищами. Короче говоря, это были финансисты, игравшие весьма существенную роль в организации хозяйства. Публиканами обычно были всадники.

Низший слой ростовщиков составляли аргентарии (от «ар-гентум» – серебро) – владельцы меняльных лавок в итальянских городах. Конечно, такой меняла принимал деньги на хранение и давал их в рост. В основном аргентариями были иностранцы и вольноотпущенники, а не полноправные римские граждане. Слабость их положения по сравнению с публиканами определялась не только мелкими масштабами операций, но и тем, что ссудный процент в Италии по закону не мог превышать 6% в год, тогда как в провинциях он доходил до 50%. Ослабляло возможности аргентариев и то обстоятельство, что если в Греции в обращении ходили деньги разных полисов, то в Риме иноземные монеты составляли лишь небольшую долю.

Финансовый кризис империи разразился в III в. Причиной были не только пассивность торгового баланса, но и упадок хозяйства Италии и растущие расходы на раздачу бесплатного хлеба люмпенам, на содержание армии (сол-

даты, которые ставили и свергали императоров, добивались этим высокого жалованья).

Цены на товары в Италии выросли на 800% сравнительно со II в. Началась порча монеты – доля серебра в деньгах сократилась более чем на 90%. Иными словами, теперь вместо серебряных стали выпускать медные деньги с незначительной примесью серебра.

Правительство императора Диоклетиана (284–305 гг.) пыталось преодолеть кризис в двух направлениях. С одной стороны, в 301 г. был издан «Эдикт о ценах», которым устанавливались максимальные цены на товары и максимальный уровень оплаты труда. С другой стороны, в это же время налоги были переведены на натуральную основу: их стали собирать не деньгами, а продуктами для обеспечения минимальных потребностей армии и государственного аппарата. Жалованье чиновникам стали выдавать натурой. Итак, в последние века империи происходит натурализация хозяйства – возврат от рынка к натуральным отношениям.

5.11. Рабы, отпущенники и колоны

Поскольку Древний Рим был классическим рабовладельческим государством и рабовладельческие отношения составляли основу хозяйства этого государства, то именно с эволюции этих отношений, казалось бы, надо начинать хозяйственную историю этого государства. Но изложение эволюции рабства в первую очередь не означало бы, что это явление рассматривается глубоко и всесторонне.

Не имея представления о деятельности публиканов в провинциях, нельзя понять, откуда в Италию поступало много дешевых рабов. Не зная, что такое виллы и сальтусы, невозможно разобраться в особенностях использования труда рабов в сельском хозяйстве. Без рассмотрения особенностей развития ремесла и торговли невозможно определить, как использовались рабы в этих отраслях.

Почему в античных государствах господствующими стали рабовладельческие отношения? Потому что иными способами эксплуатировать чужой труд было невозможно.

В странах Востока основой эксплуатации рядовых земледельцев, их подчинения явились община и общинная собственность на землю, которая переросла в государственную. За пользование государственной землей надо было платить.

В античном обществе государство возникало на развалинах общинного строя. Главной и единственной общественной повинностью граждан

стала обязанность защищать свою землю и свой народ с оружием в руках. Общественная собственность на землю вела к подчинению и эксплуатации рядовых земледельцев, частная – исключала такое подчинение. Уже на заре истории Рима наряду с общественной землей, «агер публикус», существовало частное землевладение плебеев. Уже поэтому их подчинение правящей верхушке патрициев оказалось невозможным. А затем и участки общественной земли стали закрепляться в частную собственность.

Тем более было невозможно подчинить рядовых земледельцев силой оружия. Каждый гражданин был воином. Другой вооруженной силы в распоряжении господствующей группировки не было. Это не только делало невозможной эксплуатацию сограждан, но и служило основой демократии: когда каждый гражданин вооружен, он может постоять за свои права.

Гражданина нельзя было обратить в раба. Уже в 326 г. до н. э. долговое рабство в Римском государстве было запрещено. Рабом мог стать только «чужой», представитель другого народа.

В первую очередь рабами становились военнопленные. Воин, попав во враждебное ему окружение чужой страны, страны с иной цивилизацией, терял способность к сопротивлению. Не следует забывать к тому же, что Рим воевал с народами, находившимися на более низком уровне развития, или с государствами Востока, где бесправие рядовых жителей считалось нормой.

Кроме того, рабы приобретались путем покупки, т. е. они находились в рабском состоянии еще до продажи их в Рим, смирились со своим рабским состоянием. Эта категория рабов поступала в основном тоже из побежденных и зависимых стран.

Но рабовладельческие отношения имели важные последствия. Во-первых, необходимым условием развития хозяйства были постоянные победоносные войны, которые обеспечивали приток дешевых рабов.

Во-вторых, классические рабовладельческие отношения в истории были скорее исключением, чем правилом: вести победоносные войны не могли одновременно все народы. И расцвет античной цивилизации обеспечивался за счет окружающих народов.

В-третьих, как уже было сказано, рабовладельческие отношения требовали демократического устройства свободных граждан. Казалось бы, в период империи демократия была ликвидирована. Однако во времена принципата императоры не случайно подчеркивали, что они сохраняют республиканские традиции и учреждения. Перевероты в высших эшелонах власти слабо затрагивали рядовых граждан. Наоборот, императоры заигрывали с римским народом своими раздачами, выделением земли нуждающимся и ветеранам.

Итак, главным источником поступления рабов были завоевательные войны. Пленными становились не только и не столько воины побежденного

войска, но и мирное население, в том числе женщины и дети. Эти пленные поступали в ведение квестора, руководившего хозяйственной службой легионов, подобно современным интендантам, а затем частью распределялись между легионерами, но в основном продавались всем желающим от имени государства.

За четыре года войны Сципион Африканский отправил из Африки на продажу более 20 тысяч военнопленных. За период с 200 по 150 г. в Италию поступило до 250 тыс. рабов из военнопленных. Войны Цезаря в Галлии дали 150 тыс. рабов, в том числе было продано в рабство все племя венетов. В 25 г. до н.э. Август обратил в рабов все племя салассов – 44 тыс. человек [11, с. 263].

С завоеванием страны и обращением ее в провинцию приток рабов продолжался. Публиканы за недоимки продавали в рабство массу местных жителей, опустошая огромные территории.

Дети рабов, конечно, становились также рабами, причем по мере сокращения притока рабов извне доля «доморожденных» рабов возрастала. Если в период республики они составляли приблизительно треть всех рабов, то в период империи – две трети.

Часть рабов использовалась в сельском хозяйстве, часть – в ремесле и торговле, часть составляли «домашние» рабы, которые выполняли обязанности слуг.

Положение разных категорий рабов, конечно, было различным. Сам термин «развязанные» рабы, который употреблялся в то время, означал, что другую часть рабов составляли закованные, которые даже работали в оковах, а свободное от работы время проводили в закрытых эргастулах.

Известны факты крайне жестокого обращения с рабами. Рабовладелец Полион бросал провинившихся в пруд на съедение муренам и получал удовольствие от этого зрелища. В другом случае хозяйка приказывала распять раба, предварительно вырезав ему язык [11, с. 261]. Но, очевидно, подобные факты садизма были скорее исключением, чем правилом: не случайно сведения о них сохранились в литературе.

Раб, который попадал в крестьянское хозяйство в качестве военной добычи хозяина (конечно, до того, как крестьянская армия превратилась в армию наемников), становился членом его семьи. Нужно учитывать, что, по римским обычаям, члены семьи, домочадцы были бесправны перед лицом ее главы. Отец имел право даже трижды продавать сына в рабство. Раб оказывался в равных условиях с другими домочадцами. Он вместе с ними работал и питался с ними за одним столом.

Аналогичным было положение раба, который работал в небольшой ремесленной мастерской. Он также работал вместе с хозяином и включался в

состав его семьи. Но нередко раб сам владел мастерской, отдавая хозяину часть доходов. В этом случае он входил в состав ремесленной коллегии и копил деньги для выкупа на свободу.

Несколько иным было положение рабов в «городской семье», рабов-слуг. Они, конечно, не могли считать себя равными хозяевам. Но их обязанности обычно были не очень обременительными. Например, раб-номенклатор, который объявлял о приходе знатных посетителей, основную часть времени был свободен. Раб-цирюльник лишь следил за состоянием прически хозяина. Еще больше было времени у раба, единственной обязанностью которого было сопровождать хозяина в гости и там прислуживать ему за столом.

Агроном Колумелла советовал не ставить вилком раба из «городской семьи»: «Они привыкли к безделью, прогулкам на Марсовом поле, к цирку, театрам, азартной игре, харчевням и непотребным домам» [11, с. 263].

В отдельных случаях умный и образованный раб мог занять исключительное положение помощника и даже друга хозяина. В качестве примеров обычно приводят Тирана, секретаря Цицерона; Алексия, помощника крупнейшего предпринимателя Атика; Мелисса, раба и друга Мецената. Но в подобном же положении находились рабы-коммерсанты, выполнявшие торговые операции по поручению хозяина как в Италии, так и за ее пределами; рабы, поставленные во главе эргастериев, в том числе императорских; наиболее доверенные вилки.

Именно рабовладельческие отношения были главной причиной преобладания в Италии такой формы сельского хозяйства, как вилла. Переход от зернового хозяйства к товарным интенсивным отраслям, как уже сказано, породил не крупные централизованные хозяйства, а сравнительно небольшие виллы. На вилле было занято несколько десятков рабов. На образцовой вилле Катона виноградник в 100 югеров обслуживало 14 рабов, оливковую рощу в 100 югеров – 11 рабов. Всего несколько человек требовалось для содержания скота.

Сазерна, писатель конца II – начала I вв. до н. э., в качестве нормального рассматривает участок в 200 югеров, для содержания которого требовалось всего 8 рабов. Варрон (конец I в. до н. э.) упоминает, в частности, хозяйства, которые специализировались на разведении птицы. На таких «птицефермах» занято по несколько человек [11, с. 265].

Рабу-вилику, который, конечно, дорожил своим местом, не так уж трудно было присматривать за несколькими десятками своих подчиненных.

Иногда встречающееся утверждение, что свободные ремесленники не могли конкурировать с дешевым трудом рабов и что это было препятствием развития производства свободных ремесленников, не вполне соответствует действительности. В маленькой мастерской, где вместе с хозяином трудилось

несколько рабов, от результатов работы зависело их общее благосостояние. А ремесло в основном и было представлено такими мелкими мастерскими.

Порок рабовладельческих отношений в ремесле заключался в другом – в том, что сам труд в ремесле считался достойным раба, а не гражданина. Катон не случайно, перечисляя источники дохода, не упоминает ремесло. Один из римских авторов называл сдачу за плату своего труда «самым низким и самым грязным промыслом» [6, с. 458]. Работать для другого, получая от него плату за работу, значило поставить себя в зависимость от дающего эту плату, уподобиться рабу. Считалось, что раб получает плату за свою работу пищей и одеждой. Другое дело – крестьянское хозяйство: там человек работает на себя.

Это и послужило основой разрастания массы городских люмпенов. Разорявшийся крестьянин считал стыдным для себя делом работать за вознаграждение для других, уподобиться рабу. Жить за счет подачек, раздач со стороны государства или богачей считалось более достойным свободного человека.

Основу кризиса Римской империи и главной причиной ее падения стал кризис рабовладельческих отношений. Лишь одним из проявлений этого кризиса стали развернувшиеся в I в. до н. э. восстания рабов, в том числе знаменитое восстание Спартака. Эти восстания прекратились задолго до крушения империи. Рим завоевали не рабы, а северные варвары.

Кризис был вызван прекращением победоносных войн. Рим уже не мог переварить огромную территорию, которую он завоевал. А ведь приток дешевых рабов обеспечивали именно победоносные войны. Поступление новых рабов сократилось. Рабы становились дорогими. Но дорогой раб – уже не раб: его нельзя эксплуатировать методами простого принуждения. Дорогого раба надо беречь, а поскольку теперь рабов не хватало, надо добиваться повышения производительности его труда.

Главным стимулом повышения производительности труда во все времена служило использование материальной заинтересованности работника в его результатах.

Изменение методов эксплуатации рабов прослеживается по сочинениям крупнейших писателей-агрономов Рима. Уже многократно упоминавшийся агроном II в. до н. э. Катон еще не говорит об экономическом стимулировании. Для него раб – говорящий инструмент. Варрон, который жил в конце I в. до н. э., уже предлагает методы стимулирования. Чтобы привязать раба к имению, пишет он, надо разрешать ему жениться и заводить семью, иметь собственность. Нужно создавать условия, при которых раб может кое-что накопить, тогда он будет лучше работать. Наконец, Колумелла (конец I в. н. э.) запрещает у себя в имении телесные наказания, советуется с рабами по

всем хозяйственным вопросам, добивается от раба благожелательного отношения к хозяину и для этого облегчает его жизнь.

Наиболее распространенным способом стимулирования труда рабов стало выделение им пекулиев. Пекулий – хозяйство, которое раб ведет самостоятельно, лишь определенную часть дохода отдавая своему рабовладельцу. Пекулием мог быть участок земли, ремесленная мастерская, торговое заведение. Далеко не всегда пекулий выделялся из хозяйства рабовладельца. В городе раб чаще сам заводил ремесленную мастерскую, и она становилась его пекулием.

По новым законам рабу разрешалось иметь свою собственность, и эта собственность предприимчивого раба иногда достигала такой величины, что раб покупал собственных рабов, а иногда даже становился богаче своего рабовладельца.

Во II в. н. э. законом было запрещено убивать рабов, причем убийство раба рассматривалось как уголовное преступление. Теперь запрещалось и разрушать семью раба, т. е. продавать членов этой семьи в разные руки. Более того, был признан действительным долг господина своему рабу, а сам господин за долг раба не мог даже отобрать у него пекулий.

Пекулий ускорял переход к следующему статусу – статусу вольноотпущенника – либертина. Владение пекулием требовало определенных правовых отношений, но раб был ограничен в правах. Для более эффективного использования пекулиев следовало снять эти ограничения. С другой стороны, владение пекулием позволяло накопить необходимую сумму для выкупа. Поэтому владельцы пекулиев чаще выкупались на волю, чем остальные рабы.

А сумма выкупа была обычно значительно больше рыночной стоимости раба. К этой рыночной цене добавлялась стоимость пекулия (если рабовладелец его не отбирал), а также примерный расчет дальнейших заработков отпущенника. Освобождая раба за выкуп, хозяин получал дополнительно к его первоначальной цене то, что этот раб мог накопить за долгие годы.

Впрочем, иногда рабов освобождали и без выкупа, по завещанию (это считалось нормой хорошего тона), для увеличения числа клиентов (это тоже требовали приличия), а иногда и просто из гуманных соображений, за верную службу.

Но вольноотпущенник не становился полноправным гражданином. Он не мог служить в легионе, не мог стать всадником. Если римского гражданина нельзя было подвергнуть пытке, то вольноотпущенника, как и раба, можно.

Но главное – зависимость вольноотпущенника от бывшего хозяина сохранялась. Римскими законами эта зависимость приравнивалась к зависимости детей от отца. Бывший владелец мог использовать отпущенника, как и раба, для всякой работы, особенно в управлении хозяйством или его частью.

Учитель-отпущенник продолжал учить детей хозяина, врач – бесплатно лечить его семью. Патрон мог вкладывать свои деньги в предприятие отпущенника, не стесняясь дурной славы. Поэтому отпущенники играли особенно значительную роль в ремесле. Определенная часть наследства отпущенника обязательно переходила в собственность патрона.

Вольноотпущенник отличался от полноправного гражданина еще и тем, что для него, недавнего раба, работа ради заработка не была занятием постыдным. Значительную часть отпущенников составляли люди энергичные и предприимчивые, которые уже в рабском положении смогли скопить большую сумму денег для выкупа. В свободном состоянии они нередко становились богатыми предпринимателями. Цицерон в одной из своих речей говорил о вольноотпущеннике Хризогоне, который скопил огромное состояние на земельных спекуляциях, жил в роскошном доме-дворце на Палатине. В римской литературе того времени типичен образ вольноотпущенника – разбогатевшего выскочки, который, однако, тщетно пытается овладеть манерами знатного человека. Примером может служить Трамальхи-он из «Сатирикона» Петрония.

Статус отпущенников в Риме этого времени имела значительная часть владельцев ремесленных мастерских, торговцев, судовладельцев.

Пекулий не соответствовал рабовладельческой системе. Это были скорее феодальные отношения. Еще одним проявлением кризиса рабовладельческих отношений стал колонат.

Когда приток рабов в Рим стал иссякать и цены на них возросли, рабов стало не хватать для обработки земли. Крупные землевладельцы все большую часть земли стали сдавать в аренду. Арендатор назывался колоном. К этому вело и усиление конкуренции со стороны провинций: вино и оливковое масло из провинций было дешевле. В Италии началось возвращение к экстенсивному земледелию, к зерновому хозяйству. А производство зерна и овощей было вполне доступно мелким хозяйствам. И агроном Колумелла (конец I в. н. э.) уже находил вполне выгодным дробить землю на мелкие участки и сдавать их в аренду колонам.

Колумелла выделял две категории колонов: сельские жители, которые сами обрабатывают землю, и горожане, которые используют для работы на арендованной земле своих рабов. Он считал предпочтительней первую категорию.

Развитие арендных отношений тормозило то обстоятельство, что крестьян в Италии осталось совсем мало, а разоренные крестьяне, ставшие городскими пауперами, совсем не стремились возвращаться к земле. Поэтому колонами чаще становились люди неполноправные. Раб, который владел сельским пекулием, получая вольную, становился колоном на том же уча-

стке земли. Часто превращались в колонов и другие вольноотпущенники, связанные с сельской жизнью. Источники свидетельствуют, что во II–III вв. н. э. даже военнопленных не столько обращали в рабов, сколько сажали на землю в качестве колонов. Теперь колонат стал господствующей формой организации земледелия. К середине II в. н. э. главные фигуры в сельском хозяйстве Италии – крупный землевладелец и колон. Колонат охватывает и провинции, где повсеместно виллы вытесняются огромными имениями, раздробленными на мелкие участки, часть которых превращена в пекулии, часть роздана колонам. Разница в положении владельцев пекулиев и колонов была незначительна.

В I в. н. э. землевладельцы получали арендную плату преимущественно деньгами. В дальнейшем, в соответствии с общей тенденцией натурализации, денежная плата сменяется издольщиной. Колон теперь обычно отдает землевладельцу треть урожая и выполняет в его пользу трудовую повинность.

В I в. н. э. колоны – еще свободные люди. В дальнейшем они постепенно прикрепляются к земле, закрепляются за имением как его неотъемлемая часть. В 332 г. законом колонам запрещалось переходить от одного хозяина к другому. Теперь колон рассматривался законом как «раб земли». В IV в. колонам было запрещено жаловаться на своих господ и давать в суде против них показания. Колоны все более приравнивались к рабам. И даже то обстоятельство, что колона нельзя было продать без его участка земли, не отличало его от раба: раба, которому был выделен пекулий, тоже запрещалось продавать без пекулия.

Таким образом, колонат претерпел существенную эволюцию. Возникнув как обычная аренда земли, он быстро перерос в систему отношений, по существу феодальных, а затем превратился в крепостничество.

Эволюция колоната свидетельствовала, что рабство в Римской империи не могло перерасти в феодализм, несмотря на то что пекулий и колонат были в основе своей формами именно феодальных отношений.

Для развития феодализма необходимо, чтобы подавляющую часть населения составляли крестьяне. Римские же крестьяне были в основном разорены и превратились в городских пауперов. Новая форма эксплуатации рождалась из рабовладельческих отношений. Колоном становились владеющий пекулием раб, посаженный на землю пленник, неоплатный должник. Психология рабовладельческого общества с трудом признавала иные формы зависимости, кроме рабской. И, выйдя из рабовладельческих отношений, к этим же отношениям колонат и вернулся.

* * *

Итак, во II–III вв. н. э. по мере развития кризиса рабовладельческой системы хозяйства нарастает и кризис империи, который складывался из ряда процессов.

Во-первых, слияние Рима с провинциями в единое государство сменилось противоположной тенденцией – усилением сепаратизма провинций, который вел к их отделению. В провинциях развивалось хозяйство по римскому образцу, там теперь были те же виллы и сальтусы, по развитию ремесла некоторые провинциальные города не уступали Риму. Рим был уже не нужен провинциям, и теперь сам Рим все более перенимал порядки, заимствованные в восточных провинциях. Он все более терял свое экономическое и политическое первенство, оставаясь лишь символом империи.

Во-вторых, происходила провинциализация римских вооруженных сил. Легионы, размещенные в провинциях и состоящие из жителей тех же провинций, не могли быть надежной опорой Рима. Наступление сменилось обороной, а затем и отступлением под натиском северных варваров.

В-третьих, ужесточение власти императоров, переход от принципата к доминату и ликвидация остатков республиканских институтов совсем не означали усиления римского государства. Опора на армию делала императоров игрушкой в руках легионов. Началась частая смена императоров, причем она часто была делом той самой преторианской гвардии, которая должна была их защищать. Большинство императоров уже не умирали своей смертью. Наступило время «солдатских» императоров, провинциалов, выдвинувшихся на военной службе.

В 330 г. император Константин перенес столицу из Рима в Константинополь, как теперь стал называться бывший Византий. В 395 г. империя была официально разделена на Западную и Восточную. В 410 г. Рим был взят и разграблен готами Алариха, в 455 г. – вандалами, а в 476 г. пал последний император, который практически уже не имел никакой власти.

5.12. Экономическая мысль в Древнем Риме

В центре внимания экономической мысли Древнего Рима были аграрные отношения, проблемы земельной собственности, перераспределение земли и совершенствование форм землевладения. Другая группа вопросов была связана с организацией сельскохозяйственных имений, а также с проблемами рынка и денежных отношений.

В Древнем Риме в период между V в. до н. э. и I–II вв. н. э. античное рабство характеризовалось собственностью рабовладельцев на землю и на рабов. Полученную прибыль рабовладельцы не инвестировали, а использовали на роскошь и другие непроизводительные расходы или превращали свои доходы в сокровища. Широко велось строительство культового непроизводительного характера.

В разных странах были созданы архитектурные памятники древности, например, такие, как семь чудес света – пирамиды в Африке; Вавилонская башня; Фаросский маяк в Египте в г. Александрия; Александрийская библиотека; Колосс Родосский; висячие сады Семирамиды; мавзолей Пергамон. Эти сооружения главным образом имели культовое назначение и были призваны защищать и укреплять власть крупных рабовладельцев.

В экономической мысли рабовладельческой цивилизации были созданы учения, посвященные организации и управлению имением, т. е. микроэкономике. Экономическая мысль отражала вопросы, связанные с ведением натурального хозяйства. В связи с низкой эффективностью труда рабов большое значение имела проблема форм принуждения к труду. Вопросы торговли и денег тоже нашли отражение в экономической мысли Древнего Рима.

История Рима делится на три периода:

1. *Царский* – от 753 до 510 гг. до н. э. В этот период завершился переход римлян от родового к государственному строю. Последний царь – Тарквиний Гордый.

2. *Республиканский* – III–II в. до н. э. Выдающиеся деятели этого периода: Катон Старший (234–149 гг. до н. э.); братья Гракхи: Тиберий (163–132 до н. э.) и Гай (154–122 гг. до н. э.).

3. *Императорский период* – I в. до н. э. – V в. н. э. Император Тиберий Клавдий Нерон Германик (с 41 по 54 гг. н. э.), Цицерон Марк Аврелий – консул при Цезаре; философы: Сенека Люций и Лукреций Карл.

В Древнем Риме рабовладение достигло вершины своего развития. Но после любой вершины начинается спад. В начале II тыс. в Древнем Риме закончился период расцвета классического рабства и со II–III вв. нашей эры началось падение рабовладельческой цивилизации. Этот процесс растянулся на триста лет и завершился в V в. н. э. Обострение противоречий и классовой борьбы обусловили распад и падение Древнего Рима.

Социально-экономической основой Древнего Рима была городская земледельческая община. Свободные граждане города совместно владели латифундиями, граждане города также сообща владели рабами. Это была совместная (общинная) собственность свободных граждан государства. Наряду с общинной собственностью на земли и рабов в Древнем Риме развивалась частная собственность крупных владельцев.

Быстрое распространение крупной частной собственности в Древнем Риме связано с огромными завоеваниями и поступлением в Рим большого количества рабов. Древний Рим из Италии шагнул на Восток в Грецию и Персию, на северо-запад – в Германию и Испанию, на юге – в Северную Африку, включая Египет. Увеличение размеров латифундий и количества рабов привело к распространению частной собственности повсеместно. Если первоначально частная собственность выступала как отклонение от нормы и была подчинена общинной и государственной собственности, то развитие ее привело к изменению структуры общества и ослаблению роли народовластия. Между свободными гражданами города – патрициями и плебеями возникли неразрешимые противоречия. В Древнем Риме на крупных латифундиях трудились рабы многих национальностей, что не мешало формированию более четких требований, чем в Древней Греции.

Важным событием в истории Древнего Рима явилась разработка в 451–450 гг. Законов XII таблиц, которые закрепили право частной собственности на землю и санкционировали разделение на свободных и рабов, патрициев и плебеев. В 367 г. до н. э. интересы плебеев в борьбе с патрициями получили выражение в **аграрном законе**, по которому разрешалось иметь землевладения не более 125 га. В принятии этих решений большую роль сыграли выступления трибунов Секстия и Лициния.

Во II в. до н. э. противоречия между плебеями и патрициями вошли в критическое состояние. Поскольку из плебеев набирали воинов для римской армии, защищавшей владения патрициев, с исчезновением мелких крестьян возникла опасность для защиты владений Древнего Рима. Это понимали наиболее дальновидные государственные деятели. К ним относились и братья Гракхи.

Тиберий Гракх (163–132 гг. до н. э.) правильно отмечал, что для подавления рабов и охраны частной собственности нужна армия, пополнение которой возможно лишь за счет крестьянства. Он возобновил действие закона Лициния, который ограничивал владение землей. Общий земельный фонд римской семьи не должен был превышать 1 тыс. югеров пашни. Излишки земли изымались из владения крупных латифундистов и разделялись на мелкие участки по 30 югеров, которые и раздавали свободным гражданам, в первую очередь, принимавшим участие в военных действиях.

Аграрная реформа Тиберия Гракха затрагивала интересы патрициев в пользу плебса. Она предполагала сокращение срока службы в армии, включение плебеев в состав судов. Действия Тиберия Гракха вызвали волну недовольства среди рабовладельческой аристократии, Тиберий был убит в 133 г. до н. э.

Младший брат **Гай Гракх** (153–121 гг. до н. э.) требовал, чтобы крестьяне получали от государства не только землю, но и средства для ее обработки. Борьба за аграрные реформы повлекла за собой вооруженное столкновение сторонников Гракха с аристократами. Окруженный врагами, Гай приказал своему рабу убить себя.

Борьба братьев Гракхов за аграрные реформы привела к увеличению мелкого землевладения за счет государственных общинных земель.

Другой важной проблемой в истории мысли Древнего Рима была **организация управления** сельскохозяйственными имениями и вопросы товарно-денежных отношений. Этим вопросам, а также проблемам повышения эффективности рабовладельческого труда посвящены работы Катона, Варрона и Колумеллы, которые носили несколько академический характер. В их трудах прослежено обострение кризисного состояния в сельском хозяйстве Древнего Рима.

Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) в трактате «О земледелии» характеризовал состояние сельского хозяйства в период его подъема и обосновывал преимущества сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями экономики.

Трактат содержал советы (рекомендации), как повысить урожайность без расширения земледелия, привлекал внимание к интенсивному ведению хозяйства.

Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) создал трактат «О сельском хозяйстве», в котором ратовал за ведение хозяйства на научных основах. Кроме земледелия, выступал за развитие скотоводства. Важно отметить, что у него были высказывания о необходимости стимулирования труда. Варрон призывал земледельцев стремиться к двум целям: пользе и удовольствию.

Отличие взглядов Варрона от Катона

Катон обращал внимание на чрезмерную эксплуатацию рабов. Катон был сторонником натурального хозяйства.

Варрон был сторонником интенсивных методов хозяйствования, связанных с дополнительными вложениями средств в сельское хозяйство. На больших сельскохозяйственных работах Варрон рекомендовал использовать труд наемных работников. Варрон был почти на сто лет моложе Катона и жил в период, когда рыночные отношения стремительно развивались. В I в. до н. э. в Риме получили распространение хозяйства полунатурального-полутоварного типа.

Юний Модерат Колумелла жил в I в. н. э. и был хорошо знаком с литературой по аграрным вопросам. Его основной труд – трактат «О сельском хозяйстве» – сначала состоял из 4 книг, затем он расширил его до 10, а в конце жизни до 12 книг. Колумелла характеризовал положение дел в сельском

хозяйстве во время кризиса рабовладельческого способа производства. Он призывал к введению в сельское хозяйство научных достижений, ратовал за интенсивное ведение хозяйства.

Отличие взглядов Варрона и Катона от Колумеллы

Варрон и Катон считали важным и достаточным производство и потребление продуктов, созданных в натуральном хозяйстве. А Колумелла считал необходимым производить товары также и для рынка; считал нужным повысить производительность труда рабов. Для повышения производительности труда рабов Колумелла предлагал:

- а) осуществлять разделение труда между рабами;
- б) равномерно распределять рабов между различными видами работ;
- в) использовать материальные и духовные поощрения рабов.

Колумелла утверждал, что главная цель ведения хозяйства – получение дохода.

В I в. до н. э. Римская республика вступила в период заката, обострения борьбы за власть.

Адвокат и знаменитый оратор **Марк Туллий Цицерон** (106–43 гг. до н. э.) выступил в защиту крупной земельной собственности, виня во всем плохих администраторов за их самоуправство. В диалоге «О старости» Цицерон выступил с критикой паразитизма жизни знати, ее «плотских наслаждений».

Цицерон был сторонником натурального хозяйства. Он высоко ценил достижения Рима в общественно-политической и культурной жизни, поэтому предостерегал от разрушения, уничтожения римского полиса. Для истории экономической мысли очень важно признание Цицероном всеобщего значения труда. Он отмечал, что ни забота о здоровье, ни мореплавание, ни земледелие, ни собирание и сохранение плодов не могут обойтись без деятельности человека. Без человеческого труда нельзя было бы добыть ни минералов из земли, ни серебра, ни золота, ни меди, ни железа.

Особое место в истории мысли Древнего Рима занимают экономические требования рабов, в которые, однако, далеко не всегда входило уничтожение рабства. В древности рабы восставали, устраивали бунты и гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства. Партии, руководящие борьбой, не могли ясно понять, к какой цели они идут. Поэтому даже наиболее революционные элементы всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Крупнейшим было **восстание Спартака** (74–71 гг. до н. э.). Рабы требовали раздела земли между безземельными крестьянами. Но интересы рабов, особенно захваченных в войнах, и крестьян не совпадали полностью. Рабы хотели вернуться к себе на родину, крестьяне желали вести борьбу за земли в Италии.

Л и т е р а т у р а

1. Античная цивилизация. Т. 2. М., 1973.
2. Буриан Я., Моукова Б. Загадочные этруски. М., 1970.
3. Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.
4. Всемирная история. Т. 1. М., 1955.
5. Древний Рим. М., 1955.
6. История Европы. Т. 1. М., 1988.
7. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М.; Л., 1937.
8. Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973.
9. Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956.
10. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
11. Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. М., 1964.
12. Сергеев М. Е. Ремесленники Древнего Рима. Л., 1968.
13. Суздальский Ю. П., Селецкий Б. П., Герман М. Ю. На семи холмах. М., 1965.
14. Ученые земледельцы древней Италии. Л., 1970.
15. Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.
16. Всемирная история экономической мысли. Т. 1–2. М., 1987.
17. История экономических учений / Под ред. А.И. Худокормова. М., 1989. Т. 1.
18. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.

6. ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

6.1. Хозяйство «варварских» королевств

Рабовладельческий строй погиб вместе с гибелью Римской империи. Но феодализм возник не сразу после гибели Рима. Народы, которые завоевали Рим, находились еще на стадии первобытно-общинного строя, и основы этого строя в форме военной демократии еще длительное время сохранялись. Лишь потом, через несколько веков, у них стали формироваться феодальные отношения.

Варвары надвигались волнами. Сначала в Галлию вторглись вестготы, основав здесь свое королевство, затем их сменили вандалы. Потом пришли бургунды, остготы, лангобарды, наконец, франки. В бывших римских владениях рождались варварские королевства – Вестготское, Бургундское, Остготское, Лангобардское. В этих государствах еще сохранялись принципы военной демократии, и существовали они очень короткое время. Завершающим этапом варварских завоеваний было рождение королевства франков, которое к IX в. охватило почти всю Западную Европу.

В течение нескольких веков Западная Европа была ареной почти постоянных войн и нашествий. Только устанавливалась мирная жизнь и налаживалось хозяйство, как надвигалась новая волна завоевателей, неся смерть и разрушение, или неустоявшиеся еще мелкие королевства начинали воевать между собой.

Сами завоеватели в большинстве случаев были беженцами: их вытесняли с родных мест другие. Святой Амвросий писал в IV в.: «Гунны набросились на аланов, аланы – на готов, готы – на тайфалов и сарматов; готы, изгнанные со своей родины, захватили у нас Иллирию. И это еще не конец.» [5, с. 12].

Движение начиналось с азиатских степей, откуда шли кочевники. Они вытеснили с мест племена, находившиеся на более высоком уровне развития, а те – оседлых земледельцев, уже частично подвергшихся романизации. Основной удар приняла на себя Восточная Европа. Лишь отдельные племена (гунны, венгры) проникали дальше.

Кочевники для европейцев были особенно страшными. Вот как описывал гуннов Аммиан Марцеллин: «Гунны не варят и не готовят себе

пищу, они питаются лишь корнями диких растений и сырым мясом первых попавшихся животных... Они не нуждаются в крыше над головой и у них нет домов. Они кажутся пригвожденными к своим лошадям... ибо едят и пьют, не сходя с них на землю, даже спят и высыпаются, склонившись к тощим шеям своих скакунов» [5, с. 13]. Тот же Аммиан Марцеллин писал об аланах: «Высшим счастьем в их глазах является смерть на поле боя; умереть от старости или несчастного случая для них позорно и является признаком трусости, обвинение в которой страшно оскорбительно».

Удивительный факт: варвары-завоеватели составляли менее 5% населения завоеванных территорий. А так как они находились на более низком уровне развития, чем население Италии, Галлии или Испании, то быстро начинался процесс ассимиляции. Победители перенимали римские нравы, быт, одежду, внешний лоск. В то же время римская цивилизация продолжала деградировать, опускаясь до уровня варваров. Возникало нечто среднее, в котором общинные порядки военной демократии, свободные крестьяне-воины соседствовали с такими институтами, как колонат и пекулии рабов. И уже на базе этой смеси стали рождаться феодальные отношения. Так было в Италии, Галлии, Испании. Это получило у историков название синтезного пути формирования феодализма. У других народов в Британии, Скандинавии, у славян, частично в Германии, т. е. там, где римское влияние было слабым, феодализм формировался бессинтезным путем, на основе разложения родоплеменных порядков через строй военной демократии

Но прежде чем начался переход к формированию новых экономических отношений, происходило разрушение старого: гибель массы людей и сокращение численности наделения, возврат от товарного производства к натуральному хозяйству, упадок городов и городской культуры.

Современники, а это были в основном церковные деятели, потому что только они оставались грамотными и оставили письменные сообщения, рисуют страшную картину бедствий в результате ваварских нашествий. «Многие стали кормом для собак, другие живьем сгорели в своих домах, охваченных пламенем, – писал епископ Ориент. – В городах, деревнях, виллах, вдоль дорог и на перекрестках, здесь и там – повсюду смерть, страдание, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожаре» [5, с. 21].

А вот что писал епископ Идаций о бедствиях Испании: «Голод свирепствует столь жестокий, что люди пожирают человечину. Матери режут детей, варят и питаются их плотью. Дикие звери, привыкшие к человечине, набрасываются даже на живых и полных сил людей» [5, с. 21].

Разрушались памятники архитектуры, жилые и хозяйственные постройки. Руины памятников архитектуры служили карьерами для добычи камня.

Приходили в упадок города и происходила аграризация хозяйственной жизни. Города разрушались в первую очередь, потому что варвары стремились захватить и разграбить эти скопления материальных ценностей и потенциальных рабов. Но кроме этого, были нарушены товарно-денежные отношения, и продовольствие уже не поступало в города. Чтобы спастись от голода, горожане разбредались по сельской местности, попадая в зависимость к землевладельцам, поскольку у горожан не было собственных земельных владений. Как писал священник Сальвиан: «Они бегут во владения магнатов и становятся их колонами. Рожденные свободными превращаются в рабов» [5, с. 28].

Падает уровень ремесла. На смену художественной античной керамике приходят лепные горшки. Многие отрасли ремесла прекратили существование. Например, было забыто производство стекла. По приблизительным расчетам исследователей, население Европы сократилось с 67 млн чел. в 200 г. до 27 млн к 700 г. и выросло до 42 млн чел. в 1000 г. К 1300 г. оно выросло до 73 млн, но еще через столетие, к 1400 г., упало до 43 млн чел., в результате «черной смерти» (чумы). Численность европейцев начала XIV в. была чуть выше, чем в Римской империи начала II в. [5, с. 230]. По выражению Жака Ле Гоффа, все Средневековье было периодом «наверстывания», т. е. восстановления того уровня, на котором Европа находилась на пороге феодализма.

По другим расчетам, население Франции выросло с 5 млн чел. к началу Средневековья до 6 млн чел. к XI в., Италии – тоже с 5 до 6 млн чел. [7, с. 38]. Но в этих расчетах в качестве исходного принимается VI в., т. е. время после самых опустошительных нашествий.

Рост численности населения сдерживали эпидемии холеры и чумы и голодные неурожайные годы. Поэтому рост не был стабильным: после благополучного периода наступал «мор», сокращавший численность населения, а затем начиналось «наверстывание».

Угроза голода и сам голод были постоянными для средневекового человека, поэтому все помыслы его были направлены на добывание пищи. С этой темой связаны и сюжеты средневекового фольклора, и чудеса святых.

Принято было вступать в брак очень рано – между 12 и 15 годами, когда женский организм еще недостаточно окреп для деторождения. Это тоже влияло на рост населения. Существенным фактором, влиявшим на демографию, была брачная изоляция сельского населения. Когда веками браки заключались внутри узкого сельского мирка, это вело к вырождению. Лишь потом, с ростом городов, где смешивались люди из разных мест, брачные связи между родственниками становились все реже.

Музейные работники с удивлением обнаруживают, что средневековые рыцарские доспехи малы для современного человека. Рыцари Средневековья были не столь уж могучими, как это представляется.

Недоедание, болезни, часто испорченная недоброкачественная пища (ведь холодильников не было) сокращали жизнь человека. Средняя продолжительность жизни составляла 30–40 лет. Вспоминается сонет Шекспира: «Когда твое чело избородят глубокими чертами сорок зим...» В 40 лет чело-век считался глубоким стариком.

Малочисленность населения определяла характер местности. Страна была покрыта лесами, среди которых лишь небольшими полянами выделялись кучки домов с окружавшими полями.

Пища определяет характер цивилизации. Кочевники-скотоводы, как и первобытные охотники, питались в основном мясом и другими животными продуктами. Основой питания в средневековой Европе, как и в античном мире, служил хлеб. Зерновые употреблялись, впрочем, не столько в качестве выпеченного хлеба, сколько в виде разнообразных каш. Доля хлеба, зерновых в рационе питания была тогда гораздо выше, чем в настоящее время. Это свидетельствовало о господстве в хозяйстве земледелия с преобладанием производства зерновых.

Это преобладание земледелия сохранялось, несмотря на то что условия для скотоводства были более благоприятны: за пределами берегов Средиземного моря оставалась масса незанятых земель, которые можно было использовать как пастбища. К тому же именно скот представлял гораздо большую ценность, чем посевы, определял имущественное положение человека, а при перемещениях варваров его можно было перегонять на новое место.

Тацит писал о германцах: страна их «представляет собой или страшный лес, или отвратительное болото... Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства» [9, с. 50]. Для содержания скота не надо было «окультуривать» землю: скот кормился в лесах и на болотах, на пустошах и полянах.

Но побеждали традиции местного романизованного населения (вспомним, что удельный вес варваров был невелик), да и сами варвары, которые добирались до Западной Европы, были, как правило, земледельцами.

Впрочем, хлеб был разным для разных слоев населения. Хлеб «шуан» из просеянной пшеничной муки был доступен не всем. Большинство довольствовалось хлебом «рибуле» из непросеянной муки – с отрубями, рожью и другими злаками. Более того, настоящий хлеб, такой как издавна выпекали в Римском государстве, научились снова выпекать лишь в VIII в., а до этого тесто варили или пекли лепешки [6, с. 41].

Но и такого хлеба часто не хватало. В голодные годы спасением были бобовые, тем более что они созревают раньше пшеницы. Один медиавист даже назвал X в. «веком бобов». Суррогатом хлеба были и каштаны, которые тогда называли «древесным хлебом».

Итак, производство зерна было главной отраслью сельского хозяйства. Но техника земледелия была весьма низкой. Варвары не смогли перенять высокую римскую агротехнику. Они использовали лишь некоторые ее элементы. Трехпольная система севооборотов, посевы кормовых трав, стойловое содержание скота – все это было утрачено. Особенно пострадало огородничество и садоводство. Уровень римской агротехники этих отраслей был восстановлен не ранее XVI в. В Салической правде не было статей, касающихся садов и огородов.

Варварское земледелие – это мелкие раздробленные хозяйства. Даже крупные хозяйства типа вилл дробились на мелкие участки. Поэтому в Салической правде вилами назывались просто деревни. Садовые культуры, плоды которых предназначались для продажи, в условиях натурального хозяйства уже не выращивались. К тому же римский опыт по разведению олив (а это была одна из главных отраслей античного сельского хозяйства) оказался непригоден для Средней и Северной Европы. Несколько лучше было освоено варварами разведение винограда. Зона его возделывания продвинулась далеко на север, в те районы, где он не вызревал. Сок незрелого винограда смешивали с медом, получая «вареное вино».

Среди зерновых теперь первое место в Европе занимала полба, неприхотливая пшеница, которая хорошо росла и на тощих почвах. В документах времени Карла Великого она упоминается чаще других злаков.

На севере Европы преобладал ячмень, из которого тоже готовили каши и выпекали хлеб. Лепешки и каши готовили также из проса.

Рожь и овес в Римском государстве считались сорняками, их зерна не всегда удавалось отвеять от пшеницы. Теперь это не всегда и пытались делать, получая хлеб-«мешанку». В Италии рожь называли «германским хлебом», а Плиний писал, что «это наихудший хлеб и употребляется в пищу только с голода» [1, с. 151]. Овес стал особенно широко распространяться, когда главной боевой силой стали кавалерийские рыцарские отряды: он оказался лучшим кормом для боевых коней.

Зерновые, как известно, нельзя без ущерба для плодородия почвы сеять на одном поле несколько лет подряд. Трехполье, которое в период развитого феодализма составит основу европейского севооборота, пока что прививалось очень медленно. Двухпольный севооборот, когда пашня делилась на два поля, из которых одно засевалось хлебом, а другое отдыхало под паром, оставался с античных времен на юге, в районах, прилегающих к Средиземному морю. Постепенно он распространялся и на север, особенно в районах, находившихся под сильным культурным влиянием Рима. Однако преобладала в Европе под-сечно-огневая и переложная системы.

Подсечно-огневая система практиковались в лесах и была прогрессивной для своего времени, выполняя две задачи. Во-первых, таким образом за счет леса расширялась пашня, во-вторых, своей золой сгоревшие деревья удобряли эту пашню, так что первые годы отвоеванное у леса поле давало хороший урожай.

В отличие от России в Западной Европе существовало два варианта подсечной технологии. В одних случаях уже высохшие и срубленные стволы растаскивали по участку, равномерно покрывая почву, а затем сжигали. Очевидно, это можно было делать лишь в мелколесье. В других случаях лес вырубали и вывозили (он сам по себе представлял ценность), а лишь сучья, хворост раскладывали по земле и сжигали.

Сеяли зерно в еще теплую золу. Первый урожай был отличным, на второй год – посредственным, на третий – плохим. После этого участок на 15 лет забрасывали, используя как пастбище для скота.

Подсечная система естественным путем сменялась переложной. Когда у леса были отвоеваны уже значительные участки пашни или по той или иной причине нельзя было выжигать новые участки, приходилось возвращаться к первому запущенному полю. Со временем, когда свободной земли стало уже не хватать, срок между запустением и новым посевом стал сокращаться, и, когда он сокращался до одного года, переложная система сменялась двухпольной.

Система севооборотов диктовалась необходимостью восстановления плодородия почвы. Это плодородие можно было восстановить удобрениями, поэтому естественное удобрение, навоз, ценилось настолько, что «горшок навоза» входил в состав ренты, а навоз «от одной коровы и ее теленка» составлял часть платы служащим сеньора. Стойловое содержание скота было отнюдь не повсеместным, а значительная его часть, особенно свиньи и козы, паслась обычно в лесу, не давая навоза хозяину.

При подсечном земледелии преобладала мотыжная обработка почвы: оставшиеся в земле корни деревьев препятствовали применению даже примитивных пахотных орудий. Тем не менее постепенно распространялись античные пахотные орудия в виде сохи или орала. Соха отличалась от плуга тем, что она лишь бороздила, взрыхляла землю, тогда как плуг переворачивает пласт земли. Он состоит из чересла, массивного ножа, который отрезает пласт земли, и отвала, который переворачивает этот пласт. На каменистых почвах средиземноморских античных стран соха была практичнее. Но для равнинных почв средней полосы Европы обработка сохой означала лишь поверхностное взрыхление. Качество вспашки заменялось количеством: практиковалась трехкратная вспашка перед посевом. Обычным стал плуг лишь ко II тыс.

Как и в античных странах, злаки при уборке срезали у колоса, оставляя солому на корм скоту, который выгонялся на поле после уборки урожая, а то, что оставалось после скота, запахивалось как удобрение.

Мололи зерно вручную при помощи двух жерновов, неподвижного и подвижного. Мельницы, сначала водяная, затем ветряная, получили распространение уже в период развитого феодализма.

Казалось бы, при решительном преобладании сельского хозяйства и малочисленности населения обеспечить Европу хлебом было совсем нетрудно. Однако хлеба не хватало. Причиной была крайне низкая урожайность. По расчетам исследователей, средняя урожайность зерновых колебалась от сам-1,5 до сам-2,8, составляя в среднем сам-2, т. е. с поля собирали лишь в 2 раза больше зерна, чем было посеяно [3, с. 155; 5, с. 199; 9, с. 43].

Существенным дополнением к земледелию была охота. Судя по находкам костей, в лесной зоне она преобладала над животноводством. К тому же она была главным развлечением знати.

Крайне слабые контакты с внешним миром, сложность обмена своей продукции на что-либо другое, порождали натуральный характер хозяйства. Не производить всего, что было необходимо, в своем хозяйстве, считалось признаком не только слабости, но и бесчестия. А производить какого-то продукта больше, чем было необходимо, было не только нецелесообразно, но и считалось проявлением гордыни. Отсюда вытекал многоотраслевой характер хозяйства. В каждом хозяйстве, кроме зерновых, надо было выращивать овощи и фрукты, содержать животных. Это относилось и к мелким крестьянским хозяйствам, и к крупным хозяйствам монастырей. В уставе бенедиктинцев было сказано, что в монастыре надо «производить все необходимое, иметь воду, мельницу, сад и разные ремесла, дабы монахи не были вынуждены выходить за его стены» [5, с. 198].

Натурализация хозяйства делала ненужными города. Ранний феодализм – это цивилизация сельского общества. Первым ударом по городской культуре и городскому хозяйству было непосредственное разрушение и разграбление городов варварами. Вторым – разрушение хозяйственных связей. Крестьянин может жить своим натуральным хозяйством, горожанин – не может. Горожане потребляют привозное продовольствие, и по мере прекращения этого привоза они стали разбредаться по деревням. По мере натурализации хозяйства город терял свою хозяйственную роль, роль центра торговли и ремесла.

В некоторых случаях города сохранили административную функцию – становились резиденцией королей и епископов, а в связи с этим и обслуживающего их окружение ремесла. Более важными и крупными центрами общественной и культурной жизни теперь стали монастыри, где хранились

и переписывались рукописи, где были ученые монахи, куда стекались толпы паломников. Но экономическая роль монастырей, хозяйство которых базировалось на той же натуральной основе, сводилась к взиманию ренты с окрестного населения.

И все же города сохраняли свою притягательность для населения как скопления сохранившихся монументальных строений, как место общения и, наконец, в силу традиций, памяти о прошлых временах. А так как они противостояли сельскому обществу с его натуральностью, их называли «гордыми» и «высокомерными».

Но в силу этого же противостояния в городах рождались «коммунальные» основы будущего городского общества. Горожан сплачивали общие беды и общие интересы, необходимость совместной защиты от внешнего мира. И в противоположность вертикальной структуре сельского общества, где каждый был чьим-то вассалом или чьим-то сюзереном, здесь созревала горизонтальная структура, правовое равенство горожан.

Города оставались центрами торговли, но в условиях натурального хозяйства объектами торговли были в основном предметы роскоши, экзотические товары, которые не производились в данной местности и привозились издалека.

Казалось бы, натуральности хозяйства противоречил тот факт, что в период раннего Средневековья действовало множество монетных дворов. Даже в маленьких городишках были свои монетные дворы. Но именно это множество монетных дворов отражало натуральность хозяйства. Поскольку торговые связи между отдельными районами были крайне слабыми, извне деньги не поступали, было необходимо обеспечить монетой местные потребности, местный рынок. К тому же чеканка монеты служила символом власти, показателем престижа, даже если эта чеканка не имела экономического значения.

Обозначенный на монете знак ее ценности не имел существенного значения. Деньги оценивались на вес, как и другой товар, т. е. определялось, сколько в них содержится драгоценного металла.

Карл Великий, король франков, ввел такую систему соотношения монет: 1 ливр = 20 су, 1 су = 12 денье. Но монет достоинством в ливр или су почти не было. В обращении были только денье – мелкая серебряная монета, а ливр и су были лишь условными счетными единицами. При расчетах платили не деньгами, а материальными ценностями, соответствующими определенной сумме денег.

«Средние века – это мир дерева», – утверждает Жак ле Гофф. Античные каменные города сменились деревянными. В раннее Средневековье деревянными были и дома рядовых горожан, и знатных людей, и храмы. Лишь ред-

кие каменные строения сохранились до наших дней, создавая впечатление, что Средневековье – мир камня. Деревянную основу средневековых городов уничтожили частые пожары. Естественно, деревянные дома не могли быть многоэтажными, поэтому город поистине имел вид большой деревни. И не только вид. В условиях натурального хозяйства занятия ремеслом и торговлей не могли обеспечить жизнь горожан, поэтому жители города вынуждены были заниматься и сельским хозяйством, немногим отличаясь от окрестных крестьян. Внутри городских стен находились виноградники, сады, луга и поля, бродил скот. Город отличался лишь значительным скоплением народа, потому что был административным и религиозным центром.

Деревянными, конечно, были и деревенские дома, но так как дерево считалось дорогим и престижным материалом, то стенами крестьянской хижины чаще были плетни, обмазанные глиной. Такая хижина состояла из одного помещения с дырой в потолке вместо трубы.

Замок сеньора, показатель престижа и власти, пока тоже был деревянным. Строительство каменных замков начинается лишь в XI в. Чаще всего замок представлял двух- или четырехэтажную башню, окруженную рвом. Реже башня обносилась валом с деревянным тыном – забором, внутри которых находились хозяйственные постройки. На территории Франции обнаружено около 10 тыс. таких примитивных замков, которые отстояли друг от друга на десятков километров.

Обстановка этих жилищ была довольно скудной: стол, скамьи, сундуки, в которых хранились одежда и утварь. Предметом роскоши были ковры, которые часто использовались в качестве ширм, разделяя зал на отдельные помещения.

Пища владельца замка отличалась от крестьянской тем, что ее существенную часть составляла охотничья добыча – олени, косули, кабаны. Ведь охота была главным развлечением сеньоров. Эта дичь обычно жарилась на вертеле и подавалась на стол целыми тушами. Слуга отрезал куски и подавал пирующим на кусках хлеба, и каждый резал их на мелкие части своим ножом.

Орудия труда тоже были в основном деревянными. Железа производилось немного, оно представляло большую ценность и использовалось в основном для изготовления оружия. Железные орудия были мелкими, а чаще железные части служили лишь дополнением к деревянной основе (например, небольшой сошник на деревянной сохе). Для обработки дерева использовался не столько топор, сколько тесло, которым можно было срезать кустарник, но невозможно рубить крупные деревья. Этим и объяснялась дороговизна лесных материалов в обильной лесом стране. Труд кузнеца в раннее Средневековье занимал особое место, и в кузнеце видели колдуна, волшебника, связанного с потусторонними силами.

Металлургия железа, как и вся прочая техника, деградировала сравнительно с античными временами. Примитивные горны, где железо выплавлялось из болотной руды, приходилось ломать после получения каждой крицы.

Деградировала керамика. От гончарного круга, на котором готовились изящные античные сосуды, вернулись к толстостенным лепным горшкам.

Это было время «человеческого привода». Все работы от выплавки металла до строительства домов выполнялись силой человека. Водяные мельницы, которые потом будут применяться в самых разных отраслях хозяйства, получают широкое распространение лишь в XIII в., ветряные двигатели – еще позже, и даже рабочий скот использовался лишь для вспашки и перевозок.

Впрочем, грузы на малые расстояния, особенно при строительстве церковных зданий, также переносились людьми. Это к тому же считалось богоугодным делом. Тачка, которая облегчала бы эту работу, появится лишь в XIII в.

На дальние расстояния грузы перевозились преимущественно вьючным способом. Использованию повозок препятствовали крайне плохое состояние дорог и примитивная техника. Колеса делались без спиц, из цельного куска дерева. Хомут, который тягловую силу переносил на плечи животного, получил распространение лишь в XI–XIII вв., а до этого тяга приходилась на горло лошади. И подковы пока тоже не применялись.

Развитие техники тормозило господство традиций. Существовало представление, что всякое новшество, которое облегчает труд, является ересью, нарушением господних заповедей. Нужно учитывать, что единственным источником идеологии была церковь.

Происходило падение интеллектуальной культуры. Грамотность оставалась достоянием лишь монахов. В монастырях еще переписывали античные рукописи, но в основном те, которые сохранились со времен упадка римской культуры, с III–IV вв. Познания в географии монахи раннего Средневековья черпали не у Плиния или Страбона, а у посредственного компилятора III в. Солина, который населял землю чудесами и чудовищами. Естественно, теория шарообразности Земли была забыта.

И даже Библия теперь не рассматривалась целиком, как единое целое. Из нее выбирались отдельные цитаты, куски, нравоучения, применительно к теме дня.

Наиболее образованные представители церкви понимали скудность своих знаний по сравнению с античной культурой, но сознательно отказывались даже и от своего урезанного интеллектуального багажа. «Поскольку люди непросвещенные и простые не способны подняться до образованных, – писал Це-зарий Арелатский, один из таких людей, – то пусть образованные снизойдут до невежества» [5, с. 1107]. И даже урезанные знания доводились до крайнего примитивизма.

6.2. Формирование феодализма в королевстве франков

В качестве образца формирования феодального хозяйства в Западной Европе принято рассматривать переход к новым экономическим отношениям в Королевстве франков. Уже в V в. франки завоевали Галлию, а к середине VI в. государство франков простиралось от Рейна до Пиренеев, охватив центральную, наиболее романизованную часть Западной Европы. Королевство франков оказалось более устойчивым государственным образованием, чем предшествовавшие варварские королевства, просуществовав до середины X в.

Главной причиной успехов франков и устойчивости их королевства было то, что вместо тотального разрушения прежних порядков они нашли формы сосуществования с местным галло-римским населением, а многое даже успешно перенимали и усваивали.

Они оставляли в неприкосновенности земли местных владельцев, захватывая лишь обширные императорские владения и не занятые территории. Они сохранили институты рабства и колоната. Для галлов и римлян продолжало действовать римское право, законы Салической правды на них распространялись лишь частично. Военные вожди – короли франков опирались не только на франкскую знать, но и на галло-римскую аристократию, привлекая ее к себе на службу. Королям было выгодно привлекать на службу представителей чужого народа: франкская знать через институты военной демократии могла ограничивать их власть.

У франков не было своей письменности, и государственным языком королевства стал латинский. К тому же латинский язык был языком церкви. Уже в V в. предводитель франков Хлодвиг крестился, приняв христианство вместе с 3 тыс. своих дружинников. Это обеспечило франкам поддержку христианской церкви. Более того, когда прежние императорские органы власти были ликвидированы, власть на местах сосредоточилась в руках епископов.

Таким образом, новые порядки представляли синтез того, что осталось от Римской империи, и новой «варварской» струи. Здесь была явная преемственность.

Исходной стадией формирования феодальных отношений был строй военной демократии. Основную часть франков составляли крестьяне – воины, состоявшие в соседских или сельских общинах, которые принято называть марками. Эти сельские общины трансформировались из родовых, существовавших у франков до завоеваний. Что из себя представляла такая родовая община?

Население на родине франков было довольно редким, как, впрочем, и во всей Европе. На территории будущей ФРГ приходилось 2,4 человека на квадратный километр, поэтому селились они просторно, выбирая себе удобные места на лесных полянах, опушках леса, около рек. Естественно, жители такого селения обрабатывали близлежащую землю, и на эти земельные угодья не претендовали жители других селений.

Состояли такие селения из нескольких домов (поэтому историки иногда называют такие селения хуторами). Жители такого селения были кровными родственниками и составляли «боль-шесемейную», т. е. родовую общину.

Впрочем, подобная форма селений (несколько дворов, объединенных в родовую общину) не являлась обязательным стандартом. Из материалов археологических раскопок мы узнаем и о существовании сравнительно больших деревень в 10–12 дворов. В таких деревнях были «длинные дома» площадью до 200 кв. м. В «длинном доме», кроме жилого помещения, находились стойла для скота и размещались несколько семейных пар. Большую семью, занимавшую такой дом, историки иногда называют домово́й общиной. Это была семья, объединявшая 2–3 поколения. Но и в этом случае деревня состояла из кровных родственников.

Строй военной демократии означал, что главным органом власти племени (или союза племен) являлось народное собрание, которое для ведения военных действий выбирало военного вождя. По словам Тацита, германцы составляли боевые отряды «из семейств и родов», т. е. общинно-родовые отношения распространялись и на организацию войска.

Конечно, выделившаяся военная верхушка оказывалась в привилегированном положении. Согласно утверждению того же Тацита, у германцев существовал «обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям от своего скота и плодов земных» [6, с. 116]. У представителей военной верхушки было больше скота, чем у остальных членов племени, чаще использовался труд рабов. В крупных селениях археологи обнаруживают «богатые дома, вокруг которых располагались кузнечные и гончарные мастерские». Предполагается, что хозяевами таких «богатых домов» и были представители военной верхушки, т. е. родовой аристократии.

При переселении на римскую территорию родовые связи разрушались. Вопреки утверждению Тацита семейная община не могла представлять боевой отряд. Роды перемешивались. Германцы и здесь селились небольшими группами, занимая удобные места на опушках леса и лесных полянах. Но здесь они не составляли большинства. Они селились вперемешку с местными жителями. В этих условиях распад родовой общины на отдельные семьи ускорялся. Тут и возникла соседская, или сельская, община, объединявшая людей уже не по родовому, а по территориальному принципу. В ней сохраня-

лись остатки общинных традиций – совместное пользование лесами и пастбищами, наследственное пользование пашней. Но в основу был положен административно-территориальный принцип.

Дом, усадебная земля, садовые деревья, виноградники, скот находились уже в частной собственности, которая защищалась законами Салической правды. Пахотная земля, луга и леса оставались в общинной собственности, но переделов пахотной земли уже не было – она передавалась по наследству.

Новые порядки позволяли выделять сельскохозяйственные угодья, которые прежде были в наследственном пользовании, в частную собственность, аллод.

Основой развития частной собственности на землю служил дуализм общины, сочетание частной собственности на усадьбу с общественной собственностью на другие угодья. Прецедент имелся.

Традиционное представление о том, что германская марка была во всем подобна славянской общине – верви, не вполне соответствует действительности. Главным отличием было наследственное пользование землей без регулярных переделов. В общем пользовании оставались лишь леса, пастбища и пустоши, но если семья расчищала новый участок под пашню, он оставался в ее пользовании.

Сам термин «марка» для обозначения такой общины встречает возражения. Марками назывались и административные районы королевства во главе с маркграфами. Если у франков было в ходу это название для обозначения крестьянской общины, очевидно, называть этим же словом часть королевства было нецелесообразно. Или же теперь община-марка действительно охватывала огромную территорию со множеством селений, и в ее состав входили как франки, так и местные жители. Но тогда это уже была не община, а административный район.

В условиях завоевательных войн, естественно, власть военного вождя возрастала, а власть народного собрания сходилась на нет даже по такой технической причине, что франки рассеялись по огромной завоеванной территории, и их трудно было собрать на одно собрание.

Остатком власти народа теперь были «мартовские поля», ежегодные смотры всеобщего военного ополчения. Но с VII в. «мартовские поля» из собраний всех воинов-франков превратились в собрания служилой знати, военных предводителей, которые часто были даже не франками, а галлами или римлянами – войско франков теперь было многонациональным.

А власть военного вождя, увеличиваясь, приобретала новые функции, и он из военачальника превращался в главу государства, короля. Слово «король» произошло от имени Карла Великого (768–814 гг.), при котором королевство франков достигло наибольшего могущества.

К кому могли обращаться представители покоренных (галлы, римляне и др.) с просьбами о защите, о решении спорных вопросов, поскольку прежние органы власти прекратили существование? Естественно, к ближайшему командиру победителей. И власть военачальника дополняется властью административной и судебной. Главнокомандующий войска франков теперь был вынужден разбираться во всех вопросах жизни побежденных.

Для выполнения этих новых функций власти требовался административный аппарат. Главным его органом становится дворцовый совет из приближенных короля, причем этот дворцовый совет комплектовался уже не на основе традиционных родоплеменных принципов и в его состав входили не только франки, но и римляне, и галлы. Во главе совета стоял майор-дом, который первоначально только заведовал хозяйством короля, но со временем превратился, в сущности, в главу правительства, в главу подчиненного королю административного аппарата. Это правительство, как и королевский двор, не имело постоянной резиденции. У королевства франков не было столицы.

Для выполнения функций административной и судебной власти на местах территория страны была разделена на марки во главе с маркграфами (первоначально марки были пограничными областями).

Следует заметить, что королевские администраторы – маркграфы делили власть с епископами, сразу же занявшими в королевстве особо привилегированное положение. Епископы не были представителями прежней императорской власти, аппарат которой подлежал ликвидации, но пользовались непререкаемым авторитетом. К тому же епископы возглавляли наиболее образованную часть общества, а короли франков стремились перенимать римскую культуру.

Росло церковное землевладение. Перед смертью люди нередко завещали свою землю церкви. Монастыри даже назначали пенсии и давали денежные ссуды тем, кто обещал оставить церкви по завещанию свои владения.

О привилегированном положении королевской администрации свидетельствует Салическая правда. За убийство свободного франка вергельд (судебный штраф) составлял 200 солидов.

Поскольку корова стоила два солида, штраф был равен стаду из 100 коров (не следует забывать, что деньги служили лишь для оценки, как определенный эквивалент стоимости, а не означали реальную сумму монет). Но за убийство королевского чиновника следовало заплатить 600 солидов, а если убийство происходило, когда этот чиновник выполнял королевскую службу, – даже 1800 солидов. Любопытно, что подавляющая часть наказаний в Салической правде – денежные штрафы. И в этом проявлялся симбиоз варварских обычаев с римским правом.

Естественно, всей этой служилой знати – членам дворцового совета, графам и т. п. – надо было за службу, за преданность королю платить. Обычной формой платы за службу были земельные пожалования.

Поскольку представители административного аппарата и военно-служилой знати уже не состояли в общинах, а часто были даже не франками, а галлами или римлянами, они наделялись владениями в форме аллода – полной, отчуждаемой собственности. К тому же сохранялся и слой колонов, крестьян, которые находились уже в феодальной зависимости. Генезис феодализма у франков намного ускорили элементы феодализма, уже сложившиеся в Римской империи.

Аллод, как уже отмечалось, первоначально появился у франкских крестьян. Соседская община была далеко не столь обязательным институтом, как родовая, и крестьянин-воин мог владеть землей и на праве собственности. В самой общине действовала тенденция закрепления и пахотной земли в полную собственность, аллод.

В сущности, это было прямым продолжением и даже составной частью распада родовой общины и превращения ее в соседскую. Превращение наследственного владения пахотной землей в полную собственность не влекло отказа от пользования общественными угодьями – лесом, лугом, пустошью.

Владелец пожалованного королем аллода сам, конечно, не пахал землю. Для этого существовали колоны и рабы на пекулиях, формы, вполне освоенные завоевателями. Франкские же крестьяне пока оставались независимыми.

Уже во времена Салической правды (VI в.) владения этой знати могли быть довольно крупными. «Кто украдет или лишит жизни дворового слугу, или кузнеца, или золотых дел мастера, или свинопаса, или виноградаря, или конюха, – сказано в этом сборнике законов, – обязан уплатить 30 солидов» [10, с. 144].

Но аллод оказался невыгодным для королевской власти. Земля давала экономическую независимость. Крупный землевладелец мог и отказаться от королевской службы, тем более что хозяйство требовало присмотра и заботы.

Поэтому в VIII в. в королевстве вводится новая форма земельного владения – бенефиций. Бенефиций давался уже не в собственность, а в условное владение в качестве платы за королевскую, преимущественно военную службу. Уйдя со службы, человек терял и бенефиций. Бенефиций давался вместе с крестьянами, населявшими эту землю, причем крестьяне должны были платить владельцу феодальную ренту.

Введение бенефициев составило основу военной реформы, которую в 30-х гг. VIII в. проводил даже не король, а майордом Карл Мартелл, в руках которого в это время была сосредоточена вся власть в королевстве (Карл Мартелл положил основу новой королевской династии Каролингов).

Вместо прежнего пешего крестьянского ополчения реформа Карла Мар-телла на первый план выдвигала новый род войска – тяжеловооруженную конницу в металлических доспехах. Эта рыцарская конница, составив ядро франкского войска, позволила франкам завершить свои завоевания, образовав огромную империю Карла Великого. В сущности, это был переход от народного ополчения к профессиональной армии. Чтобы служить в этом войске, надо было иметь стабильный доход, не отвлекаясь на хозяйственные заботы. Такой доход и обеспечивали рыцарям живущие в их владениях крестьяне.

С падением роли народного ополчения утрачиваются и политические права рядовых франков. В III в. прекращаются народные судебные собрания в округах, а «мартовские поля» больше уже не собираются. Общественные институты, которые обеспечивали независимость крестьянина-воина от знати, перестают действовать.

Считается, что именно в это время заканчивается первый этап формирования феодализма, когда в зависимости от крупных владельцев находились лишь несвободные (сервы, колоны), унаследованные преимущественно от Римской империи.

Теперь начинался второй этап – подчинение феодалам свободных крестьян.

Но почему короли франков должны были выделять земельные владения военно-служилой знати? Потому что за службу надо было платить, а платить деньгами в условиях натурального хозяйства было практически невозможно. Поэтому служба оплачивалась земельными владениями, и сословие феодалов, причем не только у франков, но и по всей Европе, рождается как сословие военных профессионалов.

Со временем, почти подобно тому, как это происходило с «агер публикус» в Римском государстве, бенефиции закрепляются за владельцами в наследственную собственность, превращаясь в феодалы. Сильный феодал увеличивал свои владения, захватывая соседние земли, но чаще крестьяне сами добровольно отдавались под власть феодала. Почему?

Во-первых, потому, что феодальная зависимость и феодальная рента освобождали от военной повинности. Военные походы отрывали крестьян от хозяйств, разоряли их, и, чтобы откупиться от участия в них, крестьяне были готовы платить. Рента была способом откупиться от военной службы. Складывалось четкое разделение обязанностей: рыцари воюют, а крестьяне обеспечивают их жизнь.

Во-вторых, это было время, когда право определялось силой. Один, сам по себе, человек не мог существовать. Он оказывался вне закона. Разлагавшиеся родоплеменные органы уже не могли дать надежную защиту. Прихо-

дилось искать защиту у сильного человека, каким был рыцарь – феодал, причем по возможности у феодала крупного, имевшего свою дружину. Но за эту защиту, за покровительство надо было платить. Феодальная рента и стала своеобразным «рэкето́м» – платой за защиту.

Впрочем, «добровольность» перехода в феодальную зависимость была весьма относительной. Должностные лица использовали свое положение для подчинения крестьян. В капитулярии Карла Великого от 811 г. говорится, что, «если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или... сотнику, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка, а также заставить его идти на войну, и это до тех пор, пока, оскудевши, волею-неволею собственность свою он не передает, или не продает, и те, кто совершит передачу, проживают дома без всякого беспокойства» [9, с. 97].

В первую очередь в такую зависимость попадали не франки, а местные крестьяне, составлявшие большинство на территории королевства. Они часто подвергались насилиям со стороны завоевателей и, чтобы избежать этих насилий и разорения, «коммендировались», т. е. отдавались под защиту сильных людей.

К середине IX в. почти все крестьяне королевства оказались в феодальной зависимости, и закон 847 г. требовал, чтобы каждый свободный франк нашел себе сеньора.

Так формировалась основа феодальных отношений в королевстве франков. Приблизительно таким же образом формировался феодализм и в других странах Европы, конечно, с некоторыми особенностями.

Но прежде чем говорить об этих особенностях, об организации хозяйства феода, необходимо дать определение сущности феодальных отношений, принятое в исторической науке.

Основой феодализма является феодальная собственность на землю. А феодальная собственность на землю – это отнюдь не полная, капиталистическая собственность. Это лишь право на получение ренты с этой земли, т. е. с крестьян, лишь постольку, поскольку они живут и ведут хозяйство на этой земле. Крестьянин может продать эту землю, но к покупателю переходит обязанность платить ренту. Известны случаи, когда крепостной крестьянин, серв, продавал свою землю знатному человеку, и этот знатный человек должен был выполнять все те повинности, которые прежде возлагались на серва.

Однако в такую форму феодальных отношений не укладывается понятие «крепостной крестьянин», т. е. лично зависимый от феодала. Само это понятие чисто российское или, по крайней мере, свойственное феодализму в странах Восточной Европы, точной аналогии в странах Западной Европы не имеет. Там его заменяло слово «серв» – раб. В наследство от Римской империи в королевстве франков остались и рабство, и колонат. В хозяйствах

крупных аллодистов и бенефициариев, конечно, наряду с крестьянами были и рабы, и колонны. Их-то и называли теперь сервами. По своему положению они действительно были близки русским крепостным. В VIII–IX вв. сервы постепенно сливались в единую массу с другими категориями зависимого населения.

К IX в. в королевстве складывается тип классического феода, или сеньории. Земля в сеньории делилась на домен, который находился в ведении сеньора, и крестьянских хозяйств – мансов. Размеры сеньории могли быть различными – от 3–4 сотен до 1–2 тыс. мансов. Владения маркграфа обычно превышали 400 мансов, рядовых рыцарей – были не больше 100–200 мансов.

Мансы были прежними общинными наделами крестьян. В состав манса входила усадьба, пахотная земля, разбросанная обычно чересполосно в разных полях. Каждый владелец манса мог, как и прежде, пользоваться неподеленными общинными пастбищами и лесом. Размер всех частей манса мог колебаться от 6–8 до 25–30 га.

В отличие от римских вилл сеньории были не хозяйственными организациями, а организациями для получения ренты. Поэтому господская запашка, как правило, не превышала трети пахотной земли, а нередко и вообще отсутствовала. Прослеживалась тенденция к преобладанию сеньорий без господских полей. К тому же часто сеньория не представляла единой территории, а была разбросана по разным частям страны.

Состояние производительных сил требовало максимальной самостоятельности крестьянина. Выше говорилось о разложении крестьянской общины. Но в условиях феодализации она оказалась настолько стойкой, что и сам феодал вынужден был подчиняться общинным порядкам. Пахотная земля сеньора была расположена чересполосно с крестьянскими наделами, и он был вынужден подчиняться принятому в общине севообороту.

Именно то обстоятельство, что ренту можно было получать с относительно самостоятельного крестьянского хозяйства, вело к постепенному сближению зависимых людей разных категорий. Рабы, сервы, теперь все чаще получали пекулий и по своему положению сближались с колонами, наделы которых теперь также назывались пекулиями. Законы все в большей степени рассматривали колонов и сервов как единую массу зависимых людей.

Наиболее устойчивой частью зависимого населения являлись владельцы прекариев. Прекарии были обычной формой перехода крестьянина в феодальную зависимость. Крестьянин «дарил» свою землю владельцу феода, а затем получал ее обратно в пользование при условии уплаты ренты, иными словами, он добровольно отдавался со своим хозяйством в феодальную зависимость. Рента с прекаристов обычно была сравнительно небольшой, и прекарист имел право уйти от своего господина (конечно, без земли).

Кроме оброка и барщины существенную роль в усилении эксплуатации крестьян играли баналитеты. Феодал ставил мельницу, виноградный пресс, печь для выпечки хлеба, и крестьяне были обязаны за плату пользоваться этими устройствами. Крестьянин лишался даже права выпекать хлеб у себя дома. Можно было отказаться от пользования баналитетами, но это не освобождало от платы. Впрочем, баналитеты стали практиковаться лишь в конце рассматриваемого периода, с X в.

Защиту от притеснений и покровительства сильного человека искали не только крестьяне, но и рядовые рыцари – дворяне. Рыцарь тоже не мог существовать сам по себе, один, являясь лишь для участия в походах. Надежней было примкнуть к сильному, могущественному человеку, занимающему высокую должность в военной или административной иерархии, стать его вассалом. Вокруг каждого такого сильного человека группируются рядовые дворяне, которые служат его опорой и, в сущности, составляют его боевой отряд. Это его вассалы, за службу которых он отвечает.

Король вынужден был считаться с этими могущественными людьми, давая им иммунитеты, т. е. грамоты, которыми им передавалась власть на местах. Такой крупный феодал теперь сам осуществлял в своих владениях судебную и административную власть, а королевские чиновники не могли являться в его владения для выполнения своих функций. Возникло правило: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Эта система вассалитета и закреплявших ее иммунитетных документов послужила в дальнейшем основой феодальной раздробленности. Эта система лежала теперь и в основе формирования вооруженных сил. Крупный феодал, например, граф, осуществлявший функции королевской власти на определенной территории, являлся в то же время командиром отряда, состоявшего из его вассалов.

В итоге и сам король теперь рассматривал территорию королевства как свою феодальную собственность, которую он может делить между сыновьями, передавая по наследству. Это и привело к распаду королевства на части в IX в.

Период королевства франков и других варварских королевств до IX–X вв. – это период формирования феодализма. Первоначально это было господство над побежденными, при котором основная масса простолюдинов оставалась свободной. Это было время крайней пестроты, многообразия земельных отношений. Наряду с общинными владениями оставались прежние владения типа вилл, но появились уже крупные аллоды франкской знати.

Земельные и административные отношения были разделены. Человек мог находиться в зависимости сразу от трех сеньоров: от одного – в личной зависимости, от другого – в земельной, от третьего – в судебной.

Нестабильность политической обстановки, военные столкновения и набеги со стороны укрепляли положение рыцарской знати, повышали ее политическую роль, иммунитетную самостоятельность.

Сливаются две категории господ – просто крупные землевладельцы и королевские слуги, которые тоже становятся крупными землевладельцами. Административно-судебная и земельная власть сливаются в лице хозяина сеньории. Центром сеньории становится замок, резиденция сеньора, его слуг, примкнувших к нему рядовых рыцарей.

Происходит сближение социального статуса разных категорий зависимых людей. Серв теперь уже не отличался по своим правам от крестьянина. Он мог продать свой участок земли и уйти от сеньора. Сеньор не мог произвольно менять повинности крестьян. Короче говоря, формируются классические феодальные отношения.

Складываются две главных группы населения: простолюдины – крестьяне и господа – рыцаре. Формируются этические нормы рыцарства: рыцарская честь, верность, примат военной службы. Все это вместе и означало формирование феодализма.

6.3. Особенности формирования феодализма в Германии

После распада королевства франков на Западное и Восточное королевства Восточное, охватывавшее в основном территорию будущей Германии, было столь же прямым наследником прежнего государства, как и Западное, т. е. будущая Франция, однако формирование феодализма здесь отличалось существенными особенностями.

Германию принято относить к странам «бессинтезного пути генезиса феодализма». Если в будущей Франции феодализм складывался путем синтеза разлагавшихся рабовладельческих отношений и общинно-родовых на стадии военной демократии, то здесь, в Германии, он формировался на более «чистой» почве разложения общинных отношений.

Влияние римских институтов здесь было относительно слабым, потому что римляне так и не смогли до конца завоевать Германию, и ее основная часть не входила в состав Римской империи. Поэтому здесь не было прежнего крупного землевладения, не было вилл с зависимыми колонами и рабами. Римские правовые институты и латинский язык коснулись Германии лишь постольку, поскольку она была все же частью королевства франков. Поэтому и процесс формирования феодального землевладения через аллоды и бенефиции здесь шел замедленно. Начался этот процесс в VII в. и завершился лишь к началу XII в.

Замедляло этот процесс и то обстоятельство, что территория Германии была в большей степени покрыта лесами. Весь период раннего феодализма здесь продолжалось сведение леса под пашню с использованием подсечно-огневой системы. Это требовало коллективных усилий и задержало распад общины. А сохранение общины тормозило развитие феодальных отношений. К тому же длительное сопротивление римскому завоеванию на долгое время сохранило элементы военной демократии.

Сельская община здесь была такой же, как в Западном королевстве: ведь франки пришли в Галлию отсюда. Крестьянская усадьба находилась в частной собственности, пахотная земля и прочие угодья – в общинной. Каждое поле делилось на полосы, и каждый крестьянин, владелец усадьбы, получал свою полосу или несколько полос в каждом поле так же, как это было позднее в русской деревне. Пахотный надел крестьянина назывался гуфой, а вместе с домом и усадьбой – мансом. Владелец манса имел право пользоваться общинными лугами и лесами.

Характерной особенностью замедленного развития феодальных отношений здесь были «смешанные» деревни, в которых лишь часть крестьян находилась в феодальной зависимости. В такой деревне жили владельцы общинных мансов, владельцы аллодов, имевшие землю в собственности, а также крестьяне, пользовавшиеся землей на праве прекария (о прекариях говорилось в предыдущем разделе).

Сравнительно слабой здесь была и эксплуатация зависимых крестьян. Барщина не превышала 6 недель в год, а для прекаристов и того меньше, преобладал относительно умеренный оброк. Ограничена была и судебная власть феодалов. Они имели право судить только зависимых крестьян (сервов), но не прекаристов, да и то крупные уголовные преступления их юрисдикции не подлежали. Короче говоря, отсутствие таких групп, как римские рабы и колонны, облегчало положение попадавших в феодальную зависимость крестьян.

Проявлением замедленности формирования феодальных отношений было и многообразие разрядов знатности верхушки общества. На местах главную роль играли герцоги. Первоначально это были военные вожди племен. Короли франков узаконили их положение статусом королевских наместников, но их традиционная власть на местах была столь велика, что сами короли Восточнофранкского королевства зависели от них и были вынуждены лавировать между интересами отдельных герцогств. Сами короли теперь выбирались из числа герцогов. Герцогам подчинялись графы, стоявшие во главе более мелких территориальных единиц. К дворянскому сословию относились и мини-стериалы – примкнувшие к тому или иному герцогу или графу рядовые рыцари, а также люди, выполнявшие служебные функции при дворе такого герцога.

Половина земель, богатств и даже вооруженных сил в Германии принадлежала церкви. Епископы и аббаты были опорой королей и до распада королевства франков здесь достигли особого могущества. А так как могущественные германские епископы играли решающую роль при выборе римского папы, то в XI в. наступил период «германских пап». Папы выбирались по указанию короля, иногда даже из людей не духовного звания. Так, например, папа Лев VIII до избрания был простым рыцарем.

Это стало возможным потому, что, воспользовавшись политической раздробленностью Италии, германский король Оттон I захватил основную часть ее и в 962 г. короновался в Риме императором, объявив себя, таким образом, преемником властителей Римской империи. Так была основана Священная Римская империя германской нации.

Это наименование не отражало реального положения дел. Император зависел от милости герцогов, не имел столицы, и его власть была подчас номинальной. В Германии уже началась феодальная раздробленность, лишь условно скрепляемая должностью императора.

6.4. Особенности формирования феодализма в Англии

Англия, как и Германия, относилась к числу стран «бес-синтезного» развития феодализма, т. е. феодальные отношения здесь формировались в ходе разложения строя военной демократии, а не путем слияния этого строя с разлагавшимися рабовладельческими отношениями поздней Римской империи. Правда, Британия была римской провинцией, но римские владения занимали лишь небольшую часть острова, и влияние римских порядков здесь было намного слабее, чем, например, в Галлии. Поэтому формирование феодализма здесь продолжалось дольше и закончилось лишь в XI в.

Другой особенностью формирования феодализма здесь было то, что оно происходило в ходе двух завоеваний: сначала Англия была завоевана англосаксами, затем норманнами. Завоеватели обращали побежденных в рабов и зависимых людей. Из них-то и формировался слой крестьян, эксплуатируемых феодальными методами.

Первоначально остров населяли племена кельтов – бритты, скотты и др. Именно по имени бриттов римская провинция получила название Британии. В начале V в. (в 407 г.) римские легионы ушли, а с середины этого века началось вторжение германцев – англов, саксов и ютов. Первоначально это были наемные дружинники, которых привлекали враждовавшие кельтские племенные вожди (период военной демократии – это период частых военных столкновений), а затем начались массовые переселения. Часть побежденных

бежала из страны на континент, заселив будущую Бретань, часть была обращена в рабов и данников. Самостоятельность сохранили бритты в Уэльсе и саксы в Шотландии и Ирландии. Англосаксы были не столь многочисленны, чтобы занять всю территорию островов. Они основали семь варварских королевств, короли которых были не столько монархами, сколько военными вождями.

Завоеватели находились на более низком уровне социально-экономического развития, чем коренное население. Завоевание разрушило основную часть того, что кельты успели перенять от римлян. После ухода римлян здесь остались мощные каменные дороги, каменные здания, разработка металлических руд. Римляне научили кельтов использовать металлические деньги. Под влиянием римлян крупные кельтские поселения выросли в города римского типа, в том числе Лондиниум (будущий Лондон). Поскольку здесь, как и в Галлии, вокруг римских лагерей располагались поселения ремесленников и других людей, обслуживающих нужды легионеров, такие лагеря также со временем становились городами. О таком происхождении городов свидетельствуют их названия, оканчивающиеся на «честер» или «кастер». Некоторое время после ухода римлян здесь оставались виллы знатных кельтов, которые обслуживались трудом рабов и колонов. И все же римское влияние здесь было не столь значительным, как в Галлии. А англосаксы, которых римские порядки не коснулись вообще, не могли перенять даже то, что было усвоено кельтами.

Считается, что хозяйство Англии в VII–VIII вв. было на таком же уровне, как у франков в V–VI вв. И все же этот уровень был выше, чем у континентальных прибалтийских племен этого времени.

Здесь появилось плужное земледелие. Использовался колесный плуг с отвалом, в который запрягали от 4 до 8 волов. Однако преобладала деревянная соха с железным сошником, которой было легче обрабатывать каменистые почвы. Лошади при пахоте не использовались: они были нужны для войны. Каменистые вересковые пустоши и холмы служили пастбищами для животноводства. Здесь пасли крупный рогатый скот, коз и особенно овец. Свиной откармливали в лесах, где они питались желудями и буковыми орешками. В лесах они настолько дичали, что на них приходилось охотиться как на диких кабанов.

В соответствии с обычными порядками строя военной демократии основную часть завоевателей составляли свободные крестьяне-воины, которые участвовали в народном ополчении и через общинные институты могли влиять на решения государственной власти. Первичной ячейкой общества англосаксов была семейная община, которая состояла из нескольких десятков кровных родственников. Глава такой общины назывался керлом. Он уча-

ствовал в сходе – гемоте, где решались дела племени. Эта семейная община (а от ее имени керл) владела гайдой – наследственным наделом в 120 акров (50 га) пахотной земли, расположенной полосками в разных полях.

Эта большая семья (семейная община) входила в состав соседской общины. Луга и леса находились в собственности соседской общины, и каждая большая семья, которая вела общее хозяйство, могла пользоваться этими удобствами. В составе такой семьи могло быть несколько рабов из числа побежденных кельтов, но эти рабы довольно скоро становились фактически членами семьи, и таким образом происходило слияние англосаксов с кельтами.

Выделилась здесь и родовая аристократия – эрлы. Очевидно, подобно базилевсам, они были предводителями отдельных отрядов народного ополчения. По Кенской правде, сборнику законов одного из королевств VI в., за убийство керла полагался вергельд в 200 шиллингов, а за убийство эрла – 400 шиллингов. Эрл, т. е. его большая семья, мог владеть пахотной землей размером до 40 гайд. Конечно, здесь шире применялся труд рабов и зависимых людей из кельтов. Эти зависимые люди находились на положении колонов. Они вели собственное хозяйство, но были обязаны платить оброк владельцу. Как мы видим, отношения в период строя военной демократии у англосаксов во всем были подобны аналогичной стадии развития у франков и даже у древних греков. Здесь видна отчетливая закономерность.

Кроме народного ополчения, в котором принимали участие все крестьяне, существовала королевская дружина, составлявшая, в сущности, королевский двор. Дружинники – ге-зиты выполняли и административные функции. Естественно, они состояли преимущественно из эрлов, постепенно сливаясь с ними в единый привилегированный слой. Из этой среды выделялись крупные землевладельцы – глафорды. Хозяйство в этих крупных владениях велось руками рабов и колонов в основном из числа покоренных кельтов. Крестьяне-общинники пока в феодальную зависимость не попадали.

Кроль с дружиной существовал за счет продуктов, которые собирались с населения в виде налога, причем сбор этого налога происходил в форме, подобной русскому полюдю. Это считалось добровольной платой, но уже была установлена норма, которую следовало выделять королю с каждых 10 гайд: определенное число голов скота и птицы, определенное количество хлеба, пива, меда, фуража и т. п. Таким образом, гайда была и фискальной единицей.

За службу близким людям король выделял бокленды, подобные «кормлениям» в Древней Руси. Это не было еще рождением феодального землевладения. В бокленд жаловалась территория с населением, которое теперь продукты, полагававшиеся королю, должно было отдавать владельцу – держателю бокленда.

Строй военной демократии – это участие народа в управлении. Участие в народных собраниях считалось обязательным признаком свободного человека. Жители селения (сельской общины) регулярно собирались на сходы, где решались хозяйственные дела общины, разбирались споры между соседями, мелкие судебные тяжбы. Раз в месяц созывалось собрание сотни – гемот, объединявший несколько селений, в котором тоже участвовали все главы семей. Здесь решались общие вопросы, разбирались тяжбы. Собрание сотни выбирало старшину, который потом превратился в королевского чиновника, а сама сотня стала фискально-административной единицей.

Со временем все больший вес и значение приобретало собрание графства, на которое собирались представители сотен. Во главе этого органа стоял выборный элдормен. Естественно, здесь главную роль играли представители военно-служилой знати, а выборных элдорменов со временем сменили королевские чиновники – шерифы. Но до IX в. рядовые англосаксы еще продолжали участвовать в этой пирамидальной структуре управления.

Под давлением участвовавших набегов норманнов англо-саксонские королевства в IX в. объединяются в одно королевство. Главным органом его управления становится уитенагемот («совет мудрых»), который состоял из крупнейших магнатов королевства. Пирамида народных собраний теряет прежнее значение. Они остаются для решения местных дел, но во главе их стоят назначенные королем чиновники. Как и в других варварских королевствах, выросших из военной демократии, здесь начинает формироваться административный аппарат управления.

В конце IX в. проводится военная реформа, аналогичная реформе Карла Мартелла в королевстве франков. Теперь ядром войска англосаксов становится королевская рыцарская конница из тяжеловооруженных воинов, каждый из которых владел не меньше чем 5 гайдами земли. Естественно, крупные магнаты, имевшие значительно больше земли, также влились в это новое войско со своими отрядами. Теперь тэны, рыцари, получившие землю от короля за службу, составили основную часть будущих феодалов.

А община тем временем распадалась, из состава большой семьи стали выделяться малые семьи, закрепляя землю в собственность. Это происходило так же, как выделение аллодов у франкских крестьян. Выделение малых семей стало настолько обычным делом, что сложилась земельная норма: если большая семья владела гайдой, то для малой обычной стала гирда в размере четверти гайдой (30 акров).

Повышается роль крупного привилегированного землевладения. Владельцы боклендов получают иммунитетные права. Бокленд из территории, отданной лишь для «кормления» и выполнения административных функций, превращается в феодальную собственность. Владельцы боклендов становятся

ся глафорда-ми – крупными землевладельцами. Поскольку глафорд теперь не только собирал в свою пользу поборы с населения, прежде следующие королю, но имел также административную и судебную власть над жителями бокленда, его господство приобретало все более феодальный характер. И так же как это было в свое время в королевстве франков, Правда короля Ательста-на в первой половине X в. предписывала каждому «найти себе глафорда» и встать под его покровительство. Оставшись без такого покровительства, человек тем самым оказывался вне закона – его можно было безнаказанно ограбить и убить.

К XI в. жители боклендов находились в разной степени зависимости от глафордов. Гениты, бывшие свободные керлы, находились, в сущности, в вассальной зависимости от глафорда. Они были обязаны нести конную военную службу королю, очевидно, в составе отряда своего глафорда. Их повинности в пользу глафорда были, как правило, невелики (оброк, выполнение различных поручений) и представляли продолжение тех же повинностей, которые прежде шли в пользу короля и сбор которых потом был передан в «кормление» владельцу бокленда.

В гораздо худшем положении находились гебуры. Это были люди, которые сидели на земле глафорда, т. е. через административные и судебные притеснения вынуждались передавать ему свою землю, подобно прекаристам королевства франков. Они платили довольно значительные оброки и выполняли барщину, доходившую во время жатвы до трех дней в неделю.

Наконец, коттеры, пользовавшиеся выделенными им мелкими участками земли (до 5 акров), находились не только в поземельной, но и в личной зависимости. Они происходили преимущественно из рабов и зависимых кельтов, хоть иногда в подобную зависимость попадали и разорившиеся крестьяне.

Само это разнообразие форм зависимости свидетельствовало о незрелости феодализма. Так, генитов, крестьян-воинов мы не можем считать в полном смысле этого слова находившимися в феодальной зависимости.

К XI в. здесь имелся значительный слой свободного крестьянства, сохранившего общинную собственность на землю, права – обязанности свободного общинника и ополченца.

Кроме владельцев боклендов, здесь сохранилось много мелких владельцев, рабочей силой в хозяйстве которых оставались преимущественно рабы, в том числе рабы – коттеры, посаженные на землю.

Таким образом, к XI в. формирование феодализма в Англии еще не закончилось. Его утверждение произойдет только после завоевания Англии герцогом Нормандии Вильгельмом, но это произойдет уже за хронологическими рамками нашей главы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что основные процессы перехода от строя военной демократии к феодализму здесь происходили в

такой же последовательности и в тех же формах, что и в королевстве франков: органы народного управления заменялись административным аппаратом, народное ополчение – конным рыцарским войском, военно-служилая знать превращалась в крупных землевладельцев, и даже закон, предлагавший каждому свободному найти себе сеньора, был одинаковым в разных королевствах. Все это свидетельствовало о строгой закономерности происходивших в Европе процессов.

6.5. Экономическая мысль Средневековья

Августин Блаженный Аврелий (354–430) – проповедник, выдающийся теоретик системы управления и повиновения, писатель. Его имя увековечено в названиях улиц многих городов Италии и других европейских стран.

Родился в Северной Африке в г. Тагаст. В молодости вел светский образ жизни, далекий от христианской морали. Изучать христианскую литературу начал в 30 лет, по прибытии в Рим. Продолжил христианское образование в Милане. В 387 г. принял христианство и стал священником, а в 395 г. был посвящен в епископы г. Гиппона. Августин основал в Гиппоне общину, в которой не было частной собственности

Августин написал 97 сочинений, состоящих из многих томов. «О Троице» – 15 книг, «О граде Божьем» – 22 книги. Он резко критиковал Рим, его нравы и языческое многобожие.

В своих трудах отражал основные проблемы эпохи, в которую он жил, – эпохи разложения рабства и перехода в цивилизацию Средневековья, основанную на новых правилах землевладения. Тогда хозяйство носило ярко выраженный натуральный характер, а феодальная система лишь зарождалась. Взгляды Августина отражали интересы зарождавшегося класса феодалов.

Августин исходил из необходимости развивать хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей людей. Он опровергал концепцию презрительного отношения к труду, господствовавшую при рабовладении. Августин ставил физический труд наравне с умственным трудом. В своем сочинении «О труде монахов» объявил развитие только духовной деятельности, без занятия ручным трудом, признаком лени. Поэтому он призывал всех трудиться, ссылаясь на то, что при сотворении мира Бог дал человеку приказ трудиться, а в Священном Писании сказано: «Долг кормиться ручным трудом – нерушимая заповедь». Августин ссылаясь на апостола Павла, который учил: «Кто не работает – тот не ест».

Ручной труд кузнеца и сапожника Августин именует «чистым и честным ремеслом». Наряду с признанием правомерности ремесленного труда он

ставил труд земледельческий. Августин объявил земледелие «чистейшим из всех искусств». Эти высказывания направлены против загнивающей рабовладельческой знати, не способной производительно управлять крупными латифундиями, и на создание условий для мелких земельных собственников периода раннего феодализма, когда хозяйство носило натуральный характер.

В центре внимания Августина была проблема богатства.

Августин был сторонником равенства и резко выступал против накопления денег или земельных владений. Он утверждал, что богатство – это ограбление бедных и что накапливать – значит воровать у других. Августин относился отрицательно к крупной торговле и ростовщичеству, которые называл «несправедливым делом». По его утверждению, ростовщик получает доход «ни за что, за время, а время – дар Божий», а это несправедливо. Но накопление богатства церковью для создания фонда помощи ближним он не осуждал. Задачу церкви он видел не в том, чтобы освободить крепостных крестьян, а в том, чтобы научить людей быть покорными воле хозяев и начальников, а хозяев сделать добрыми. Августин воспитывал смирение. Он проповедовал принцип «божественного предопределения». Учил терпению, ибо рабство от Бога, и его должны сносить безропотно, учил покорно принимать власть господина. Учение Августина о предопределенности всего от Бога отвечало интересам нарождавшегося класса феодалов. Высокие моральные начала Августин провозглашал в условиях, когда представители товарно-денежных отношений, в силу недостаточной развитости последних еще не приобрели в обществе всесильного влияния.

Л и т е р а т у р а

1. Бродель Ф. Структуры повседневности. Т. 1. М., 1986.
2. Бессмертный Ю. Л. «Феодалная революция» X–XI веков // Вопросы истории. 1964. № 1.
3. Всемирная история. Т. 3. М., 1957.
4. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
5. Гофф Жак ле. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
6. История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985.
7. История Европы. Т. 2. М., 1992.
8. Понзон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 г. М., 1999.
9. Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средневековье. М., 1968.
10. Экономическая история капиталистических стран. М., 1962.

7. ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 7. В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

7.1. Коммутация и ренты

Границей между ранним и поздним Средневековьем стали Крестовые походы XI–XIII вв. Именно в это время начинается бурный рост городов, растет товарность сельского хозяйства, коммутация переводит аграрные отношения на новую ступень.

Казалось бы, какое отношение имели походы европейских рыцарей на Восток к экономическому развитию Европы? Дело в том, что по уровню цивилизации Восток все еще превосходил Европу. Там, на Востоке, европейские рыцари познакомились с роскошью верхов общества. Ведь и до этого предметы роскоши (шелк, пряности) поступали в Европу с Востока. А там, на Востоке, роскошь была важна не только сама по себе: она определяла положение человека в обществе. Аристократу там было неприлично носить одежду простолюдина.

И, вернувшись из похода, рыцарь-феодал уже стыдился носить домотканую одежду и овчинную шубу. Теперь ему были нужны тонкие ткани, изысканные посуда и утварь, пряности, к которым он привык на Востоке. Правда, все это появлялось в Европе и прежде, но не было столь престижным. Однако все это не производилось в своем феоде, все это надо было покупать на стороне. Но для этого надо было иметь деньги, а следовательно, продавать продукцию своего феода. И феодальное хозяйство начинает втягиваться в рыночные отношения, производить продукцию для продажи.

Это значит, что теперь этой продукции требовалось больше, чем необходимо для своего потребления. Принцип натуральности: производить только такое количество продукции, которое необходимо для себя, для своего феода, был подорван.

Поскольку появился стимул к увеличению количества продукции, ускоряется техническое совершенствование сельского хозяйства, начинается специализация – стремление готовить те продукты, за которые можно выручить больше денег.

Начинается бурный рост городов. С одной стороны, именно там производятся предметы роскоши, ремесленные изделия, недоступные простолюдину, изделия рангом выше грубых поделок деревенских ремесленни-

ков. С другой стороны, города выступают потребителями возросшей массы сельскохозяйственных продуктов. Если бы не было городов, увеличение массы сельскохозяйственной продукции не имело бы смысла, ее некому было бы продавать. Рост товарности сельского хозяйства и рост городов были тесно связаны.

На основной территории Западной Европы втягивание сельского хозяйства в рыночные отношения выразилось в коммутации – переводе феодальной ренты на деньги.

Во Франции этот процесс начался в XIV в. с ликвидации барщины, которая заменяется денежными платежами, т. е. денежной рентой. С ликвидацией барщины, естественно, ликвидировалась и барская пашня. Почему барщина ликвидировалась в первую очередь? Потому что барщина, т. е. принудительный труд крестьян, не соответствует феодальным отношениям. Принудительный труд – это пережиток рабовладельческих отношений в феодализме. Как и у раба, у крестьянина на барщине нет материальной заинтересованности, поэтому производительность его труда очень низкая. А поскольку с ликвидацией барщины ликвидировалась господская пашня, домен феодала перестал быть производственным объектом.

С ликвидацией барщины ненужной становится «крепостная», личная зависимость крестьян. Она была необходима для того, чтобы заставить крестьянина трудиться на господина. А платить оброк крестьянин будет и не находясь в личной зависимости, так же как арендатор капиталистического времени платит арендную плату. Чтобы избавиться от уплаты оброка, он должен оставить свое хозяйство.

К тому же на Западе не было слова «крепостной», это российское понятие. В Западной Европе крепостной назывался сервом, т. е. рабом, и если барщина была пережитком рабовладельческих отношений, то крепостное право рассматривалось как рабство. И в качестве не свойственной феодализму категории крепостное право ликвидируется. Крестьян освобождают за выкуп, за крупные суммы денег. Это, впрочем, не означало полную ликвидацию личной зависимости. В руках феодалов остается судебная власть над своими вассалами, административная власть, земельная зависимость, остаются баналитеты – обязанность крестьян за плату молоть зерно на мельнице сеньора и даже печь хлеб в его печи.

В XV в. во Франции на деньги переводится и натуральный оброк, оброк продуктами. Чтобы получить деньги, необходимые для покупки престижных товаров, феодал должен был продать продукты, полученные в виде оброка. Но благородные дворяне считали ниже своего достоинства заниматься торговлей. К тому же продукты, поступавшие в форме оброка, могли быть невысокого качества. Так, по закону феодал должен был принять у крестьянина

овес, если этот овес соглашалась есть лошадь, голодавшая три дня. Пусть лучше крестьяне сами продают свою продукцию и платят феодальную ренту деньгами. Нетрудно, однако, заметить, что такая рента, в сущности, являлась феодальной формой арендной платы.

В результате коммутации феодалы добровольно отрезали себя от рынка, а тем самым от генеральной линии экономического развития, которая выражалась именно в росте товарности, росте рыночных отношений. Одним из результатов этого стало массовое разорение феодалов в ходе революции цен после Великих географических открытий. Деньги тогда подешевели, а увеличить фиксированную ренту было нельзя.

Крестьян же коммутация связывала с рынком. Правда, это не значит, что все крестьяне от нее выиграли. Натуральное крестьянское хозяйство не могло сразу стать товарным. Чтобы заплатить ренту деньгами, надо было продать свою продукцию. Но не всякую продукцию можно было продать достаточно выгодно. Требовалось интенсифицировать хозяйство, изменять его структуру, что требовало времени и значительных затрат. Рынок рождал конкуренцию. Наиболее предприимчивые крестьяне справлялись с этими трудностями, переводили свои хозяйства на рыночные рельсы, т. е. становились фермерами. Но большинство попадало в зависимость к ростовщикам, влезало в неоплатные долги. В качестве ростовщиков выступали и сами феодалы (вспомним пушкинского «Скупого рыцаря»).

Такова классическая схема коммутации, которую мы проследили на примере Франции. В странах Центральной и Восточной Европы, в германских землях, Польше, Чехии, Венгрии втягивание сельского хозяйства в рыночные отношения происходило позже, в XVI–XVII вв., и шло иным путем, который, по выражению Энгельса, получил название «второе издание крепостничества».

Если в Западной Европе коммутация начиналась с ликвидации барщины и крепостного права, то в Восточной Европе, наоборот, расширялась господская пашня, соответственно увеличивалась барщина и усиливалось крепостное право. Здесь крепостные становились рабами, так что господа могли их продавать и покупать даже без земли.

Дело в том, что в товарные отношения втягивались не крестьяне, а феодалы. Экономическое развитие отставало от западных соседей, сохранялась феодальная раздробленность. Внутренний рынок сбыта сельскохозяйственной продукции только еще начинал складываться. Не находившие сбыта сельскохозяйственные продукты были дешевыми. Как отмечал Ф. Бродель, дешевая жизнь была показателем слабого экономического развития [2, т. 3, с. 33]. Поскольку избыток сельскохозяйственных продуктов не находил сбыта, крестьянское хозяйство оставалось натуральным.

Рыночные отношения выплескивались сюда с Запада, со стороны более развитых стран. Рядом находились стремительно развивавшиеся Нидерланды. Здесь возник спрос на дешевые германские сельскохозяйственные продукты. Но крестьянские хозяйства не имели возможности заниматься экспортом своей продукции. Поэтому производством продукции на экспорт и занялись феодалы. Для экспорта, конечно, требовалось больше продукции, чем для своего потребления, причем продукции однородной, кондиционной. Разнородные продукты, собранные в виде оброка, для этого не годились. И феодалы расширяли собственную запашку, собственные поля частью и за счет крестьянских земель. Соответственно увеличивалась барщина, ибо поле феодала обрабатывалось барщинным трудом крестьян. Но барщина требует крепостной зависимости – и усиливалось крепостное право.

«Второе издание крепостничества» не было, однако, регрессом, возвращением к начальному периоду феодализма. Это было развитие крупного товарного производства на базе феодального домена, только с использованием не наемного, а крепостного труда. «Второе издание крепостничества» было альтернативой коммутации.

Можно привести еще один пример реставрации рабовладельческих отношений на заре капитализма – табачные и хлопковые плантации на юге США. Это было крупное производство, продукция которого предназначалась для продажи, только продукция эта производилась трудом рабов.

Итак, втягивание сельского хозяйства в рыночные отношения, коммутация, «второе издание крепостничества» – такова схема главных экономических процессов позднего Средневековья, общее направление развития. Выделить эти главные процессы было необходимо для понимания всего остального.

7.2. Сельское хозяйство и промышленность

Население Европы (за исключением России) выросло с 40 млн человек в 1000 г. до 64 млн в 1500 г., т. е. приблизительно на треть. Этот рост, однако, не был равномерным. К началу XIV в. численность населения достигла 73 млн чел., почти удвоившись с начала XI в. Именно в это время наблюдался бурный рост городов. В XIV в. голодные, неурожайные годы и «черная смерть», чума, сократили численность населения с 73 млн чел. в 1300 г. до 43 млн чел. в 1400 г. После этого демографический спад снова сменился ростом, однако и к концу позднего Средневековья численность населения Европы не достигла уровня кануна «черной смерти». Следует оговориться,

что приведенные цифры не претендуют на точность и несколько различаются в работах разных исследователей [5, с. 229; 6, с. 260–262].

Соответственно изменялась плотность населения. В Европе нашего времени на 1 кв. км приходится около 27 человек. К началу XV в. (а следовательно, и в XI в.) на 1 кв. км в Европе приходилось 3–4 жителя.

Это значит, что, как и в раннее Средневековье, основная часть территории Европы была занята лесами, болотами, неудобными для земледелия пустошами. Лишь небольшие клочки земли на опушках леса, по берегам рек занимали деревни с окружающими их полями. Огромные пространства лесов изолировали отдельные поселения, усиливая натуральный характер хозяйства.

Рост населения в XI–XIII вв. увеличивал потребность в продовольствии. Растущему числу жителей деревни уже не хватало того хлеба, который давали маленькие поля вокруг деревни. Но особенно выросла потребность в товарном хлебе. Рост городов и ремесел стал мощным стимулом расширения сельского хозяйства. И хлеба стало не хватать. Цены на хлеб росли. К началу XIV в. они выросли в три раза по сравнению с уровнем начала XII в. [5, с. 230].

Не хватало хлеба, потому что не хватало пашни. Это был земельный голод при изобилии земли, земли невозделанной, нуждающейся в освоении.

На первом этапе, до XIV в., сельскохозяйственное производство росло экстенсивным путем, путем расширения посевных площадей, что получило у историков название внутренней колонизации. Существенных сдвигов в технике сельского хозяйства, в частности, в совершенствовании орудий, в качественных изменениях сельского хозяйства пока не происходило. Кроме инертности, традиционности крестьянского хозяйства, интенсификации препятствовало для этого отсутствие необходимых накоплений у крестьянина.

Пашня расширялась путем расчистки леса и осушения болот. Небольшие селения постепенно превращались в крупные. Жители этих селений расчищали удобные для этого участки леса, делали заимки. Крестьянская техника не позволяла валить крупные деревья, поэтому расчищались участки, заросшие кустарником, распахивалась пашня на лесных полянах. Вокруг деревни возникали выселки.

В отдалении от прежних деревень, в глубине леса, на горных склонах появились хутора. Обычно их основателями становились наиболее зажиточные, предприимчивые крестьяне.

Феодалы, конечно, были заинтересованы в расширении пашни и содействовали этому процессу. Обычно это выражалось в разного рода льготах держателям новых земель.

К началу XIV в. процесс внутренней колонизации практически подходит к концу. В период демографического спада XIV в. наблюдался обратный про-

цесс: селения исчезали, превращаясь в пустоши, осушенные низины снова становились болотами, поля зарастали кустарником. Понижались цены на землю и хлеб. Сельское население все более концентрировалось в пригородных зонах.

В дальнейшем развитие сельского хозяйства Европы шло в основном путем качественного совершенствования, интенсификации.

Завершился переход от двухпольной и переложной систем к трехполью. Трехполье, которое в отдельных случаях практиковалось в XII–XIII вв., только в XV в. становится повсеместным. Чистые пары при этом все чаще заменялись посевами бобовых и кормовых культур.

Закончился переход от сохи или орала к тяжелому колесному плугу с отвалом. Легкая соха лишь взрыхляла землю, проводя борозды, между которыми оставалась необработанная земля. Поэтому сохой обычно пахали поле вторично, поперек прежних борозд, чтобы взрыхлить больше земли, и такие поля были квадратными. Это пахотное орудие подходило для легких каменистых почв Средиземноморья, где оно и возникло в древности. Оно, в сущности, не годилось для тяжелых глинистых почв Северной Европы.

Тяжелый колесный плуг с отвалом переворачивал пласт земли, а колеса ограничивали глубину вспашки. В этом случае уже не требовалось проводить поперечные борозды, и вспаханные плугом поля были узкими и длинными. Область трехполья почти точно совпадала с применением тяжелого плуга. Отвал распространился во Фландрии в XIII в., в Англии – в XIV–XV вв., в Северной Франции – в XV в.

До XIV в. пахали в основном на волах. Лошадь считалась благородным животным, которое использовалось преимущественно в боевых целях. К тому же вола было легче прокормить, а после срока службы использовать его на мясо. Но, как писали французские агрономы, лошадь за день могла вспахать столько же, сколько 3–4 вола. Применение лошадей в полевых работах начинается еще в XI–XIII вв., но только в XV в. в Северной Франции они почти полностью заменили волов, а в южных и западных районах Европы все еще пахали на волах.

Необходимым условием использования лошади в полевых работах стала новая конструкция хомута. Прежде в Европе использовали мягкий хомут, который надевался на шею лошади. При движении он пережимал шею, затруднял дыхание, душил. Твердый хомут, который ложился на плечи лошади, как предполагается, был заимствован у арабов еще в X в., но получил повсеместное распространение только в XIII.

Отражением успехов сельского хозяйства и особенно роста его товарности было и то обстоятельство, что после огромного перерыва с римских времен в Европе снова появились агротехнические сочинения. В XIII в. в

Германии выходит сочинение Альберта Великого «О растениях», а в Англии – «Трактат о хозяйстве» Хенли. Книга итальянца Крешенци «О выгодах сельского хозяйства», написанная в XIV в., рассматривала сельское хозяйство с экономической точки зрения.

Прямым следствием технического прогресса в земледелии был рост урожайности. К началу XIV в. урожайность зерновых повысилась вдвое по сравнению с периодом раннего феодализма. Если в королевстве франков урожаи сам-2 – сам-3 считались нормой, то теперь такая урожайность рассматривалась как убыточная. В XIV в. средняя урожайность пшеницы составляла во Франции сам-6,5, в Англии – сам-4, а в Нидерландах – даже сам-10. Согласно утверждению Г. Дюби, на этом уровне урожайность зерновых в Европе оставалась вплоть до XIX в. [7, с. 33–34; 10, с. 152–153].

Особенно значительных успехов в это время европейцы достигли в развитии овощеводства и садоводства. Эти отрасли развивались преимущественно вокруг городов, удовлетворяя растущий спрос городского населения. Это были товарные отрасли, обеспечивавшие денежный доход сельским жителям. Рост товарности сопровождался специализацией. И мы узнаем, что в округе Визаль около Гренобля в XIII в. жители занимались главным образом выращиванием чеснока и лука, а Бретань в XV в. снабжала овощами Англию.

В раннем Средневековье европейские крестьяне не знали садоводства, используя только дикие плоды, которые собирались в лесах. Их употребляли в сыром виде, из них готовили сидр. Но сидр из диких яблок и груш не мог конкурировать с пивом.

Садоводство как самостоятельная отрасль сельского хозяйства начинает развиваться с XIII в. Дополнительно к традиционным яблокам и грушам в садах появляются абрикосы, апельсины, миндаль, фисташки. Эти новые культуры были частично завезены сюда с Востока во время Крестовых походов, а частью переняты у арабов из Южной Испании. Появились в это время в Северной и Средней Европе и новые огородные культуры: дыни, артишоки, спаржа, шпинат, сельдерей.

Лидировала по развитию товарного земледелия Фландрия. Здесь продукция, которая выращивалась на отвоеванных у моря польдерах, предназначалась для продажи, и среди этой продукции значительное место занимали сырьевые культуры – лен и марена.

Прогрессивные изменения происходили и в животноводстве. Как уже говорилось, в раннее Средневековье скот пасли преимущественно в лесах: свободные от леса луга в первую очередь распахивались под пашню. Огромные лесные пространства были в распоряжении крестьян, и их использование не лимитировалось, как лимитировались размеры пахотных участков.

Продукты такого животноводства использовались довольно расточительно. Например, овцы ценились в основном за шерсть и молоко, из которого готовился овечий сыр, а кожи и мясо использовались мало. В Испании, например, забитых овец иногда просто выбрасывали. И даже сливочное масло пока не получило всеобщего распространения. Вместо него употребляли преимущественно свиной и говяжий жир.

Но леса редели по мере расчистки под пашню. При этом сводились преимущественно лиственные леса, более доступные тогдашней крестьянской технике. Они же в основном страдали и от пасущегося скота, который съедал молодую поросль и обгладывал кору. В результате доля лиственных лесов сокращалась и преобладающими становились хвойные, непригодные в качестве пастбищ. В раннем Средневековье германские леса на 2/3 состояли из лиственных пород, а к концу XV в. были уже на 2/3 хвойными.

К тому же феодалы, сокращая пашню домена, увеличивали притязания на альменду, на леса и болота, захватывали неразделенные общинные владения. Но лес, отошедший в состав домена, реже использовался под пастбища. Это были охотничьи угодья.

А поскольку лесных пастбищ теперь уже не хватало, усилилась регламентация их использования. Разделить лесные пастбища на участки было невозможно, поэтому ограничивалось количество скота, который выгонялся в лес. Овец теперь в некоторых случаях вообще запрещалось выпускать в лес, а козы допускались в молодой лес, только если ему исполнилось 9 лет.

Очевидно, именно с этим было связано отмеченное Ф. Бро-делем сокращение потребления мяса в Европе в позднее Средневековье. По его наблюдениям, сокращение мясного рациона в питании европейцев началось с середины XVI в.

В XIV–XV вв. в животноводстве Европы происходит переворот: из составной части натурального крестьянского хозяйства оно все более превращается в самостоятельную товарную отрасль.

В этот период идет массовое осушение болот. Дренажированные болота превращаются в искусственные луга. Эти луга используются не столько для выпаса скота, сколько для заготовки сена: именно в это время, в XIV–XV вв., начинается переход к стойловому содержанию скота.

Лидировала в развитии товарного животноводства Фландрия. Здесь отвоеванные у моря земли сначала использовались преимущественно для выпаса овец, поставлявших сырье суконной промышленности, а затем на первый план выступает мясо-молочное животноводство, продукция которого вывозится далеко за пределы страны.

В XIV в. при крупных городах Европы начинает практиковаться стойловое содержание свиней. Свины уже не собирают желуди в лесу, а содержатся

в специальных свинарниках. В Германии некоторые феодалы держат огромные стада свиней, иногда до 50 тыс. голов.

В Англии создаются большие овцеводческие хозяйства. Овцеводство там становится ведущей отраслью сельского хозяйства, отгнавшись с XV в. земледелие на задний план. Товарное овцеводство в это время усиленно развивается также в Испании.

Короче говоря, в XIV–XV вв. животноводство приобретает все более современный облик, превращается в самостоятельную крупную товарную отрасль.

Но почему именно в это время европейцы стали есть меньше мяса? Здесь не следует путать причину и следствие. Интенсификация животноводства (переход к стойловому содержанию, к искусственным лугам и заготовке кормов на зиму) была вызвана скудостью кормовой базы, следовательно, замедлением роста животноводства при значительном росте городского населения.

Дешевизна продовольствия – показатель низкого уровня экономического развития. В крестьянском хозяйстве, главной продукцией которого был хлеб, животноводство рассматривалось как нечто второстепенное, и его продукция скупщику обходилась дешево. Когда свиньи паслись в лесу, это не требовало больших затрат, в том числе и трудовых. Содержание свинофермы, заготовка кормов таких затрат требовали. И конечно, владелец такой фермы был достаточно опытным коммерсантом, чтобы не выбрасывать на рынок сразу большую массу своей продукции. Он мог излишек мяса засолить или закоптить. Ф. Бродель отмечал, что с сокращением в рационе европейца мяса вообще увеличивалась доля соленого и копченого мяса.

Существенные сдвиги в это время, в XIV–XVI вв., происходили и в других отраслях хозяйства. До этого в качестве «энергетического средства» мускульная сила человека дополнялась лишь использованием тяглового скота, причем этот тягловый скот эксплуатировался не очень рационально. Уже говорилось о недостатке мягкого хомута, который не позволял полноценно использовать силу лошади. Поворотная передняя тележка экипажа стала применяться только в XV в., причем заимствована она была от артиллерийских лафетов.

Переход к использованию водяного двигателя (водяной мельницы) стал подлинной революцией в энергетике. Правда, первые водяные мельницы, которые использовались для помола зерна, появились уже в XI в., но их массовое применение в разных отраслях хозяйства началось лишь в XIV–XV вв. Они использовались в сукновальном, бумажном производствах, но особенно существенный сдвиг произвели в металлургии.

Как упоминалось выше, в раннем Средневековье железо выплавлялось в столь примитивных горнах, что их приходилось каждый раз ломать, чтобы извлечь металл. Несколько позже они сменились стационарными горнами с ручными мехами, которые в России было принято называть домницами. Такая домница почти не отличалась от обычной деревенской кузницы, только здесь не готовились изделия из железа, а выплавлялось это самое железо. В открытую печь – горн насыпались руда и уголь, ручными мехами в горн нагнетался воздух, и содержимое горна спекалось в тестообразную массу – крицу, которую потом расковывали молотами, чтобы выбить минеральные включения.

В XIII–XIV вв. к мехам, которые нагнетали в горн воздух, стали подключать водяное мельничное колесо. Мехи заработали быстрее, ток воздуха в горн усилился, температура повысилась, и вместо тестообразной массы из горна потек жидкий чугун. Сначала не знали, что с ним делать, и выбрасывали в отход, называя «свинское железо»: ведь железо обрабатывается ковкой, а чугун ковать нельзя. Затем было обнаружено, что, если строить большие доменные печи и получать в них чугун, а потом переделывать этот чугун на железо, можно получить гораздо больше металла, и обойдется он дешевле. Кроме того, из чугуна можно было отливать некоторые изделия, в частности, пушки. Но для действия такого доменного предприятия надо было обязательно строить плотину, дополнять доменное производство переделным и литейным. Появились и механические молоты, которые приводились в движение тоже от водяного колеса. Это было уже довольно крупное предприятие, основание которого требовало значительных затрат. Переход к доменному производству принято считать рождением мануфактуры в металлургии. И металлургическое производство перемещается на берега рек.

Первые такие предприятия при речных плотинах возникали в XIII–XIV вв., но решительный переход к мануфактурному производству в металлургии произошел лишь в XVII в. Экономическая история не имеет точных хронологических границ. Принято считать, что мануфактурный период начался в XVI в., когда мануфактура завоевала господствующие позиции в промышленности, но первые мануфактуры появились значительно раньше.

К концу позднего Средневековья появились мануфактуры и в текстильной промышленности Голландии и Италии. Между тем решительных сдвигов в технике текстильного производства пока не происходило. В XIV–XV вв. в той отрасли распространяется самопрялка (усовершенствованная ручная прялка), вертикальные ткацкие станки сменяются более производительными горизонтальными, а часть сукна начинают готовить на сукновальных мельницах при помощи того же водяного колеса.

Огромным сдвигом в сфере информации стало распространение бумаги и книгопечатания. Для написания книги на пергаменте (из телячьей кожи) надо было истребить целое стадо телят. Для написания книги на бумаге достаточно было переработать лишь кучу старого тряпья. А книгопечатание позволяло тиражировать бумажную книгу во множестве экземпляров, сделав доступными всякого рода знания сравнительно широким слоям населения. Это был взрыв информации.

На Востоке, в Китае, бумага была известна с древности. В Европе бумажное производство началось в Италии с XIV в. И в этом решающую роль сыграло водяное колесо: бумажные мельницы перемалывали тряпичную массу. Книгопечатание в Европе стало распространяться с середины XV в. Его рождение связано с именем немецкого ювелира Иоганна Гутенберга, который сконструировал типографский пресс.

Порох на Востоке также был известен давно. Но только в Европе с появлением огнестрельного оружия он совершил переворот в военном деле. Пули легко пробивали рыцарские латы, и феодальная рыцарская конница быстро отошла на задний план.

В первую очередь, впрочем, появились не ружья, а пушки – в XIV в. Первоначально их смертоносное действие было весьма ограниченным. Они сеяли страх в основном своим грохотом. Их существенным недостатком была весьма ограниченная мобильность. Эффективность легких пушек была очень мала, а транспортировка тяжелых орудий часто представляла неразрешимую задачу. Наиболее применимыми такие орудия оказывались в качестве стационарных, на оборонительных укреплениях. Артиллерия становится решающей силой лишь в конце XV в. с появлением усовершенствованного лафета на конной тяге. После этого, по выражению Ф. Броделя, «укрепления городов стали рушиться, как театральные декорации» [2, т. 2, с. 414].

Первое стрелковое оружие, аркебуза, поступило на вооружение в начале XVI в. Но она была еще очень несовершенной, требовала много времени на зарядку, поэтому аркебузиры обязательно действовали вместе с пикинерами. Лишь в XVII в. появляется мушкет, основное оружие мушкетеров (а совсем не шпага).

Все эти технические достижения принято считать признаками мануфактурного периода. Но мануфактурная стадия возникла не на пустом месте. Почти весь период позднего Средневековья – процесс перехода к этой мануфактурной стадии.

Технический прогресс в период позднего Средневековья ускорился, но оставался пока довольно медленным. Потребовались века, чтобы получить всеобщее распространение доменный процесс, чтобы мельничное колесо стало универсальным двигателем. Традиционное представление, что цель

хозяйства – обеспечить средства существования, неприязнь ко всяким новшествам тормозили технический прогресс. Технические новшества принимались с трудом. Средневековый автор с горечью писал, что на смену доблестным рыцарям приходят арбалетчики и саперы.

7.3. Сеньория и община

Переходя к рассмотрению изменений в организации сельского хозяйства, которые происходили с ростом его товарности, изменений природы сеньории и общины, мы должны подчеркнуть, что феодал этого времени не был производственной организацией. Это обстоятельство усиливалось с развитием коммутации, по мере сокращения господской запашки, с сокращением хозяйства домена.

В отличие от раннего феодализма, когда еще сохранялись крупные хозяйства типа античных вилл с использованием труда сервов, рабов, или зависимых крестьян, феодал позднего феодализма все более становился организацией по взиманию феодальной ренты.

Реальным организатором сельскохозяйственного производства оставалась община. Именно общинными порядками определялся севооборот, который был принудительным, т. е. обязательным для всех членов общины. Это воплощалось в так называемых открытых полях, которые нарезались на отдельные участки – полосы, и каждый владелец такого участка должен был пахать, сеять и убирать урожай одновременно с остальными. Он должен был это делать в соответствии с принятым в общине севооборотом, потому что после уборки урожая на поле выгонялся скот. Запашка сеньора, если она сохранялась, входила в состав общинных полей, поэтому сеньор в производственном отношении подчинялся общине.

Переделов земли уже не было. Пахотные участки, не говоря уже о приусадебной земле, передавались по наследству. В общем пользовании членов общины оставались леса, пастбища, пустоши, болота.

Общинные порядки не соблюдались на горных склонах, на лесных рощистях. Здесь преобладали компактные индивидуальные хозяйства типа хуторов, примыкавшие к усадьбе пахотные участки огораживались, и севооборот устанавливался владельцем.

Крестьяне находились в разной степени зависимости от феодалов. Доля лично зависимых (сервов, вилланов) или, как сказали бы в России, крепостных постепенно сокращалась в ходе коммутации, хотя уже в XI в. она не превышала 30–40%. Часть сервов обслуживала быт сеньора, составляя его дворню, часть получала земельные наделы и, в сущности, включалась в состав общины.

Большинство крестьян находилось не в личной, а в земельной зависимости и платило ренту за пользование землей. Наконец, все крестьяне феодального владения находились в административной и судебной зависимости от сеньора. В XI–XII вв. увеличились имущественные – судебные и административные – права феодалов, которые обеспечивали сеньору весьма существенный доход. Доля земельной ренты постепенно сокращалась, на первый план в доходах выходила реализация сеньориальных прав – баналитеты, судебные поборы, проведение в жизнь административных прав. Когда в XI–XII вв. развернулось массовое строительство замков, к этим работам привлекалось все окрестное население. Процесс коммутации и выражался не только в переводе фиксированной земельной ренты на деньги, но и в том, что эта рента дополнялась денежными поборами, не связанными с землей.

Система вассалитета означала, что крупному феодалу (графу, герцогу), который в то же время был предводителем боевого отряда, подчинялись рядовые дворяне, военные, его вассалы. Существовало правило: «Вассал моего вассала – не мой вассал», т. е. вассалы крупного феодала не подчинялись непосредственно королю. В обеспечение службы сюзерен выделял своим вассалам часть своего феода. Это совсем не обязательно был участок земли с крестьянами. Поскольку, как уже сказано, феодал – это не производственная организация, а организация по взиманию ренты, вассалу передавалась именно часть ренты, точнее, часть сеньориальных прав и доходов сюзерена. При этом крестьяне, которые должны были платить ренту новому владельцу, сохраняли зависимость от прежнего сеньора.

А с развитием товарно-денежных отношений части ренты и части прав феодала становились объектами купли-продажи и даже аренды. Феодал, например, мог продать или передать другому лицу право суда (и взимания судебных пошлин) в части своих владений, в то время как жители этой части оставались в прежней поземельной зависимости от прежнего феодала и платили ему ренту с земли.

Это дополнялось тем обстоятельством, что крестьянин в соответствии с нормами феодального права мог продать свою землю, свое хозяйство другому владельцу, только к этому новому владельцу переходила и обязанность платить феодальную ренту.

Получалась очень сложная система, при которой крестьянин мог находиться в личной зависимости от одного сеньора, в земельной – от другого и в судебной – от третьего. Иногда средневековые юристы не могли разобраться в этом сложном переплетении. Известны казусы, когда благородный человек приобретал сервилльный участок и был обязан выполнять повинности, свойственные серву.

В этих условиях феодальная собственность сеньора представляла не столько определенную территорию, сколько сумму прав на феодальную ренту.

ту и другие поборы с населения. Границы сеньории становились все более неопределенными. Реальной собственностью сеньора оставался лишь его дом.

В течение всего периода феодализма сохранялся слой свободных крестьян, т. е. крестьян, которые не находились под властью отдельных феодалов и зависели непосредственно от государства. В основном это были крестьяне, которые заселяли наиболее скудные, неудобные земли и поэтому занимались не столько хлебопашеством, сколько скотоводством и промыслами. Особенно много таких крестьян было в горных районах и на болотах. Они находились под властью государственных чиновников (во Франции – прево и бальи), которые собирали налоги, вершили суд, а следовательно, через их руки проходили и разнообразные поборы. Обычно эти чиновные должности были наследственными, т. е. власть такого бальи в своем округе приближалась к власти феодала.

Со временем доля государственных налогов и других поборов увеличивалась. Если выше говорилось, что в период позднего феодализма иммунитетные функции феодалов, т. е. переданные им функции государства, увеличивались, что в доходах феодалов на первый план выступала реализация сеньориальных прав в противовес земельной ренте, то это было отражением общего процесса увеличения государственной эксплуатации крестьян. Например, в Англии в XIII в. государственные налоги были в 5–7 раз меньше феодальной ренты, а в XV в. они уже сравнялись с рентой. Несомненно, это было отражением общей тенденции усиления мощи центральной государственной власти, отражением процесса перехода от феодальной раздробленности к централизованным феодальным государствам. Казалось бы, увеличение иммунитетных прав противоречит этой тенденции. Однако в этом случае феодал выступал как агент государственной власти, государственный чиновник, а не как владелец, противостоящий власти короля.

То, что мы говорили о сеньории, ее эволюции, характерно прежде всего для Франции, где феодализм, как считается, имел наиболее отчетливые, классические формы. В других странах этот процесс имел свои особенности.

Природные условия в Англии были менее благоприятны для развития зернового хозяйства, чем во Франции. На вересковых пустошах, характерных для пейзажа Англии, нельзя было выращивать хлеб. Поэтому особо важное значение для хозяйства Англии приобрело овцеводство – разведение овец на шерсть. С XII в. Англия становится поставщиком шерсти для Фландрии, где была развита шерстяная промышленность. Вывозили не только шерсть. Побочным промыслом крестьян-овцеводов было изготовление грубых шерстяных тканей, которые скупали у них купцы, перевозили во Фландрию, и там

эти ткани проходили дополнительную обработку. Это приобрело столь массовые масштабы, что на перевозке грубых крестьянских сукон во Фландрию выросло крупнейшее купеческое объединение в Англии – «Товарищество купцов-авантюристов». Поскольку овцеводство было товарным производством – шерсть предназначалась для продажи, это обстоятельство ускорило развитие рыночных отношений в Англии.

Естественно, в производство шерсти втягивались и феодалы. Если зерновое хозяйство домена в Европе оказалось нерациональным из-за низкой производительности крепостного труда и низкой техники земледелия и постепенно сходило на нет, то заниматься овцеводством феодалу было гораздо проще: достаточно было выгнать на пастбище несколько сотен овец и нанять пастухов. А поскольку шерсть надо было продать, феодалы втягивались в товарно-денежные отношения.

Здесь не было высокомерного презрения благородного дворянства к купцам, как на континенте. Наоборот, здесь был даже обычай отдавать одного из младших сыновей дворянина в учение к купцу. А после войны Алой и Белой розы в XV в., в ходе которой ряды старой традиционной аристократии поредели, на первый план выходят новые дворяне – джентри, выходцы из буржуазии и разбогатевших крестьян. Они уже не считали военное дело своей профессией, а занимались производством шерсти на рынок, все более сливаясь с буржуазией города.

Развитию торговли способствовало и то обстоятельство, что феодальная раздробленность не оформилась здесь в такой степени, как на континенте. Еще при Вильгельме Завоевателе были приняты законы, ограничивавшие власть местных владетелей. Препятствовало раздробленности и островное положение: государство имело естественные границы. Товары свободно перемещались по территории Англии.

Но развитие торговли – это генеральное направление экономического развития в этот период, поэтому экономические процессы в Англии происходили ускоренно. Уже в XIV в. здесь завершилась коммутация, и лично свободные крестьяне, йомены, платили феодалам лишь денежную ренту.

Господствующие позиции животноводства, в частности, овцеводства, наложили отпечаток и на английскую общину. Открытые поля с принудительным севооборотом здесь практиковались не повсеместно. Там, где преобладало животноводство, огороженные пахотные участки примыкали к каждому двору.

Остальные угодья оставались в общем пользовании, но сенокосные луга использовались раздельно и только после заготовки сена поступали в общее пользование. Естественно, это означало, что общинные отношения здесь были сравнительно слабыми. Уже с XIV в. феодалы начали захваты-

вать неразделенные общинные угодья под пастбища для своих овец. Процесс «огораживаний» делал первые шаги.

В западной части Германии первоначально все происходило так же, как во Франции. Началась коммутация, сокращались домениальные запашки и барщина, увеличивалась денежная часть ренты. Так же как во Франции, феодалы начали захват общинных лесов и пастбищ. Здесь это приобрело особенно значительные размеры, поскольку леса в Германии занимали значительно большую площадь. Вокруг городов крестьянские хозяйства тоже специализировались на огородных и садовых культурах. Правда, все эти процессы здесь происходили с некоторым отставанием, поскольку феодальные отношения здесь сформировались несколько позже, чем во Франции.

Но с XV в. в Германии начинается процесс, который в истории получил название «феодалная реакция» или «второе издание крепостничества». Снова увеличивались домениальные запашки и соответственно росла барщина. В частности, в домениальном хозяйстве возрастала доля технических культур – льна и конопли. Лен и конопля сбывались преимущественно во Фландрию и Брабант, где развивалась текстильная промышленность. По мере захвата феодалами общинных земель падала роль общины. Дополнительно к прежней установленной обычаем ренте вводятся «случайные повинности», которые накладываются на крестьян в случаях смерти главы семьи и передачи хозяйства по наследству, заключения браков и при других изменениях в жизни крестьян. Права крестьян на свое хозяйство все более ограничивались. Естественно, феодальная реакция встречала мощное сопротивление крестьян, которое вылилось в знаменитую Крестьянскую войну в Германии в 1524–1526 гг.

Наиболее интенсивно феодальная реакция проходила на землях к востоку от Эльбы. Эта территория была завоевана и колонизирована немецкими рыцарями («Дранг нах остен»), которые и составили здесь основную часть феодалов. Объединенные в рыцарские ордена, они представляли столь мощную консолидированную силу, что даже государственный земельный налог здесь поступал в их распоряжение, дополняя феодальную ренту. А крестьянская община здесь, наоборот, была ослаблена в процессе завоевания и колонизации. Эксплуатируемое рыцарями население состояло из двух частей: славян, первоначально населявших эти земли, и привлеченных сюда на льготных условиях немецких крестьян из западной части Германии. Славянская община, естественно, была ослаблена в процессе завоевания и не могла оказать значительное сопротивление новым господам – завоевателям. А крестьяне – переселенцы с Запада не имели здесь достаточно прочных корней, чтобы полностью восстановить на новом месте традиционные общинные порядки. Ведь переселялись сюда по одиночке, а не общинами.

Слабость общины, неоднородность эксплуатируемого крестьянства облегчали произвол феодалов. Здесь они захватывали не только леса и пастбища, но и лучшие крестьянские пахотные земли. Втянувшись в товарное производство, они увеличивали барщину и начали постепенно закрепощать крестьян.

* * *

В основе всех этих процессов был рост рынка, втягивание сельского хозяйства в товарно-денежные отношения. В одних случаях, там, где была сильна крестьянская община, в рыночные отношения втягивались крестьяне, в других случаях – феодалы. В некоторых регионах, например, в Шотландии и Швейцарии, община была сильна настолько, что феодалы не смогли установить свою власть над крестьянами. В меньшей степени это относилось к Нидерландам и Англии. В этих условиях усиливалось расслоение крестьян внутри общины, подрывая общинные отношения изнутри, выделялся слой фермеров, которые переходили от натурального хозяйства к товарному производству. В Англии разбогатевшие крестьяне даже были обязаны принимать рыцарское звание, формально включаясь в феодальное сословие. Эти новые дворяне, джентри, однако, не были феодалами, существовали не за счет феодальной ренты с зависимых крестьян. Они вели крупное товарное производство, преимущественно занимаясь овцеводством. Они использовали наемный труд, а частично сдавали землю в аренду.

Составной частью перехода от натурального хозяйства к рыночным отношениям было и развитие крестьянских промыслов. Основой возникновения промыслов был сам натуральный характер крестьянского хозяйства. Крестьянская семья сама готовила одежду из своего льна и шерсти собственных овец, производила оливковое масло из своих оливок для собственного потребления, вино из своего винограда. Естественно, эти продукты входили в состав феодальной ренты. А в процессе коммутации и особенно с увеличением денежной ренты эти продукты стали производиться уже для продажи.

Промыслы развивались преимущественно там, где были скудные условия для зернового хозяйства – бедные почвы, неблагоприятные климатические условия. В этих местах возникали гнезда крестьянских промыслов. Поскольку крестьянин не имел возможности ехать в далекий город или на ярмарку с небольшим количеством своей продукции (расходы на поездку не оправдаются), да и сама эта продукция обычно представляла полуфабрикат, нуждающийся в дальнейшей обработке (грубая пряжа, суровая ткань, примитивно обработанные кожи), розничный сбыт такой продукции был невозможен. Поэтому неизбежно появлялась новая фигура – скупщик (вспомним

первоначальную специальность английских «купцов-авантюристов»). Но скупщик, естественно, ехал лишь в те места, где основная масса населения занималась промыслом. Ему была нужна крупная партия товара. Это обстоятельство усиливало специализацию промысловых гнезд. В сущности, так рождалась рассеянная мануфактура, когда грубая пряжа и ткани готовились в крестьянских домах и проходили лишь окончательную обработку и окраску в мастерской владельца, причем в качестве владельца мастерской выступал тот же скупщик.

В XIV в. в Англии, особенно в Ланкашире, развивался суконный и дубильный промысел, крестьяне Нидерландов готовили пряжу из шерсти и льна, в Германии тоже появились гнезда льноткацкого производства.

7.4. «Освобождение» крестьян

Составной частью коммутации было освобождение крестьян от личной зависимости (крепостного права или серважа). Во Франции освобождение крестьян происходило с XII по XV в., в Англии началось с XII в., но шло особенно интенсивно в XIV–XV вв. Во Фландрии сервов не было уже в XIV в.

В Западной Европе это освобождение не проводилось в виде единовременного акта, определенного законом, как в России, а шло постепенно, и так же, как сама коммутация, определялось экономической потребностью. По мере того как барская запашка становилась все более невыгодной и сокращалась, центр тяжести феодальных поборов переносился на хозяйство крестьянина. Домениальные земли сдавались крестьянам на условиях феодального держания. А это, в свою очередь, требовало предоставления все большей свободы хозяйственной инициативе крестьян.

Освобождение крестьян выражалось в отмене за выкуп повинностей, связанных с личной зависимостью серва, в первую очередь, конечно, барщины. Принудительно выкупались не только сервильные повинности, но и некоторые повинности других категорий крестьян. Крестьянин теперь мог заниматься чем угодно, уходить в город на заработки, но его надел оставался частью феода.

Конечно, большинство крестьян не могло заплатить сразу выкуп за освобождение от повинностей. Сумма выкупа становилась долгом, проценты по которому выплачивались дополнительно к традиционной ренте за землю. В этом и заключалась коммутация: феодальная рента, переведенная на деньги, намного увеличивалась. К тому же именно в это время увеличиваются и поборы, связанные с административной и судебной властью феодала. Формально основная часть этих поборов уже не являлась феодальной рентой.

Таким образом, освобождение крестьян означало усиление их экономической эксплуатации. Следствием были крестьянские восстания XIV в., в том числе известная Жакерия. Крестьяне требовали восстановления прежней системы феодальных отношений, прежней феодальной ренты, выступая таким образом против коммутации, против своего «освобождения».

Итак, основное содержание экономических процессов позднего Средневековья – это переход от натурального хозяйства к рыночным отношениям, а это означало разрушение феодальных отношений и в то же время общинных порядков, основой которых тоже было натуральное хозяйство.

Л и т е р а т у р а

1. *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1–3. М., 1986–1992.
3. *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
4. *Барг М. А.* Исследование истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.
5. *Гофф ле Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
6. История Европы. Т. 2. М., 1992.
7. История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986.
8. *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 1–2. М.; Л., 1931.
9. *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
10. *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968.

8. ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Нельзя категорически утверждать, что в Европе раннего Средневековья не было городов. Города были, но не играли экономической роли, присущей средневековому городу, не сложился еще тот экономический мир, который противопоставил город морю феодальных сеньорий. Античные города, вернее, то, что от них осталось, становились резиденциями епископов, королей и их наместников. Естественно, такие города приобретали функции административных центров. В других случаях таким административным центром становилось крупное варварское поселение, резиденция военного вождя племени.

При короле, епископе или королевском наместнике существовал двор, люди, на которых он опирался в осуществлении своих властных функций. Здесь же находился центр вооруженных сил, постоянный боевой отряд. Этим людям нужны были продовольствие, одежда, оружие, поэтому в городе действовали ремесленники, обслуживавшие эту верхушку общества. Продовольствие же поступало в город не в обмен на ремесленные изделия, а в виде ренты и государственных налогов, так же как сеньору – с его крестьян. Ремесленными изделиями в условиях господства натурального хозяйства деревня обеспечивала себя сама. Город, таким образом, пока не был центром ремесла и торговли для определенной территории. И говоря о рождении средневекового города, мы имеем в виду его становление именно как центра ремесла и торговли и связанного с этими функциями особого городского общества со своими порядками, отличными от деревенских.

Основной причиной становления и быстрого роста таких городов стало отделение ремесла от земледелия. С одной стороны, развитие ремесла шло по пути его специализации. Раньше деревенский кузнец был мастером на все руки: подковывал лошадей, делал серпы, ножи и даже оружие для дружины феодала. Ему хватало работы в феоде. Но теперь появляются мастера-оружейники, которые не будут подковывать лошадей, мастера по изготовлению доспехов, которые не умеют делать мечи, и этим «узким специалистам» уже не хватает работы в феоде. Им нужен рынок.

С другой стороны, растет спрос феодалов на предметы роскоши. Потому и появляются «узкие специалисты» в ремесле, потому что феодала уже не удов-

летворяют грубые изделия деревенских ремесленников. Он не желает больше ходить в домотканом полотне и овчинной шубе, ему требуются тонкие шерстяные ткани, а их производство нельзя было наладить в каждом феоде.

И теперь ставший ненужным феодалу ремесленник, чтобы совершенствоваться в своем деле и изготавливать те изделия, на которые повысился спрос, покидает деревню и селится в таком месте, где он может найти много покупателей и заказчиков на свои изделия – на пересечении дорог, у стен крупного монастыря, куда стекается много паломников. На этом месте и начинает расти город.

В среднем по Европе время становления средневекового города – XI в. Но естественно, там, где экономическое развитие шло быстрее, города рождались раньше. В центрах античной цивилизации, в Италии и Византии, рождение средневекового города началось в IX в., на периферии античного мира, на основной территории королевства франков, т. е. на юге Франции и по Рейну – в X в., в Северной Франции, Англии, Германии – в XI в. Массовый уход крестьян в город происходил в XI–XII вв., а особенно много новых городов рождалось в XIII в. Таким образом, процесс становления средневекового города растянулся на века, как и процесс перехода к развитому феодализму в целом.

Преобладали в Средние века мелкие города, численность населения которых не превышала 1–2 тыс. человек. В средних городах насчитывалось 3–5 тыс. жителей и лишь в крупнейших – 10–40 тыс.

В условиях господства натурального хозяйства ремесленник и в городе не сразу находил достаточное количество заказчиков и покупателей. Поэтому горожане продолжали заниматься и сельским хозяйством, имели огороды и поля. Внутри Парижа еще в XIII–XV вв. были не только огороды, но и пахотные поля, а о городе Майнце говорили, что он частью заселен, частью засеян. Со временем город начинает вторгаться в деревню. Накопленные деньги (а в городе они накапливались быстрее) горожанин тратил на покупку земли близ города. Считалось приличным иметь загородное владение типа современных дач и обеспечивать себя за счет этого владения необходимыми сельскохозяйственными продуктами.

Каждое утро по звуку пастушеского рожка открывались городские ворота и скот горожан выгонялся на пастбище. Но не весь. Свиньи из города не выгонялись, потому что они и в городе находили пищу. Они, в сущности, были санитарями города. Дело в том, что в средневековом городе не было не только канализации, но и стационарных помоек, отбросы просто выбрасывались на улицу.

К тому же улицы были очень узкими. Даже на главных улицах часто не могли разъехаться две повозки, что же касается остальных, их ширина не

должна была превышать длину копья. Крепостные стены не давали городу разрастаться вширь, поэтому площадь внутри города экономилась. Дома росли ввысь, причем верхние этажи нередко выступали над нижними, так что дома, стоявшие по разные стороны улицы, верхними этажами почти соприкасались: вспомним начало сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева».

Жили очень тесно. Лавка или мастерская находились в жилом доме хозяина, здесь же жили работники и подмастерья. Горожане зимой страдали от холода. Первоначально единственным источником тепла был кухонный очаг. Лишь в XII в. появляются камины, но они почти не нагревали помещение. Прямой широкий дымоход создавал такую тягу, что, сидя возле огня, человек с другого бока замерзал. Остальное же помещение оставалось холодным. Согласно одному из свидетельств, даже в XVII в. «за королевским столом вино и вода замерзали в бокалах» [1, т. 1, с. 320].

Представление средневекового горожанина о гигиене существенно отличалось от наших представлений. Пищу пока ели руками, причем на каждого отдельной посуды не полагалось.

Иногда готовое мясо раскладывалось на ломти хлеба, а иногда его надо было брать с общего блюда. Поэтому правила хорошего тона рекомендовали сморкаться не той рукой, которой берут пищу за обедом. Монтень (а это уже XVI в.) удивлялся тому обстоятельству, что у швейцарцев на каждого сотрапезника полагалась отдельная ложка [1, т. 1, с. 222]. Вилка появилась только в XVI в., но еще долго оставаясь предметом роскоши.

Умывались довольно редко, нижнего белья пока не было. Поэтому в городах часто свирепствовали эпидемии чумы и холеры, а доля прокаженных, помешанных, калек была на порядок больше, чем в настоящее время. На протяжении всего Средневековья смертность в городе намного превышала рождаемость.

Но численность городского населения неуклонно росла, потому что города давали свободу, и люди сюда стремились. Существовала пословица: «Городской воздух делает свободным». Достаточно было серву, крепостному прожить в городе один год и один день, как он по закону становился свободным.

Свобода заключалась не только в этом формальном юридическом правиле. Ф. Бродель справедливо называет средневековый город «чудом терпимости». Если за пределами города всякий чужак был подозрителен и не вписывался в местное общество, то в городах таких чужаков было слишком много. Незнакомец мог оказаться покупателем, заказчиком, партнером.

Правда, первоначально свобода была относительной. Если каждый горожанин был лично свободен, то город в целом находился под властью того феодала, на земле которого он вырос. Крупные феодалы даже принимали не-

которые меры для возникновения города на своей земле, потому что с земли, занятой городом, можно было получать гораздо больший доход, чем с сельской местности. Однако сам процесс становления города включал и борьбу его за независимость против феодального сеньора. В разных частях Европы эта борьба продолжалась на протяжении X–XIII вв. и, как правило, кончалась победой городов. Без независимости от власти феодального сеньора, без городского самоуправления не могло быть средневекового города.

Победа городов в борьбе за независимость была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что крепостные стены города не уступали стенам замков, резиденций феодальных сеньоров, а оружие готовили сами ремесленники города. Правда, горожане не были военными-профессионалами, но представляли сплоченную массу, готовую сопротивляться внешнему агрессору. К тому же у городской верхушки было достаточно денег, чтобы привлечь наемников-профессионалов, которых в те времена было довольно много.

Во-вторых, города часто выступали в союзе с королями, монархами, которые стремились ослабить самостоятельность крупных феодалов, укрепить свою власть. Победа над феодалами часто была невозможна без финансовой поддержки городов. А горожане были заинтересованы в укреплении центральной власти, установлении стабильности, прекращении усобиц. Феодальная раздробленность препятствовала развитию торговли, а следовательно, и товарного производства, т. е. того, чем жил город.

Сплочение национальных государств, преодоление феодальной раздробленности означало победу союза королей с городами. В этом союзе города были демократическим противовесом абсолютизму королей. Короли были вынуждены идти на уступки своим союзникам, предоставляя им права самоуправления. Так рождалось магдебургское право, получившее название по законам, установленным в XI в. для Магдебурга. Это были законы, обеспечивавшие городские свободы и самоуправление городов. В результате складывалось правовое государство, в котором высшая власть принадлежала закону, которому должен был подчиняться и сам монарх.

В некоторых случаях, особенно в Италии, Южной Франции, Германии, город становился городом-республикой, городом-коммуной. Такой город был самостоятельным государством со своими законами, заключал договора с другими государствами, чеканил свою монету. Здесь был свой суд, а законы города обеспечивали оптимальные условия для ремесла и торговли.

Эти города принято называть коммунами, причем это было настолько обычное название, что даже в России, где не было городов-коммун, до сих пор городское хозяйство называется коммунальным. И не там ли зарождались основы будущего коммунистического движения?

Городской магистрат, верховные органы власти города, правящие должностные лица были выборными. Корпорации, в которые объединялись горожане, например, ремесленные цеха, были построены на принципе равенства их членов. На том же принципе равенства горожан перед законом было основано городское право.

За пределами города общество было построено по вертикали: каждый был чьим-либо вассалом или сюзереном. Рядовой рыцарь подчинялся своему сюзерену-сеньору, но был сюзереном для своих крестьян. Люди, которые не состояли в этой вертикальной структуре, тем самым оказывались вне закона и были беззащитны. В городах преобладали горизонтальные связи. Люди, которые стояли во главе гильдии или цеха, не являлись сюзеренами для рядовых членов и могли быть переизбраны, как могли быть переизбраны и члены городского магистрата. Правда, это было лишь в идеале. Члены венецианской синьории не смещались по решению большинства горожан, но и там горожане не были их вассалами.

Были ли города частицами феодального общества? Иными словами, были ли в городах феодальные отношения? Основа феодальных отношений – феодальная собственность на землю и феодальная рента. И то и другое в городах, по крайней мере, не играло существенной роли. Экономическая основа феодализма – натуральное хозяйство. Город же существовал на основе товарного производства и торговли, иначе он не был бы городом. Ф. Бродель прав, когда он утверждает, что город – это особая цивилизация, особая экономика. В Средние века существовали две культуры, два образа жизни – город и деревня.

Города с самого основания противостояли феодалам. Из городских бюргеров, из третьего сословия здесь вырастала буржуазия, которой суждено было прийти на смену феодалам. Здесь зрели идеи правового равенства граждан, те идеи, которые потом составят правовую основу буржуазных революций.

Следует оговориться, что это совсем не означало идиллию социального равенства. В городах выделялась своя аристократия – патриции, нобилитет. Монтекки и Капулетти принадлежали к такой городской знати. Но это была аристократия денежного мешка, ее господствующее положение определялось не сословной принадлежностью, а богатством. Ее образ жизни, ее быт существенно отличались от быта феодальной аристократии.

Рыцари редко были образованными. Детей учили владеть оружием, готовиться к военной профессии. Городские патриции обычно были образованными, знали литературу и математику, причем срок обучения детей составлял до 7 лет. Торговля и банковское дело требовали определенных знаний и информации, поэтому они вели обширную переписку.

Дворянин должен был блистать своей одеждой, ослеплять роскошью, великолепием, чтобы показать свое превосходство, отделиться от простонародья. Городские нобили одевались скромно, в строгой манере. Им не нужна была роскошь, чтобы ослеплять, у них была реальная власть – власть денег.

Противоположный патрициям слой городского населения – низы города, бродяги, пауперы, наемные рабочие. Если мы говорим, что состав городского населения постоянно обновлялся за счет пришлых, то это совсем не значит, что эти пришлые сразу вливались в состав ремесленных цехов и купеческих гильдий, становились респектабельными членами городского общества. Эта маргинальная прослойка концентрировалась именно в городах, влачила жалкое существование, но представляла значительную социальную силу. Мы узнаем о толпах бродяг, бродивших из города в город, о процессиях и шествиях, имевших свой внутренний порядок и нагонявших страх на добропорядочных обывателей. Именно из этой среды черпался контингент наемных рабочих, доля которых в средневековом городе была довольно высокой. Они нанимались матросами на суда, были носильщиками, строительными рабочими.

В Париже Гревская площадь была обычным местом найма работников. В Гамбурге такой «рынок труда» находился у моста Утешения. В ганзейских городах к концу Средневековья наемные работники составляли до 50% населения. Таким образом, в средневековом городе существовало два мира труда – упорядоченный мир ремесленных цехов и пауперизированный мир наемных рабочих. Лишь иногда оба этих мира соприкасались: люди цеха нанимали чернорабочих для выполнения вспомогательных работ. Достаточно упомянуть чомпи – чесальщиков шерсти на службе у цеха суконщиков Флоренции. Конечно, чомпи не входили в состав цеха и не пользовались его привилегиями.

Но вернемся к ремеслу. Средневековое городское ремесло – это цеховое ремесло. Цех был корпорацией ремесленников определенной специальности (пекарей, башмачников, ткачей). Он не был производственным объединением. Каждый мастер имел свою мастерскую, где работал с несколькими подмастерьями и учениками.

Для чего ремесленники объединялись в цеха?

Во-первых, для защиты от всего остального мира. Как уже говорилось, в Средние века человек сам по себе, без чьей-либо защиты, не мог существовать, он оказывался вне закона. За пределами города защиту осуществлял сюзерен, сильный феодал. В городе человек мог существовать только как член какой-то корпорации, которая его защищала. Своя корпорация была даже у нищих. Поэтому социальный строй средневекового города иногда называют корпоративным. А цеха могли защитить своих членов. Каждый цех был в

то же время боевым отрядом. Он имел свое знамя, свое цеховое здание, где проводились собрания и торжественные акты. Во главе цеха стоял выборный магис.

Во-вторых, цех был нужен для обеспечения равенства. Чтобы не было конкуренции, чтобы все мастера были обеспечены работой и, как говорилось в цеховых уставах, чтобы каждый имел «приличное его положению существование», цеховые уставы строго регламентировали производство, ограничивая его размеры. Ограничивалось число учеников и подмастерьев, которых мог держать один мастер. Каждый мастер мог приобретать лишь ограниченное количество сырья. Цена продукции также определялась уставом.

Дело в том, что рынок сбыта был еще узким, и поэтому если бы один мастер смог произвести и сбыть больше продукции, то другой мог оказаться без покупателей, т. е. без работы. Поэтому цеховые уставы регламентировали и технику производства. Ведь если кто-то изобретет техническое усовершенствование, он получит преимущество перед другими членами цеха. Поэтому все технические нововведения запрещались, и цеха стали тормозить технический прогресс. Это был первый недостаток цехового устройства.

В-третьих, цех был нужен для защиты от конкуренции со стороны. Поэтому всякий человек, который хотел заниматься ремеслом, был обязан вступить в цех. А для этого он должен был сначала несколько лет проработать учеником у одного из мастеров, затем еще несколько лет работал подмастерьем за плату. Только после этого его могли принять в мастера, но при выполнении еще трех условий: он должен был изготовить шедевр, т. е. сдать экзамен на звание мастера; устроить пир членам своего цеха; а кроме того, еще предъявить определенную сумму денег, которая считалась достаточной для организации самостоятельного дела. Со временем препятствия на пути в мастера становятся все жестче: увеличивался срок ученичества, а для вступления в цех требовалось все больше денег. Появляются «закрытые» цеха, которые уже не принимают новых членов. В таком цехе только сын мастера после смерти отца мог занять его место. Появляются «вечные подмастерья», которые уже не могут стать мастерами. В сущности, это были рабочие, работавшие за плату. И даже в своей борьбе за повышение заработной платы они использовали рабочую форму забастовок. Как мы видим, принцип равенства в цехах не распространялся на подмастерьев.

В отдельных случаях цеховое ремесло перерастало в капиталистическое производство. Например, во Флоренции в XIV в. членами цеха суконщиков были не ремесленники, а купцы, которые закупают шерсть и продавали сукно. В мастерской, которая принадлежала такому купцу – мастеру, работало несколько десятков наемных рабочих – «чомпи», которые промывали и чесали шерсть. Очищенная шерсть затем поступала прядильщицам из деревенских

женщин, потом пряжа переходила к ткачам, а готовая ткань – к красильщикам. Все они работали у себя по домам, получая плату от суконщиков, и в состав цеха, как и чомпи, не входили. Так, в XIV в. во Флоренции возникли впервые в Европе капиталистические мануфактуры. Но это было исключение – здесь нарушались цеховые принципы.

С развитием городов развивалась и торговля. Первоначально ремесленники работали на заказ (строго говоря, ремесло – это именно работа по заказам потребителей) или сами продавали свои изделия, покупая недостающие сельскохозяйственные продукты у приезжавших в город крестьян. Но со временем начинается географическое разделение труда между городами: по всей Европе расходились шерстяные ткани Флоренции, металлические изделия ремесленников Золингена и Нюрнберга.

Но ведь не мог человек, когда ему требовалось сшить новое платье, ехать за сукном во Флоренцию, а когда сломался нож ехать за новым в Золинген. Доставкой товаров к местам потребления и занимались купцы, и для купца объезжать города Европы для закупки товаров было задачей непосильной. Поэтому главной формой средневековой торговли были ярмарки, куда в определенное время собирались со своими товарами торговые люди из разных городов и стран. На ярмарке, таким образом, собирался полный ассортимент товаров с огромной территории. В этом случае купцу уже не надо было ехать за сукном во Флоренцию или за железными изделиями в Золинген.

Самыми крупными в Европе были Шампанские ярмарки, куда свозились товары севера и юга Европы. Ярмарка, как прежде церковь, служила местом убежища: здесь нельзя было даже преследовать человека за действия, совершенные вне ярмарки. Ярмарка, куда собирались люди из разных стран, приучала к мирному общению. Не случайно слово «торговать» служило антонимом слову «воевать».

Поэтому ярмарка была не просто местом торговли. Здесь царил дух народного гулянья, праздника. По случаю открытия ярмарки устраивались красочные шествия, в Венеции это были театрализованные действия, подобные карнавалам. Естественно, на ярмарку съезжались актерские группы, устраивались представления.

Но ярмарка была лишь венцом торговли, полюсом, к которому стремились торговые потоки. Здесь совершались оптовые торговые сделки. Ярмарка была не в каждом даже крупном городе, да и действовала лишь несколько дней или недель в году. Поэтому, когда простому человеку, не купцу, надо было что-то купить или продать, он отправлялся на ближайший рынок. К тому же при тогдашнем состоянии транспорта везти товар на дальнее расстояние было делом довольно трудным.

По внутренним путям Европы грузы перевозились или на лошадях гужевым или вьючным способом, или на барках-лодках по рекам. Рекой суда или сплавливались, или поднимались конной тягой вверх по течению (способ подъема судов бурлаками в Европе не практиковался). Были даже пассажирские барки, рассчитанные на 60 пассажиров при двух шкиперах и одной лошади. Речной путь был дешевым, но очень медленным. Гужевой способ был немногим дороже, потому что этим занимались крестьяне, для которых перевозка грузов давала дополнительный заработок в свободное от полевых работ время. В России грузы перевозили тоже крестьяне, но почти исключительно по санному пути, зимой, потому что летом грунтовые дороги считались непроезжими для купеческой клады. В Западной Европе тоже были грунтовые дороги, но там не было снежных зим, обеспечивавших санный путь. Кроме того, крестьяне перевозили грузы лишь на небольшие расстояния, не удаляясь слишком далеко от дома.

Поэтому зерно обычно перевозилось на расстояние не далее 10 миль, крупный рогатый скот перегонялся не дальше чем на 11 миль, и даже шерсть и шерстяные ткани везли не дальше чем на 20–40 миль [1, т. 1, с. 31]. И местный рынок приходился на несколько тысяч жителей, населявших его окрестности.

У местных рынков было еще одно преимущество: товар здесь продавался «из первых рук», самим производителем, а следовательно, дешево. Крупный торговый центр обычно был окружен на некотором расстоянии торговыми городами второстепенного значения, откуда товары стягивались к центру.

Ярмарки и рынки дополнялись в городах торговлей из лавок. У лавок было то преимущество, что они действовали не раз в год, как ярмарки, и не два дня в неделю, как рынки, а ежедневно. Первоначально лавки были, в сущности, мастерскими сапожников, кузнецов, портных, булочников и других ремесленников, которые торговали своими изделиями. Настоящие лавочки, посредники между производителями и потребителями товара, появились значительно позже.

Окружавшие город деревни были подчинены его экономическому влиянию. Здесь производились продукты, рассчитанные на продажу в город, а следовательно, относительно дорогие. Город был окружен виноградниками, фруктовыми садами, огородами. За этой зоной относительного экономического оживления располагались огромные бедные территории, где господствовало натуральное хозяйство и архаичные феодальные отношения.

Относительная изоляция таких экономически развитых районов делала особенно выгодной торговлю на дальние расстояния. То, что было обычным товаром в одном регионе, в другом оборачивалось экзотической редкостью, которую можно было продать в несколько раз дороже. Особенно большую

прибыль обеспечивали товары, производившиеся за пределами Европы – в Азии или Африке. Но вести такую торговлю могли лишь крупные негоданты, члены могущественных купеческих объединений.

Кроме того, для такой торговли надо было владеть обширной информацией о состоянии рынка, о ценах не только в разных городах, но и в отдаленных регионах. Если в какой-либо стране был неурожай и начинался голод, импорт хлеба в эту страну мог обеспечить прибыль до 300%. Но надо было своевременно узнать об этом неурожае, и купцы ведут обширную переписку, посылая и получая сотни писем.

О том, насколько были информированы купцы о рыночной конъюнктуре даже далеко за пределами Европы, свидетельствует путешествие неаполитанца Карери, предпринятое, правда, уже в XVII в. Карери повторил подвиг Магеллана, совершив кругосветное путешествие, по его утверждению, для собственного удовольствия. Расходы на это путешествие он покрыл и даже остался с прибылью, покупая товары в одном месте и продавая в другом, далее по пути следования. Естественно, для этого надо было знать соотношение цен на товары в разных местах.

Но торговля в Средние века была опасным занятием. Пираты на море, разбойники на суше были явлением обычным. Существовало «береговое право»: если судно разбивалось у берегов, то спасенные товары считались законной добычей хозяев берега.

Чтобы защитить свои интересы, купцы объединялись в гильдии. Гильдия строила в городах торговые дворы – фактории, обеспечивала безопасность приезжих торговых людей. Фактория представляла собой огороженный крепкой стеной участок, где были гостиницы, склады и церкви. Для защиты от разбойников гильдия снаряжала караваны с вооруженной охраной.

Следует подчеркнуть, что так же, как цех не являлся производственным объединением, гильдия не объединяла торговлю. Каждый член гильдии вел торговые операции самостоятельно, принимая на себя весь риск, связанный с этими операциями.

Однако существовали объединения и другого рода – товарищества и компании. Поскольку крупный капитал в торговле обеспечивал существенные преимущества, а проведение операций в разных городах требовало присутствия на местах своих людей, купцам приходилось объединяться.

Первой примитивной формой товарищества было «морское товарищество», объединявшие двух компаньонов. Один вкладывал основную часть капитала и оставался на месте, другой отправлялся в плавание с товарами. Естественно, со временем число пайщиков увеличивалось. Торговые суда, пригодные для перевозки больших грузов, стоили дорого, поэтому купцы их покупали вскладчину. Например, в Венеции стоимость судна делилась обыч-

но на 24 «карата», т. е. доли. Каждый пайщик вкладывал свою часть в стоимость судна (один или несколько карат) и, соответственно, мог погрузить определенное количество товара.

Компании первоначально были семейными, как видно из самого названия («кум панис» – общий хлеб). В нее входили отец, сын, братья и другие родственники, так что это было скорее родовое, чем семейное объединение. Потом в такие компании стали включаться и компаньоны-чужаки.

Иногда такие компании достигали огромных размеров. «Великое общество» в Равенсбурге в конце XV в. состояло из 80 компаньонов, и его капитал составлял 132 тыс. флоринов. Для сравнения капиталы Фуггеров и Вельзеров, крупнейших финансистов Европы этого времени, о которых речь пойдет далее, были того же порядка: у Фуггеров было 213 тыс. флоринов, у Вельзеров – 66 тыс.

Конечно, крупные товарищества и компании возникали в сфере дальней, межгосударственной торговли. Еще одним примером может служить «Товарищество купцов-авантюристов» в Англии. (Нужно учитывать, что слово «авантюра», т. е. «приключение», не имело тогда отрицательного оттенка.) Первоначально товарищество возникло для экспорта неотделанных сукон в Нидерландах, где они окончательно отделялись и красились. Затем сфера торговли стала расширяться и охватывала уже торговлю шелком, пряностями, бакалеей и другими товарами.

Реальный центр компании находился в Антверпене, где заключались важнейшие сделки. Наиболее солидные и пожилые члены товарищества оставались в Лондоне, предоставляя капиталы и накопленный опыт, а мобильная молодежь, склонная к риску и авантюрам, непосредственно совершала операции на континенте.

«Купцы-авантюристы» подчинялись строгой дисциплине. Они считались «братьями», а их жены – «сестрами». Они должны были вместе посещать церковные службы, им запрещалось пьянствовать, употреблять бранные слова, участвовать в дуэлях. Их быт был воплощением буржуазного пуританства. Товарищество было юридическим лицом со своим правлением и выборными судьями, пользовалось дарованными королем привилегиями, но члены товарищества торговали каждый на свой страх и риск.

Была и еще одна трудность в торговле: в каждом маленьком государстве чеканилась своя монета, и разобраться в этих денежных системах было не просто. Кроме того, даже монеты одного государства не имели постоянной ценности: происходила так называемая порча монеты. Деньги чеканились примитивным способом – молотком, на котором было клеймо. Они не имели форму правильного круга, и часто клеймо полностью на монете не умещалось. По весу одна монета могла сильно отличаться от другой. Вес монет

в процессе обращения уменьшался: люди обпиливали монеты, проходившие через их руки, оставляя часть серебра себе, и, когда наступало время новой чеканки, новая монета приравнивалась по весу к тем обпиленным деньгам, которые уже были в обращении. В результате, как писал современник, тысячи монет можно было сдуть с ладони одним дыханием. Была и другая форма порчи монеты: вместо серебра и золота использовались их сплавы с менее ценными металлами.

На помощь приходили менялы – банкиры, специалисты по денежным расчетам (от слова «банка» – скамья, на которой обычно сидел такой меняла в торговом центре). Банкиры обменивали монеты разных государств по принятому курсу. Выделялись банкиры, которые имели конторы в разных городах. Купец мог сдать банкиру деньги в одном городе, получить расписку – вексель, поехать в другой город без денег (чтобы не ограбили в дороге) и по векселю получить там свои деньги. Но купцам и не надо было расплачиваться наличными: в книгах банкиров суммы переносились со страницы плательщика на страницу получателя.

Таким образом, у банкиров скапливались довольно крупные суммы денег, и банкиры пускали их в рост, т. е. давали в долг под проценты. Проценты были огромными, потому что банкир часто рисковал не получить деньги обратно. Чтобы гарантировать возвращение долга, ссуды давались под залог имущества. А поскольку к ростовщикам обращались и монархи, в закладе оказывались короны, тиары, а император Фридрих II однажды заложил даже трон.

Крупным ростовщиком была католическая церковь (хоть христианское учение и запрещало заниматься ростовщичеством). Ростовщичеством промышлял и сам папа римский, и монастыри, и церковно-рыцарские ордена. Орден тамплиеров, который давал кредиты для Крестовых походов, скопил к XIV в. такие богатства, что это привело его к гибели: французский король решил эти богатства присвоить.

Банкирские конторы возникли первоначально в Ломбардии, поэтому слово «ломбардец» было синонимом банкира и ростовщика. Крупнейшие банкиры нередко становились государственными финансистами. Монархам Европы постоянно не хватало денег. Бюрократический фискальный аппарат в условиях господства натурального хозяйства был не в состоянии своевременно наполнять казну. Поэтому сбор налогов часто сдавался на откуп банкирам. Те вносили в казну намеченную сумму сбора, а затем сами собирали налог, естественно, в увеличенном размере. Пользуясь поддержкой государственной власти, такие финансисты порой достигали необычного для Средних веков экономического могущества. Такого могущества достиг, например, Жак Кер, казначей Карла VII, короля Франции (XV в.), который был

одновременно купцом, горнопромышленником, владельцем предприятий суконной промышленности. Если бы это было в XX столетии, хозяйство Кера можно было бы назвать финансовой группой.

Но это было не единственное многоотраслевое владение подобного рода. Такими же были объединения финансистов Европы Фуггеров и Вельзеров, банкиров, промышленников и купцов, которые начали свою деятельность в Аугсбурге. Фуггеры были банкирами Габсбургов и римских пап, Вельзеры финансировали испанского короля Карла V, королей Франции и Польши. Они практически господствовали в экономике Европы, точнее, в той части экономики, на которую распространялись товарно-денежные отношения. Их господство в значительной степени обеспечивалось феодальными монополиями и привилегиями, полученными от финансируемых ими монархов.

Банковское дело у Фуггеров и Вельзеров сочеталось с торговой и промышленной деятельностью. Фуггеры были хозяевами горных предприятий в Венгрии, Чехии, Тироле, где добывалась основная часть серебра и меди в Европе. Они активно участвовали в торговле Венеции и Антверпена. Столь же многогранной была империя Вельзеров. Ее отделения находились в крупнейших городах Германии, Испании, Италии и Нидерландов. Фирма Вельзеров обанкротилась, когда их коронованные должники отказались возвращать свои долги.

Главным направлением экономического развития средневековой Европы был рост товарности, торговли, переход от натурального хозяйства к рыночным отношениям. В сельском хозяйстве происходила коммутация, переход к денежной ренте, и все большая часть сельскохозяйственной продукции шла на рынок. Ремесло развивалось по линии специализации, т. е. ремесленники каждого города начинали специализироваться на производстве определенной продукции, которая расходилась по всей Европе. Все это означало развитие торговли.

Но развитию торговли препятствовала феодальная раздробленность. При переходе границы каждого государства с товара бралась пошлина, а так как государства были маленькими и границы на пути встречались часто, то даже за короткий отрезок пути цена товара возрастала непомерно. Лучше было перевозить товары морем: там пошлины надо было платить только в портах. Поэтому средневековая торговля – это преимущественно морская торговля.

Было два морских торговых пути – северный и южный. Северный путь проходил по морям, омывающим Европу с севера. Этим путем везли из Англии шерсть и железо, из Новгорода и Скандинавии – сельдь, пушнину, пеньку, корабельный лес. Торговля по этому пути была монополией Ганзы – торгово-политического союза городов Северной Германии. Ганзейцы

не допускали к морской торговле купцов, не входивших в их союз. Впрочем, на западном отрезке этого пути конкурентами Ганзы выступали генуэзцы и венецианцы.

Поскольку ганзейцы торговали преимущественно товарами хозяйственного значения, а не предметами роскоши, многократно повышать цены этих товаров было невозможно. Поэтому Ганза добилась снижения, а в некоторых случаях и ликвидации пошлин в портовых городах севера. Если местный монарх отказывался снижать пошлины, ганзейцы начинали против него военные действия и добивались этого силой: Ганза была сильнее мелких государств.

Южный торговый путь проходил по Средиземному морю и не только обеспечивал торговые связи между странами юга Европы, но и связывал Европу со странами Востока. Из Индии, Китая и других восточных стран этим путем везли предметы роскоши – шелковые ткани, пряности. Особое место в торговле занимал перец. Европейской аристократии надоела пресная пища, и они усиленно сдабривали ее перцем. Перец иногда даже заменял деньги, и перцем выплачивалось приданое невесты.

Из Европы на Восток везли полотняные и шерстяные ткани и железные изделия. Но торговля Европы с Востоком имела пассивный баланс: ввозили больше, чем вывозили. Разницу ввоза и вывоза приходилось покрывать золотом.

Эта утечка золота усиливалась монопольным характером торговли. Если на севере торговая монополия принадлежала Ган-зе, то на юге она сначала была в руках купцов Генуи и Венеции, а потом только венецианцев. Но венецианские купцы сами в Индию и Китай не ездили. Они покупали восточные товары у арабских купцов, которые доставляли их к берегам Средиземного моря знаменитым «шелковым путем», часть которого проходила даже через пустыни, через которые шли караваны верблюдов. Арабские купцы продавали венецианцам товары в 8–10 раз дороже, чем они стоили на Востоке. Венецианские купцы, пользуясь своей монополией, при продаже, в свою очередь, повышали цены в несколько раз.

В соответствии с этими двумя главными торговыми путями ускоренно развивались север и юг Европы. На юге очагом ускоренного экономического развития была Италия, на севере – Нидерланды. Здесь уже зарождалась капиталистическая экономика, тогда как в глубине континентальной Европы сохранялись архаичные феодальные отношения с преобладанием натурального хозяйства.

Поскольку центрами товарного производства и торговли были города, то именно отдельные города первоначально завоевывают экономическое господство в Европе. Это были итальянские города Генуя и Венеция. Их

экономическое господство продолжалось до XVI в., до первых результатов Великих географических открытий, когда утратило прежнее значение Средиземное море как главный путь торговли Европы с Востоком. После этого экономический центр Европы переместился на север, в Нидерланды, затем в Англию, причем на севере лидерами экономического развития становились не отдельные города, а значительные территории. Если можно говорить об экономическом лидерстве Генуи, Венеции, Флоренции, но не всей Италии, то на севере экономическим лидером становятся все Нидерланды, а не только Антверпен или Амстердам. Ведь Генуя и Венеция не были столицами Италии. Они выдвинулись в условиях феодальной раздробленности в качестве городов-республик.

К тому же они были крайне бедны природными ресурсами. Генуя располагалась на узком карнизе между морем и стеной бесплодных гор. Поскольку земли здесь не хватало, дома лепились, друг к другу, а улицы были столь узки, что передвигаться по ним можно было только пешком или в портшезе. Дома и дворцы карабкались по стенам гор. 60–80 тыс. горожан Генуи могли существовать, лишь получая все необходимое для жизни из внешнего мира. Венеция располагалась на десятках маленьких островов. Там не было не только продовольственных ресурсов, но даже пресной воды.

Бедной природными ресурсами была и Голландия, где не было минеральных богатств, лесов, и даже землю для посевов и пастбища приходилось отвоевывать у моря, строя дамбы. «Голландия – страна неблагодарная, – писал один автор уже в XVI в., – это земля, плавающая на воде, и луг, затопленный три четверти года. Сия земля... не смогла бы прокормить и пятую часть своих обитателей» [1, т. 3, с. 175]. И даже Англия была бедна природными ресурсами и находилась в менее благоприятной климатической зоне, чем Франция или Германия.

И эти бедные природными ресурсами страны становятся самыми богатыми, именно с них начинается развитие капиталистического хозяйства. Очевидно, именно скудность природных ресурсов заставляла обращаться к, казалось бы, второстепенным в то время отраслям экономики – к торговле, кредиту, промышленности. Ведь промышленность в условиях феодализма тоже была лишь вспомогательной сферой экономики. Но эти «второстепенные» отрасли обеспечивали больший доход, чем примитивное сельское хозяйство, и являлись средоточием экономического прогресса.

В Генуе и Венеции было особое население – моряки, купцы, банкиры. В случае необходимости на военные галеры грузилось все активное население Генуи, а после отплытия венецианских судов в Сирию и другие страны восточного Средиземноморья город оказывался без наличных денег: все, у кого были хотя бы небольшие деньги, вкладывали их в торговые операции.

Основой процветания этих городов была торговля с Востоком. Они имели свои империи, но это были империи торговых постов, разбросанных по берегам Средиземного моря. Всякий, кто отдыхал в Крыму, видел там развалины генуэзских и венецианских крепостей. Торговля здесь не только обеспечивалась государственной поддержкой, но и была основным направлением государственной политики. Венецианская синьория строила в государственном арсенале галеры водоизмещением от 100 до 300 т, т. е. вмещавшие груз поезда из 50 товарных вагонов, и эти корабли сдавались внаем с аукциона частным судовладельцам.

Венецианские и генуэзские купцы снабжали всю Европу восточными товарами – шелком, пряностями, перцем. Их суда огибали Европу с запада, добирались до Нидерландов и Англии.

В результате они стали самыми богатыми в Европе. Бюджет Венеции в XV в. составлял 1,6 млн дукатов, тогда как бюджет Франции, население которой было по меньшей мере в 10 раз больше населения Венеции с ее владениями, не превышал 1 млн.

Огромные накопленные в торговле богатства постепенно перемещались в сферу кредита. Особенно это относилось к Генуе, которая была оттеснена Венецией на второй план в торговле с Востоком и выступала теперь, в сущности, в качестве распорядителя европейских платежей и расчетов.

Первоначальный толчок к экономическому расцвету Нидерландов, которые пришли на смену итальянским городам в качестве экономического лидера Европы, совершили сами генуэзцы и венецианцы. В конце XVI в. генуэзские каракки пришли в Брюгге, а за ними – венецианские галеры. Венецианские купцы обосновались в этом городе, заняв господствующие позиции в торговле. Это было экономическое завоевание города чужеземцами, которое резко повысило его роль. Именно здесь встречались потоки товаров. Перец, шелк и пряности, доставляемые сюда итальянцами, потреблялись преимущественно в Северной и Центральной Европе, а в обмен шли металлы, шерсть, льняные ткани.

Именно здесь, в Брюгге, в 1409 г. начала действовать первая биржа в Северной Европе. Эту форму торговли сюда принесли тоже итальянцы, на родине которых биржи действовали уже в XIV в. Здесь совершались торговые сделки без товаров, продавалось зерно будущего урожая и ткани, которые еще не были сотканы, здесь заключались морские страховые сделки, распределяя риск между многими гарантами.

Это было начало новой эпохи экономического развития Европы, и экономический подъем Нидерландов имел иные качественные характеристики по сравнению с расцветом итальянских городов.

Л и т е р а т у р а

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1–3. М., 1986–1992.
2. *Галкина Л. А.* Гильдейский социализм. М., 1988.
3. *Гофф ле Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
4. История Европы. Т. 2. М., 1992.
5. *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.; Л., 1931.
6. *Плешкова С. Л.* К истории купеческого капитала во Франции в XV в. Жак Кер и его деятельность. М., 1977.
7. *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени. М., 1974.
8. *Гутенбург В. И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987.
9. *Ястребицкая А. Л.* Западноевропейский город в Средние века // Вопросы истории. 1978. № 4.

9. ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ДО ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Говоря о временах, которые предшествовали государству и цивилизации на территории нынешней России, мы выделяем три периода. Сначала речь пойдет вообще о населении и хозяйстве Восточной Европы, затем о предках современных славян и, наконец, о восточных славянах – наших прямых предках.

9.1. Каменный и бронзовый века в Восточной Европе

Началось с ледникового периода. Пол-Европы оказалось под слоем льда до 2 км толщиной. На юге ледник переходил в тундру, а тундра – в степь. Леса между тундрой и степью тогда не было.

Первые люди здесь, как и на западе Европы, появились еще до оледенения – 700 тыс. лет назад, в то время, которое археологи называют шелльским. Это был еще не родовой строй. Люди жили группами по несколько десятков человек, ордами или стадами, мало еще чем отличавшимися от стад нынешних обезьян. Занимались они преимущественно собирательством – собирали ягоды, грибы, съедобные корни и т. п. Но все же это были уже люди; они изготавливали орудия. Единственным рабочим инструментом, сохранившимся с того времени, было ручное рубило – оббитый, обтесанный с двух сторон камень с заостренным концом и «пяткой», которую удобно было зажать в руке. Таким рубилом можно было сильно ударить, можно было выкапывать съедобные корни.

Когда наступало временное потепление и ледник на время отступал, возникали более благоприятные условия для жизни людей. В этот ашелльский период (300–100 тыс. лет назад) люди стали изготавливать уже более тонкие рубила, которыми можно было не только рубить, но и резать. Жили ашелльцы преимущественно в пещерах – там было теплее, а добывать огонь они еще не умели. Они уже охотились на крупных животных. Это была облавно-загонная охота: животное загоняли в заранее выкопанную яму или к обрыву. На их стоянках находят больше всего костей пещерного медведя, который был вдвое крупнее нынешнего бурого. В нашей стране ашелльские стоянки найдены в Молдавии и в районе Житомира.

Следующим этапом стал средний палеолит, мустьерская эпоха (100–30 тыс. лет назад). Ледниковый период еще продолжался, но хозяйственный прогресс ускорился. Человек овладел огнем, начал строить жилища – покрытые шкурами шалаши-юрты. Теперь из камня готовили несколько разновидностей орудий, в частности, наконечники копий. Возникли ритуальные захоронения (животные не хоронят своих сородичей). Продолжалась облавная охота на мамонта, оленя и других крупных животных. Человеческий род расселялся, подбираясь к самому леднику. Стоянки мустьерского человека обнаруживают не только в Крыму, на Кубани и Днепре, но и у Волгограда и даже на северной уральской реке Чусовой. Очевидно, именно огонь и жилище позволили приблизиться к холодному леднику.

Еще больше прогрессивных изменений в жизни человека происходило в период верхнего палеолита (30–50 тыс. лет назад), когда ледник стал отступать, таять, оставляя после себя заболоченную равнину с множеством озер и широких рек. Животный мир был представлен мамонтами, шерстистыми носорогами, пещерными львами, но также и антилопами, оленями, песцами. Люди по-прежнему занимались охотой, используя ловчие ямы и крутосклонные овраги. Человек теперь заселял не только центральную часть России, но и север – вплоть до Полярного круга. Стоянки человека этого времени находят на Печере и в бассейне Лены.

Совершенствовалась обработка камня. Теперь кроме массивных орудий из оббитых кусков камня все большую роль стали играть орудия из пластин – скребки, ножи, резцы. Широко использовались орудия из кости и рога.

Кроме орудий труда и охоты на стоянках обнаруживают много украшений: бусы, диадемы, браслеты. Но особое значение имели выточенные из кости женские статуэтки. Во-первых, они свидетельствовали о начале религиозных представлений: женское начало всегда считалось символом плодородия. Во-вторых, они показывают, что в это время уже был матриархальный род. На смену орде, стаду пришел родовой строй.

12–15 тыс. лет назад ледниковый период кончился. Наступил мезолит – среднекаменный век, который продолжался с V по III тыс. до н. э. Теперь на месте тундры выросла тайга, которая лишь на юге переходила в степь. Новые условия не годились для мамонта и шерстистого носорога. Они вымерли. Облавная охота, для которой требовалось много людей и которая обеспечивала пищу эту массу охотников, теперь стала невозможна. Потребовалось изменить организацию хозяйства.

С одной стороны, выслеживать и добывать относительно мелких животных было удобней охотнику-одиночке. Но для него требовалось и иное оружие. Появился лук. Все большую роль в обеспечении пищей начинало играть рыболовство.

С другой стороны, только пока в некоторых местах на юге, начинался переход от добывающего к производящему хозяйству: если до этого человек питался тем, что без его участия приготовила для него природа, то теперь он сам начинал создавать источники питания. Люди начинают разводить скот, причем первым одомашненным животным стала свинья. Такова, очевидно, была общая закономерность: на островах Океании, где сохранился первобытно-общинный строй, к приходу европейцев единственным домашним животным была тоже свинья.

Менялся характер поселений. От поселков с большими общими жилищами, поскольку для облавной охоты требовалось много людей, происходил переход к мелким поселкам и мелким жилищам.

В обработке камня возникла техника микролитов. Деревянные или костяные орудия оснащаются мелкими острыми вкладышами. Получается легкое составное орудие, в котором соединяются достоинства двух материалов.

Конец каменного века, неолит, занимал сравнительно небольшой отрезок времени – с V по III–II тыс. до н. э. Природные условия оставались прежними, и человеку уже не надо было приспосабливаться к меняющимся условиям. Но тенденция к адаптации, к совершенствованию продолжалась и привела к неолитической революции, революции в производстве. Именно теперь произошел переход к производящему хозяйству, который начался в предшествующий период. Если прежде главными отраслями хозяйства были охота и рыболовство, то теперь – скотоводство и земледелие. О земледелии свидетельствуют мотыги и каменные зернотерки, о животноводстве – кости домашних животных, которые в некоторых случаях составляют до половины всех костей, находимых в поселениях. В это время люди научились также делать лодки и готовить глиняную посуду. Кстати, характер орнамента этой посуды позволяет археологам выделять отдельные «культуры» – области поселений одинакового типа. Предполагается, что это основа будущих племен.

Поселения людей степной и лесостепной полосы этого времени обычно состояли до нескольких десятков землянок или наземных жилищ, мазанок, из прутьев, обмазанных глиной.

Преобладали по-прежнему каменные орудия, которые изредка дополнялись медными украшениями и мелкими изделиями типа шильев из самородной меди. Новое в технике – шлифованные и сверленные каменные топоры. На изготовление такого топора, по расчетам археологов, надо было затратить несколько лет. Изготовление каменных орудий внутри племени или рода выделилось в самостоятельную отрасль: обнаруживаются «мастерские» с заготовками орудий и множеством неиспользованных обломков камня.

Но все сказанное относилось только к степной и лесостепной полосе. В северных лесах от Урала до Прибалтики развитие отставало. Правда, дома

здесь были бревенчатыми, которые, конечно, лучше защищали от холода, чем южные мазанки. Здесь тоже готовили и лодки, и глиняную посуду, но основными источниками существования оставались охота и рыболовство.

В конгломерате племен неолита мы не можем еще выделить предков того или иного народа. Особенности культуры определялись не этническими признаками, а конвергенцией – особенностями природных условий, к которым приспосабливались люди.

Энеолит, медно-каменный век, занимал промежуточное положение между каменным и бронзовым, причем культура людей того времени настолько смыкалась с предшествующей и последующей, что историки иногда этот период просто опускают.

Примером энеолита может служить трипольская культура, памятники которой располагались на территории Украины и Молдавии. Трипольцев считают одной из составляющих предков славян. Расцвет этой культуры приходился на I тыс. до н. э.

В их хозяйстве еще велика была роль охоты и рыболовства, на главную роль играли земледелие и скотоводство. У трипольцев уже до 90% найденных археологами костей в их поселениях, а, следовательно, потребляемого мяса принадлежало домашним животным. Глиняные пряслица свидетельствуют, что они уже овладели ткачеством, а сосуды-ситечки – о приготовлении молочных продуктов. В их жилищах находят большие глиняные сосуды для хранения зерна, а глинобитные печи были приспособлены для выпечки хлеба.

Жилищем трипольцев был наземный дом с деревянными стенами, обмазанными глиной. Сухой пол состоял из нескольких слоев обожженной глины. Общая площадь такого дома достигала 100–150 кв. м. Дом был разделен на отсеки – комнаты, в каждом из которых находилась глинобитная печь. Очевидно, каждый отсек занимала семейная пара, а дом в целом принадлежал родовой большесемейной общине. В поселке находилось от 50 до 200 жилищ. Дома были расположены по кругу, а в центре поселка находился загон для скота.

В XVIII–XVII вв. трипольцы начинают переходить к патриархату. Появляются погребения воинов с оружием.

По-прежнему преобладали каменные орудия, в том числе шлифованные топоры. Медных изделий немного: шилья, колечки, рыболовные крючки, резе – топоры. Самородная медь доставлялась с Карпат, а изделия из нее готовились на месте.

Трипольцы жили в лесостепной и частично лесной полосе. В приморских степях Нижнего Дона и Приднепровья, где были особенно благоприятны условия для скотоводства, одновременно с трипольцами жили скотоводы древнейшей культуры. Название эта культура получила от погребального

обряда: покойников хоронили в ямах, над которыми насыпались курганы.

Эти скотоводы не были кочевниками. Они жили в постоянных поселениях, нередко укрепленных, причем занимались и земледелием, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки орудий. Поселок состоял первоначально из полужемлянок площадью до 70 кв. м с камышевыми стенами обмазанными глиной. Позже возникли наземные дома, состоявшие из жилых и хозяйственных помещений общей площадью до 160 кв м. Центр поселка был окружен оборонительным валом из известняковых плит. Большинство орудий у жителей этих поселков состояло из камня, лишь изредка встречаются медные шилья.

Это было время, когда начали складываться основы будущих национальностей. Крайне редкое население первых послеледниковых тысячелетий постепенно возрастало, занимая наиболее удобные для жизни места. Появилось деление на «своих» и «чужих». От «чужих» надо было защищать свои поселения, пастбища, посевы. Маленький род был не в состоянии выполнить эту задачу. Надо было объединяться с близкими по обычаям соседями. Возникали союзы племен. Выделялись лидеры такого союза, возникали общие религиозные центры. Росло общение внутри такого объединения, складывался единый язык.

Бронзовый век для Европы в целом, а точнее, для «передовиков» экономического развития – II тыс. до н. э. Дело в том, что разрыв в развитии все увеличивался. Население степей и лесостепи не только находилось в тесном общении между собой, но и испытывало культурное влияние восточных цивилизаций и зарождавшейся эллинской культуры. Племена этой южной полосы нашей страны к концу периода уже достигли стадии военной демократии. На севере, где лес разделял, изолировал отдельные племена, у них сохранялся быт каменного века, и основными источниками существования оставались охота и рыболовство.

По всей южной полосе от Урала до Карпат обычными становятся не только бронзовые изделия, но и литейные формы, и инструменты литейщиков. А поскольку рудные месторождения находились не повсеместно, это свидетельствовало о товарном обмене. Объектом такого обмена был металл, а изделия из него готовились на месте.

Союзы племен, которые стали складываться уже в предшествующую эпоху, теперь становятся основной формой организации общества. Во главе каждого такого союза стоял военный вождь или совет вождей. Выделение военной верхушки четко прослеживается по захоронениям. Союзы племен усиливали взаимопроникновение культур, создавали культурную общность.

В степях юга России в конце III тыс. до н. э. господствовала катакомбная культура (получившая такое название по особенностям захоронений),

которая в XVIII–XVII вв. до н. э. сменилась срубной культурой (погребения в деревянных срубах). Племена срубной культуры занимали огромную территорию – от Урала и Нижней Камы до Днепра и Днестра.

Люди этих культур занимались земледелием и скотоводством, жили оседлой жизнью. Некоторые их поселения тянулись по берегам Волги на несколько километров. Типичное жилище представляло четырехугольную полуземлянку с бревенчатыми стенами и кровлей площадью до 150 кв. м. Вдоль стен тянулись нары. В таком доме жило несколько семейных пар, а в поселке – 200–300 человек.

Из металла отливались украшения и оружие – боевые топоры, кинжалы, стрелы, причем в форме этих изделий прослеживается связь с последующей скифской культурой. Все мужчины срубной культуры были воинами. Орудия труда из бронзы не готовились – металл был слишком дорогим для этого. Использовались мотыги из рога и кости, серпы с каменными вкладышами.

Окраины леса от Волги и Оки до Камы заселяли в первой половине II тыс. до н. э. племена фатьяновской культуры. Эта культура долгое время оставалась загадкой: археологи находили могильники, но не обнаруживали поселений. Занимались фатьяновцы преимущественно скотоводством, дополняя его охотой и рыболовством. Переход к патриархату у них только начинался. Впрочем, плавить бронзу они уже умели. Во второй половине II тыс. до н. э. фатьяновцы были ассимилированы окружающим лесным населением, которое еще оставалось на стадии неолита, занимаясь охотой и рыболовством.

9.2. Славяне и кочевники

Переходя к железному веку, мы вступаем в качественно новый период. Во-первых, появляются письменные источники, и археологические материалы отходят на второй план. На историческую арену выходят народы – скифы, венеды, анты и др.

Во-вторых, теперь мы можем говорить о славянах или пра-славянах. Славянский язык выделился из семьи индоевропейских языков в середине II тыс. до н. э. Праславяне составляли значительную часть индоевропейцев в Европе. Они заселяли лиственные леса Центральной и Восточной Европы: Карпаты, бассейны Одера, Вислы, Днепра. В праславянском языке нет слов, относящихся к степному ландшафту, а в названиях месяцев отражены сезонные земледельческие работы («серпень», «жни-вень», «вресь» и т. п.). Итак, славяне заселяли лиственные леса, включая лесостепь, и были земледельцами.

А по южной степной полосе России по направлению к Дунаю и богатствам античных государств шли волнами кочевники-скотоводы из Азии, сея

смерть и разрушение. Некоторые из них задерживались в прикаспийских и причерноморских степях надолго.

Каждый такой поход наносил удар по хозяйству славян, поэтому их история до образования государства – это история взлетов и падений. Восточные славяне четырежды поднимались до того уровня развития, за которым должен был следовать переход от родового строя к государству, но в результате очередного разорения откатывались назад. Это обстоятельство нашло отражение в легендах об «огнедышащем змее», который жег деревни и брал дань девушками. Были ли это сарматы, гунны, половцы – легенда оставалась.

Первый экономический подъем славян Б. А. Рыбаков относит к кон. II – нач. I тыс. до н. э. Этому подъему соответствует археологическая чернолеская культура X–VII вв. до н. э. в Среднем Приднепровье. Занимались чернолесцы пахотным земледелием. В это время возник миф о двух божественных кузнецах, которые выковали плуг, победили огнедышащего змея, запрягли его в плуг и пропахали гигантскую борозду, ограждающую земли славян и юга – «змиевы валы». Очевидно, это было связано с тем, что в это время действительно была построена полоса укреплений для защиты от кочевников.

Чернолесцы умели ковать железо и готовить железные изделия. А поскольку их владения были богаты месторождениями болотной железной руды, основным сырьем металлургии в те времена была железная руда, это служило существенным преимуществом перед соседями. Железный плуг и железное оружие были главными и неоспоримыми аргументами их успехов. У этого народа уже выделился слой воинов, а это может служить свидетельством о переходе к строю военной демократии, кануну образования государства.

В I тыс. до н. э., т. е. одновременно с чернолесцами, по верхней Волге, Оке и на Валдае жили угро-финские племена дьяковской и городецкой культур. Их городища обычно располагались на крутых мысах – стрелках при слиянии двух рек или реки и глубокого оврага. С двух сторон подступы к городищу защищали обрывы, а третья была укреплена валом и рвом. Занимались эти племена скотоводством и мотыжным земледелием, большинство орудий изготовлялось из кости и рога, а глиняная посуда лепилась еще без гончарного круга.

Приблизительно на таком же хозяйственном уровне находились племена ананьинской и пьяноборской культур в Прикамье – предки коми и удмуртов. Только удельный вес животноводства в их хозяйстве был выше, и очень большую роль играла охота на пушного зверя, причем меха добывались для обмена с другими народами.

А причерноморские степи в это время были под властью скифов. Кочевники-скифы пришли сюда с Востока, из Азии, где успешно воевали с ассирийскими царями Асаргадоном II и Ашурбанипалом. В VIII–VII вв. до н. э.

в Причерноморье складывается огромный союз племен, который античные авторы называли Скифией. По словам Геродота, Скифия охватывала территорию от Дуная до Дона. Это объединение просуществовало до III в. до н. э. В его состав вошли и местные племена, в том числе и земледельческие. Так, по Днепру, т. е. в районе обитания чернолесцев, согласно Геродоту, жили скифы-пахари, а Крым и прилежащую к нему территорию населяли скифы царские.

Впрочем, скифы царские появились не сразу. Господствующее положение в союзе, конечно, занимали скифы-кочевники, те, которые пришли с Востока. Эти кочевники делились на три группы, возглавляемые, по выражению Геродота, «царями», т. е. военными вождями. Власть такого «царя» даже передавалась по наследству, но ограничивалась народным собранием. Это означало, что уже выделилась военная верхушка и сформировался своеобразный строй военной демократии в условиях кочевого общества.

На рубеже V–IV вв. до н. э. царь Атей объединил Скифию, основав государство. Господствующее положение в нем и заняли скифы царские – окружавшая царя военная аристократия. Столица этого государства сначала находилась на нижнем Днепре – так называемое Каменское городище. Городище было окружено высоким валом и рвом, а внутри находился окруженный дополнительной крепостной стеной акрополь, где были построены царская резиденция и каменные дома знати. Каменское городище было не только административным центром, но и центром ремесла, особенно металлургического.

О социальном расслоении свидетельствуют и знаменитые царские курганы, в которых захоронены не только цари, но и наиболее знатные представители аристократии. В таких курганах вместе со своими господами погребены убитые наложницы и рабы, а также находится огромное количество золотой и серебряной посуды, драгоценных украшений и прочей утвари, в основном античного происхождения.

В III в. столицей скифского царства становится Неаполь Скифский в Крыму. По характеру планировки и устройства домов этот город был подобен греческим городам-полисам, а населяли его эллинизированные скифы, которые уже не вели кочевой жизни, а активно торговали с греками.

По утверждению Геродота, скифы царские считали остальных скифов своими рабами. Геродот как представитель рабовладельческого общества упрощал формы зависимости. Но, безусловно, рядовое население Скифии находилось в подчинении у господствующей верхушки, причем особенно значительной эксплуатации подвергалось земледельческое население, скифы-пахари. Ведь благоденствие царских скифов было связано с экспортом хлеба, а скифы-кочевники хлеб не выращивали.

Впрочем, Геродот утверждал, что живущие по Днепру скифы-пахари – это вообще не скифы. Он их называл борис-фенитами (Борисфен–Днепр) и сколотами. Нет сомнения, что сколоты составляли ядро формирующегося восточного славянства.

Расцвет хозяйства племен чернолесской культуры происходил в то время, когда еще складывался скифский союз племен, т. е. продолжались завоевания. Очевидно, чернолесцы довольно долго и упорно сопротивлялись завоевателям («змиевы валы»). Завоевание всегда сопровождается разрушением хозяйства, и самобытность чернолесской культуры с VII в. утратилась.

Но в V–IV вв. до н. э., согласно хронологическим расчетам Б. А. Рыбакова, происходит очередной экономический подъем восточных славян. Очевидно, будучи членами рыхлого объединения племен, борисфениты-сколоты сохранили известную экономическую самостоятельность и извлекали определенные преимущества из торговли с эллинским миром.

Основным занятием скелотов являлось развитое пахотное земледелие (скифы-пахари) с расчетом на экспорт значительной части хлеба. Греческую колонию Ольвию греки называли «торжище борисфенитов», следовательно, по крайней мере, часть хлеба шла отсюда не через посредничество царских скифов. Об этом свидетельствуют и богатые захоронения скелот-ской знати со значительным количеством античных изделий. Из прочих элементов материальной культуры скелотов следует выделить высокий уровень металлургии железа. У скелотов господствующее положение занимала дружинная всадническая прослойка, и, по представлению Б. А. Рыбакова, они дошли до уровня государственности.

Это относительное благоденствие было оборвано сарматским нашествием во II в. до н. э. Сарматы тоже пришли с Востока, тоже были кочевниками. Они быстро вытеснили скифов из причерноморских степей, захватив и разграбив даже греческие колонии в Крыму, причем остатки скифов-кочевников были ассимилированы другими народами. В славянском эпосе сарматы, как и другие степняки-кочевники, ассоциировались с многоглавым огнедышащим змеем, причем теперь это дополнялось образом Бабы-яги, владеющей табунами лошадей и летающей в ступе. В этой ступе Бабы-яги академик Рыбаков усматривает символ походных котлов кочевников, в которых варились пища на целую орду.

Дело в том, что культурно-экономический уровень сарматов периода завоевания был ниже, чем у скифов. Они находились на стадии родоплеменного строя, причем у них сохранился даже матриархат. Греки это называли «гинекократия», и именно в связи с сарматами у них возникли легенды о воинственных амазонках. Действительно, в захоронениях сарматок – оружие и конская сбруя.

В отличие от скифов, которые стремились экономически «устроить» вовлеченные ими в свою орбиту племена, используя труды их земледелия и торговли, сарматы жили грабительскими набегами, почти не вступая в экономические контакты. Географ Страбон писал, что из-за сарматов земли между Эльбой и Днестром стали неведомыми.

Бедствием для скотов нашествие обернулось не только прямым разрушением укрепленных городищ и селений и гибелью людей, но и разрывом связей с культурным античным миром. Часть скотов в это время уходит на север, в недоступные для кочевников леса и болота. Оставшееся поредевшее население экономически деградирует. Контраст между северным населением леса и культурным земледельцами лесостепи резко уменьшился.

Следующий период экономического подъема славян – II–IV вв. н. э. В римских источниках этого времени славяне называются венетами и антами, причем анты заселяли восточную часть славянского ареала, охватывая, в частности, Приднепровье. Очевидно, это были восточные славяне. А в целом славяне этого времени занимали огромную территорию от Балтийского моря и Вислы до Балкан и Днестра.

В древнерусской летописи сохранилось воспоминание об этом экономическом подъеме под названием «траяновы века», по имени императора Траяна (98–117 гг.). Уже из этого названия видно, что летописец связывал экономические успехи восточных славян с Римом. Возобновилась торговля с античным миром. Отсюда шел хлеб, в обмен на который поступало вино, ремесленные изделия и другие римские товары. Происходило и культурное влияние: верхушка славянского общества перенимала элементы римской культуры и обычаев. О торговых связях с Римом свидетельствует русская мера «четверик», которая точно соответствует римскому квадранталу – 26,26 литра.

Подробную картину хозяйства приднепровских славян – антов этого времени дают археологические памятники черняховской культуры. Выясняется, что совершенствовалось экспортное, т. е. товарное зерновое хозяйство. Появился новый вид пахотных орудий – сошники тяжелого типа для подъема целины. Возникли новые орудия для размола зерна – ротационные жернова и даже специальные мукомольни. Захоронения свидетельствуют о существовании военной верхушки, обладавшей значительными богатствами. В этих захоронениях мы находим не только много римских вещей, но и тысячи римских денариев. Но ведь деньги – не украшение. Деньги – свидетельство товарно-денежных отношений.

В это время по берегам рек тянулись на 1–1,5 км неукрепленные села, следовательно, не было постоянной угрозы вражеских набегов. Но на юге оставалась полоса укреплений – «змиевы валы», и военные дружины были

наготове. Некоторые из этих селений исследователи называют поселками «городского типа» – это были центры металлообработки, ювелирного и гончарного ремесла.

Именно к этому времени относится противопоставление летописцем Нестором «мудрых» и «смысленных» жителей лесостепи северным лесным племенам, живущим «зверинским образом». Разница между югом и севером снова возросла.

Но и этот период экономического расцвета был оборван очередной волной кочевников, которые двигались по степям с востока. «Траяновы века» сменились страшным «бусовым временем». На этот раз в степи пришли кочевники-гунны. Греческий писатель Аммиан Марцеллин так описывал их быт: «Все они, не имея определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь... гоня перед собой стада, они пасут их».

Во второй половине IV в. они прошли по Черноморским степям, сея смерть и разрушение. Они разгромили Боспорское царство, уничтожив греческие города-колонии. Славянские поселения лесостепной полосы также были разграблены и сожжены. Кроме черных слоев пожарищ, археологи находят много невостребованных кладов, относящихся к этому времени: погибшие хозяева не вернулись за зарытыми сокровищами.

В V в. Аттила объединил племена гуннов под своей властью, продолжая разорение Европы. После его смерти союз гуннов распался, и они исчезли с исторической арены, буквально не оставив следов. Археологических памятников культуры гуннов практически нет. После распада союза Аттилы остатки орд были ассимилированы местными народами, ничего не внося в их культуру.

Движение кочевников по причерноморским степям продолжалось и далее. В середине VI в. в степи вторглись авары. Возник союз аварских племен – Аварский каганат. Южные славянские племена, в частности, племя дулебов, попали к ним в зависимость и платили дань. Но борьба оседлых земледельцев с кочевниками продолжалась, и в VII в. Аварский каганат распался. «И есть притча в Руси и до сего дне: погибоше аки обре (т. е. авары): их же нет племени ни наследка», – поучительно замечает летописец.

Между тем именно в это время завершалось разделение славян на три группы – южную, западную и восточную. В VI в. усиливается наступление южных славян на Византию, через Дунай и Карпаты. Император-историк Константин Багрянородный в VI в. писал, что Балканский полуостров «ославянился».

9.3. Хозяйство восточных славян накануне рождения государства

Итак, по расчетам академика Б. А. Рыбакова, трижды социально-экономическое развитие восточных славян доходило до такого уровня, за которым должно было следовать образование государства, и трижды оно отбрасывалось назад нашествиями очередных кочевых орд. Очередной подъем наступил в VII–VIII вв. и закончился образованием Киевской Руси. Поэтому состояние хозяйства восточных славян в последние века перед образованием государства следует рассмотреть подробнее, хотя бы для того, чтобы выявить экономические предпосылки этого.

Следует еще раз подчеркнуть, что зоной обитания славян были леса, лиственные на юге, хвойные на севере. По степи шли кочевники. После каждого крупного нашествия степняков часть людей уходила из лесостепной, лиственной зоны на север, в глухие леса и болота. В результате зона обитания славян все более сдвигалась на север, и происходило выравнивание уровней развития севера и юга.

Леса определяли характер поселений и образ жизни. Было невозможно селиться компактными массами, тем более что важной отраслью хозяйства оставалась охота, а охотничьи угодья, конечно, были гораздо обширнее пастбищ или пашни. «Среда лесов и болот, – пишет В. О. Ключевский, – надобно было отыскивать более открытые и сухие места и расчищать их для пашни». И конечно, эти поселения располагались по берегам рек, а не в глубине леса. Река была дорогой, которая связывала с соседями не только летом, но и зимой: пробраться сквозь лесную чащу не только на санях или повозке, но и верхом было почти невозможно.

Селились небольшими поселками, по несколько домов, причем один такой поселок отстоял от другого на 5–8 км. Поселки располагались гнездами, по несколько поселений в гнезде, а между такими группами поселков оставалось расстояние в 20–30 км. Ю. Фроянов предполагает, что каждый поселок принадлежал родовой общине, а «гнездо» заселяло племя. Об этом свидетельствуют и слова летописца: «Живяху кождо родом своим». Территория племени составляла приблизительно 30 x 60 км. Впрочем, точных границ территорий не было. Освоение окружающей земли определялось трудовыми возможностями: «куда топор да соха ходили». Поэтому не было и почвы для феодального землевладения: земля не могла быть имуществом, собственностью.

Обычно поселение представляло из себя городище: оно было окружено тыном – частоколом из вертикально вкопанных в землю бревен. Общение

между такими родами-поселками было довольно слабым. Только по праздникам сходились на нейтральной территории в священных местах, устраивали «игрища» и умыкали невест.

Дома были двух видов. Иногда это полуземлянки со срубными стенами и двухскатными бревенчатыми крышами, а иногда – большие бревенчатые дома, явно рассчитанные на несколько семейных пар. Род мог располагаться в одном или нескольких небольших жилищах – родовому устройству это не противоречило.

Археологические и лингвистические источники дают подробные сведения об одежде, пище и быте восточных славян.

Питались они в основном растительной пищей. Основу питания составляли зерновые, причем из зерна готовился не только хлеб, но и каши. Это свидетельствует о том, что именно земледелие оставалось основой хозяйства. Обычным дополнением к растительной пище были сыр, творог и мясо. Для одежды употреблялись ткани из льна и шерсти, но для обуви, а частью и для одежды использовалась и выделанная кожа. Продукты лесных промыслов – меха, мед, воск – в основном предназначались для обмена и для уплаты дани.

В условиях лесов земледелие долго сохраняло специфический лесной характер – это было подсечно-огневое земледелие. Лес подрубали («подсекали»), деревья засыхали на корню, затем их сжигали, золой и пеплом удобряя почву. Отвоеванный таким образом у леса участок засеивали два-три года, пока земля давала высокие урожаи, а затем выжигали под поле новый участок леса.

Пахотным орудием была соха или рало. Сначала это была суковатка – еловое бревно с заостренными сучьями, которое волочила лошадь. Потом появилось простейшее рало – тонкое бревно с вставленным в него деревянным клином – ральником и рукояткой для управления. Еще позднее появились железные сошники.

В условиях северных лесов с пнями и корнями плуг не мог появиться: он застрял бы на первых же метрах. А примитивная сошка свободно перескакивала через корни и коряги, «почеркивала» по камушкам, но землю, конечно, обрабатывала слабо.

Приблизительно с VII в. у древнерусских людей появляется переложная, а потом двухпольная система. При переложной системе земледелия на поле сеялся хлеб подряд несколько лет, до истощения почвы, затем это поле забрасывалось и осваивалось новое, а прежнее тем временем отдыхало и зарастало травой. Когда истощалось новое поле, могли вернуться к прежнему.

При двухпольной системе земля делилась на два поля, причем чередование происходило ежегодно, так что каждый год засеивалось и год отдыхало.

В соответствии с этим прогрессом в земледелии менялись и социальные отношения. Подсечное земледелие требовало обязательного коллективного труда. Чтобы спалить участок леса с необходимыми предосторожностями, требовалось много людей (иначе можно спалить и свой дом). Это обстоятельство задержало распад родового строя. Большая патриархальная община, которая состояла из нескольких семейных пар, вела одно общее хозяйство. Когда род слишком разрастался, отдельные семьи селились по соседству и закладывалась основа нового рода.

Но когда у леса для посевов были отвоеваны уже значительные площади, т. е. приблизительно с VII в., земледелие перестало требовать обязательного коллективного труда. Родовая община начинает перерастать в сельскую, аналогичную марке у франков. У восточных славян она называлась «вервь» на юге и «мир» на севере. Русские крестьяне решали свои дела «миром» вплоть до Октябрьской революции, и даже решения об образовании колхозов иногда принимались на мирских сходах.

Сельская община отличалась от родовой не только и не столько тем, что она состояла не только из кровных родственников. В некоторых русских деревнях до последнего времени все жители имели одну фамилию – они все еще были родственниками. Главное же отличие заключалось в том, что общее хозяйство рода делилось на частные хозяйства отдельных семей (семейных пар). В общей, общинной собственности оставалась земля, но каждая семья вела свое отдельное хозяйство, имела свой дом, скот и прочее имущество.

Переход от родовой к сельской общине, по выражению академика Б. А. Рыбакова, был восстанием детей против отцов. Когда отдельные члены рода требовали имущественного выделения из общего хозяйства рода, это было выступлением против прав главы рода. Нередко в этой борьбе отцов и детей стремящиеся к самостоятельности члены рода становились изгоями, т. е. изгнанными из рода. Они были вынуждены искать покровительства в более высокой инстанции – у вождя племени, т. е. князя.

Дело в том, что, как и у других народов на переходе к государству, у славян этого времени был строй военной демократии. Главным органом власти племени было народное собрание – вече. Вече выбирало для ведения военных действий, для защиты от врагов военного вождя. У древних греков такой военный вождь назывался басилевсом, у франков – королем, а у славян – князем.

Князь возглавлял военную дружину племени. Сначала состав таких дружин был временным, они состояли из «отроков», т. е. молодых людей, не имевших еще своей семьи и хозяйства и выполнявших военную повинность. Но потом некоторые «отроки», испытавшие сладость побед и вольной жиз-

ни, отказывались после окончания срока службы возвращаться к крестьянской жизни.

Самый известный герой наших былин Илья Муромец, как только почувствовал «силу богатырскую», так, один лишь день попахав на поле отца, поехал наниматься к князю в дружину. Дружина приобретала все более постоянный контингент: теперь она состояла в основном из военных-профессионалов, оторвавшихся от общин и крестьянской жизни.

Эти люди составили господствующую группу общества. Они были как военные самыми сильными, они были и самыми богатыми: в их руки попадала прежде всего военная добыча.

В настоящее время большинство исследователей считают, что поляне, северяне, древляне, радимичи и т. д. – не племена, а союзы племен. Группа племен постепенно сливалась в такой союз, и если племя заселяло территорию, соответствующую нескольким районам нашего времени, то союз охватывал территорию нескольких областей. Это значит, что князем был глава такого объединения, а следовательно, и состоявшая при нем дружина комплектовалась из представителей разных племен. Сущность процесса выделения военной верхушки при этом не менялась.

Норманны еще до образования Киевской Руси называли землю восточных славян «страна городов» («гардарик»). Очевидно, не только и не столько потому, что общинные поселения были городищами, окруженными валом и тыном (город, град – это огороженное стеной место). В те времена обычно, в том числе и у самих норманнов, человеческое поселение окружалось оборонительными сооружениями. Правда, настоящие средневековые города на Руси тоже еще не сложились, но есть достаточно оснований считать, что города у нас появились раньше, чем возникло государство.

Как уже сказано, славяне в определенные дни сходились на «игрища», для совершения языческих религиозных обрядов, для умыкания невест, сходились на специально выделенных для этого местах, у святилищ. Здесь же происходил торг – продукты лесных промыслов обменивались на ремесленные изделия, производство которых было налажено не везде.

Мы говорили о том, какое огромное значение для славян имели торговые связи с античным миром: когда эти связи обрывались, наступал экономический спад. Но это значит, что по рекам сюда проникали торговые посредники с римскими и византийскими товарами. Конечно, эти купцы не могли приходиться для обмена в каждое общинное поселение.

В соответствии с нормами военной демократии главные решения жизни племени (или союза племен) принимались на народном вечевом собрании. И конечно, это вечевое собрание могло происходить именно там, где сходились на «игрища». А когда стали выделяться военные вожди – князья с дру-

жинами, их резиденцией становились эти же центры общественной жизни. Конечно, эти места окружались оборонительными укреплениями – не могло быть иначе. И ремесленникам удобнее всего было селиться именно там.

Так и возникли славянские «грады» по берегам рек.

Первое время они большую часть времени стояли почти пустыми, наполняясь народом только в дни «игрищ» и торга, но со временем становились многолюдными ремесленными, торговыми и административными центрами по берегам рек, потому что торговля с дальними странами могла вестись только по речным путям.

Уже тогда, до образования государства, сложился путь «из варяг в греки». На этом пути и возникли главные древнерусские города: Киев, Чернигов, Новгород, Ладога, Псков и др. Эти города выросли из погостов, т. е. из торговых пунктов: «гостить» значило торговать. Торговцы-скупщики здесь скупали меха, мед, воск, кожи и даже льняные ткани, отправляясь затем речным путем к Черному морю. Иоанн Эфесский писал о славянах VI в., что они «стали богаты золотом и серебром».

Второй торговый путь шел по Волге к Каспийскому морю и далее до Багдада. Арабский писатель IX в. Жан Хордадбе еще до образования Киевской Руси писал, что русские купцы возят свои товары на верблюдах до Багдада. По словам того же Хордадбе, эта торговля была транзитной: таким сложным обходным путем по славянским рекам шел обмен товарами между арабским Востоком и Византией.

И первыми деньгами восточных славян еще до образования государства были арабские серебряные дирхемы, клады которых находят на территории древнерусских городов. При раскопках в Муроме было найдено 42 кг этих монет, в Великих Луках – 100 кг. Но если были деньги, значит, они употреблялись.

Правда, этот путь контролировали хазары. Под властью Хазарского каганата находилась первоначально почти вся южная степная полоса страны, и некоторые славянские племена (поляне, северяне, вятичи) платили хазарам дань. Есть даже предположение, что Киев возник как хазарский город. Однако эта дань, судя по летописным известиям, была необременительной.

Ко времени Святослава Хазарский каганат занимал только небольшую область в низовьях Волги со столицей в Итиле. Конечно, хазары контролировали выход в Каспийское море, брали десятину с товаров русских купцов. Но такая пошлина не была для тех времен чрезмерно тяжелой. Власти каганата следили за безопасностью торговли в своих пределах: ведь именно на этом экономически и держался каганат. К тому же русские купцы для них были «своими» и имели определенные преимущества.

Таким образом, еще до образования Киевской Руси у восточных славян были торговля и товарное производство, уже возникли города как торгово-

ремесленные центры. Именно на торговых путях сложились два центра объединения Руси – Киев и Новгород.

Л и т е р а т у р а

1. Алин Б. В. Русь на богатырских заставах // Вопросы истории. 1968. № 12.
2. Греков Б. Е. Скифы. М., 1971.
3. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX–XX вв.). М., 2001.
4. История СССР. Т. 1. М., 1966.
5. Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточных славян к феодализму // Вопросы истории. 1969. № 3.
6. Ключевский В. А. Соч. Т. 1. М., 1956.
7. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967.
8. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1952.
9. Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.
10. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993.
11. Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 1–2.
12. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.
13. Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси // История СССР. 1981. № 1.

10. ЭКОНОМИКА КИЕВСКОЙ РУСИ

10.1. Социально-экономический строй

Древнерусское государство Киевская Русь возникло в IX в. До недавнего времени считалось, что в рамках этого государства сформировался феодализм, после чего оно распалось в XII в. на мелкие феодальные княжества. Однако в действительности, как признано современной исторической наукой, можно говорить лишь о формировании основ феодализма в период существования этого государства.

Как и другие государства раннего Средневековья, Киевская Русь возникла в результате завоевания. Сначала возникло два центра объединения славянских племен – Киев и Новгород. Новгородский князь Олег, спустившись по Днепру, овладел Киевом, убил княживших там Аскольда и Дира и сделал Киев столицей рождавшегося государства. Процесс «собираения» русской земли продолжался до конца X в., когда в состав государства была включена земля вятичей, заселявших тогда территорию по реке Оке, в том числе район будущей Москвы. В одних случаях местные князья признавали зависимость от киевского князя, который теперь именовался великим князем, в других случаях славянские земли отвоевывались у других государств (например, вятичи были отвоеваны у хазар).

Князь, который встал во главе государства, первоначально был военным вождем и подчинялся вечевому собранию. Но в ходе образования государства в противовес народу, объединенному в общины, все большую роль начинает играть дружина князя. Теперь дружина делится на две части. Господствующее положение занимает «старшая» дружина из бояр. Бояре – уже не просто воины. Это люди, которые выдвинулись и разбогатели на службе у князя. Они имеют свои хозяйства, а иногда и свои дружины. Это «друзья» князя (ведь дружина – от слова «друг», «содружество»). Князь с ними советуется по всем вопросам. Вместе с дружиной, говорит древнерусская летопись, князь «думал о строе землянем и о ратех, и о уставе земле-нем» (т. е. о государственном устройстве, о войне и государственных законах). Таким образом, старшая дружина – это государственный совет. Из состава старшей дружины назначаются и правители отдельных районов, и послы в другие страны.

Младшая дружина состоит из «отроков», или «детских». Младшие они теперь не по возрасту, а по положению. Это действительно только воины.

Князь с дружиной жил за счет дани с подчиненных Киеву племен. Правда, согласно утверждению И. Я. Фроянова, данью следует считать лишь поборы с неславянских побежденных племен, а плата славянских племен князю за выпадение административных, судебных и военных функций не может называться данью – это добровольные взносы. Этому утверждению противоречит тот факт, что Игорь и Ольга обложили славянское племя древлян именно данью. И как называть эти добровольные взносы? Но название не меняет существа дела: плата за выполнение государственных функций являлась налогом с населения.

Первоначально этот налог – дань (мы все же будем употреблять именно это слово, потому что другого названия нет) – собирался способом полюдья: князь с дружиной объезжал земли племен, делая остановки в погостах, и собирал дань в основном мехами, медом, воском, т. е. продуктами, предназначенными для экспорта в Византию. К местам остановок князя с дружиной дань доставляла верхушка местного племени.

Очевидно, все же в состав дани входили и продукты сельского хозяйства, прежде всего хлеб. Князья и дружинники своей пашни не имели, хлеба не выращивали, а именно хлеб, жито (от корня «жизнь», «жить»), был основой питания славян. Очевидно, они получали продовольствие («корм») с того же населения, но это не фиксировалось в летописи, потому что престижными и ценными были продукты лесных промыслов, а снабжение дружины хлебом, ее содержание разумелись само собой.

Полюдье продолжалось всю зиму. Князь с несколькими сотнями дружинников поочередно останавливался в становищах погостах, куда из окрестных мест свозили дань. В таком становище были «истьбы» – теплые дома для дружинников, конюшни для лошадей, печи для выпечки хлеба, кузницы, амбары-склады для дани. Естественно, кормились дружинники за счет местного населения. И только весной собранная дань доставлялась в Киев, где уже готовились суда для ее отправки в Византию. Погосты прежде, как уже говорилось, были пунктами товарного обмена (от слова «гостьба» – торговля), а потом, когда период полюдья прошел, они сохранили свою роль фискально-административных центров.

Со временем (летопись это относит к правлению княгини Ольги) были установлены нормы дани «от дыма» или «от рала». Единицей обложения стала, таким образом, не община, а семья, которая имела один очаг, одну печь («дым») и одно пахотное орудие («рало»). Хоть дань собиралась в основном продуктами лесных промыслов, в качестве единицы обложения принималось

пахотное орудие, т. е. пашня. Это лишний раз доказывает, что основой хозяйства славян все же были не промыслы, а земледелие.

По мере установления твердых норм дани «полюдь» сменяется «кормлением». Теперь уже сам князь с дружиной не ездил собирать дань, а отправлял на места своих представителей из младших членов княжеской семьи или бояр, поручая им в управление определенную волость, и назначал «корм». Назначенный в волость боярин собирал дань, определенную часть оставлял себе на «корм», т. е. на содержание себе и своим людям, а часть отправлял князю.

На этом этапе становится очевидным, что основу поборов с населения составлял хлеб: «кормиться» можно хлебом, «житом», а не мехами, медом и воском.

Главным в назначении боярина на определенную волость было не выполнение функций власти, а именно кормление. Князья выделяли для кормления определенные земли также церкви, монастырям, и это служило материальной основой их существования. Например, князь Мстислав в 1130 г. передал Юрьеву монастырю волость Буйце «с данию и с вирами, и с продажами, и вено.» Монастырь, таким образом, получал не ренту с крестьян волости, а сбор в свою пользу государственного налога (дани) и судебные сборы [18, с. 56].

Таким образом, вначале знатные люди еще не были землевладельцами, не были феодалами, а существовали за счет дани, которая по существу была государственным налогом. Здесь напрашивается ассоциация с правителями областей в Персии или Турции.

И богатство знатного человека в Киевской Руси определялось не его земельными владениями, а движимыми ценностями: золотом, серебром, тканями, мехами, медом, воском, рабами. «Богатство множилось не за счет плодов земледельческого труда, – пишет И. Я. Фроянов, – а в результате накопления движимых ценностей, увеличения стад и эксплуатации промысловых угодий» [20, с. 61].

В сущности, кормление было уже шагом к рождению феодального землевладения. Знатный человек, боярин, получал в свое распоряжение определенную территорию и вместе со своими людьми жил за счет доходов с населения этой территории. Правда, эта земля не была его собственностью. Но ведь и первая форма феодального землевладения у франков, бенефиций, тоже не была собственностью бенефициария.

И все же на Руси феодальное землевладение стало рождаться не путем перерастания бенефиция в феодал. Этому препятствовали огромные лесные массивы, среди которых лишь небольшими полянами были клочки пашни и селения. Эту не-размежеванную «ничью» землю можно было беспрепят-

ственно осваивать для получения продуктов лесных промыслов – мехов, меда, воска. Леса компенсировали своими богатствами скудость почвы. Особенно большое значение лесные промыслы имели для новгородского севера, где хлеб родился плохо. Главным богатством там были пушные зверьки: соболи, бобры, горностаи, куницы. Белок было так много, что их шкурки употреблялись в качестве разменной монеты. И именно путем освоения этих «ничьих», никем не занятых земель стало рождаться сначала княжеское, а потом и боярское частное землевладение.

От IX в. до нас не дошло сведений о частном землевладении. В X в. появляются княжеские села: Берестово, которое принадлежало князю Владимиру, Ольжичи, принадлежавшее княгине Ольге. Заметим, что «села» на Руси появились гораздо позже, чем города.

Княжеское село не обязательно принадлежало киевскому «великому» князю. Княжеский род быстро разрастался и задолго до распада Киевской Руси князья раздавали в ведение детей и других родственников уделы для кормления, и в этих уделах возникали села княжат.

В XI в. появляются боярские села. В поздней части Русской Правды, в ее Пространной редакции, мы находим сведения о «боярском тиуне», «боярском рядовиче», а так назывались люди, которые ведали хозяйством в селах. В летописи упоминается, что князь Всеволод в 1177 г. «села боярские взял и кони и скот», а рязанский князь Глеб «села пожже боярская».

По аналогии с селами позднейшего времени предполагалось, что появление этих сел и было рождением феодального землевладения: если село населено крестьянами, а крестьяне, конечно, имеют пашню, то и земля, и крестьяне принадлежат владельцу села. Однако уже дореволюционной исторической науке было известно, что княжеские и боярские села X в. – это охотничье-рыболовные хозяйства, в которых не было крестьян, а пашня, если и была, то играла вспомогательную роль.

Деревня, т. е. крестьянское селение, тогда называлась «весь», а село – это загородное хозяйство князя или боярина. Центром его было «дворище», т. е. обширный двор с одним или несколькими домами и хозяйственными постройками. К селу «тянули», т. е. входили в состав этого хозяйства, «ловища рыбные и гоголиные», охотничьи и бортные угодья. В сущности, четких границ принадлежавших селу владений не было. Так же как владения крестьянского селения определялись принципом «куда топор да соха ходили», так и здесь в распоряжении владельцев села оказывались угодья, явочным порядком освоенные слугами князя или боярина. Ограничения были относительными. Например, новгородцы, отводя князю места для охоты, указывали «а свиньи ти бити за 60 верст от города... а далее кому угодно» (конечно, здесь речь идет о диких свиньях) [7, с. 135].

И конечно, подлежали правовой защите уже освоенные угодья. В Русской Правде были установлены высокие штрафы за порчу перевеса (сети для ловли птиц), повреждение борти и т. п.

Охота и рыбная ловля служили не только источником дохода, но и для развлечения. Боярин или князь являлись в свой загородный дом (на дачу) отдыхать в свободное от государственных обязанностей время.

К концу XI в. важную роль в хозяйстве села начинает играть скотоводство, особенно разведение лошадей, необходимых для войска. В княжеских селах насчитывались тысячи лошадей и до 900 стогов сена. Князь Владимир Мономах в своем «Поучении детям» писал о том, каким он был рачительным хозяином, как он заботился об охоте, о скоте, но ни слова не упоминает о земледелии, о пашне.

Возникнув как «охотничий домик», село все более разрасталось, а со временем стало включать в себя и пашню. Описывая «Игорево сельцо» одного из черниговских князей в

XII в., летопись фиксирует 900 стогов немолоченного хлеба, погребца, наполненные бочонками меда и вина, большие запасы железа и меда в амбарах. В селе другого черниговского князя было занято 700 человек челяди. Однако следует учитывать, что это уже был период феодальной раздробленности.

Таким образом, знатный человек имел два источника доходов: с одной стороны, «корм» с населения подведомственной волости – хлеб и другое продовольствие для непосредственных потребностей, с другой – собственное «лесное» хозяйство, которое давало меха, мед, воск – товары для обмена, для накопления богатств. Конечно, продукты лесных промыслов могли входить и в состав «корма», т. е. прежней дани, но все же основную часть его составлял хлеб. И именно то обстоятельство, что хлеб, продовольствие составляло основную часть «корма», являлось причиной второстепенной роли хлебопашества в хозяйстве княжеских и боярских сел.

Село, в отличие от кормления, рассматривалось как собственность, как объект купли-продажи, и в летописи за XI–

XIII вв. появляются сведения о покупке сел. Но из этих сведений выясняется, что удельный вес этих сел в богатстве знатного человека невелик, тогда как в период феодализма земля с крестьянами составляла основную часть богатства феодала. Как отмечал М. В. Довнар-Запольский, древнерусское село стоило 60–75 гривен кун (гривна – около 100 руб. на деньги начала XX в.), тогда как князь маленького княжества Глеб Минский пожертвовал монастырю около тысячи гривен, а богатый суздалец – свыше 500 гривен.

Впрочем, села, а тем более кормления имели далеко не все бояре. Более того, со временем волости в корм стали получать лишь удельные князья. За свою службу бояре получали денежное жалованье. Летописец XIII в., говоря

о прежних временах, временах еще не раздробленной Киевской Руси, замечает, что в те времена бояре не говорили князю: «Мало мне, князь, 200 гривен». На основании этого Ключевский заключает, что 200 гривен и составляли средний годовой оклад боярина.

Итак, село – это сравнительно большое хозяйство, состоявшее из нескольких отраслей. Работали в этом хозяйстве не крестьяне, а люди подневольные, не имеющие своих хозяйств – челядь, холопы, закупы. Во главе села стоял управляющий – тиун, а отдельными частями хозяйства ведали подчиненные ему рядовичи.

Следует отметить двойственное положение этой администрации, которая вела хозяйство княжеских или боярских сел: эти люди находились в зависимости от владельца, но, действуя от имени князя или боярина, притесняли окружающее население. Публицист Киевской Руси Даниил Заточник, представитель дружинной, господствующей части населения, писал: «Не имей себе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею наложен, а рядовичи его аки искры: аще от огня устережешься, но от искор не може-ши устеречися».

Итак, княжеские и боярские села мы не можем отнести к категории феодального землевладения, потому что там не было крестьян, обязанных платить феодальную ренту. Феодальное землевладение стало складываться лишь к концу существования Киевской Руси, а по мнению многих исследователей – только в период раздробленности, после распада Киевского государства.

Вторая сторона формирования феодализма – образование слоя зависимых от феодалов крестьян. Но в период Киевской Руси большинство зависимых людей находилось в рабской, а не феодальной зависимости.

Наиболее ранняя категория зависимых людей – челядь и холопы. Существует распространенное представление, что челядью назывались все зависимые люди, которые жили при дворе владельца и не имели собственных хозяйств. Однако И. Я. Фроянов, один из крупнейших авторитетов в этом вопросе, доказывает, что челядь и холопы – это два отдельных вида рабов.

Челядь – это рабы из пленных. На Руси, как и в других странах того времени, захватывались в плен и становились рабами не только воины, но в первую очередь женщины и дети. Челядь составляла один из главных товаров, которые продавались в Византию. В Царьграде был даже специальный рынок, где русские гости торговали челядью. То обстоятельство, что военнопленные-рабы предназначались в основном для продажи, свидетельствовало о слабом развитии рабовладельческих отношений в самой Руси: внутри страны рабскому труду не находилось достаточного применения.

Когда в летописи и других источниках того времени речь идет о селах (о их разграблении противником, о завещаниях и т. д.), то добавляется: «с челядью». И поскольку в селах были и другие зависимые люда (холопы, закупы), то, очевидно, слово «челядь» в этих случаях все же тогда объединяло все категории зависимых людей.

Вторая категория несвободных людей – холопы. Если челядь – это рабы «внешние», то холопы – «внутренние», из местного населения. В Русской Правде сказано, что «холопство обельное трое», т. е. полным, «обельным» холопом человек мог стать в трех случаях: 1) если он сам продавал себя в холопы или его продавали, а он видел, как за него платили; 2) если он женился на холопке «без ряду», т. е. без договора с господином этой холопки; 3) если он поступал к кому-нибудь на службу тоже «без ряду», без договора. Таким образом, Русская Правда указывала, как можно избежать холопства: в двух случаях заключить договор, а в третьем – просто не продавать себя. Если же он продавался не сам, а его продавал кто-то другой, то это значит, что он уже был холопом: свободного человека продать нельзя.

Заметим, в Русской Правде указан и еще один исключительный источник холопства: если закуп убежит или будет застигнут на воровстве, он обращается в холопа.

Холоп – раб, как и челядин, убийство своего холопа никакого наказания не влечет, а убийство чужого не считается убийством человека: нужно только заплатить штраф князю и возместить стоимость говорящего имущества хозяину.

И все же в отличие от челядина холоп частично правоспособен. В исключительных случаях он мог выступать свидетелем в суде, мог заключать сделки по торговле и кредиту.

Особого внимания заслуживает такой источник холопства, как «тиунство без ряду». Даже поступление к кому-нибудь на службу в качестве управляющего-приказчика влекло рабскую зависимость, потому что иных форм зависимости Русская Правда не знала.

Третья категория зависимых людей – закупы, долговые рабы. Когда человеку, обычно крестьянину, из-за неурожая или по другим причинам грозила с семьей голодная смерть, он мог пойти на двор боярина, взять у него купу (ссуду) и стать закупом. В Русской Правде не говорится, оставался он закупом лишь до возвращения ссуды или на всю жизнь. В одной из статей Русской Правды закуп назван «наймитом», но это совсем не значит, что закуп мог быть также просто наемным работником. Наймом назывались проценты с купы, и своим трудом он отрабатывал именно эти проценты, а не погашал купу. В статьях Русской Правды о «резах», т. е. процентах по ссуде, закупы

не упоминаются. В них идет речь о кредитных и торговых операциях состоятельных людей,

Ролейный (т. е. пашенный) закуп получал от хозяина рабочий скот, инвентарь и зерно для посева и работал в хозяйстве владельца. Предполагается, что у закупа могло быть и свое крестьянское хозяйство, обеспечивавшее жизнь его семьи.

Если закуп сбежит от господина и его поймают, он становится полным холопом.

Но все же перед холопом закуп имеет некоторые преимущества. Хозяин не только не мог его убить, но даже побить «без вины», потому что в этом случае он по суду становился свободным. Суд освобождал его и тогда, когда хозяин пытался продать его в рабство.

Еще одна группа зависимых людей, о которых упоминает «Русская Правда», – рядовичи, т. е. люди, которые поступили на службу по ряду (договору). Именно из рядовичей состоял административный аппарат хозяйства князя или боярина.

Челядь, холопы и закупы работали в селах бояр и князей. Они находились не в феодальной, а в рабской зависимости. До конца существования Киевской Руси в хозяйствах господствующей верхушки общества преобладали не феодальные, а рабовладельческие отношения. Но это был не рабовладельческий строй, а лишь рабовладельческий уклад, потому что подавляющее большинство крестьян оставалось свободным и не находилось ни в рабовладельческой, ни в феодальной зависимости.

Но существовала еще одна категория зависимых крестьян – смерды. В советской исторической науке господствовало представление, что смердами назывались вообще крестьяне. Но уже В. О. Ключевский называл их «государственными крестьянами», т. е. крестьянами, находившимися под властью князя. Это крестьяне, которые выпали из общин, отдались под покровительство князя (изгои?). Князь выделял им земли в своих владениях, обеспечивал защиту, а за это покровительство и землю они были обязаны не только платить князю оброк, но и участвовать в военных походах. Смерды, таким образом, действительно находились в феодальной зависимости, но лишь от князя, т. е. от государства, и В. О. Ключевский имел достаточное основание называть их государственными крестьянами.

Согласно Русской Правде, смерд ведет нормальное крестьянское хозяйство, но не состоит в крестьянской общине – «верви». Крестьяне, члены общины, называются «люди» и живут в деревнях – «весах». Смердов в весах нет, они живут в селах или погостах. Они упоминаются в связи с княжеским хозяйством, и известны случаи, когда князь дарил погост со смердами монастырю.

У И. Я. Фроянова иное представление о смердах. Он считает, что смерды – это покоренные и обложенные данью неславянские племена. Это «внешние» смерды, которые не являлись составной частью населения покорившего их княжества. Но были и смерды «внутренние» – поселения покоренных на княжеских землях.

Некоторые обстоятельства не позволяют полностью принять точку зрения Фроянова. «Внешние» смерды находились бы вне юрисдикции Русской Правды, да в ней смерды и упоминаются лишь в связи с княжеским хозяйством. О массовых переселениях побежденных в глубь страны источники молчат. Военнопленные (в том числе женщины и дети) обращались в челядь, а не в смердов. Включать военнопленных в состав своего войска было бы неосмотрительно. Поэтому переселенные на землю князя побежденные могли представлять лишь частный случай формирования категории смердов.

Итак, подавляющую часть населения страны составляли свободные крестьяне (люди), которые были обязаны лишь платить налог государству, сначала через полюдь, затем через кормления. Эти крестьяне по-прежнему объединялись в сельские общины – верви, в которых сохранялось многое от родовой общины. Хоть каждая семья и вела отдельное хозяйство, но была связана круговой порукой. Например, члены общины должны были вкладываться в «виру» – штраф за преступление, совершенное членом этой верви. Иными словами, за преступление отвечала община в целом.

Деревни, веси, обычно были небольшими, 3–6 дворов. Община могла охватывать несколько деревень. Жили крестьяне в избах, топившихся по-черному, без трубы. В земле вятичей жилищами были полуземлянки, причем углубленная в землю часть называлась голбцем (от слова «глубь», углубление), а верхняя, надземная была намного шире голбца и называлась полатами. В целом такое жилище называлось «истьба» (от слова «истопить»). Впоследствии голбцем стал называться домашний погреб, а полатами – место для лежания в верхней части избы, рядом с печью.

На севере «истьба» представляла деревянный сруб, стоявший на земле, без настланного пола, конечно, крытый крышей. На юге жилищем была мазанка, глубоко вкопанная в землю, в сущности, типа полуземлянки.

Земледелие в период Киевской Руси сделало некоторый шаг вперед. Кроме сохи (рала) появился плуг. Он уже не просто взрыхлял землю, а переворачивал пласт почвы. Он имел чересло – массивный нож, который отрезал пласт почвы, и отвал, который переворачивал этот пласт. Но соха оставалась преобладающим орудием, и это преобладание сохранялось до XX в.

Произошел сдвиг в системе севооборотов. Кроме переложной и двухпольной систем появляется трехполье, господствующая система европейского феодализма. Пахотная земля теперь делилась на три поля; одно засевалось

яровым хлебом, другое озимым, третье отдыхало под паром. Засевалась теперь уже не половина, как при двухполье, а две трети земли, но почва истощалась не сильно, потому что было найдено оптимальное чередование полей.

Однако север и подзолистые лесные почвы – не лучшие условия для земледелия. По расчетам М. Н. Тихомирова, средний урожай зерновых в Ростовской земле составлял сам-1,5. Поэтому на Руси были частыми голодные годы. Например, в 1230 г. голод в Новгородской земле был столь сильным, что «яко инии простая чадь резаху люди живые и ядаху, а инии мъртвая мяса и трупие обрезающе ядаху, а другие конину, псину, кошки, ини же мох ядаху, ушь, сосну, кору липову и лист ильм» [7, с. 133].

10.2. Город, ремесло и торговля

Города в средневековой Европе возникали в результате отделения ремесла от земледелия, выделения его в самостоятельную отрасль производства. В королевстве франков, с которым принято сравнивать Киевскую Русь, городов не было, потому что ремесло еще не отделилось от земледелия. В Киевской Руси ремесло уже была самостоятельной отраслью. Об этом свидетельствует Русская Правда, в которой «ремесственники» рассматриваются как отдельная самостоятельная группа населения. Об этом свидетельствуют археологические раскопки древнерусских городов. Об этом писали греческие авторы, один из которых, например, утверждал, что по развитию ремесла среди известных ему стран первые места занимают Византия и Русь. Нужно учесть, что, поскольку Русь приняла христианство из Византии, здесь было много византийских церковных деятелей, людей образованных, которые в своих записках освещали жизнь Руси. Поэтому в Киевской Руси были города с торгово-ремесленным населением.

Города выросли из погостов, которые были центрами племени (или объединения племен) и одновременно местом «го-стьбы», торговли. Затем дополнительно к этим функциям погосты стали еще и административно-фискальными центрами.

«До конца X. в. господствующий класс русского общества остается городским», – замечает В. О. Ключевский. Именно здесь находились резиденция князя и основное место проживания бояр. Загородные села – места для отдыха, охоты и вспомогательного хозяйства, а в основном знатный человек жил не в замке за пределами города, как в Западной Европе, а в своем городском дворе.

В отличие от Западной Европы, где историческое название области (Бретань, Бургундия, Наварра, Гасконь) ничего общего не имело с названи-

ем крупнейшего города этой области, на Руси такие области (земли, удельные княжества) назывались по городу, которому они подчинялись: Полоцкая земля, Смоленская земля, Черниговская земля. Полочане – это не жители Полоцка, а население всей Полоцкой земли. С середины XI в., пишет Н. П. Павлов-Сильванский, на Руси сложились «городовые области», т. е. торговые округа, управляемые укрепленным городом.

Сельская местность находилась в подчинении города. В этом отношении древнерусский город был подобен античному полису. Деревня не только подчинялась городу, но и платила ему дань. Например, сельское население Новгородской земли должно было платить своему городу налоги. При этом определенные части территорий были приписаны к определенным «концам» Новгорода, т. е. городским районам, подчинялись им и платили им налог. И даже некоторые новгородские улицы имели подчиненные деревни.

В другом отношении древнерусские города были подобны средневековым европейским городам-коммунам. Главным органом власти в городе было городское вече – собрание, в котором могли принимать участие все горожане.

Казалось бы, это утверждение противоречит статусу князя как верховного правителя. Однако известно, что города приглашали князей и выгоняли их по своему выбору. Летопись пестрит сообщениями о том, что жители города выгоняли одного князя и приглашали другого. Кияне (т. е. киевляне) в XI в. изгнали князя Изяслава и пригласили на его место Всеслава, потом изгнали Святополка и разграбили его имущество (может быть, правильнее сказать – конфисковали). Владимир Мономах стал князем по выбору киевского вече. В 1096 г. князь Олег «приде Смоленску и не прияше его смольняне». В 1175 г. смольняне изгнали Ярополка и вызвали на княжество Мстислава.

Иногда земля вообще обходилась без князя. Например, в 1078–1093 гг. Ростовская земля своего князя не имела.

Если князь не поладил с вечевым собранием (т. е. с кияна-ми, смольнянами, новгородцами), то ему не могла помочь и дружина. Князя Святослава Ростиславича новгородцы выгнали в подчиненную Новгороду Ладогу, а его дружину «в погреб въсажаше». Не такая уж большая, очевидно, была эта дружина, если ее можно было посадить в погреб.

Основную военную силу города составляла не княжеская дружина, а городское ополчение, возглавляемое выборным тысяцким. В битве с половцами в 992 г. главным героем оказывается не княжеский дружинник, а ремесленник-кожемяка.

Вече не только выбирало князя, но и решало вопросы войны и мира. Когда киевское вече в 1068 г. приняло решение о походе на половцев, оно потребовало от князя выдать ополчению коней и оружие. Город давал «корм»

князю именно для того, чтобы князь обеспечивал материальную часть вооруженных сил. Поэтому имущество князя считалось общественной собственностью, и, изгоняя князя, городская община забирала его имущество.

Таким образом, главной властью в городе, а следовательно, и в земле, которая относилась к этому городу, было вече. Князь подчинялся вечевому собранию, был военачальником и возглавлял исполнительную власть. За это он получал «корм» – определенные доходы с населения на содержание его двора и дружины.

Это противоречит традиционному представлению о том, что Киевская Русь была монархией. Она вообще не была монолитным государством, а представляла объединение городов-республик. Во главе этого объединения стоял киевский князь, который сам зависел от вечевого собрания «киян». Он мог направлять в земли, входившие в объединение, князьями-наместниками своих детей и родственников, но земля в лице своего веча могла и отвергнуть предложенную кандидатуру и пригласить другого князя из числа многочисленных его родственников.

Для чего тогда были нужны князья в этом объединении? Во-первых, своими родственными связями они сплачивали земли и города в единое целое ради борьбы с внешними врагами и установления единого порядка. Князь Владимир Мономах был избран киянами именно для установления порядка, для упорядочения гражданских дел, для прекращения «мятежа и галку в людях».

Во-вторых, князья были авторитетными профессиональными военачальниками. В военных действиях они возглавляли не только свои дружины, но и ополчение. И если ополчение нередко было более многочисленным, чем дружина, то дружина являлась наиболее квалифицированной, сплоченной частью вооруженных сил.

Господство города над деревней отражалось в городской застройке. Центром города был кремль, или детинец (от слова «детские» – дружинники), – крепость, где находилась резиденция князя с дружиной. Снаружи у стен детинца располагались посад – поселение купцов, ремесленников и прочего городского люда, а также городской торг. Посад в свою очередь обносился крепостной стеной, затем снова обрастал неукрепленным поселением, вокруг которого вырастала новая стена. Древнерусские города имели концентрическое строение: центр окружали несколько концентрически расположенных стен, а улицы вели к центру.

В отличие от западноевропейских в покрытой лесами стране города были деревянными. Они часто горели и отстраивались заново. Построить новую деревянную крепостную стену было легче, чем каменную. Площадь внутри таких стен не экономилась, дома не росли ввысь, как каменные дома западно-

европейских городов, да и трудно было построить многоэтажный каменный деревянный дом. Это не мешало иностранцам считать Киев, в котором было свыше 40 церквей и несколько торговых площадей, одним из крупнейших городов Европы.

Городские улицы мостились деревянными плахами 30–40 см толщиной. Приблизительно раз в 25 лет поверх старой деревянной мостовой настилали новую. В Новгороде археологи откопали целых 28 мостовых, лежавших одна на другой, причем слой этих мостовых достигал десятиметровой глубины. Укладка мостовых считалась столь важным делом, что в Русской Правде мощению улиц был посвящен специальный раздел «Устав о мостниках».

Значительная часть наших горожан была грамотной. Об этом свидетельствуют многочисленные письма на бересте, найденные при раскопках в Новгороде. На бересте, потому что бумаги еще не было, а пергамент (из кожи телят) был слишком дорог для бытовых писем. Он использовался лишь для важных документов. Почему в Новгороде? Потому что болотистые торфяные почвы Новгорода защищали от гниения, и там сохранились не только деревянные предметы, но даже береста, тогда как в почве других городов все это сгнило. А это были именно бытовые письма, например: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловека на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сороцицю, сороцицю забыле». Практика таких бытовых писем считается свидетельством широкого распространения грамотности. К тому же береста сохранила и школьные записи новгородских детей.

Что касается князей, то, например, князь Роман Ростиславович разорился от покупки книг. Книги в Киевской Руси считались самой большой ценностью, их украшали золотом, серебром и драгоценными камнями. Имелось 17 крупных монастырских книгохранилищ.

Промышленное производство в городах находилось на стадии ремесла. Ремесленника в определенной степени уже можно считать мелким предпринимателем: он не только готовил изделия, но и выполнял предпринимательские функции: заготавливал сырье, сбывал готовую продукцию. Он был заинтересован в увеличении выручки за эту продукцию, т. е. в получении прибыли. И все же он только наполовину предприниматель, потому что он же и работник. Поэтому в его доходе прибыль неотделима от заработной платы.

Как и в городах Западной Европы, ремесленники селились компактно по специальностям. Отдельные части Киева назывались Гончары, Кузнецы, Кожемяки. В Новгороде один из «концов», частей, на которые делился город, назывался Плотницким, другой – Гончарным, а улицы сохранили названия Щит-ная, Кузнецкая, Кожевники, Гончарная. Уже эти названия свидетельствуют о развитии и специализации ремесла в городах.

В условиях северных лесов была особенно распространена деревообработка. Дома, крепостные стены и башни, церкви, мостовые – все делалось из дерева. Особое положение среди ремесленников по дереву занимали городники (строители городских стен и башен), мостники (укладчики мостовых), порочные мастера (изготовители стенобитных орудий – пороков).

О широком распространении гончарного производства свидетельствует Гончарный конец в Новгороде, а кожевенного – район Кожемяки в Киеве. На ряд специальностей делилась металлообработка, в частности, больших успехов добились в своем деле оружейники.

По определению, ремеслом называется работа по заказам потребителей. Но уже в XI–XIII вв. ремесло начинает переходить на более высокую стадию – стадию товарного производства: ремесленник уже не работает по заказам потребителей, а продает изделия торговому человеку, который продает их в отдаленных районах. Так, новгородские ремесленные изделия везут на юг для обмена на хлеб, потому что в Новгородской земле всегда не хватало своего хлеба. И не только на юг. Русские трубчатые замки пользовались повышенным спросом в Англии, Германии, Венгрии, Чехии.

Из раскопок в Новгороде выясняется, что здешние ремесленники резали гребни из самшита, который не рос в окрестностях. Самшит привозили из Грузии. Сырье для янтарных украшений доставлялось из Прибалтики; свинец, медь, олово для других изделий тоже привозили издалека. Очевидно, что сами ремесленники за сырьем в эти страны не ездили. Сырье привозили торговые люди. Процесс производства и обращения разделился.

Кроме ремесла, в Киевской Руси рождались более сложные формы организации производства, которые стали вообще характерны для России – артели и подряды.

Для некоторых работ требовалось объединение значительного количества людей. Так, большими коллективами работали городники, мостники, порочные мастера, да и вообще плотники-«древodelы». Эти работы выполнялись артелями, во главе которых, естественно, оказывались предприимчивые люди, причем обладавшие к тому же достаточным капиталом, чтобы взять подряд. Известно, например, что Ждан, старейшина городников сравнительно небольшого города Вышгорода, ежегодно устраивал многолюдный праздник в честь святого Николы (у нас, как и в Западной Европе, каждая ремесленная специальность имела своего святого покровителя), а это, конечно, требовало больших расходов.

Подрядным способом, артелями, строились и церкви. Князь Изяслав, как свидетельствует летопись, чтобы построить церковь, призвал к себе «старейшину древоделов», тот организовал работу, и за несколько дней церковь была построена. Старейшина здесь выступал в качестве подрядчика. При

этом он заключал субподряды с артелями лесорубов и возчиков: «древо-делы» получали готовый материал для строительства.

В это время уже действовали крупные мастерские по выделке изразцов. В таких мастерских было занято много работников, между которыми существовало разделение труда. Естественно, что во главе такой мастерской должен был стоять предприниматель-организатор.

Объединять значительные группы работников с разделением труда требовалось и для солеварения. Из-под земли по скважинам выкачивался соляной раствор, который затем выпаривали на огне в специальных «цренах». Поскольку для этого нужно было готовить «црены» и буровой инструмент, при соляных варницах действовали кузницы. Все это требовало значительных затрат. И мы узнаем, например, что новгородец Кли-мята получал «соленые куны» – доход с соляных варниц, в которые он вложил часть своих денег.

Таким образом, в промышленном производстве Киевской Руси существовали довольно сложные экономические отношения, которые требовали выделения предпринимателей-организаторов и появления значительных капиталов.

Торговля играла столь важную роль в хозяйстве Киевской Руси, что многие историки, в том числе крупнейший историк России В. О. Ключевский, даже рождение российской государственности выводят из внешней, транзитной торговли, т. е. считают, что Киевская Русь возникла как торговое государство. Крупнейшие города Киевской Руси, расположенные, как правило, по берегам судоходных рек, выросли из погостов – торговых пунктов.

Раннее развитие торговли было отражением общей закономерности, согласно которой торговля рождалась с рождением цивилизации, а купеческие капиталы существовали задолго до рождения капитализма.

На Руси эта закономерность усиливалась тем обстоятельством, что Русь находилась на транзитных путях между Западом и Востоком – по рекам Днепру и Волге. И если Венеция разбогатела, потому что держала в своих руках транзитную торговлю по Средиземному морю между Азией и Европой, то транзитная торговля между Азией и Северной Европой, конечно, должна была способствовать процветанию Киевской Руси. О значении этой торговли свидетельствуют следующие обстоятельства:

Восточные славяне, исконные земледельцы, двигались из южных степей на север, в леса и болота, туда, где условия для земледелия были гораздо хуже. Почему? Только ли потому, что с юга теснили кочевники? Но для этого не надо было забираться так далеко на север, к Балтийскому морю. Но туда к Балтике уходили транзитные речные пути с юга Азии на север Европы. Надо было овладеть этими путями на всем их протяжении. И Новгород возник как транзитный перевалочный пункт на подступах к Балтике. Новгород не

уступал Киеву по своему экономическому и политическому значению. В сущности, было два центра притяжения, вокруг которых складывалась Киевская Русь, – Киев и Новгород, причем Новгород пользовался в Европе большей известностью, чем Киев.

Чтобы участвовать в этой транзитной торговле, надо было иметь свой товар. Какой? Хлеб? Нет, преимущественное значение торговля хлебом имела в прежние, античные времена. Но вот продукты лесных промыслов – меха, мед, воск – высоко ценились и на Западе, и на Востоке. Естественно, эти продукты можно было добыть не в степи, а в лесах, и поэтому надо было двигаться на север, в леса.

Как известно, и дань киевские князья собирали медом, воском, мехами – товарам для экспорта. Б. А. Рыбаков рассматривает полюдье и торговые походы в Византию как части единого процесса. Да и в княжеских и боярских селах добывались эти же продукты лесных промыслов, которые через торговлю обеспечивали накопление богатств.

Можно выделить два этапа этой транзитной торговли:

1. VIII–X вв. – торговля шла преимущественно по Волге и Каспию с Арабским халифатом, с Багдадом – столицей халифов. По Волге шел поток арабских дирхемов. Клады их здесь встречаются до сих пор, тогда как в Средней Азии и Ираке их давно уже не находят. Но больше всего арабской монеты находят на острове Готланде в Балтийском море. А Готланд был тем пунктом, где встречались потоки восточных и западных товаров. Именно арабские дирхемы были первыми деньгами Киевской Руси.

В Эрмитаже хранится богатая коллекция сасанидского серебра. Эти серебряные сосуды доставлены сюда с берегов Волги и ее притоков. Их находили, в частности, на Каме, куда это серебро доставлялось в обмен на пушнину. Известны случаи, когда на такие сосуды напарывался в поле плуг, или хозяйка из такого сосуда кормила кур.

Средневековый французский поэт воспевал красавицу, одетую в «русские шелка». Шелководством на Руси, естественно, не занимались. «Русским» назывался шелк, доставляемый через Русь с восточных рынков.

Но Нижняя Волга, через которую шел путь в Халифат, была в руках хазар, и хазарский каган брал с русских торговых людей десятину. И для полного овладения этим путем князь Святослав разгромил Хазарский каганат.

2. Приблизительно с середины X в. основное направление торговли с Востоком меняется. Теперь торговля идет через Византию знаменитым путем «из варяг в греки». Византийский император Константин Багрянородный подробно описал торговые путешествия киевских купцов-дружинников в Константинополь. Это была не просто торговля, а военно-торговые походы.

С наступлением весны, после того как зимой путем полюдья собрана дань, в Киеве снаряжается целый флот, который затем двигается вниз по Днепру, отбивая оружием нападения кочевников-печенегов, ибо низовья Днепра были их территорией. Таким же порядком этот военно-торговый флот осенью возвращается в Киев.

Почти все киевские князья совершали походы на Византию, а князь Олег даже прибил свой щит «на вратах Царегра-да». Для чего? Для грабежа? Нет, в результате этих походов заключались торговые договоры Руси с Византией, из которых видно, что и походы совершались ради преимуществ в торговле. Тексты этих договоров сохранились в византийском варианте на греческом языке.

Нужно учитывать, что здесь имелась в виду торговля не только с Византией, но и через Византию с Востоком. «Великий шелковый путь» заканчивался в Константинополе. Отсюда часть восточных товаров направлялась по Средиземному морю, а часть – на север, к Балтике.

Согласно текстам договоров, русские люди обеспечивались в Константинополе (Царьграде) за счет византийского императора даровым кормом и даровой баней. А это значило, что к ним относились не как к купцам, а как к представителям иностранного государства. Но зато пускали их в Константинополь партиями не более 50 человек, т. е. видели в них людей военных, которые могут захватить город.

Дело в том, что торговал с Византией и через нее – с восточными странами – князь со своей дружиной, «военно-торговая аристократия», по выражению историка Н. П. Павлова-Сильванского. Во главе государства стояли купцы-дружинники, а Русь была торговым государством.

Конечно, и на этом торговом пути Русь встречалась с конкурентами. На севере это были норманны-варяги. Это были морские разбойники. Для Западной Европы они были страшным «бичом божьим». Они налетали с моря сотнями дракаров, жгли, грабили, убивали, захватывали прибрежные земли. Но русские города стояли не на морском побережье, а на реках внутри страны. На речном пути «из варяг в греки» с волоками на водоразделах норманны со своими дракарами были бессильны. Поэтому сюда они приходили не как пираты, а как вооруженные купцы, которым надо было пройти через Русь в богатую Византию. А для этого они вливаются в состав русской правящей верхушки, становятся дружинниками и участвуют в защите русских земель.

Они приходят в Византию, но уже в новом качестве – русских купцов-дружинников. В перечне людей, подписывавших русско-византийские договоры, почти нет славянских имен, решительно преобладают скандинавские. Первые князья носили варяжские имена: Игорь (Ингвар), Ольга

(Елга), Олег (Хел-гу). Но имена следующих князей были уже славянскими: Святослав, Владимир, Ярослав. За одно-два поколения варяги ославянивались и уже забывали о своем норманнском происхождении.

С юга к этому пути подбирались Венеция и Генуя. На скалах южных берегов Крыма сохранились развалины венецианских и генуэзских крепостей. Это были прямые наследники античных колоний. Но они не пытались преодолевать днепровские пороги. Они вели торговый обмен со степью, а по возможности – и с Русью. Однако на берегах «Русского моря» вырастали и русские военно-торговые форпосты: Тмутарокань, Сурож (нынешний Судак), Переяславец. Это были составные части Киевской Руси.

Князь Святослав заявлял в 969 г.: «Не любо ми есть жити Кыеве, хоцю жити Переяславцы в Дунай, яко то есть среда земли моей, яко ту вься благая съходяться: от грек – наволоки, злато, вино и оwoщеве разноличьнии; ис Чех и из Угър – сьребро и комони; из Руси же – скоро и воск и мед и челядь» [12, с. 357].

Дело в том, что Переяславец (в устье Дуная) был центром значительной принадлежащей Руси территории, соответствующей размерами земле или удельному княжеству. Б. А. Рыбаков называет это «остров русов». Конечно, этот «остров» находился не в середине, а на краю русских земель и даже был отделен от них половецкой степью, но имел важные стратегические преимущества: близость к Византии и дружественной Болгарии, возможность торговать, не прорываясь с боями через кочевников. Впрочем, перенос столицы Киевской Руси на Дунай не состоялся.

Однако не вся торговля и даже не вся внешняя торговля была в руках дружины. Разница между просто торговым человеком и княжеским дружинником была довольно размытой. Согласно летописи, Олег и Игорь, приплыв по Днепру от Новгорода, «притворились гостями» (т. е. торговыми людьми). Обманув таким образом бдительность Аскольда и Дира, они убили их и тем объединили Киевскую Русь. Очевидно, «притвориться» торговым человеком дружиннику было не так уж сложно.

О развитии внутренней торговли свидетельствует следующее. Известно, что на севере, в Новгородской земле, всегда не хватало своего хлеба. Поэтому с юга на север постоянно везли хлеб, а в обратном направлении в обмен на хлеб – новгородские и иноземные ремесленные изделия. Этим, конечно, занимались не князья и дружинники, а посадские торговые люди.

Торг, т. е. торговая площадь города, был центром общественной жизни. Здесь не только торговали, но и давались объявления об украденном имуществе, о бежавших холопах.

В Руси чеканились серебряные деньги, что свидетельствовало о довольно высоком развитии товарно-денежных отношений.

О торговых операциях новгородских посадских людей мы узнаем из их деловой переписки на берестяных грамотах. Из этих грамот выясняется, что обычно купец не торговал сам во себе, один, а входил в товарищество «складников». Это объединение купцов, которые вели совместные торговые операции, складывая капиталы и товары. Такие товарищества, судя по всему, были обычной формой организации торговли.

Но складнические товарищества были не единственной формой объединения купцов. Как правило, купцы, торгующие одинаковыми товарами, объединялись вокруг своего, построенного ими же патронального храма, платили членские взносы и имели определенные привилегии.

Например, известный герой былины Садко («богатый гость») был членом купеческого объединения вокруг церкви Николы Можайского. Вокруг церкви Успенья Богородицы Пирогощи в Киеве объединялись хлеботорговцы. В «Слове о полку Игореве» эта церковь упоминается как символ Киева. Солеторговцы объединялись вокруг церкви Бориса и Глеба в Старой Русе.

Но наиболее известное объединение – «Иванское сто» – содружество богатейших новгородских купцов, которые вели торговлю с иностранцами (их называли «пошлыми» купцами), вокруг церкви Иоанна Предтечи. Поскольку «Иванское сто» объединяло богатейших купцов, эта церковь была центром купеческой жизни Новгорода. Здесь заседал и торговый суд.

Среди членов «Иванского ста», т. е. купеческой верхушки, особенно выделялась привилегированная группа гостей-сурожан, которые по своему положению приближались к боярам. Это были купцы, которые вели торговлю с Востоком, но не через Константинополь, а через Сурож (Судак) в Крыму. Рядом с нынешним Судаким на горе – остатки венецианской крепости Сугдеи. Суда по всему, здесь русские и венецианцы действовали вместе. Отсюда на Русь шел поток восточных товаров, в частности, шелка. Заметим, что основная резиденция сурожан находилась не в Киеве, сравнительно близком к Крыму, а в далеком Новгороде – на другом конце пути «из варяг в греки», потому что здесь начинался второй отрезок этого пути в Европу.

Менее привилегированной группой были купцы-суконщики, торговавшие с Западной Европой. Если сурожане везли на Русь шелк, то суконщики привозили сукна. Они ездили в Польшу, Скандинавию, Британию. В ливонской Риге, в Вильно были русские кварталы.

Купцы в те времена наживали уже значительные капиталы. Например, летопись рассказывает, что, когда новгородцы разграбили дом купца Мирошкина, на долю каждого новгородца пришлось по три гривны (т. е. около 300 руб. на деньги начала XX в.).

Торговля – это товарно-денежные отношения. Как уже сказано, первой металлической монетой на Руси были арабские дирхемы. В кладах этих мо-

нет наряду с целыми дирхемами находят много их отрезанных кусочков. Это доказывает, что дирхемы использовались именно в качестве денег: обломки заменяли разменную монету.

Чеканить собственные серебряные деньги начали при князе Владимире Святославовиче. Поскольку до этого с давних времен в качестве денег использовали шкурки пушных зверьков, то и металлические деньги стали называть кунами (куна – шкурка куницы). Слово «деньги» – монгольского происхождения, оно появилось после монгольского завоевания.

Крупнейшей денежной единицей была гривна кун – слиток серебра, обычно продолговатой формы, весом 68,2 г. Гривна равнялась 25 кунам, 20 ногатам или 50 резанам. Купна во весу соответствовала дирхему (2,7 г серебра) [6, с. 217–218].

Следует оговориться, что вес серебра в денежной единице не был стабильным, поэтому указанное выше количество серебра в гривне и куне, как и в дирхеме, довольно условно. В самой Киевской Руси драгоценные металлы не добывались, золото и серебро были привозными. В Арабском же халифате месторождения серебра истощались, поступления дирхемов на Русь с X в. стали сокращаться, а в соответствии с этим изменялся и вес гривны.

По словам В. О. Ключевского, «Русская Правда есть по преимуществу уложение о капитале». Она содержит свыше 20 статей окредите и «резах» (ссудном проценте). На денежных штрафах в ней основана вся система наказаний.

Мы узнаем, что купцы давали друг другу деньги «в куплю» (т. е. для закупки нужного товара) и «в гостьбу» (в долг под проценты). Выше говорилось о новгородце Климяте, который получал «соленые куну», т. е. вложил часть капитала в соляные варницы и получал с этих денег определенный процент. Известно, что в качестве ростовщиков выступали бояре (иначе откуда бы взялись закупы?), а также монастыри (хотя христианское учение и осуждало лихоимство). Русская Правда ограничивала «резы» 50% в год, а Владимир Мономах в поздней редакции этого кодекса законов эти 50% разрешал брать только два года. Но уже вскоре после Мономаха «милосердным ростом» считалась норма в 60 или 80% в год.

* * *

Подводя итоги, мы можем выделить основные особенности экономического развития Киевской Руси.

Огромные лесные пространства «ничьей» земли затормозили развитие феодального землевладения и феодальных отношений. Княжеские и бояр-

ские «села» предназначались для эксплуатации богатств леса, их удельный вес в сельском хозяйстве был незначительным, а подавляющая часть крестьян оставалась вне рамок феодальной зависимости.

В хозяйствах знатных людей использовались рабовладельческие отношения. Челядь, холопы и другие категории зависимых людей были подобны сервам в ранних варварских государствах Западной Европы.

Киевская Русь была объединением городов-республик, в которых княжеская власть ограничивалась народными вечевыми собраниями.

Киевская Русь возникла как торговое государство на речных транзитных путях между Востоком и Балтикой. Торговля с Византией имела государственный характер, а господствующее положение заняла «военно-торговая аристократия».

Если по развитию отношений в сельском хозяйстве Русь отставала от Западной Европы, то по развитию ремесла и торговли шла впереди. Ремесло как самостоятельная отрасль производства здесь возникло раньше, чем в Западной Европе, переходило на стадию товарного производства, здесь уже практиковались формы артелей и подрядов, причем в качестве подрядчиков выступали предприниматели-организаторы.

6. Торговля посадских людей имела сложные формы организации – товарищества «складчиков», объединения вокруг храмов. Выделение богатейшей верхушки купечества.

10.3. Экономическая мысль Древней Руси

10.3.1. РУССКАЯ ПРАВДА

Экономическая мысль Древнерусского государства нашла отражение в замечательном памятнике Русская Правда, влияние которого распространилось с возникновения его в первой трети XI в. и до XV в.

Экономическая мысль Древней Руси берет начало от описания истории становления Руси летописцем Нестором. В этот же период византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) в сочинении «Война с готами» писал о славянских племенах: они не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим [4]. К тому времени относится усиление восприятия элементов византийской культуры

Между славянскими племенами быстрыми темпами развивались товарно-денежные отношения. Из Русской Правды известно, что древние русские деньги – меха – ценились и по породе пушного зверька, и по качеству меха.

Разменным малоценным мехом был мех летней (вешней) рыжей белки – векши. В «Дополнении к древним законам», записанным в Судебнике Российском, дано объяснение названия монеты «полушка» (1/2 копейки): при расчетах меховыми деньгами возникла потребность в мелких разменных деньгах. Тогда «стали употреблять половинка лба или уха, 1]2 головы – пол-уха».

Первоначально римские и греческие монеты служили средством внутреннего обмена для древних славян Восточной Европы. Затем денежная система славян претерпела некоторые изменения. Важнейшим событием Древней Руси было появление в X в. собственных металлических денег. Надо отметить, что еще в VII в. на Руси было достаточное количество серебра и накоплен опыт денежного обращения (представление о весе монеты, качестве металла). Типичными были медные монеты с клеймом, изображавшим голову (морду, мордку) или всю фигуру животного. Эти монеты назывались «скотец», или «говядо». И хотя монеты были металлические, но из-за изображенных на них зверьков сохранились старые названия денег – куна, мордка и т. п. Регулярная чеканка русских металлических денег в X в. началась при князе Владимире Красное Солнышко. На Руси расчеты производились по десятичной алфавитной нумерации, сходной с греческой и византийской. Сочетание букв и черточки означали цифры до миллиона (А – аз – 1, Б – буки – 2, В – веди – 3, К с черточкой наверху – 20, Л с черточкой – 30, М – 40).

В Киевской Руси была значительно развита как внутренняя, так и внешняя торговля. Киевское государство вело торговлю с арабами, Византией и с народами Западной Европы. Особенно большое значение для Киевской Руси имел торговый путь «из варяг в греки» – из Балтийского моря в Черное. Внутренняя торговля происходила главным образом на небольших и раздробленных местных рынках. С принятием христианства в Киевской Руси стало складываться крупное церковное и монастырское землевладение путем княжеских пожалований. Эти процессы нашли отражение в истории русской экономической мысли.

Экономическая мысль в Древней Руси, как и во всех других странах, долгое время существовала в неразрывной связи с религиозными воззрениями людей и их правовыми понятиями. Самыми ранними письменными памятниками Древнерусского государства являются летописи. Составлению Русской Правды предшествовал летописный свод законов – «Повесть временных лет». Он лег в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов – Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Составителем «Повести временных лет» считается монах Нестор. Но были и летописные своды (Новгородский свод 1050 г.), предшествовавшие ей. Однако заслуга Нестора в том, что он был первым, кто связал историю Руси с историей восточноевропейских славянских народов и со всемирной историей.

Русская Правда отражала обычное право восточных славян и была кодексом княжеского законодательства. Составлялась она в течение XI–XII вв. и существует в двух видах: Краткая Правда и Пространная Правда.

Русская Правда имеет большое значение для изучения экономической мысли Киевской Руси, ибо в ней регламентируются интересы земельных собственников, а также обязанности крестьянства, смердов, закупов, холопов.

Так, в ней предусматривалась повышенная ответственность за поджоги, перепашку меж, хищение хлеба, скота и другого имущества князей и бояр. Величина штрафа была: за нарушение межи – 12 гривен; повышенные штрафы были установлены за убийство землевладельца-феодала – 80 гривен; за убийство холопа также платили штраф, но только 5 гривен; за убийство свободного человека – 40 гривен.

Русская Правда дает представление об организации крупного княжеско-боярского владения, в котором имелся целый штат управления, а работали частью холопы, частью зависимое крестьянство. Доход присваивался в форме барщины, отработочной ренты.

Русская Правда охраняла городских жителей от произвола ростовщиков. Уровень процента (вследствие неразвитости товарно-денежных отношений) устанавливался законодательным путем. После восстания 1113 г. киевский князь Владимир Мономах в особом Уставе, вошедшем составной частью в Русскую Правду, стремился определить максимальный уровень процентов, взимаемых за долги: 20% или 40%.

Стремясь предотвратить угрозу народных восстаний, Владимир Мономах в своем «Поучении к детям» осуждал сребролюбие, погоню за богатством, насилие над людьми и чрезмерную эксплуатацию.

Экономическая мысль периода феодальной раздробленности была направлена на защиту натурального хозяйства. В этот период приходят в упадок торговля и ростовщичество. Сепаратизм и разобщенность боярских вотчин были помехой единству страны, столь необходимому для защиты независимости Родины. Эта идея нашла свое выражение в замечательном литературном памятнике конца XII в. (1185 г.) «Слове о полку Игореве», в котором осуждаются раздоры князей и междоусобицы, провозглашаются важность и необходимость единства Русской земли.

В другом более позднем произведении, относящемся к XIII в., «Молении Даниила Заточника», был подвергнут критике боярский произвол и закабаление крестьян. В боярах видели помеху отношениям между народом и князем и высказывались за сильную княжескую власть, которая могла бы обуздать бояр, укрепить силу и славу страны.

10.4. Экономика русских земель в период раздробленности (XII–XV вв.)

Период феодальной раздробленности на Руси татаро-монгольским нашествием делится на две части: с 20-х гг. XII в. до монгольского завоевания в 30-х гг. XIII в. и период монгольского ига с 30-х гг. XIII в. до освобождения от власти Золотой Орды во второй половине XV в.

Феодальная раздробленность – закономерная политическая организация феодализма. Экономической основой этой раздробленности был натуральный характер феодального хозяйства: в феодальной вотчине все производилось для внутреннего потребления, т. е. ничего не покупалось со стороны и ничего не продавалось на сторону. Это хозяйство приспособлено для изолированного существования. Оно не нуждается во внешнем мире.

Страна не составляла единого экономического организма, а была экономически раздробленной, т. е. делилась на экономически замкнутые районы, внутри которых шел торговый обмен – ремесленные изделия обменивались на сельскохозяйственные продукты. А между такими районами, или, другими словами, между местными рынками, стабильных экономических связей не было. Этой экономической раздробленности и соответствовала политическая – деление на мелкие государства.

Однако на Руси генезис феодализма только еще начинался, подавляющая часть населения оставалась вне рамок феодальных отношений, поэтому распад Руси на мелкие княжества, согласно утверждению И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, «ничего общего с феодальной раздробленностью не имел».

Было и другое отличие раздробленности на Руси от соответствующей стадии в Западной Европе. При переходе к феодальной раздробленности, например, при распаде королевства франков, там города еще не сложились, а на Руси раздробленность представляла конгломерат городов-республик, во главе административного аппарата которых, однако, стояли князья-военачальники.

Но экономической основой раздробленности и здесь был натуральный характер хозяйства. Страна делилась на «местные рынки», замкнутые экономические районы, центрами, экономическими узлами которых и были города.

Прежде эти города-княжества объединялись под руководством киевского князя потребностью в торговле с Византией. Хребтом, вокруг которого сплачивалась Русь, был путь «из варяг в греки».

Но в XII в. Русь начинает отступать перед половцами. Половцы разоряют южные княжества, и население бежит отсюда. Князь Святослав Ольгович в

середине XIII в. пишет своему брату: «Взял я город Чернигов с семьёю другими городами, да и то пустыми: живут в них псари да половцы». Под натиском половцев пустеет и Киев, утрачивая свою господствующую роль. Естественно, торговые связи с Византией в новых условиях ослабли настолько, что утратили свою объединяющую роль.

Следствием ослабления Киева как связующего центра Руси, а следовательно, и киевского князя как «великого», главного, стали княжеские усобицы. Прежде киевский князь, старший в роду, «отец», выделял своим детям уделы, земли в управление. В землях-княжествах они играли роль его представителей, действовали от его имени и платили ему дань. Как старший в роду, он пользовался непререкаемым авторитетом, тем более что он держал в своих руках торговлю с Византией. Но род Рюриковичей разрастался. У детей были свои дети, которым тоже надо было выделять уделы. Родственные связи слабели, и уже трудно было определить, кто старший в роду. Усиливались столкновения за земли, за города, особенно ожесточенными эти усобицы были вокруг Киева, потому что киевский князь по традиции считался «великим», главным.

Одновременно происходило дробление княжеств. Каждый князь старался «устроить» своих детей, обеспечить им княжеские «должности», а для этого дробил княжество на уделы. На территории нынешней Московской области теперь уже было несколько княжеств: Дмитровское, Коломенское, Можайское и др.

Все большую ценность для князей приобретают их собственные владения, села, которые постепенно превращаются в феодальные вотчины с зависимыми крестьянами и полным комплектом отраслей сельского хозяйства. Именно в это время и начинается переход к феодализму на Руси, а следовательно, все же можно называть нашу раздробленность феодальной.

Одним из путей расширения вотчин было закладничество. Усобицы, грабежи «сильных людей» разоряли крестьян, и чтобы избежать разорения, крестьяне были вынуждены отдаваться под защиту князя или крупного боярина, «закладываться», т. е. вместе с землей переходить под его покровительство, а за это покровительство платить ему феодальную ренту. Здесь была полная аналогия с западной коммендацией.

В период раздробленности повысилось значение бояр: на них опирались князья в усобицах. Бояре могли отказаться поддерживать своего князя, тем более что многие из них имели владения в разных княжествах, причем вотчины крупного боярина могли быть и больше вотчины мелкого князя. Князья теперь уже давали боярам «жалованные грамоты» (аналогичные иммунитетным Западной Европы), освобождали их вотчины от государственных налогов, от вмешательства государственных органов в их дела.

Бояре становятся все более независимыми от княжеской власти. Наоборот, князья теперь зависят от их воли. Например, галицкие бояре арестовали своего князя Ярослава Осмомысла, его друзей изрубили, а любовницу сожгли на костре. О Данииле Галицком говорится, что один из бояр «лице залил ему чашею. И то ему стерпевщу» [15, с. 220].

А в связи с этим ухудшилось и боевое качество войска. Раньше дружины состояли из профессиональных воинов, которые всю жизнь проводили в походах, а теперь эти воины стали оседлыми землевладельцами, занимались хозяйством в своих вотчинах, и только в случае войны являлись к князю, чтобы участвовать в ней. Теперь бояре имели право отъезда, т. е. право отказаться от участия в войне или даже перейти на сторону противника.

Утрачивается патриотический дух. Русь уже не осознавалась как единое целое, и князья заключали союзы не только с другими князьями, но и с иностранными соседями (например, с половцами) против русских князей. Лишь немногие люди, такие как автор «Слова о полку Игореве», помнят о Руси как едином отечестве.

В противовес слабеющей власти князей в это время усиливаются не только бояре, но и города. Князья вынуждены заключать «ряды» – договора с городами. Так, если, садясь на княжение в Киеве, князь забывал заключить договор с вечем, бояре напоминали ему: «Ты ся еси еще с людьми Киеве не укрепил.» Именно вечевые собрания городов были решающей политической силой. Князья менялись, город оставался.

В XI–XIII вв. растет городское население – сюда бегут холопы и закупы. Правило «городской воздух делает свободным» здесь не было оформлено законом, но действовало практически. В городской толчее было невозможно отыскать бежавшего холопа, и поэтому официальный путь его поисков на границах чужого города прекращался.

К тому же в отличие от Западной Европы силу города укрепляли бояре, которые входили в состав городской верхушки, а иногда составляли основу этой верхушки. Бояре обычно имели дворы в городах, которые иногда имели характер укрепленных замков. А поскольку бояре к тому же активно участвовали в торговых и ростовщических операциях, то их интересы в значительной степени совпадали с интересами города в целом.

Экономической основой раздробленности на Руси, как уже сказано, был натуральный характер хозяйства. Все необходимое для жизни земли-княжества производилось в пределах этой земли. Ведь и до распада Киевской Руси престижные товары из Византии в обмен на челядь, меха, мед и воск предназначались только для богатейшей верхушки общества.

Внутренняя торговля теперь, как и прежде, велась в основном между городом и прилегающей к нему сельской местностью – около 100 км в ра-

диусе. В центре города у стен детинца располагалась торговая площадь, где находились лавки ремесленников и мелких торговцев, а крестьяне торговали с возов своей продукцией. Здесь торговали мукой, мясом, рыбой, одеждой, обувью, посудой и другими товарами. Вся страна делилась на такие торговые округа (местные рынки), обмен между которыми был довольно слабым. Изолированность рынков усиливалась пошлинами на границах княжеств: мыт, мостовщина, гостинное, вечее.

И все же экономические связи между отдельными землями и княжествами существовали. Это была торговля только некоторыми товарами, которые нужны были всюду, но производились не везде. Например, железные изделия поставлял в основном Новгородский край, и наоборот – хлеба там не хватало. Поэтому с севера на юг шел поток железных товаров, а обратно на север – хлеб. Важным товаром междугородного обмена была также соль. Даже само древнее название куща во внутренней торговле – «прасол» – свидетельствует о значении торговли солью. Соль шла преимущественно из Галицкой земли, и летопись рассказывает, как в результате войны Киева с галицким князем торговля солью прекратилась «и не стало соли во всей Русской земле».

В некоторых случаях князья были вынуждены облегчать торговлю, отменять торговые пошлины, по крайней мере, для части купцов и товаров. Это исключение делалось, во-первых, для тех товаров, которые были жизненно необходимы для данного княжества (например, хлеб для Новгорода); во-вторых, для купцов дружественных княжеств, чтобы закрепить союз; в-третьих, чтобы содействовать развитию своего княжества. Наконец, как правило, освобождалась от уплаты пошлины церковь – из почтения к религии.

10.5. Хозяйство Руси под монгольским игом

Итак, раздробленность – закономерная стадия экономического развития. Но это опасная стадия. В период раздробленности народ беззащитен. Хорошо, если у соседей – такая же раздробленность (так было в Западной Европе). Но если в это время появляется централизованная агрессивная сила извне, раздробленные силы народа не могут оказать серьезное сопротивление. Для Руси такой силой оказались кочевники-монголы. Их часто называют татаро-монголами, потому что, двигаясь с Дальнего Востока на Запад, их поток увлекал другие кочевые народности, и до Руси докатилась уже смесь кочевых племен. Впрочем, господствующее положение занимали монголы, и династия ханов Золотой Орды была монгольской.

Монголы вызвали экономический регресс у завоеванных народов. Они разрушали города, уничтожали и захватывали в плен массу населения, они

обложили страну тяжелой данью и вызвали обнищание людей. Перед нашествием в экономическом и культурном отношении Русь находилась на уровне других европейских стран, считаясь вполне уважаемым государством. Французские короли считали честью для себя породниться с киевским князем. После ликвидации монгольского ига Русь на века отстала от Западной Европы, и преодоление этого отставания продолжалось до XIX в. Более того, монгольское завоевание изменило путь развития. Если прежде Русь развивалась по европейскому пути, лишь с некоторыми особенностями, то в результате ордынского ига, оборвавшего связи с Западом и усилившего связи с Востоком, в экономику России вошли многие элементы азиатского пути развития.

Впрочем, монгольское разорение в разной степени коснулось разных частей страны. Почти не пострадала от него Новгородская земля: через леса и болота монголы сюда не прошли. Здесь сохранились прежние, домонгольские порядки, сохранились «своеземские» города – города-республики.

В завоеванной монголами части страны республиканский строй городов с городскими вольностями и вечевыми собраниями прекратил существование. Когда князья восстанавливали прежние города или строили новые, они, конечно, не воссоздавали вечевые собрания и городское самоуправление. Это были «княжеские» города, находившиеся полностью под властью князя. Князь строил крепость, ставил туда гарнизон, и под защиту этой вооруженной силы сюда стекался торгово-ремесленный люд. Строился посад, который позже также обносился крепостной стеной. Так возникли, например, Нижний Новгород, Ярославль. Князья вместо утверждения вечем теперь получали ярлыки на княжение от ордынских ханов для выполнения административных функций и сбора дани, поэтому Орда поддерживала князей в противовес городам. Горожане поднимались на восстания против ига Орды, и князья, которые играли роль администраторов Орды, их беспощадно подавляли.

Силы, которые наступали с запада (ливонцы, шведы, немцы), были за усиление городов, которые обеспечивали интеграцию новых земель в европейскую систему через товарно-денежные отношения. Победа ливонцев означала для горожан установление магдебургского права, т. е. законов, гарантирующих городские вольности и самоуправление, в дилемме – немцы или татары – города стояли за немцев. Поэтому верхушка горожан Пскова и Новгорода шла на сговор с ливонцами, а Александр Невский – с татарами.

Дополнительной причиной сохранения прежних республиканских порядков в Новгородской земле было еще одно обстоятельство: Новгород оставался «окном в Европу». Это был восточный пункт торговли Ганзейского союза. Здесь находились два иноземных торговых двора. Это были огоро-

женные стеной части города, куда посторонним вход был запрещен. Свои ганзейские купцы должны были возвращаться к определенному сроку, после чего ворота закрывались и выставлялась стража. Это, впрочем, было характерно не только для ганзейских дворов. Торговый двор одного государства в другом представлял кусочек территории первого государства, законы и обычаи местного населения здесь не действовали. Чтобы не терять оставшийся канал торговых связей с Западом, князья не спешили с ликвидацией новгородских вольностей, и Новгород оставался республикой. Верховным органом власти было знаменитое новгородское вече, а исполнительные органы (Совет господ, посадник и тысяцкий) состояли из представителей городской верхушки. А новгородские князья, в частности, Александр Невский, как и в прежние времена, были военачальниками. За военную службу, за оборону Новгородской земли князю и его дружине обеспечивался «корм», т. е. доход с определенных владений города.

Но к XVI в. Ганзейский союз приходит в упадок. Торговля через Новгород сокращается. В середине XVI в., заканчивая процесс объединения Руси, Иван Грозный захватывает Новгород и ликвидирует новгородские вольности.

Наибольшему разорению подверглась южная часть русских земель вокруг Киева. Именно здесь еще до монголов ушибы были наиболее острыми: князья стремились овладеть Киевом, потому что по традиции киевский князь считался «великим». Этот же край больше всего разоряли и монголы. Со своими стадами они шли по степи и лесостепи, а на север, в леса и болота, могли совершать только набеги. Венецианец Плано Карпини, проезжавший через Киев в 1246 г., писал, что все здешнее население было перебито или взято в плен татарами, а в степи он видел лишь множество человеческих костей.

Спасаясь от этого разорения, население уходило на север, в глухие леса и болота, в междуречье Волги и Оки. Это была земля вятичей, самая захолустная и дикая часть Руси. Это были такие глухие и дикие места, что проехать отсюда прямым путем к Киеву считалось подвигом. Когда былинный Илья Муромец сказал богатырям в Киеве (т. е. дружинникам князя), что он проехал прямым путем из Муром в Киев, ему не поверили: «В очах детина завирается: а где ему проехать ту дорогу прямую». Но Илья – былинный, почти сказочный герой. Однако и князь Владимир Мономах, который извездил Русь вдоль и поперек, в своем «Поучении детям» говорит как о подвиге о том, что один раз он проехал из Киева в Ростов «сквозь вятичей».

Любопытно, что цикл героических былин о киевских богатырях не сохранился на Украине, вокруг Киева. Там их место заняли казацкие думы. Былины сохранились в северных районах страны, куда население бежало от монголов.

И вот теперь в землю вятичей, в дремучие леса Суздальской земли потянулся народ с юга, основывая здесь деревни, села и города и давая им те же названия, какие имели их родные села и города на юге: Переяславль около Киева и Переяславль Залесский (за лесом от монголов), Владимир Волынский и Владимир Великий. Звенигород, Вышгород – это южнорусские названия. Сюда теперь из Киева перемещается экономический центр страны, и вновь государство объединилось уже не вокруг Киева, старой «матери городов русских», а вокруг Москвы.

Л и т е р а т у р а

1. Дьячков А. Н. Узденков В. В. Монета России и СССР. М.,
2. Карамзин М. Н. Предания веков. М., 1988.
3. Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
4. Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1957.
5. Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987.
6. Нумизматический сборник. М., 1971. Ч. 4. Вып. 1.
7. Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. XIII.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. Л., 1929.
9. Россия на путях централизации. М., 1982.
10. Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969.
11. Святославский В. В. Происхождение денег и денежных знаков. М.; Л., 1923.
12. Соловьев С. М. Соч. Кн. III. Т. 5. М., 1989.
13. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970.
14. История русской экономической мысли / Под ред. А. И. Пашкова. Т. 1. Ч. 1. М., 1955.
15. Всемирная история экономической мысли. Т. I. М., 1987.
16. Карамова О. В., Семенкова Т. Г. История русской экономической мысли. Ч. 1. М., 1997.

11. ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В XV–XVII ВВ.

11.1. Объединение русских княжеств

В XV в. период феодальной раздробленности на Руси заканчивается. Русские княжества объединяются в единое государство со столицей в Москве. Но Московское государство родилось «незаконно», преждевременно, родилось тогда, когда для этого еще не сложились экономические условия. В странах Западной Европы ликвидация феодальной раздробленности была началом перехода к капитализму. Там сначала происходило экономическое объединение: устанавливались экономические связи между частями будущего государства, стягивая страну в одно экономическое целое, складывался единый рынок, а за этим экономическим объединением следовало политическое. А так как торговлей и товарным производством занимается буржуазия, то и в основе формирования централизованного государства лежало развитие буржуазных отношений.

У нас же в это время городской буржуазии еще не было, всероссийский рынок начал складываться только в XVII в. Поэтому объединение княжеств в XV в. происходило не на буржуазной, а на феодальной основе.

Что же объединило страну на два века раньше, чем сложились для этого экономические условия? Необходимость восстановить государственную самостоятельность России. Только объединенными силами можно было избавиться от монгольского ига. К тому же дело было не только в том, что основная часть русских земель стала улусом Золотой Орды, а другая часть русских земель отошла к западным соседям, так что все, что было западнее нынешней Московской области, было уже «за границей», в составе Польско-Литовского государства.

Парадокс, однако, заключался в том, что объединение страны, объективно направленное против ордынского ига, происходило с помощью этого же ордынского ига.

В период феодальной раздробленности маленькое Московское княжество считалось захолустьем. Князья здесь появлялись на короткий срок, причем это были младшие сыновья своих отцов, для которых не находилось более достойного удела. Княжество было бедно природными ресурсами: по-

чвы были скудными, не было ни соли, ни железа. Москва стояла в стороне от главных торговых путей по Волге и Днепру.

«Собиратель земли русской» Иван Калита был верным вассалом ордынского хана и чаще других ездил к нему на поклон, выпрашивая ярлыки на княжения, причем приезжал не с пустыми руками. Соперницей Москвы была Тверь. Тверские князья даже в начале XIV в. сочли возможным вооруженное сопротивление татарам. И после того, как Калита помог ордынцам подавить восстание в Твери, в награду он получил в 1328 г. ярлык на великое княжение, т. е. остальные русские князья были ему подчинены. После этого татарские набеги на Москву прекратились. По словам летописца, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и пересташа татарове воевать землю Русскую» [9, т. 2, с. 21].

В этот период и шло «собрание» Русской земли. Московские князья выпрашивали ярлыки на другие удельные княжества, а иногда и покупали уделы, вотчины, у других князей. Сам Калита купил Белозерск, Галич, Углич. Прежние владельцы таких уделов оставались на своих местах, признавая свое подчиненное положение, становясь «служилыми» князьями.

По словам В. О. Ключевского, преемники Ивана Калиты были «посредственностями». Они не проявляли особой активности кроме продолжения того же «собираательства» земли, избегали военных столкновений, усобиц, придерживаясь правила «жити за один». И население других земель, устав от разорительных усобиц, от набегов, тянулось в Московское княжество.

Впрочем, даже после этого его территория была невелика. На севере, в 80 верстах от Москвы, начиналось Тверское княжество, на западе в 100 верстах – Литва, на юге тоже в 100 верстах пролегла засечная линия против татар. Новгородская земля и Литва были гораздо крупнее по территории, населенной русскими.

Пrestиж Москвы резко повысился, когда в XIV в. она стала резиденцией митрополита, т. е. столицей русской православной церкви. А когда в XV в. пал Константинополь, Москва оказалась во главе православного мира, «третьим Римом», а московский князь назывался теперь «государем всея Руси».

Уже то обстоятельство, что московские князья могли покупать уделы у других князей, свидетельствует, что княжество являлось, в сущности, не государством, а вотчиной, собственностью князя. Такой же вотчиной было и Московское княжество. В соответствии с этим строился и аппарат управления.

Так же как в феодальной вотчине, центром был двор феодала, центром княжества был княжеский двор, где объединялись функции хозяйственного управления и военного командования. Верхушку двора составляла военно-служилая знать, которая впоследствии составит основной костяк

боярской думы. Сюда относились как удельные князья, утратившие самостоятельность своих княжеств, но сохранившие на века княжеские титулы, бояре этих князей, так и сам московский князь.

Но здесь созревало противоречие. Члены боярской думы, исходя из прежней традиции, когда князь с боярами «думал о строем землею и о ратех, и о уставе землею», считали себя советниками князя, без согласия с которыми он ничего не предпринимает, а князь считал думцев своими слугами, администраторами его вотчины. Как известно, наибольшей остроты это противоречие во взглядах достигло при Иване Грозном и воплотилось в опричнине.

В конечном итоге служба для бояр превратилась из вольной в обязательную. Боярство стало означать лишь высший служебный чин. Социальный статус и богатство все в большей степени зависели от занимаемой должности в системе властных структур. Соперничество бояр было в значительной степени парализовано местничеством, соперничеством по принципу родовитости, которое препятствовало объединению для совместного отстаивания своих прав. Согласно этому же принципу великий князь, а затем царь оказывался самым родовитым.

И все же боярская дума имела преимущественно парадное значение и не могла стать основой нового административного аппарата. Таким аппаратом управления государством стала система приказов, формирование которой закончилось к середине XVI в. Само слово «приказ» подчеркивало служебную зависимость от государя: такой орган создавался по приказу, т. е. поручению государя для выполнения этого поручения.

Зародышем новых органов стала государева казна со штатом дьяков. Этот центральный финансовый орган ведал не только хозяйством, но и дипломатической службой, вооруженными силами и другими сферами управления государством. Постепенно из него стали выделяться функциональные «избы», а потом приказы. То обстоятельство, что вся административная система выросла из конторы по управлению государевым хозяйством, было проявлением того, что государство воспринималось как вотчина.

Но и для этих практических дел совсем не требовалась родовитость. И в противоположность боярам штат приказов – дьяки и подьячие – комплектовался из слуг государя, в том числе даже из холопов. Если бояре по традиции хотя бы теоретически могли ограничивать власть государя, то аппарат приказов по определению должен был повиноваться всем его распоряжениям.

Говоря о формировании государственного аппарата, необходимо сказать несколько слов и о Земских соборах, сословно-представительном высшем законодательном органе, который возник в конце XVI в. Соборы тоже в какой-то степени были противовесом боярской думе: хоть дума в полном

составе и входила в состав Собора, но в его состав входила также высшая церковная иерархия, представители служилых людей, городской верхушки, а иногда даже представители черносошных крестьян.

Земский собор созывался тогда, когда следовало подкрепить его авторитетом тот или иной поворот в действиях государства, отход от традиционной политики. Именно Соборным уложением 1649 г. было установлено крепостное право, именно Земский собор выбрал первого царя династии Романовых. Поскольку Михаил Романов был выборным царем, в нарушение родовых традиций, он должен был опираться на авторитет Собора, и при нем Земские соборы созывались особенно часто.

Таким образом, процесс формирования нового государства продолжался более столетия, и основными особенностями образования этого государства было то, что оно происходило не на буржуазной, а на феодальной основе и имело военные цели, связанные с восстановлением национального суверенитета.

11.2. Переход от вотчины к поместью

Этот переход был вызван военными потребностями. Как уже сказано, объективно образование Московского государства, независимо от того, сознательно ли шел на это Иван Калита и его преемники, имело военную цель – восстановление национального суверенитета. И для «собирания» земли, для подчинения других княжеств тоже надо было иметь большое централизованное войско.

Старый тип войска, когда каждый удельный князь был независим от командующего и даже каждый боярин имел право отъезда, т. е. право не только отказаться от участия в походе, но даже перейти на сторону противника, конечно, для этой цели не годился.

Поэтому московский князь на базе своей дружины создает новое большое войско, которое подчиняется только ему. Военнослужащие этого войска назывались служилыми дворянами. Служилыми, потому что они находились на службе у князя и были обязаны подчиняться всем его распоряжениям. Дворянами – потому что это войско базировалось при дворе князя. Слова «дворяне» и «дворяные» не случайно имеют общий корень.

Служилые дворяне набирались из разных слоев населения: из посадских людей, из крестьян. Это было время, когда крестьянина по его желанию могли «заверстать», т. е. зачислить в дворяне. На службу к московскому князю охотно шли и иностранцы. В «Бархатной книге» конца XVII в., где перечислены основные дворянские роды («столбовое» дворянство), русских оказыва-

ется только 33%, польско-литовского происхождения – 24%, западноевропейского – 25%, татарского и вообще восточного – 17% [11, т. 2, с. 255].

Но при феодализме военная служба оплачивается обычно не деньгами, а землей, феодальными владениями. Поэтому дворянам отводят участки земли с крестьянами – поместья. Правда, это практиковалось и прежде: еще киевские князья раздавали членам своей дружины землю. Но бояре Киевской Руси получали землю в вотчинное владение, а московские дворяне – в поместное. Вотчина соответствовала западноевропейскому феоду: это была наследственная собственность – земля, полученная по наследству от отца. Поместье же соответствовало западноевропейскому бенефицию, т. е. давалось лишь на время несения военной службы в качестве платы за эту службу. Дворянин для этого «испомещался» на землю, а если он со службы уходил, поместье у него отбиралось.

Величине поместья соответствовали служебные обязанности: с каждых 100 четвертей пахотной земли, т. е. приблизительно с каждых 150 га, государство должно было получить конного воина.

Таким образом, помещики не были собственниками земли. Земля становилась собственностью государства и использовалась государством для содержания армии. А государственная собственность на землю – признак азиатского способа производства.

Отсюда вытекало принципиальное отличие нашего дворянства от западноевропейского. Там действовал закон: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Рядовое дворянство находилось в подчинении крупных феодалов и составляло их опору в борьбе за независимость от короля. Наше дворянство находилось на службе государства, и через поместья государство держало дворян в экономическом подчинении. А имея в своем распоряжении такую силу, наши цари не имели нужды в союзе с городами против крупных феодалов, как европейские короли.

И вот поместье начинает вытеснять вотчину. В середине XVI в. поместные земли составляли половину феодальных владений, а в конце века – подавляющее большинство. В первую очередь государство раздает помещикам «черные земли» с «черносошными», т. е. свободными крестьянами. По переписным книгам конца XVII в. 3/4 крестьянских дворов страны уже числилось за служилыми людьми.

Затем по разным причинам и под разными предлогами государство отбирает вотчины у бояр и передает в поместья дворянам. Особенно интенсивно это перераспределение земель происходило в годы печально знаменитой опричнины, когда оно сопровождалось массовыми казнями и истреблением людей.

И все же земли на дворянское войско не хватало. В десят-нях, списках регистрации служилых дворян, мы встречаем такие записи: такой-то дворянин «худ, не служит, на службу ходит пеш», другой «худ, не служит, и поместья за ним нет, и служили нечем, живет в городе у церкви, стоит дьячком на клиросе», третий «обнищал, волочится меж двор», четвертый «мужик, жил у Фролова в дворниках, портной мастеришко». Вот с такого уровня и начинали наши дворяне.

Победа поместья выражалась не только и не столько в перераспределении земли между помещиками и вотчинниками. В XVI в. служебная обязанность по той же норме, 1 конный воин с каждых 100 четвертей, была распространена и на вотчины. Вотчина перестает быть частной собственностью и становится тоже условным владением, а владельцы вотчин, бояре, становятся служилыми людьми, как и дворяне.

Поместья раздавались не только за военную, но и за гражданскую службу. Помещиками становились дьяки и подьячие. А то обстоятельство, что поместья они получали за гражданскую службу, не избавляло их от военной повинности. Правда, сами они в войске не участвовали, но должны были выделить в войско определенное количество снаряженных людей пропорционально своим владениям. Можно предполагать, что воинское качество этих людей было невысоким.

Итак, крупный землевладелец приводил с собой в армию еще несколько человек. В основном это были его холопы. По расчетам А. А. Зимина, к середине XVI в. русское войско не менее чем на 3/4 состояло из таких военных холопов [9, с. 48].

Это было очень разношерстное войско. Поскольку не было определенного стандарта, каждый имел вооружение и снаряжение по своим возможностям и вкусам. К тому же служба не была регулярной. Служилые люди собирались лишь для участия в военных действиях. Не было и систематического обучения военному делу. Все это существенно ослабляло боеспособность русского войска.

Поэтому в России начинается постепенный переход от дворянского ополчения к регулярной армии. Начинается он с того, что с XVI в. все большее место в вооруженных силах начинают занимать служилые люди «по прибору»: стрельцы, пушкари, позже рейтары, солдаты, «полки иноземного строя». Служба приборных была постоянной, и они, естественно, обучались военному делу. Оружие, а потом и обмундирование они получали от государства, им давалось денежное жалованье, а если их наделяли землей, то в общее пользование, и они сами делили между собой землю по общинному принципу. Зависимых крестьян им не полагалось, они сами вели крестьянское хозяйство и с точки зрения правящего сословия были «мужиками».

Прямым следствием перехода к поместью было ухудшение положения крестьян. Прежде крестьяне должны были кормить сравнительно небольшую кучку бояр, а теперь – содержать целую армию дворян. Число феодалов увеличилось многократно.

Теперь уже большинство крестьян попадают в феодальную зависимость. К концу XVI в. на основной, центральной территории государства уже не осталось «черных» земель и независимых «черносошных» крестьян. «Черные» земли остались только на окраинах – на севере, в Приморье, на юге и на востоке, где шла колонизация.

Дворянин обычно имел немного крестьян. В среднем на московского дворянина приходилось 24 крестьянина. Естественно, что мера эксплуатации крестьян здесь была значительно большей, чем у боярина, владевшего многими деревнями. Нужно учитывать, что, если дворянину полагалось поместье, это не значит, что он его непременно получал. Нередко он должен был сам искать землю, и был доволен, закрепляя за собой «пустоши», брошенные деревни.

Увеличение ренты было настолько значительным, что крестьяне стали разоряться и массами уходить от помещиков. Не надо забывать, что крепостного права пока еще не было, т. е. крестьянин имел право уйти от помещика. Правда, он мог уходить только после Юрьева дня, т. е. осенью после уборки урожая. Но крестьянин и сам не был заинтересован, чтобы оставлять в поле хлеб необранным.

Садясь на землю помещика, крестьянин заключал с ним «порядную грамоту» (от слова «ряд» – договор; слово «подряд» этого же происхождения): крестьянин обязывался за пользование землей феодала нести феодальные повинности, обычно в форме оброка. Это были феодальные отношения, но феодальная зависимость была добровольной, основанной на договоре.

Идя навстречу желаниям помещиков, правительство в конце XVI в. делает первый шаг по крепощению крестьян. В 1581 г. впервые устанавливаются «заповедные годы» – годы временного запрещения крестьянского выхода. Это значило, что на определенный срок, обычно на 5 лет, устанавливалось крепостное право.

Переход к поместью привел к резкому упадку сельского хозяйства в конце XVI в. В это время вдвое сокращается средняя запашка крестьянского двора. Происходит запустение деревень. В центральных районах больше половины деревень превратилось в «пустоши» – деревни без жителей. Жители этих деревень или погибли от голода и болезней, или разбежались на окраины страны, на «черные земли» – на Урал, в южные степи – туда, где еще не было помещиков.

11.3. Установление крепостного права

Итак, к началу XVII в. основная часть крестьянства находилась в зависимости от феодалов, но официально крепостного права еще не было – оставалось право крестьянского выхода. И лишь к середине XVII в. ряд обстоятельств приводит к законодательному установлению крепостного права.

Основой этих обстоятельств явился процесс, который принято называть «второе издание крепостничества». Оно происходило не только в Германии, но и в других странах восточной Европы.

Когда сельское хозяйство втягивается в рыночные отношения, в странах Западной Европы это ведет к ликвидации крепостного права и коммутации, т. е. переводу феодальной ренты на деньги. В странах Восточной Европы, в том числе и в России, эта же причина ведет к усилению или установлению крепостного права. Почему? В Западной Европе к этому времени власть феодалов была уже подорвана «революцией цен» и развитием буржуазных отношений, поэтому в рыночные отношения втягивалось крестьянство. В России же власть феодалов не была подорвана ни «революцией цен», которая сюда не докатилась, ни развитием буржуазных отношений, которые только еще зарождались. Поэтому в торговлю здесь втягивались сами феодалы. Но для продажи требовалось больше продукции, чем для собственного потребления, поэтому феодалы расширяли свою запашку, а следовательно, и барщину, ибо поле господина обрабатывается барщинным трудом крестьян. Но барщина, в отличие от оброка, требует обязательной крепостной зависимости: барщинный труд – это труд принудительный, он не вынуждается экономическими обстоятельствами. Поэтому развитие рыночных отношений и привело в России к официальному установлению крепостного права. Способствовали этому и дополнительные обстоятельства:

1. Хозяйственная разруха начала XVII в. Она была прямым продолжением хозяйственного упадка конца XVI в., но теперь она усилилась в результате сначала резкого похолодания, а затем Смуты и польско-шведской интервенции.

Похолодание начала XVII в. было самым сильным на протяжении второго тысячелетия. В течение двух лет (1601 и 1602 гг.) хлеб на полях не вызревал. В 1603 г. нечем было засеять поля. Начался страшный голод. По словам современника, в голодные годы вымерла «треть царства Московского» [24, с. 148]. По распоряжению Бориса Годунова в городах стали раздавать хлеб из царских житниц. Богатейшие феодалы давали хлеб своим крестьянам, спасая их от голодной смерти, но не даром, а лишь под кабальные грамоты. Начал-

ся массовый переход крестьян. Они покидали тех помещиков, которые не могли или не хотели им помочь, и переходили к тем, кто хоть на условиях кабалы, но давал хлеб зависимым крестьянам. В стране, экономика которой была подорвана стихийным бедствием, разразилась гражданская война, причем голод, несомненно, и явился одной из ее причин.

В уездах, расположенных к западу от Москвы, только 5% пашни по-прежнему засевалось, остальная, по свидетельству источников, «лесом поросла в кол и в жердь, и в бревно». Опустели не только деревни, но и многие города. В Можайском уезде было пустых дворов 478, населенных крестьянами – 17, в Орловском из 752 крестьянских дворов остался 51, а из 5875 четвертей пашни – 43 четверти.

Чтобы спастись от голодной смерти, крестьяне просят помощи у феодалов (в форме ссуды), а за это подписывают кабальные грамоты, превращавшие их в крепостных. Если раньше крестьянин платил феодалу оброк – плату за пользование землей, то, подписывая кабальную грамоту, он обязуется выполнять барщину. Барщина была следствием долгового закабаления крестьян. Но барщина в отличие от оброка требует крепостной зависимости. И в кабальных грамотах обычной становится формула крестьянской крепости: крестьянин обязуется «за государем своим жить во крестьянех по свой живот безвыходно». Для закабаленных крестьян уже не было права крестьянского выхода.

2. Сближение вотчины и поместья. После Смуты на престол был избран Земским собором первый царь новой династии Михаил Романов. В первые годы новая династия, которая чувствовала себя на троне не очень уверенно, раздает земли своим приверженцам. Земли раздавались тем, кто помог избранию, и чтобы завоевать расположение других. Земли раздавались не в поместья (что было бы не подарком, а платой за службу), а в вотчины, в наследственную собственность. А чтобы привлечь на свою сторону рядовых дворян, «выслуженные» поместья закрепляются за ними тоже в наследственную собственность. Поместье считалось «выслуженным», если несколько поколений его владельцев продолжало службу. Таким образом, теперь вотчина и поместье сближаются по юридическому статусу. Сглаживается и различие между боярами и дворянами. Сословие феодалов консолидируется и обособляется от других слоев общества. Естественно, усиливается и их власть над крестьянами.

3. Существенное влияние на оформление крепостного права оказал и институт холопства. Холопство не представляло по своему положению однородной массы. Норма «холопство обельное трое» Русской Правды была закреплена в последующем законодательстве, и человек, поступавший на службу к другому «без ряду», т. е. без специально оговоренных условий,

становился его холопом. Но и эта оговорка была весьма ограниченной. «Добровольная» служба допускалась лишь на полгода. По истечении этого срока «доброволец» автоматически становился холопом. Служилые дворяне низшего разряда, «дети боярские», охотно записывались в военные холопы к крупным феодалам, и государство было вынуждено даже законами ограничивать такой переход. Очевидно, холопство у знатного человека не считалось унижением. Холопы государева двора нередко занимали высокие должности и получали за это поместья. Земельные владения, иногда с крестьянами, получали и воинские холопы бояр.

Административный аппарат крупной вотчины, как правило, состоял из холопов. Холопы – тиуны были поставлены над крестьянскими деревнями, собирали оброк, наряжали крестьян на господские работы. Псары, сокольники, бортники, обслуживающие боярина, получали землю в условное владение. По утверждению А. А. Зимина, это были холопы высшего разряда, «получая за «службу» землю в условное держание, они вливались в состав господствующего класса и образовали основную массу помещиков конца XV века» [8, с. 374].

Холопами были дворовые люди – повара, хлебники, садовники, портные, сапожники и другие ремесленники. По словам Герберштейна, в России «все домашние работы делаются руками рабов» [8, с. 302]. Эта категория холопов тоже получала землю для ведения крестьянского хозяйства, только повинности с этих хозяйств заключались не в оброке, как с крестьян, а в «службе» господину.

Наконец, низшая категория холопов – «страдные люди», которые занимались сельскохозяйственным трудом. В одних случаях они трудились на господской пашне, и их дворы располагались вокруг господского двора. В других случаях они жили в деревнях и исполняли обычные крестьянские повинности.

Таким образом, система холопства пронизывала русское общество сверху донизу, наложив свой отпечаток на правосознание русских людей, и породила стандартную формулу обращения к государю: «Яз, холоп твой».

Те холопы, которые жили в деревнях, все более сливались с крестьянами. В конечном итоге эти две группы населения слились в одну – крепостных крестьян.

4. Оформление крепостного права требовало и фискальная политика государства. Холоп не был тяглым человеком, не платил подати и не выполнял государственные повинности. Крепостное же право от государственного тягла не избавляло. Кроме феодальной ренты своему господину крепостной должен был исправно платить подати и выполнять казенные повинности. Это требовало прикрепления человека к определенному месту. Все население

страны заносилось в «писцовые книги», в которых фиксировались имущественное положение и род занятий. Попав в «писцовую книгу», крестьянин, в том числе и черносошный, терял право покинуть свое место жительства, свое «тягло». В сущности, крепостными, только крепостными государства, становились и черносошные крестьяне. Таким прикреплением к месту было охвачено все население страны, кроме холопов и «гулящих людей», бродяг, маргиналов.

В результате всего этого в 1649 г. Соборным уложением, т. е. законодательным актом Земского собора высшего законодательного органа России, было официально установлено крепостное право: зависимые от феодалов крестьяне не только прикреплялись к месту жительства, но и становились их собственностью.

Было ли крепостничество проявлением «азиатского способа производства»? На первый взгляд, нет, ведь при азиатском способе производства не может быть феодалов-землевладельцев и зависимых от них крестьян. Крестьяне зависят непосредственно от государства. Но Россия представляла смешанный европейско-азиатский вариант развития экономики, который заключался в том, что дворяне были обязаны служить государству, а крестьяне были обязаны содержать дворян. Документ, который в XVIII в. освобождал дворян от обязательной службы, назывался «Манифестом о вольности дворянской», т. е. дворяне до этого тоже не считались свободными людьми. Крепостничество как система отношений – это не только зависимость крестьян от помещиков, это несправие всех жителей страны перед лицом государства. Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве» писал, что помещики владеют крестьянами временно, «а царю они вековые» [11, т. 3, с. 183]. Еще позже российский политический деятель Сперанский утверждал, что «в России есть лишь два состояния: рабы государства и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым».

По характеру государственных повинностей В. О. Ключевский делил население России того времени на четыре группы: 1) люди служилые, повинность которых выражалась в государственной службе; 2) тяглые посадские; 3) тяглые сельские и 4) холопы. Лишь последние не несли государственного тягла.

Что касается собственно тяглового населения, кроме служилых людей, т. е. все же привилегированного сословия феодалов, то по переписи 1678 г. из общего количества 888 тыс. дворов лишь 10,4% составляли посадские и черные крестьянские дворы. Хозяева всех остальных дворов находились в крепостной зависимости. и принадлежали: дворянам 10% – боярам, 9,3% – царю, 13,3% – церкви [11, т. 3, с. 232].

Крестьяне, конечно, сопротивлялись закреплению. Среди форм этого сопротивления особенно массовый характер приобрело бегство крестьян от помещиков на окраины, на «черные земли». С этим бегством связана единственная форма прогресса в сельском хозяйстве – рост посевных площадей путем крестьянской колонизации. Посевные площади в центре сокращаются, на окраинах растут. Прежде всего, на южной окраине. Еще в середине XVI в. южная граница государства проходила по Оке, т. е. даже часть нынешней Московской области была за границей. По линии границы пролегла «засечная черта»: между крепостями по сплошным лесам устраивались «засеки» – валы из подрубленных и поваленных друг на друга деревьев. Чтобы преодолеть такую засеку, надо было ее сжечь, а на столб дыма собиралось русское войско. В XVII в. русская граница ушла далеко на юг, дошла до степей. В эти степи, за границу, в «дикое поле» бегут от помещиков крестьяне, распахивают пашню, устраивают деревни. Но граница движется за крестьянами, и новые беглецы бегут еще южнее. Их деревни, расположенные за границей, в постоянной опасности. Но, в отличие от Западной Европы городской воздух у нас не делал человека свободным, и ради свободы приходилось рисковать. Так Русь постепенно снова возвращалась на чернозем.

Следует оговориться, что колонизация Приднепровья шла не только с севера, но и с запада, со стороны Польско-Литовского государства. От польских помещиков тоже бежали крестьяне в степь, а за ними тоже двигались граница и помещики.

Наконец, существенный элемент в колонизации степи составляли казаки. Казаками первоначально назывались «гулящие люди», вольница, которая оставалась вне государственного фискального учета. На юге, в «диком поле» они занимались охотой и рыболовством, но совершали и набеги на владения крымского хана. Они не только защищали южные границы Русского государства, но и способствовали продвижению русской границы на юг. Центром казацкой вольницы стала Запорожская Сечь, своеобразное мини-государство со своими законами.

Второе направление крестьянской колонизации – Урал и Сибирь. Казацкий отряд Ермака, который находился на службе уральских солепромышленников Строгановых, в XVI в. был направлен в Сибирь, во владения хана Кучума – не для завоевания, не для присоединения новых владений к Московскому царству, а для добычи пушнины. С опасением относясь к казацкой вольнице, царь даже предписал вернуть отряд Ермака из Сибири и наказать за самовольство. Лишь после того, как в Москву прибыло отправленное Ермаком посольство атамана кольцо с ходатайством принять новые земли под царскую руку, отношение к Ермаку изменилось, и он был пожалован «государевым жалованием».

Для закрепления новых владений в Сибири стали строить остроги и направлять туда служилых и ратных людей. Но чтобы их кормить, требовалось много хлеба, а везти этот хлеб из европейской части страны было слишком далеко и дорого. Поэтому было повелено переводить в Сибирь из Поморья крестьян для возделывания государевой пашни. Однако основную массу переселенцев составили «новопришедшие по своей воле», т. е. беглые крестьяне. Поскольку хлеба требовалось все больше, а край нуждался в освоении, отсюда беглых возвращать помещикам было не принято. И по всей Сибири, вплоть до Дальнего Востока, появляются все новые очаги крестьянского земледелия.

В 1622 г. в Сибири числилось русского населения 15 тыс. чел., в том числе 6,5 тыс. составляли казаки. В 1662 г. русских было уже 73 тыс. Это было еще очень мало. По словам одного автора, «70 тысяч русских жителей обитало на площади 4,5 млн верст, по которой разъезжали 288 тысяч туземцев на оленях, собаках, лошадях и верблюдах» [14, с. 496]. К 1709 г. русское население в Сибири удвоилось. Теперь русских было 152 тыс. чел., причем свыше 80 тыс. из них составляли крестьяне.

Население всей России в середине XVI в. составляло 6,5 млн чел., т. е. два человека на 1 кв. м. Деревни обычно были невелики – 2–3 двора, причем точных границ ее сельскохозяйственных угодий не было. Они определялись тем, «куда соха, коса и топор ходили». Поэтому в общине, которая называлась «миром», не практиковалось пока уравнительное землепользование. Поскольку земли было много, крестьянин брал себе участок «по силам».

Средняя величина запашки крестьянского двора составляла 5–10 десятин. Учитывалась в «писцовых книгах» и подлежала обложению лишь постоянная, «живущая» пашня вокруг деревни. Росчисти, заимки на лесных полянах ускользали от обложения.

В средней полосе преобладало трехполье, причем сеяли преимущественно рожь, овес и ячмень. На севере сохраняли господствующее положение подсеčná и переложная системы. Урожайность была невысокой: рожь давала в среднем сам-2,5, овес – сам-1,9. На государевой пашне в Подмоскowie она была немного выше: рожь давала урожай сам-3, овес – сам-2,5 [16, с. 42].

В крестьянском хозяйстве земледелие традиционно сочеталось с животноводством. В Бежецком уезде на двор приходилось 2 лошади, 2–3 коровы, овцы и свиньи. В деревнях Дмитровского уезда самый бедный крестьянин имел лошадь, корову, бычка, до десятка овец. В северных уездах, где условия для земледелия были хуже, на двор приходилось больше скота. Несколько выше был уровень хозяйства у приборных служилых людей, которые, в сущности, были тоже крестьянами. Они имели по 2–3 лошади, засеивали больше земли и хлеба получали в избытке.

Крестьянин нес государево тягло натурой и трудом, платил оброк владельцу и делал всякое господское изделие. Оброк обычно составлял пятый, четвертый или третий сноп с крестьянского поля. Но в состав оброка, в зависимости от занятий крестьян, входили также мясо, яйца, куры, холсты, масло и сыр, а также овчины, лопаты, кадки и т. п.

В начале XVI в. барская запашка составляла 10–12% всей пашни, к концу века ее доля увеличилась до 25% и продолжала расти, составив к началу XVII в. до 1/3 всей пашни.

Особое место в эксплуатации крестьян занимала «государева десятинная пашня». Она называлась десятинной, потому что предполагалось, что десятую часть своего труда крестьянин должен отдавать государству. В сущности, это была государственная барщина. Практически эта норма не соблюдалась. Например, в Сибири в 20-х гг. XVII в. крестьянин на каждые четыре десятины своей пашни должен был обрабатывать десятину казенной. Правда, это крайний случай. Десятинная пашня была не везде. Хлеб с десятинной пашни предназначался для служилых людей, поэтому практика десятинной пашни особенно широко использовалась в пограничных землях, в Сибири, а также на дворцовых землях Подмосковья, т. е. на барской запашке самого царя. Но служилые люди довольно скоро обзаводились собственным хозяйством, десятинная пашня оказывалась не столь уж необходимой, и работа на этой пашне все более заменялась «посопным хлебом» – натуральной подачью зерном в пользу казны.

11.4. Город, ремесло и промыслы

По своей величине, по численности населения наши города этого времени не уступали западноевропейским. Герберш-тейн утверждал, что Москва была больше Лондона. Правда, обширность, территории города в значительной степени определялась тем, что в покрытой лесами стране города были деревянными, а следовательно, одно-, двухэтажными. Деревянными в основном были и городские укрепления. Правда, Московский кремль был кирпичным, каменными были и детинцы других крупнейших городов, но даже Московский посад был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями. В Западной Европе крепостные стены не давали городу разрастаться вширь, площадь внутри города экономилась, и дома росли ввысь. Наши деревянные города часто горели вместе с деревянными укреплениями, а новые стены было не обязательно возводить на месте прежних. Место не экономилось. Город стремительно разрастался вширь. При усадьбах посадских людей располагались огороды и сады, а между отдельными слободами

оставались пустыри. Горожане обычно наряду с другими занятиями занимались и сельским хозяйством, имели пахотную землю, не говоря уже о пастбищах и покосах за пределами города. Все это придавало городу вид большой деревни. Немногочисленные каменные строения, сохранившиеся от пожаров до нашего времени, в основном церкви и монастыри, не меняли общей картины.

Но не это служило главным отличием наших городов от западноевропейских. Там были города-республики, города-коммуны во главе с выборными органами горожан. «Городской воздух делал человека свободным», существовали городские вольности, обеспеченные законом. Горожане объединялись в свои корпорации, ремесленные цеха и купеческие гильдии, и под их защитой в городах процветали ремесло и торговля. У нас не было ни цехов, ни гильдий. Во главе городов стояли царские наместники, и произвол этих наместников и их административного аппарата был практически ничем не ограничен.

В чем заключались причины такого коренного различия в положении русских и западноевропейских городов? Как уже говорилось, с разрушением городов в период монгольского завоевания ликвидировались и городские вольности, ликвидировался статус «своеземских» городов. Восстанавливались старые и строились новые города уже по велению князей, и естественно, о восстановлении вечевых собраний, направленных, в сущности, против власти князя, речи быть не могло.

Отголоски вечевого строя проявлялись только во время народных восстаний. Например, в ходе московского восстания 1382 г. «люди сташа вечем».

Но здесь действовало еще одно обстоятельство. В Западной Европе короли в борьбе за укрепление центральной власти против феодальной раздробленности, т. е. крупных феодалов, опирались на поддержку городов. Горожанам была нужна сильная королевская власть для экономической стабильности, против феодальной раздробленности, препятствовавшей развитию торговли. Поэтому переход от феодальной раздробленности к централизованным государствам означал победу союза городов и короля над самовластьем феодалов, победу власти закона, следовательно, прав личности и городских свобод. Города были демократическим противовесом власти короля.

У нас усиление государственной власти сопровождалось подавлением городских свобод и свободы вообще. Иван Грозный разоряет Новгород и ликвидирует остатки городских вольностей.

Побеждающая царская власть действовала и против феодалов, и против городов. А это значит, что не царь, а крупные феодалы, бояре могли бы быть

потенциальными союзниками городов: и те и другие стремились сохранить остатки своей самостоятельности. Поэтому победа царской власти не имела противовеса в лице городов, не означала усиления правовой основы общества, а означала установление самодержавия – неправового государства.

Почему так получилось? В период монгольского ига Орда нуждалась в княжеской власти для сбора дани и поддержания порядка. Поэтому власть Орды означала усиление князей как ордынских администраторов. А те, кто наступал с Запада (ли-вонцы, шведы, немцы), были за усиление городов, которое обеспечивало интеграцию новых земель в систему Запада через товарно-денежные отношения. Победа ливонцев означала для городов установление магдебургского права, т. е. законов, гарантирующих городские вольности. Поэтому в дилемме – немцы или татары – города стояли за немцев. Поэтому Псков и Новгород шли на сговор с ливонцами, а Александр Невский – с татарами. Поэтому города поднимались на антиатарские восстания, а подавляли их князья (в том числе и Александр Невский).

Может смутить то обстоятельство, что Новгород – боярская республика. Но новгородские бояре – это просто богатейшая верхушка города. В Новгороде социальное положение человека определялось его богатством. Новгородские бояре не были владельцами крупных вотчин с зависимыми крестьянами. В неблагоприятных для земледелия природных условиях это и не могло обеспечить экономического господства. Господство бояр здесь определялось тем, чем жил Новгород, – торговлей и промыслами.

Подавление новгородских вольностей началось задолго до Ивана Грозного. Этому способствовало то обстоятельство, что Новгород всегда нуждался в привозном хлебе. Противникам Новгорода достаточно было перерезать путь хлебных караванов в Новгород где-нибудь в Торжке, и в Новгороде начинался голод. Низы поднимались на бояр, требуя уступок противнику,

В Центральной России было принято смотреть на новгородцев как на крамольников и вероотступников из-за их связей с «латынянами» – Литвой и Ганзой. Поэтому простой народ приветствовал разгром Новгорода при Иване III.

Теперь князья уже неохотно шли на службу к Новгороду. Его вооруженной силой осталось народное ополчение во главе с тысяцким. И когда в 1471 г. Новгород в поединке с Москвой посадил на коней 40 тысяч гончаров, плотников и других ремесленников, которые, по выражению летописи, «отродясь и на лошади не бывали» [11, т. 2, с. 101], четырехтысячное московское войско с легкостью их разгромило, положив 12 тысяч новгородцев на месте.

Итак, усиление власти князей в противовес городам и боярам обеспечило монгольское иго. Но почему князь, а потом царь мог одержать победу над союзом городов и бояр?

Потому что прочного союза между этими двумя силами быть не могло. По своей экономической сущности они противостояли друг другу. Бояре, естественно, были за феодальную раздробленность, а города – против феодальной раздробленности, которая препятствовала развитию торговли и товарного производства.

Но главное – цари опирались на армию, т. е. на служилых дворян, которые полностью зависели от царя через свои поместья. Как выразился один историк, через поместья государственная власть держала дворян «на коротком поводке». В Западной Европе существовал закон: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Рядовые дворяне находились в подчинении крупных феодалов. У нас дворянское войско оказалось полностью в руках царя. Это была такая сила, которой ни бояре, ни города противостоять не могли. И вместо правового государства Западной Европы здесь возникло неправовое государство – царское самодержавие.

Отсутствие городских свобод, естественно, тормозило развитие ремесла, которое особенно пострадало от монгольского нашествия. Монголы разрушали города, угоняли в плен ремесленников. В XIV в. ремесло снова начинает развиваться, но не восстанавливает прежнего значения, потому что в период упадка ремесла в противовес ему в России стали усиленно развиваться крестьянские промыслы, которые и заняли место ремесла. Когда городское ремесло на время почти перестало существовать, потребность в ремесленных изделиях оставалась, и крестьянам приходилось самим изготавливать необходимые вещи. Естественно, такие крестьяне-ремесленники стали готовить изделия не только для себя. Не стоило, например, строить гончарную печь, чтобы изготовить несколько горшков для своей семьи.

И крестьянские промыслы заняли «экологическую нишу» ремесла. Когда городское ремесло стало возрождаться, оказалось, что его место было уже занято.

К тому же из-за климатических условий русский крестьянин полгода свободен от сезонных полевых работ. Из-за этих же условий земля скудно обеспечивала жизнь крестьянина. Ему обязательно был нужен дополнительный заработок. Такой заработок и давал промысел.

Развитие промыслов в противовес ремеслу стало одной из особенностей экономического развития России. В Западной Европе развитие ремесла выразилось в его специализации: шерстяные ткани Флоренции и металлические изделия Золингена расходились по всей Европе. А у нас началась специализация промыслов, а не ремесла. Почему, когда городское ремесло было уже восстановлено, оно продолжало оставаться на стадии ремесла, т. е. работы на заказ потребителя, а по линии специализации, обычной линии прогресса на этом этапе, начинают быстро развиваться промыслы? Потому что город –

это большое скопление людей, и ремесленник получает достаточное количество заказов. В русских городах того времени приблизительно одинаковый набор ремесленных специальностей: определенная доля портных, сапожников, булочников, медников и т. д. А в деревне слишком мало жителей, чтобы обеспечить заказами ремесленника. Ему приходится искать потребителей за пределами узкого деревенского мирка, т. е. готовить изделия на продажу. Конечно, он не сам ищет покупателей. На месте массового промысла появляется купец-скупщик, который доставляет продукцию промыслов к местам потребления. Но скупщик не поедет в деревню, где живет один сапожник или кожевник. Он поедет туда, где много мастеров одной специальности, чтобы сделать массовую закупку. Это обстоятельство и порождало специализацию промыслов.

Но вернемся к городскому ремеслу. Его развитие тормозили, кроме перечисленного, слободские привилегии. Ремесленники делились на тяглых, дворцовых, казенных и частновладельческих. Тяглые ремесленники жили в черном посаде и были обязаны платить в казну высокие подати, что, конечно, отражалось на стоимости их изделий. Дворцовые обслуживали нужды царского двора, а за это не только получали определенную плату и «хлебное жалованье», т. е. своеобразный продовольственный паек, но и освобождались от податей. Их тяглом считалась их работа на двор. Такие ремесленники жили слободами, и само слово «слобода» отражало освобождение от прочих казенных повинностей. Примером может служить Кадашевская слобода в Москве, жители которой готовили полотно для нужд царского двора (мы еще вернемся к организации производства в этой слободе).

Отдельными слободами жили каменищники, кирпичники и гончары (имеются в виду гончары, которые готовили изразцы для облицовки казенных зданий). Они работали под руководством Приказа каменных дел (т. е. в приблизительном переводе на современный язык – министерства строительства). Под руководством этого приказа были построены кирпичные стены и башни Московского кремля, кремлевские соборы, храм Василия Блаженного на Красной площади и многие аналогичные сооружения в других городах. Казенные потребности обеспечивались и мастерами иных специальностей, которые тоже жили особыми слободами, получали хлебное и денежное жалованье и освобождались от казенных податей. Совсем не предполагалось, что эти люди все время будут заняты выполнением государственных заказов. Иногда эти заказы поступали лишь время от времени. Но слободские привилегии при этом не отменялись.

Частновладельческие ремесленники обслуживали нужды своих господ, крупных феодалов. Как уже говорилось, почти все необходимое для жизни крупного боярина производилось его домашними ремесленниками, в основ-

ном холопами. Владения такого боярина в городе тоже были беломестными, т. е. их жители освобождались от казенных повинностей. Освобождались от повинностей и обширные монастырские слободы.

Особыми слободами жили государственные служилые люди – стрельцы, пушкари, ямщики.

В середине XVII в. в Москве насчитывалось 27 тыс. дворов, в том числе на черной земле – всего только 3,6 тыс. [15, с. 199]. На них-то и падала вся тяжесть казенного обложения. Ремесленники казенного и дворцового ведомства, а тем более ремесленники монастырских слобод имели достаточно времени для изготовления изделий на заказ и на продажу. У них были огромные привилегии по сравнению с мастерами черного посада. Черным ремесленникам было трудно выдержать такую конкуренцию, поэтому они охотно закладывались за бояр и монастыри, переходя к ним в зависимость. Правда, в середине XVII в. все частновладельческие слободы были ликвидированы: они перешли в распоряжение государства с отменой прежних льгот. Но, конечно, это не касалось дворцовых и казенных слобод, которые составляли большинство.

Ремесленных цехов на Руси не было, но существовали элементы общинного самоуправления. Ремесленники каждой специальности селились обычно вместе (улица Кузнецкий Мост действительно была улицей кузнецов). Правительство не вмешивалось во внутренние дела такой группы ремесленников. Раскладкой повинностей и решением внутренних дел занимался мирской сход во главе с выборным старостой. На такого старосту возлагалась и защита интересов сообщества перед государством. Подобный порядок был установлен не только в черном посаде, но и в дворцовых слободах. Каждая отрасль ремесла имела своего святого покровителя, в честь которого ставилась патро-нальная церковь. Так, центром поселений кузнецов обычно была церковь Козьмы и Домиана.

В отличие от цехового ремесла такие объединения не имели цеховых уставов, ограничивавших масштабы производства ради достижения равенства. В отличие от цеха это объединение не имело монополии на занятия ремеслом. Короче говоря, оно не было цехом.

Следует подчеркнуть особую роль государства в организации городского ремесла. Кроме особых слобод, обслуживавших потребности государства или двора, некоторые отрасли были полностью в ведении казны. Например, все мастера золотого и серебряного дела находились в ведении Оружейной палаты. Одной из причин этой государственной монополии было то обстоятельство, что золото и серебро в России не добывались, а «сырьем» для изделий служили в основном иностранные монеты.

Все эти обстоятельства тормозили развитие городского ремесла и обусловили усиленное развитие крестьянских промыслов.

Наметилось два главных района металлургических промыслов – один вокруг Тулы, второй – около Онежского озера. Здесь крестьяне целыми деревнями копали болотную руду, служившую тогда главным сырьем для выплавки железа, плавили ее в примитивных «домницах» и продавали готовое железо скупщикам. Скупщики везли железо в другие места, где кузнецы готовили из него изделия. Уже тогда славилось село Павлово, жители которого в основном существовали за счет изготовления железных изделий, расходившихся по всей стране.

Но значительная часть таких изделий готовилась в городах, особенно в Новгороде, Устюжне Железнопольской, Туле. Почему? Во-первых, сельские кузнецы старались перебираться в город, где был рынок, где легче было получить выгодный заказ. К тому же когда после монгольского разорения началось восстановление городов, они нередко вырастали на базе промысловых сел. Устюжна Железнопольская возникла на месте рудного месторождения и выросла как центр металлообработки. Тула, которая первоначально была оборонительной крепостью, к XVII в. превратилась в город кузнецов.

Во-вторых, металлообработка еще в домонгольский период была развита преимущественно в городах Новгородской земли. Но эта земля не подверглась монгольскому разорению. Там сохранились города с развитым ремеслом. В этих городах осталось и металлообрабатывающее производство.

Большинство крестьян занималось металлургическими промыслами лишь как дополнением к сельскому хозяйству. Но уже выделялись относительно крупные предприниматели, которые имели по нескольку домниц и кузниц, нанимали работников и уже не занимались хлебопашеством.

Нам известны и цены того времени на железо и изделия. В начале XVI в. пуд железа в крицах стоил 3 новгородских деньги, за железо в прутах платили в 2–2,5 раза дороже. Для сравнения: курица стоила 1 деньгу, 100 яиц – 3 деньги, 1 пуд сливочного масла – 21 деньгу, наемному работнику в день платили 1,5 деньги.

Текстильные промыслы развивались в основном вокруг Москвы и Ярославля. Любопытно, что уже долгое время спустя именно в этих районах в основном и стала развиваться фабричная текстильная промышленность. Здесь крестьяне (в основном крестьянки) готовили холст и полотно. Это было настолько обычным занятием, что местные помещики брали холстами и значительную часть оброка. Часть этих тканей шла за границу и по причине дешевизны охотно раскупалась.

Кожевенные промыслы развивались вокруг Ярославля и Вологды. Некоторые из наших кож – сафьяны, красная юфть – ценились и за границей. Сафьяны шли на Запад, красная юфть – в Среднюю Азию.

Из остальных промыслов следует отметить судостроение. Крестьяне Северной Двины и всего Поморья готовили речные и морские суда. Делалось это подрядным способом. Подрядчик, обычно прославленный мастер судового дела, получая заказ, собирал артель, а после выполнения заказа члены артели расходились по своим домам. Известно высокое качество поморских судов, приспособленных к суровым условиям северных морей. Таким же артельным способом готовились речные суда по Волге.

Наиболее известным центром лесозаготовительных промыслов был Чердынский уезд на Урале, откуда лес сплавлялся по Каме и Волге.

11.5. Государственная промышленность. Рождение мануфактуры

Как ремесло, так и промыслы – мелкое семейное производство. Первые крупные предприятия XV–XVI вв. были государственными. На казенном Пушечном дворе в Москве готовились артиллерийские орудия. Там работал, например, мастер Чохов, который отлил знаменитую Царь-пушку. По свидетельствам иностранцев, российская артиллерия не уступала западной. Действовала Оружейная палата, где готовилось стрелковое и холодное оружие и многое другое.

В 1595 г. царской грамотой было предписано «кузнецов устроить на Туле за острогом особою слободою, а никаким людям, оприч их, кузнецов, не жить и к посаду ни в какие подати и ни в какие земские службы от них, кузнецов, бы бирать не велено». Острог – деревянная крепостная стена. Таким образом, казенные мастера-оружейники жили в окруженной крепостной стеной части города, освобождались от податей и повинностей, но за это должны были выполнять государственные заказы по изготовлению стрелкового оружия (пищалей).

То, что крупное производство первоначально возникло как государственное, было важной особенностью экономического развития России. Так получилось потому, что централизованное государство возникло у нас «преждевременно», до возникновения капиталистического предпринимательства. Поскольку некому было заказывать необходимые для государства промышленные изделия (в частности, вооружение), то потребности в них приходилось удовлетворять за счет государственного предпринимательства. Но заметим, что рождение в первую очередь государственного предпринимательства – признак азиатского варианта развития.

Итак, первыми крупными казенными предприятиями были военные. Но не только. Казенные и дворцовые слободы из ремесленников, работавших на

государство, мы можем тоже рассматривать как вид государственного предпринимательства. Так, в XVI в. было налажено дворцовое полотняное производство. Дворцовое хозяйство, правда, не совсем казенное. Это хозяйство, принадлежавшее царю, и обслуживало царский двор. Управлял им специальный Дворцовый приказ. Впрочем, граница между дворцовым хозяйством и государственным была весьма условной.

Полотно для нужд царского двора готовили жители Кадашевской слободы и других слобод и сел. Каждому хозяину в такой слободе поручалось «дело» – изготовление определенного количества ткани. За это он освобождался от всех государственных повинностей и получал плату деньгами и «хлебное жалованье», т. е. бесплатное продовольствие.

Освобождение от казенных повинностей ставило жителей Кадашевской слободы в привилегированное положение по сравнению с обычными торговцами и промышленниками. Обычно «урок» исполняли их жены, дочери или наемные работники, а мужчины развертывали собственную торгово-промысловую деятельность. В частности, они торговали персидскими товарами и даже ездили за море в «шахову землю». Это делало Кадашевскую слободу едва ли не самой богатой из московских слобод. Таким образом, подобная организация производства порождала «теневую экономику», когда люди, оказавшиеся в казенной сфере хозяйства, использовали это обстоятельство для организации собственного предпринимательства.

У подобной организации производства был еще один недостаток – инертность. «Дело», т. е. обязанность поставлять в год определенное количество ткани определенного сорта, имело силу закона. При попытке ввести новый сорт или изменить технологический процесс исполнители заявляли, что это «не за обычай», и подобные попытки кончались ничем. Поляк Борщевский, приглашенный специально для того, чтобы научить слобожан ткачеству на широком стане, за 18 лет смог обучить лишь четырех человек.

В XVII в. перечисленные казенные предприятия (Пушечный двор, Оружейная палата, Тульская оружейная слобода) уже находились на стадии мануфактуры. Сохранились ведомости на получение жалованья мастерами этих предприятий, из которых видно, что на каждом из них было занято от 100 до 300 мастеров. Против имени каждого мастера указывалась его специальность, и мы узнаем, что в изготовлении пищалей участвовали мастера ствольного, замкового, ложевого дела, а такое разделение труда характерно для мануфактуры.

При этом если Пушечный двор был централизованной мануфактурой, то Оружейная палата и Тульская слобода представляли рассеянные мануфактуры: мастера работали в основном по домам. Мы помним, что лесковский Левша даже в XIX в. работал не в казенном помещении, а у себя дома.

И здесь такая организация хозяйства породила «теневую экономику»: внутри казенного предпринимательства рождалось частное. В Тульской слободе предприимчивый мастер-оружейник расширял производство, строил дополнительные кузницы и нанимал работников. Потом, уже в XVIII в., из таких кузнецов Тульской слободы вышли крупнейшие горнозаводчики России: Демидовы, Баташовы, Мосоловы.

В Кадашевской слободе, о текстильном производстве которой в XVI в. уже говорилось, теперь действовал Хамовный двор – казенная ткацкая мануфактура. Инертность прежней системы заставляла администрацию искать новые формы организации производства тканей. В начале XVII в. здесь была построена «изба», где ткачами были пленные поляки, а в 1660 г. производство было перенесено в каменное двухэтажное здание, где действовало свыше 100 ткацких станков. Работали здесь тяглецы Кадашевской слободы за определенную плату.

Несколько лет в 20–30-х гг. действовал «Бархатный двор» в Кремле, куда для организации производства были приглашены «свицкие немцы», т. е. шведы. Несколько лет просуществовала шелковая мануфактура, для действия которой Алексей Михайлович даже пытался организовать тутовые плантации под Москвой в селе Измайлове. Продукция этой мануфактуры оказалась хуже привозных шелковых тканей, а себестоимость продукции – выше их цены. Пять лет действовала в Москве суконная мануфактура. На «скляничном» заводе в Измайлове венецианские мастера готовили стаканы, рюмки, кубки и другую посуду для обихода царского двора. Следует оговориться, что большинство этих предприятий относилось к дворцовому ведомству, но поскольку Дворцовый приказ был государственным учреждением, мы можем считать их частью государственного хозяйства.

Все эти предприятия были нерентабельны, да вопрос об экономической стороне производства и не имел значения, потому что продукция предназначалась не для рынка.

Кроме казенных ряд мануфактур в XVII в. был построен иностранцами. Так, голландец Андрей Винлус со своими компаньонами построил под Тулой 8 «железных» заводов. Они не были в действительности «железными», потому что их продукцией был не металл, а вооружение для армии – ядра, пушки и другие изделия. Они не были железными и потому, что были доменными, т. е. выпускали чугун, а не железо. До этого доменный процесс в России не применялся. «Домницы» крестьянских промыслов к доменному процессу отношения не имели. Дом-ницей назывался сарай с горном, т. е. открытой металлургической печью. В сущности, это была обычная деревенская кузница, только не для изготовления кузнечных поделок, а для плавки железа. В горн насыпалась руда вперемешку с углем, это спекалось в тестообразную

массу – крицу, которую потом расковывали молотами, выбивая минеральные остатки. Таким образом, в домнице сразу получалось железо. В доменной же печи варился чугу́н.

Переход к доменному процессу означал не только изменение технологии. Доменная печь, плотина, необходимая для «вододействующих» механизмов, несколько цехов (доменный, передельный, литейный), большая масса исходного сырья – все это требовало значительных затрат и оказывалось непосильным для кустарного производства. Переход к доменному процессу означал переход от промыслов к относительно крупным предприятиям мануфактурного типа.

Такой переход был вызван военными потребностями. Из мягкого ковкого железа, которое давали промыслы, нельзя было отливать пушки: железо можно было обрабатывать лишь путемковки. Поэтому в XV–XVI вв. орудия отливались в основном из меди и бронзы. Но оказалось, что из чугуна тоже можно отливать пушки. Эти чугунные орудия, конечно, обходились гораздо дешевле бронзовых, да и сырье для них имелось в достатке, так что можно было намного увеличить артиллерийский парк. В сущности, заводы Виниуса были в основном военными.

Мы называем предприятия того времени заводами, потому что так они именовались в документах: «завод» – от слова «заведение». Конечно, это не были предприятия фабрично-заводского типа.

Тульские заводы были основаны в 30-х гг. XVII в. В 50-х гг. при Онежском озере компаньон Виниуса Бутенант построил еще несколько заводов.

Работали на этих заводах наемные мастера, частью иностранные, а вспомогательные работы выполнялись приписанными к заводам крестьянами, т. е. принудительным, крепостным трудом.

Заводы Виниуса и его компаньонов были не единственными предприятиями иностранцев в России. В Москве некоторое время действовал «скляничный» завод Коэта, где готовили стеклянную посуду. Паульсон основал завод по производству шелка и бархата. Часть продукции, не взятую на потребности царского двора, он пытался продать, но безуспешно – его ткани были намного хуже и дороже привозных. Некоторое время действовала бумажная мельница фон Шведена.

Мануфактуры иностранцев работали не на рынок, а на государственные потребности. А за пределами этого государственного сектора промышленность оставалась на стадиях ремесла и промыслов, т. е. мелкого семейного производства.

11.6. Хозяйство Алексея Михайловича

Промежуточное положение между частным и государственным предпринимательством занимало царское хозяйство, которым ведал Дворцовый приказ. Правда, граница между государственным и царским хозяйством была довольно условной, но все же существовала.

Особой предпринимательской активностью отличался царь Алексей Михайлович во второй половине XVII в. При нем царские владения значительно разрастаются за счет присоединения как частных, так и казенных земель. В состав царской вотчины теперь вошли не только села, но и такие города, как Скопин, Романов и др. Этим хозяйством, кроме Дворцового приказа, теперь руководят Хлебный и Тайный.

Тайный приказ первоначально возник как личная канцелярия царя в условиях военных действий. Через нее царь мог давать приказы в обход принятых процедур, в обход Боярской думы. А когда война кончилась, царь увлекся хозяйственными делами и через Тайный приказ отдавал хозяйственные распоряжения. Практически этот приказ и стал органом предпринимательской деятельности царя.

Основу царского хозяйства составляла десятинная пашня, т. е. в данном случае царские поля. Для расширения этой пашни по личному указанию царя сносились иногда целые деревни. Царь лично давал указания, что и где сеять (например, под Домодедовым было приказано сеять преимущественно лен). Он предписывал в определенных местах строить скотные дворы, чтобы равномерно обеспечить пашню удобрениями. Вместе с подьячими Тайного приказа он рассматривал разного рода усовершенствования в сельскохозяйственном производстве, например, был рассмотрен «образец, как хлеб водою молотить».

Конечно, на царских полях работали преимущественно крестьяне дворцовых сел и деревень, выполняя барщину, но привлекались для этих работ и служилые люди – дети боярские и казаки (вот откуда ведет начало обычай привлекать армию к полевым работам). Правда, эти служилые люди часто разбегались с полей. Для смотрения за работами устраивались специальные «смотрильницы» – деревянные башни до 10 метров высотой.

И все же главным объектом царских забот была промышленность. В составе царской вотчины мы находим почти все отрасли промышленности, существовавшие в России.

Царские солеварни действовали в Ростове, Переяславле, Коломенском и других местах. В качестве работников солеварен также использовались слу-

жилые люди – стрельцы и солдаты. Это лишний раз подчеркивает, что крепостническая система касалась не только крестьян

Было развито здесь и поташное дело. Царские промыслы были конфискованы у бояр Морозова и Хитрово. В царской вотчине действовали также заводы металлургические, стекольные, сафьянный и кожевенный.

Основу царской металлургии составили звенигородские заводы Морозова (царь не стеснялся отбирать имущество, своего «дядьки»), к которым потом были присоединены некоторые предприятия, конфискованные у компаньонов Виниуса. Центром царского хозяйства было село Измайлово. Здесь действовали промышленные заведения, здесь были поселены 200 семей «ремесленных» и «мастеровых» людей, т. е. иностранных и русских мастеров разных специальностей. Дворы этих мастеров ставились за государственный счет.

Наконец, здесь были сады, где царь пытался выращивать все известные ему полезные растения. Здесь был виноградник, урожай которого составил четверть ведра; здесь пытались разводить хлопок и тутовые деревья.

Во главе всего этого многоотраслевого хозяйства стоял сам царь, и хозяйственные новации исходили в основном от него. В Тайном приказе у него был свой стол с письменным прибором, а уезжая из Москвы, он обязательно брал с собой нескольких подьячих приказа, а иногда и самого дьяка Тайных дел.

Для управления отдельными частями хозяйства назначались приказчики или воеводы, которым давалось подробное наставление об их обязанностях. Воеводы были обязаны подавать годовые отчеты с подробным перечнем приходов и расходов. Кроме того, для проверки их деятельности на места регулярно направлялись ревизоры обычно из военных – полковники, стрельцкие головы.

Тишайший царь не церемонился с исполнителями своих хозяйственных указаний. Если даже мелких дворян, стрельцов и казаков, которые, естественно, не принадлежали к царской вотчине, заставляли выполнять полевые и иные работы, то с крестьянами царь не считался совсем. Когда он считал нужным, переселял их по своему произволу. Так, в Измайлово были «крестьяне свезены со многих дворцовых сел, а иные браны у всяких чинов людей». Переселенцы были в жалком состоянии – «все бедны и безлошадны и безодежны».

11.7. Первые частные предприниматели: Морозов, Строгановы

И все же частное промышленное предпринимательство в России рождалось, только очень отличалось от предпринимательства в Западной Европе.

Морозов, один из таких предпринимателей, был не просто боярином. Борис Иванович Морозов был «свояком» царя Алексея Михайловича, т. е. мужем сестры царицы. К тому же он был «дядькой», т. е. воспитателем этого царя и главой русского правительства. По выражению иностранца Мейерберга, он «держал по своему произвол скипетр, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши». Б. И. Морозов возглавлял четыре важнейших приказа, в том числе приказ Большой казны – главное финансовое ведомство государства. Его жесткая финансовая политика, увеличение налогов, в частности налога на соль, вызвала народное восстание. По требованию восставших царь был вынужден удалить с государственных постов своего воспитателя Морозова и созвать Земский собор. Поэтому, говоря о предпринимательской деятельности Морозова, нужно учитывать его связь с государственной машиной.

Главное место в промышленном предпринимательстве Морозова занимало изготовление поташа. У него было 17 «будных майданов» – заведений по производству поташа, и сбыт этого поташа приносил ему до полумиллиона рублей в год (в переводе на деньги начала XX в.).

По словам Кильбургера, члена шведского посольства, поташ «составлял главную торговлю России», т. е. был главным предметом ее экспорта. Торговля им составляла государственную монополию, т. е. весь произведенный в стране поташ поступал в распоряжение государства и государством продавался за границу. Пуд поташа обходился казне в 22 коп., а за границу продавался за 70 коп. А больше половины всего заготавливаемого в стране поташа давали промыслы Морозова, хотя в этом деле участвовали и другие феодалы.

Каждый будный майдан был самостоятельным предприятием. Во главе его стоял «дозорщик», который не только надзирал за работой, но и вел приходо-расходную книгу. Среди работников майдана были люди разных специальностей – будники, поливачи и др.

Кроме частных майданов действовали казенные арзамасские промыслы, а в 80-х гг. XVII в. и все частные промыслы перешли в собственность государства и дворцового хозяйства.

В хозяйстве Морозова было и металлургическое производство. По примеру Винуса в Звенигородском уезде Морозов построил доменный вододействующий завод. Действовали в хозяйстве Морозова также винокуренные

заведения, где перерабатывалось зерно его многочисленных вотчин. Следует подчеркнуть, что и металлургический завод, и винокуренные заведения обслуживали государственные потребности. Металлургические предприятия того времени еще не работали на рынок, а винокурение обслуживало казенную питейную монополию.

Кроме того, Морозову принадлежали кирпичные и кожевенные заведения, мукомольные мельницы и рыбные промыслы. Но эти производства по своей организации технологии оставались на уровне крестьянских промыслов. Рыбные промыслы, кожевенное производство существовали уже в Киевской Руси; муку в России издавна мололи не ручными жерновами, а кирпич заготавливался также издавна при строительных работах. Морозов здесь использовал то, что уже существовало до него, так же как использовало крестьянское хозяйство для получения оброка. Оброк собирался не только продуктами крестьянского хозяйства, но и изделиями промыслов.

Впрочем, иногда он в эти промыслы вносил предпринимательский элемент. Например, пряжа, изготовленная в подмосковных селах, поступала администрации Морозова в виде оброка, а затем отсылалась в села Нижегородского уезда, где из нее готовили полотно. Там в одном из сел «польские люди – ткачи» (т. е. военнопленные поляки) ткали для боярина широкие ткани, которые в России ткать еще не умели.

Кроме того, Морозов занимался крупной оптовой торговлей хлебом и кожами, а также ростовщичеством. После его смерти осталось в кабалах, т. е. розданных в долг под проценты, около 1,5 млн. руб. в переводе на деньги начала XX в.

Итак, один из первых крупнейших частных предпринимателей России – не бюргер, не купец, а боярин – феодал.

Второй род крупнейших промышленников России того времени – крестьяне Строгановы, на солеваренных промыслах которых по реке Каме работали тысячи людей.

Выдвинувшись из крестьян, Строгановы достигли такого могущества, что превратили Западный Урал в свою вотчину, хоть не были ни боярами, ни дворянами. Но они вели важный для государства промысел, обеспечивая огромный доход казне, да к тому же действовали в пограничных землях, обороняя Русское государство с востока. Поэтому им были даны такие права, что их владения стали государством в государстве – со своими городами, крепостями, войском.

На Урал Строгановы пришли с берегов Белого моря. В начале XVI в. поморские крестьяне Строгановы перебрались в город на Северной Двине Соль Вычегодскую. Там они стали скупать и получать через ростовщические операции соляные варницы и дворы у местных жителей, где и разместился

их огромный род. Через ростовщичество, торговлю пушниной и солеварение к концу XVI в. они стали полновластными хозяевами в этом городе, так что в 1586 г. в Соли Вычегодской даже произошло народное восстание против притеснений Строгановых.

Кроме соляного промысла Строгановы вели обширную торговлю, скупая на Урале пушнину и продавая ее через Белое море иностранцам. Через скупку пушнины, через создание для этого опорных баз они закрепились на Каме. Поскольку Строгановы уже оказали важные услуги Ивану Грозному, он по их просьбе в 1558 г. передал им в собственность огромную территорию по реке Каме и ее притокам «от устья и до вершин», т. е. все Прикамье.

Строгановы писали в своем прошении, что это «пустые» земли, т. е. земли ненаселенные. Русского населения там действительно не было, а местные жители, манси и коми, в расчет не принимались. Центром новых владений был сначала основанный Строгановыми город Орел, а потом, когда Кама, меняя русло, стала подмывать городские стены и затоплять город, пришлось построить новый город – Новое Усолье. Впрочем, впоследствии при образовании Камского моря Усолье также было затоплено.

К концу XVI в. крестьяне Строгановы уже числились купцами, а в XVII в. получили почетное звание «именитых людей». Дворянами они стали только в XVIII в.

Главной отраслью их предпринимательской деятельности стало солеварение. Соляная промышленность в России занимала особое положение.

Во-первых, это было изначально крупное товарное производство. Крупное, потому что на соляной варнице было занято не менее 10–12 работников, а еще намного больше людей требовалось для вспомогательных операций – заготовки оборудования, дров для выпаривания соли, погрузки и перевозки соли. Поэтому солеварение требовало вложения значительных капиталов и привлечения значительного количества работников. Товарное производство, потому что соль добывалась не везде и была важным товаром обмена между княжествами даже в период феодальной раздробленности. Не случайно название торговца солью «прасол» потом стало означать крупного оптового торговца вообще.

Во-вторых, соль относилась к числу казенных монополий. Правда, солью пока торговало не государство, но продажа соли велась под контролем государства, и в распоряжение государства шло около 30% выручки от продажи соли.

В составе хозяйства Строгановых были также металлургическое, кожевенное производства, а также рыболовно-звероловный промысел.

Металлургическое производство здесь имело вспомогательный характер. Для соляных варниц требовалось металлическое оборудование: буровые

инструменты (рассол добывался из-под земли), «црены», на которых выпаривалась соль, и многое другое. Поэтому на Урале основали медный и железный «заводы», положив тем самым начало уральской металлургии. Следует оговориться, что эти «заводы» использовали технологию крестьянских промыслов и отличались от них лишь тем, что находились под управлением администрации Строгановых.

Вспомогательный характер имело и кожевенное производство: работникам Строгановых требовались сапоги, кожаные рукавицы, фартуки.

У Строгановых было и сельское хозяйство, которое тоже играло вспомогательную роль. Для содержания зависимых людей, для действия соляных промыслов требовалось много хлеба, овса и сена. Закупать все это в условиях слабого еще развития рыночных отношений, да к тому же не в Москве или Ярославле, а на колонизируемой окраине было практически невозможно. Поэтому хозяйство строилось на натуральной основе, и необходимые сельскохозяйственные продукты производились на месте.

Производственное объединение Строгановых, находясь в условиях феодализма, и строилось по принципу феодальной вотчины: все необходимое не закупалось на рынке, а производилось в самом хозяйстве. А на рынок, на продажу поступал лишь основной продукт – соль.

В хозяйстве Строгановых использовался как наемный, так и принудительный труд. В работах Введенского, специалиста по Строгановым, их подневольные люди называются «крепостными», «дворовыми» и «холопами». Но крепостное право было установлено только в середине XVII в., да и после этого крепостными могли владеть только дворяне. Дворовыми назывались те же крепостные, которые не имели своего хозяйства и работали при дворе феодала.

Очевидно, часть этих людей находилась в кабальной зависимости. Еще в Киевской Руси, согласно Русской Правде, человек, который не мог вернуть долг, становился закупом – кабальным рабом кредитора. По той же Русской Правде человек, поступивший на постоянную службу к другому, считался холопом. Эти нормы были закреплены и последующим законодательством. Вот из таких зависимых людей, холопов, состояли приказчики, управители, мастера, квалифицированные ремесленники. А наемные в хозяйстве Строгановых выполняли неквалифицированные вспомогательные работы, в частности, погрузку и перевозку соли.

Кстати, в качестве наемных работников у Строгановых широко использовалось коренное население – коми и пермяки. Сохранилась дразнилка: «Пермяк – соленые уши»; при переноске кулей с солью часто соль просыпалась на уши.

Конечно, положение холопа – приказчика или мастера – солевара было намного выше, чем грузчика соли из наемных. Более того, в патриархальном клане Строгановых высшие служащие из холопов находились на одном уровне с дальними родственниками.

Особое место в группе высших служащих занимали иностранцы. На службе у Строгановых, например, находился голландец Брюнель, купец и мореплаватель. Он ездил с их товарами в Антверпен и Париж. В результате войн с Литвой и Швецией в распоряжении государства оказывался «полон» (военнопленные). Их можно было купить у государства. Приказчики Строгановых ездили в Москву и Ярославль отбирать людей нужной квалификации и увозили их в свои владения.

Обширными были и торговые операции Строгановых. Их приказчики по-прежнему везли ушнину в Архангельск, обменивая ее там на европейские товары, и даже совершали торговые поездки в Стокгольм и другие города Европы. На верфях Строгановых около Архангельска строились морские суда по западному образцу (так что Петр I не первым стал строить такие суда). В Средней Азии Строгановы закупали «бухарские» товары тоже в обмен на пушнину.

Столь обширная торговля увеличивала связь Строгановых с государственной властью. Они выполняли поручения правительства по заготовке хлеба для государственных нужд, им поручалась поставка продовольствия в Астрахань. Когда Ивану Грозному требовалась большая партия пушнины, он обращался непосредственно к Строгановым. К ним он обращался и за деньгами – Строгановы были банкирами Ивана Грозного.

Следует отметить еще одну сторону деятельности Строгановых – культурную. В их иконописных мастерских родилась знаменитая строгановская школа иконописи. В начале XVII в. в их личной библиотеке было около 2 тыс. книг – огромное количество по тем временам.

Строгановы были не единственными предпринимателями недворянского происхождения. Торговый человек Светешников держал соляные промыслы на Нижней Волге, а купец Панкратьев – Сереговские соляные промыслы на Северной Двине. Оба они сочетали солеварение с обширной торговлей и сельским хозяйством.

Соляные промыслы Светешникова находились в незаселенной еще степи, под постоянной угрозой набегов кочевников. Поэтому для охраны варниц и поселения была построена крепость, гарнизон которой составляли три десятка «боевых людей – пищальщиков». Чтобы обеспечить промыслы продовольствием и фуражом, Светешников не только привлекал крестьян для поселения на его землях при промыслах, но и организовал при варницах животноводческое хозяйство. Следует добавить, что кроме земельных вла-

денях при промыслах Светешников имел деревни с крестьянами в разных районах России.

Но в основном Светешников занимался все-таки торговлей. Ежегодно в Сибирь направлялись его обозы с русскими и европейскими товарами, которые обменивались там на пушнину. Не довольствуясь тем, что можно было обменять у местных жителей, Светешников направлял в Сибирь «ватаги» из русских охотников для добычи соболей, обеспечивая их необходимыми запасами. А в Архангельске эта пушнина обменивалась на западные товары.

Выделим основные особенности частного промышленного предпринимательства в XVI–XVII вв.

Одна из особенностей – многоотраслевая структура хозяйства, сочетание промышленного, сельскохозяйственного производства и торговли. Это объяснялось слабым развитием рынка и господством натуральных отношений в феодальном обществе. Не случайным было объединение в одном лице купца и промышленника: в торговле накапливались необходимые для производства капиталы, а налаженные торговые связи обеспечивали реализацию продукции, доставку ее к местам сбыта.

Вторая особенность заключалась в том, что купцы-промышленники стремились приобретать землю не только ради обеспечения промышленных объектов сельскохозяйственными продуктами, но и для того, чтобы приблизиться по своему положению к господствующему сословию феодалов. Правда, согласно обычным представлениям, при феодализме владеть землей с зависимыми крестьянами могли только феодалы, дворяне. Так и было в XVIII в. Но в XVI–XVII вв. правовые нормы феодализма только еще формировались. И если владеть крепостными могли действительно только дворяне, то, согласно прежним законам, владение холопами и кабальная зависимость не имели четких сословных ограничений. В условиях, когда верховным собственником земли было государство, царь мог жаловать эту землю, не считаясь с сословной принадлежностью получателя.

Третья особенность – связь с государством. Если исключить традиционные крестьянские промыслы и учитывать только основанные владельцами относительно крупные предприятия, остаются только поташное, металлургическое, винокурное производства Морозова и других феодалов и соляные промыслы недворян. Все эти производства в той или иной степени работали на государство, были связаны с государственным хозяйством.

Особую категорию предпринимателей составляли монастыри. В основе своей монастырское хозяйство строилось по принципу вотчины, т. е. все необходимое для своего потребления производилось на месте, в пределах этого хозяйства. Большинство вотчинников получало необходимые для своего быта изделия или от домашних ремесленников, или включали эти изделия в

состав оброка с крестьян (в состав оброка входили овчины, холсты, кадки и т. п.). Но монастыри шли дальше – они часть своей продукции предназначали для продажи. Особенно это относилось к монастырям, которые находились на колонизируемых окраинах, где на месте было невозможно получить все необходимое.

Так, Соловецкий монастырь не мог получить на месте достаточное количество хлеба. На Соловках выращивали только овощи. Хлеб надо было закупать на юге. А чтобы получить деньги для этого, монастырь развивал рыболовство и солеварение. Не на самих островах, а на прилежащих берегах. Монастырь занимал места на реках, впадающих в море, ставил там дворы, организовывал рыболовный промысел. Таким же образом он ставил солеварни. Это были промысловые поселки без пашни.

Антониев-Сийский монастырь тоже сбывал рыбу и соль, а на вырученные деньги закупал воск, ладан, хлеб, обувь и одежду. Кирилло-Белозерский монастырь имел свою рожь, овес, ячмень и соль, а закупал гречневую крупу, конопляное масло и многое другое.

По словам иноземца Флетчера, монахи были «самыми оборотливыми купцами» во всем государстве.

11.8. Торговля и финансы

В XVII в. начинается складывание всероссийского рынка. До этого экономически еще оставалась феодальная раздробленность: страна делилась на ряд районов (местных рынков), замкнутых на себя, между которыми не было стабильных торговых связей.

Слияние отдельных рынков в один всероссийский рынок означало установление стабильного обмена товарами между отдельными районами. Но если районы обменивались товарами, значит, они специализировались на производстве определенных товаров для вывоза в другие районы: хлеб на хлеб не меняют.

Уже сказано о районной специализации промыслов. Но такая специализация начинается и в сельском хозяйстве. Главными районами товарного производства хлеба становятся Среднее Поволжье и Верхнее Приднепровье, главными районами товарного производства льна и пеньки – районы Новгорода и Пскова. Очевидно, отсюда значительная часть волокна доставлялась в районы текстильных промыслов вокруг Москвы и Ярославля.

Но связи между отдельными районами были еще слабыми, а это имело следствием огромную разницу цен на товары в разных городах. Купцы использовали эту разницу цен, покупали товар в одном городе, перевозили в

другой и продавали намного дороже, получая от торговых сделок прибыль до 100% и выше на вложенный капитал. Такие неэквивалентно высокие прибыли были характерны для периода первоначального накопления капитала.

Следствием слабости торговых связей было и то, что главной формой торговли были ярмарки. Купец не мог объезжать страну, закупая нужные ему для розничной торговли товары на местах их производства: такой объезд затянулся бы на несколько лет. На ярмарку же, которая действовала в определенное время, съезжались купцы из разных городов, и каждый привозил те товары, которые были дешевле у него дома. В результате на ярмарке собирался полный ассортимент товаров из разных мест, и каждый купец, продав свои товары, мог закупить все товары, нужные для его торговли.

Крупнейшей ярмаркой в XVII в. становится Макарьевская – у Макарьевского монастыря близ Нижнего Новгорода. Сюда съезжались не только русские купцы, но и западноевропейские, и восточные. Большую роль играла Ирбитская ярмарка в городе Ирбите на Урале, которая связывала Европейскую часть страны с Сибирью и восточными рынками.

Торговлей в России занималась половина городского населения. Как писали иностранцы, в России торговали все. Свою лавочку имел ремесленник, но торговал не только своими изделиями, а вел вообще мелочную торговлю. Лавки, полулавки, ларьки, навесы имели в городах стрельцы, подьячие, крестьяне и т. д. В Москве в 1701 г. числилось 2600 лавок и 6800 посадских дворов, т. е. лавка приходилась на 2–3 двора. В конце XVII в. весь Китай-город состоял из лавок. По отзывам современника, Красная площадь «весь день была полна торговцами, рабочими и празднующимися» [5, с. 41].

О значении торговли в жизни русского человека свидетельствуют даже учебники арифметики того времени, в которых преобладали задачи по переводу денежного русского счета на иностранный, по купле и продаже разных товаров, по расчету времени на перевозку.

Иностранцы объясняли это особой тягой русского народа к торговле. В действительности это объяснялось тем, что в России не было цехов и гильдий. Если в Западной Европе заниматься торговлей могли только члены купеческих гильдий, то в России торговать мог каждый.

Поэтому торговля была только частью занятий человека. По писцовым книгам, т. е. переписям населения, мы видим, что один горожанин занимается кузнечным делом и торгует рыбой, другой делает горшки и торгует кожей, третий – портной и торгует в калашном ряду, четвертый – извозчик и торгует рыбой и солью. Такое совмещение занятий объяснялось еще одним – стремлением не класть все яйца в одну корзину. Распыление капитала означало распыление риска. Это было необходимо в условиях отсутствия правовых гарантий и произвола властей.

Отсюда еще одна особенность, которой удивлялись иностранцы: очень мелкие лавки. Полная лавка имела размер 4 x 5 м Но преобладали полулавки, четверти лавки и даже 1/8 лавки.

В то же время уже выделился слой собственно купцов, т. е. людей, основным занятием которых была торговля. Если производство льна было сосредоточено вокруг Новгорода и Пскова, а текстильные промыслы – вокруг Москвы и Ярославля, то кто-то должен был закупать лен на месте производства и доставлять в районы промыслов. Кто-то должен был закупать хлеб на Средней Волге и Верхнем Приднепровье и везти на север. Очевидно, что стрельцы или ремесленники не могли этим заниматься. Оптовой торговлей, доставкой товаров к местам потребления, очевидно, и занимались купцы.

Но господствующую роль в торговле играло государство. Именно торговля была главным источником государственных доходов. Принято считать, что главным источником государственного бюджета были подати, т. е. прямые налоги с населения. Эти подати первоначально были данью, которую князья собирали для Золотой Орды, и лишь по мере освобождения от ордынского ига они стали оставаться в казне московского князя.

Однако в условиях господства натурального хозяйства прямые налоги с населения не могли обеспечить государственные потребности. Натуральное хозяйство не дает денежных доходов, которые можно было бы обложить налогом. Известны факты, когда богатейшие бояре, владельцы огромных вотчин, чтобы снарядиться в поход, были вынуждены закладывать приданое своих дочерей. Налоги обеспечивает лишь товарное хозяйство. Поэтому приказ Большой казны, т. е. министерство финансов, вынужден был искать источники пополнения казны там, где было денежное обращение, т. е. в сфере торговли.

Любой товар, торговля которым давала высокие прибыли, объявлялся царской монополией и исключался из частного коммерческого оборота. В XVII в. в казенной монополии находились соль, поташ, мед, пушнина, хлебное вино.

В одних случаях товар, объявленный царской монополией, надлежало сдавать в казну по установленной цене, а затем он продавался от имени государства по более высокой цене. Именно так было с поташом.

В других случаях государство сдавало торговлю подобным товаром на откуп, т. е. частные лица получали право торговать таким товаром, откупив это право у царя, заплатив откуп в казну. На откуп сдавалась торговля не только перечисленными выше «солидными» товарами, но и продажа кваса, конопляного масла, мыла, дегтя, свечей, рогож, хомутов и т. п. Величина откупа обычно составляла разницу между заготовительной и продажной

ценой. Наиболее известны для того времени питейные откупа, которые, как известно, принесли огромный вред народу.

Следует уточнить терминологию. Винокуренные заведения выпускали «полугар» крепостью в 38°. В кабаках его продавали под названием хлебного вина или перерабатывали на водку. Водками тогда назывались разного рода настойки крепостью около 20°.

Закон запрещал «отгонять питухов от кабаков»: пьяный считался «государственным» человеком, поскольку приносил доход казне. Антиалкогольная пропаганда не поощрялась. И складывалось представление, что пьющий человек – благонамеренный, а непьющий – подозрительный, неблагонадежный. К тому же оказалось, что откупа обогащали не столько казну, сколько самих откупщиков, и питейные откупа стали одним из главных источников первоначального накопления капиталов в России.

Импорт тоже входил в сферу царской торговли. Иностранные купцы должны были сначала предъявить свои товары представителям царя, те отбирали часть товара по назначенной ими же цене, и только после этого иностранный купец получал право торговли остальным товаром. А отобранный товар теперь продавался уже от имени государства, естественно, по повышенной цене.

Государственная фискальная политика временами приводила к взрывам народного недовольства. В середине XVII в. был резко повышен упомянутый выше налог на продажу соли, удвоив ее рыночную цену. Авторы закона, в частности, наш знакомый Б. И. Морозов, сочли, что поскольку соль нужна всем, то налог справедлив, никто не останется в обиде. В результате сгнили тысячи пудов дешевой рыбы, которой народ питался во время постов, потому что оказалось невыгодно солить дешевую рыбу дорогой солью. Произошло народное восстание, Соляной бунт (1648), и повышенный налог пришлось отменить.

Чтобы компенсировать потерю, правительство стало выпускать вместо серебряных медные деньги с принудительным курсом. Но из этого тоже ничего не получилось. Медные деньги не принимали за серебряные. За серебряный рубль на рынке давали 10 медных. Дело кончилось новым восстанием – Медным бунтом (1662), который начали стрельцы, получившие жалованье медными деньгами. И от медных денег пришлось отказаться. Они были изъяты из обращения, причем казна как банкрот платила сначала по пять, а потом по 1 копейке за медный рубль.

Осуществление государственной монополии требовало непомерного чиновничьего аппарата для контроля за торговлей, для закупки и продажи товаров. Но функции чиновников выполняли гости. Известно, что гостями назывались самые богатые купцы, которые имели право торговать с загра-

ницей. Это верно, но привилегированное положение гостей определялось их государственной службой, тем, что они обслуживали финансовые нужды государства. Они продавали казенные товары, собирали пошлины, закупали товары для государства и доставляли их в указанные места. Они назначались таможенными и кабацкими головами. Но если гость не мог собрать необходимую сумму пошлин или выполнить казенный подряд, наказание было суровым. Упомянутый выше Светешников умер в тюрьме.

Поскольку гости имели связи за границей, владели иностранными языками, их нередко использовали в качестве дипломатов. Граница между этим высшим слоем купечества и боярами была размытой. Гости нередко назначались дьяками, т. е. ставились во главе приказов. Дьяками, например, были гости Панкратьев, Иванов, Сурков, Тараканов. Гость Босый ведал Монетным двором. Наконец, вспомним Козьму Минина, который действовал вместе с князем Пожарским.

А за все это они имели право владеть поместьями с крепостными. Поместьями владели дворяне и гости. Дворяне – за военную службу, гости – за фискальную. Подмосковные села Ховрино, Софрино, Тропарево до сих пор сохраняют фамилии купцов – их первых владельцев.

Но вернемся к частной торговле. В перечне наиболее крупных торговых предпринимателей мы должны снова назвать Морозова, Строгановых, Светешникова, которые сочетали торговлю с промышленным производством. Среди других крупнейших купцов можно отметить новгородцев Кашкиных, которые торговали с Западной Европой; черносозных крестьян Босых, которые в XVII в. получили звание гостей; Федотовых-Гусельниковых, которые тоже были из крестьян, и даже получив звание гостей, продолжали жить в родной деревне и называли себя «пашенные крестьяне».

Но известные операции крупнейших торговых людей того времени велись почти исключительно в двух направлениях: в Сибири скупалась пушнина, а через Архангельск и Новгород велась торговля с европейскими купцами. Торговые же связи между городами России для крупнейших купцов играли второстепенную роль. Это лишний раз свидетельствует, что российский рынок только еще начинал складываться.

Поскольку не было купеческих гильдий, а следовательно, сословных ограничений в торговле, крупными торговыми операциями занимались крестьяне и посадские люди, сохраняя прежний сословный статус. Крестьяне Тихвинского монастыря на своих судах ходили в Стокгольм, там закупали медь и другие товары. Отправляясь с этими товарами в Москву, они заезжали в Устюжну Железнопольскую и другие города и иноземные товары дополняли тихвинским укладом, кожами, мехом. Псковский торговый человек

Поганкин, который построил знаменитые «Поганкины палаты», был огородником и разбогател на торговле с ливонскими городами.

Среди крупнейших торговцев сибирской пушниной следует отметить крестьян Глотовых из села Карачарова. Устюжские кожевники Ходутины скупали в Сибири пушнину и сбывали эту пушнину и другие российские товары в Архангельске, закупая иноземные.

Однако значение внешней торговли для России того времени преувеличивать не следует. Ведь средневековая торговля была преимущественно морской, а Россия не имела выхода к Балтийскому морю и поэтому фактически была изолирована от Запада.

Эта экономическая изоляция замедляла развитие хозяйства страны. Поэтому важную роль для России сыграла экспедиция Ченслера. Отправившись из Англии на поиски «северного прохода» в Индию, Ченслер из трех судов своей экспедиции потерял два и вместо Индии в 1553 г. попал через Белое море в Москву. Он, впрочем, не растерялся и выхлопотал у Ивана Грозного серьезные привилегии для торговли английских купцов в России. Английским купцам было разрешено строить в России не только торговые дворы, но и промышленные заведения. Так, в Архангельске, Вологде, Холмогорах начали работу английские канатные дворы, продукция которых, естественно, направлялась в Англию. По показаниям английских купцов, их прибыль от торговли в России сукнами составляла 100–140%. Они покупали в России невыделанные лосиные кожи по 3–4 руб. за штуку, а продавали опять же в Россию выделанные за 30–40 руб. Капитал Северной английской компании ежегодно увеличивался на 45%.

Правда, Иван Грозный обзывал свою «любительную сестру» английскую королеву Елизавету «пошлой девицей» за то, что ее королевством, помимо ее, правят «торговые мужчины», и иногда притеснял этих «мужиков», но все же оказывал им покровительство. Монопольного положения в русской торговле англичане лишились только в середине XVII в.: русский царь лишил их привилегий за то, что они «всею землею учинили злое дело: государя своего Карлуса короля убили до смерти». «Новоторговый устав» 1667 г. ограничил торговлю иностранцев в России. Теперь им разрешалось вести операции только в Архангельске, Новгороде и Пскове, ограничиваться оптовой торговлей, уплачивая повышенные пошлины.

75% внешнеторгового оборота России в XVII в. шло через Архангельск, основанный на берегах Белого моря в 80-х годах XVII в. Из России через этот порт вывозились меха, поташ, пенька, сало, кожи. Ввозились сукна, металлы, бумага, вина, предметы роскоши.

Торговля с Востоком – Ираном, Индией, Средней Азией – велась в основном через Астрахань. С Востока сюда привозили хлопчатобумажные и

шелковые ткани, на вывоз шли пушнина, кожи, металлические изделия. Годовые обороты через Архангельск были в 10 раз больше, чем через Астрахань: Россия ориентировалась во внешней торговле преимущественно на Запад – там были товары, которых требовало ее развитие.

* * *

Говоря о торговле, мы не можем обойти связанную с ней сферу ростовщичества, кредита.

Бояре, имевшие огромные вотчины, тысячи зависимых крестьян, не вылезали из долгов: натуральное хозяйство вотчины не давало денежного дохода. Русские купцы обычно приобретали товары в долг и до возвращения долга не только сбывали товар, но и старались несколько раз обернуть полученные деньги. Они кредитовали таким образом друг друга.

Но банкиров, действующих только в сфере кредита, как в Западной Европе, на Руси не было. В качестве ростовщиков выступали крупные торговцы и промышленники: Морозов, Строгановы и др. Крупными ростовщиками были монастыри. Через товарные отрасли своего хозяйства, а особенно за счет вкладов на помин души у них накапливались значительные денежные богатства. Давая их в долг через заклад земли, монастырь увеличивал свои владения. Закон запрещал монастырям покупать земли, но таким образом они обходили запрет.

Широко практиковалась еще одна функция кредита: давая ссуды крестьянам, купцы и промышленники получали кабальных холопов, потому что во всех судебных актах того времени неоплатный должник поступал «с головой» в зависимость к кредитору.

Но все это свидетельствовало о том, что кредит в России пока оставался на самом примитивном уровне.

* * *

Итак, в экономике России XVII в. возникают капиталистические элементы: формируется всероссийский рынок, рождаются первые мануфактуры. Начинается процесс первоначального накопления. Но он был односторонним. Капиталы накапливались у купцов в процессе неэквивалентной торговли, особенно у откупщиков. Но второй стороны первоначального накопления – разорения крестьян – не наблюдалось. Крестьяне были прикреплены к земле и помещикам.

11.9. Елена Глинская и ее денежная реформа

Русская правительница Елена Васильевна Глинская была второй женой царя Василия III Ивановича и матерью царя Ивана IV Грозного, но имя ее вошло в историю в связи с проведением монетной реформы и образованием единой десятичной денежной системы Русского государства.

Предпосылки денежной реформы сложились в Русском государстве на рубеже XIII–XIV вв. В это время начался выход

Руси из состояния раздробленности, чему предшествовало усиление Твери, Москвы, Суздаля, Нижнего Новгорода и Рязани. Это привело к образованию внутреннего рынка, создало условия для развития торговли между княжествами.

Особенно велика заслуга успешного объединения земель во главе с Москвой великого князя Ивана I Калиты. Его сын Семен Иванович Гордый (1341–1353) сохранил единство и могущество Московского княжества. Во время недолгого княжения Иоанна II Красного (133?–1359) положение Московского княжества ухудшилось. И только во второй половине XIV в. при сыне Ивана II Дмитрие Ивановиче Донском (1359–1389) Москва становится национальным и экономическим центром всей страны. В середине XV в. к Москве были присоединены суздальские земли, Великий Новгород и Тверское княжество. Это было завершение процесса, который продолжался все предшествующее столетие.

В развитии экономических предпосылок проведения денежной реформы в стране немалую роль играли торговля, обмен результатами производственной деятельности. Таким образом, расширение феодального землевладения и рост товарно-денежных отношений объективно обусловили необходимость улучшения денежной системы и укрепления рубля.

Чеканка монет в Московском княжестве после освобождения от ордынского ига возобновилась в XIV в. при Дмитрие Донском. Московская денежная десятичная система усовершенствовала денежный счет. Если новгородский рубль был равен 216 деньгам, то московский рубль равнялся 200 деньгам, московский рубль содержал 10 гривен, по 20 денег в каждой.

В 1425 г. в Москве началась монетная чеканка Василия II Васильевича Темного (1425–1462). В середине XV в. при Иване III и при Василии III усилились трудности в денежном обращении: мелкой монеты не хватало, поэтому деньги резали на части. Удельные деньги имели разное содержание серебра, многие монеты стерлись в процессе обращения. Возникла настойчивая потребность в новой мелкой серебряной монете для расчетов на внутреннем рынке. Все это делало необходимым проведение денежной реформы.

Заключительным этапом длительного процесса создания единой денежной системы явилась денежная реформа Елены Глинской, жены Василия III, который стал великим князем Руси в 1505 г.

Защитники старых боярских вольностей были недовольны усилением центральной власти и пытались помешать Василию взойти на престол. Но его отец Иван III во имя устранения междоусобиц пожаловал сына Василия великим княжением Владимирским и Московским в апреле 1502 г. (за три года до своей смерти). Умер Иван III, свекр Елены Глинской, 25 января 1505 г. на 67-м году жизни и на 44-м году княжения.

Поскольку Великим князем мог быть только женатый человек, первый раз Василия женили на Соломонии Скуратовой. Со всей страны привезли пятьсот невест из знатных семей. В нелегкой конкурентной борьбе победили Соломония и весь ее род Скуратовых. Двадцать лет была Соломония верной женой царя, но Бог не дал ей детей. Царь Василий Иванович был человеком эмоциональным и очень страдал из-за отсутствия детей. Он мечтал не только о наследнике, но и о чувстве отцовства. Бояре и приближенные советовали царю жениться, как и его отец, во второй раз. В 1525 г. княгиню Соломонию в монастыре постригли под именем Софьи. Митрополит дал благословение, и государь через два месяца женился на молодой, умной и красивой Елене Глинской.

Молодой княгине было суждено провести денежную реформу, необходимость которой была очевидна еще при жизни ее мужа Василия III. Он вел усиленную борьбу за устойчивость денег. Надо было выбирать из двух возможных путей: или восстановить прежний вес денег, или привести в соответствие их весовое содержание с номиналом. В ряде городов – Москве, Смоленске, Костроме – появились поддельные деньги, что строго каралось по указу Василия III смертной казнью. Однако репрессии против фальшивомонетчиков не решали проблем русского денежного хозяйства.

Вторая, желанная и горячо любимая жена Василия Ивановича Елена была из рода Глинских, который был очень старинным и знатным. Еще за двести лет до рождения Елены ее предки владели городами: Глински, Полтава, Глинница. Отсюда и название рода – Глинские. Земли отца, его братьев и деда Елены находились на границе Русского государства и Польско-Литовского княжества. Дядя Елены Михаил Львович Глинский был одним из знатнейших вельмож в Литве. Никто не был в Литовском княжестве столь знатен, силен, богат поместьями и страшен для неприятелей, как Михаил Львович. В молодости он жил в Германии и Италии, а возвратясь, снискал милость государя Польского и Литовского Александра.

Очень важно отметить, что Александр был женат на русской княгине, родной сестре Василия III. Многие историки забывают эту деталь, рассказывая о причинах второй женитьбы Василия III именно на Елене Глинской.

Польская королева Елена Ивановна вела оживленную (иногда тайную) переписку с отцом, матерью и братом Василием, сообщая о всех событиях, происходивших при польском дворе. Не исключено, что она первая заметила красавицу Елену Васильевну Глинскую и известила о ней брата.

Отец Елены Глинской и его братья поссорились с неблагоприятным польским королем Сигизмундом, воцарившимся после Александра. Братья Глинские Василий (отец Елены), Михаил и Иван, вместе со своими землями перешли под защиту Руси и объявили себя слугами государя Московского.

Василия III прельщало в Елене Глинской то, что она была воспитана в европейских обычаях. Историк Карамзин утверждал, что она «имела более приятности в уме, нежели тогдашние юные россиянки, научаемые единственно целомудрию и кротким смиренным добродетелям их пола». Василий Иванович желал нравиться своей юной супруге, обрил бороду, чтобы казаться моложе. Он старался привлечь к себе Елену Васильевну и ласковым обхождением, и приятной наружностью.

Елена родила 25 августа 1530 г. сына Иоанна. Через некоторое время Елена родила дочь, а 15 октября 1533 г. второго сына Георгия. Рождение детей было великой радостью, и в честь этих событий царь объявлял помилование многим людям, находившимся в опале. Но радостная семейная жизнь Елены Васильевны продолжалась недолго. Супруг ее неожиданно заболел.

Перед смертью Василий Иванович отказался от всего земного и пожелал постричься. В духовной грамоте великий князь Василий Иванович объявил трехлетнего сына Ивана наследником государства под опекой матери и бояр до пятнадцати лет. Умер Василий III 3 декабря 1533 г.

Регентство Елены при малолетнем сыне царе Иване IV было временем экономического и политического подъема страны. Но в этот период усилилось противоборство родового боярства и княжеской власти. Природный ум и образованность великой княгини Елены позволили ей с честью противостоять боярским раздорам в борьбе за власть, влияние. Придворные льстиво славил добродетели Елены Васильевны, сравнивали ее с великой княгиней Ольгой, но не всегда на деле помогали ей.

В проведении экономической программы Елена опиралась на Боярскую думу, но более всего доверяла мудрости своего дяди Михаила Глинского и молодого князя Ивана Федоровича Овчина-Телепнев-Оболенского.

Продолжалось регентство Елены Глинской только три года (1534–1538). Она умерла в ночь на 3 апреля 1538 г. Ходили слухи, что она была отравлена боярами. Вскоре, 9 апреля, был схвачен и замучен ее соратник в делах князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский.

Политическая линия правительства Елены Глинской была направлена на ограничение власти удельных князей. Особое значение придавалось пресече-

нию всех попыток к сепаратизму новгородских феодалов. Она опиралась на прогрессивную часть боярства, выступавшего за укрепление централизованной власти и установление мирных отношений с Литвой и Польшей.

Немалую роль в укреплении центральной власти сыграло совершенствование денежной системы, а именно проведение монетной реформы Елены Глинской, которая была направлена как на ликвидацию кризисного состояния денежного обращения, от которого несла ущерб казна, вынужденная принимать неполноценные стертые и обрезанные монеты, так и на упрочение денежной системы во всей стране.

В проведении денежной реформы Елены Глинской можно говорить о трех этапах: 1535, 1536 и 1538 гг. Первый этап ученые историки связывают с мартовским указом 1535 г. о повелении Новгородскому и Псковскому монетным дворам приступить к чеканке денег – новгородок – по новой стопе.

Монетная стопа была значительно снижена: из гривенки стали чеканить 300 денег, когда ранее при Иване III чеканили 260. Изменилось и название денег: раньше рублевая гривенка первоначально делилась на 200 денег, теперь же на 100 копеек. В основу унифицированной системы денежных знаков был положен рубль (68 г серебра), копейка (0,68 г), деньга (0,34 г), полушка (0,17 г), хотя первоначально деньга содержала 0,787 г серебра.

В ходе реформы в первую очередь изымались из денежного обращения резаные и низкопробные монеты, затем наступил черед «старых новгородок», и уж на завершающем этапе реформы были запрещены «старые московки». Возможно, что последние как более мелкие номиналы могли еще некоторое время участвовать в денежном обороте наряду с новыми монетами, с которыми они были более сопоставимы по весу.

Второй этап реформы – указ 24 февраля 1536 г., согласно которому велено «новыми торговати с копьем», что стало возможным, когда уже было начеканено достаточное для обращения количество денег. Из летописных записей видно, что с марта по август 1536 г. следовало перейти в Новгороде и Пскове на новые деньги, которые делались «по три рубля из гривенки».

Третий этап реформы, которая не прекратилась со смертью Елены Глинской, состоял в распространении ее на всю страну. В апреле–августе 1538 г. было запрещено хождение старых «московок» и объявлено о чеканке в Москве новых денег. Во всей стране денежная система стала единой.

Проведение реформы сначала в Новгороде и Пскове, а затем в Москве имело глубокий смысл. Дело в том, что из трех монетных дворов два – Новгородский и Псковский – чеканили тяжеловесную новгородку, а Московский двор чеканил более легкую московку. Поэтому одновременная чеканка новгородок и московок отвлекла бы силы и замедлила осуществление реформы.

Завершение реформы приходится на апрель 1538 г. В результате реформы 1535–1538 гг. была установлена единая монетная система. Серебряная копейка стала основной общерусской монетой. Монетная реформа проложила жесткий рубеж между монетами, ею введенными и выпущенными ранее, до ее проведения. Монеты выпуска 1534 г. подлежали обмену на новые деньги.

С нумизматической точки зрения монетная реформа 1535–1538 гг. имеет также ряд особенностей и загадок: изображение на деньгах «ездца с копьём» появилось не сразу. Первоначально была «мечевая копейка» – монета весом с копейку, но всадник на ней изображен не с копьём, а с мечом. Доказательством того, что сначала была мечевая копейка, являются клады, которые представлены только мечевой копейкой, без единой монетки с изображенным всадника с копьём.

Монетное обращение Русского централизованного государства во время царствования сына Елены Глинской Ивана Грозного полностью основывалось на новых монетах и вполне очистилось от старых как порченных монет, так и монет другого весового содержания, и стало единообразным.

Денежная реформа Елены Глинской в ряду социально-экономических явлений первой половины XVI в. представляла собой знаменательное событие. Ее историческое значение заключалось в том, что она за короткий срок покончила со старыми монетами и закрепила национальную десятичную денежную систему. Реформа явилась естественным результатом развития и завершения веками существовавших в русских землях счетно-денежных понятий.

11.10. А. Л. Ордын-Нащекин

Думный боярин **Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащекин** (16...–1681) происходил из небогатого рода псковского дворянина. Фамилию получил от дальних предков, один из которых в 1327 г. во время битвы тверян с ханским послом Шевкалом получил ранение на лице и прозван был Нащокою. Другой потомок получил название Орды.

В детстве Ордын-Нащекина обучили математике и иностранным языкам. Он знал латинский, немецкий, польский, шведский, в дальнейшем изучил французский, молдавский языки. Прибыв на службу к московскому государю, он быстро продвинулся по служебной лестнице. В 60-е гг. XVII в. был воеводой в Пскове, где провел реформу по устройству городского самоуправления. В 1667 г. заключил на выгодных условиях для России Андрусовское перемирие. Получил боярское звание, был назначен главным управителем Посольского приказа и других учреждений.

Формирование экономических взглядов Ордын-Нащекина происходило в условиях образования всероссийского единого рынка, когда начался новый период русской истории, характеризовавшийся экономическим объединением разрозненных княжеств. В XVII в. при царе Алексее Михайловиче Романове произошло фактическое слияние всех земель и княжеств в одно целое, что было вызвано расширением торговли между княжествами.

Этот период характеризовался и закрепощением крестьян. В 1649 г. вышло Соборное уложение, согласно которому помещики имели право полностью распоряжаться крестьянами как своей собственностью, а побеги крестьян решительно пресекались. Появилась поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» Вспыхивали стихийные восстания крестьян, главным требованием которых являлась ликвидация феодальных отношений, освобождение крестьян от крепостной зависимости, от всех повинностей и налогов.

Ордын-Нащекин провел ряд важных мероприятий в области торговли и промышленности, его деятельность была направлена на создание экономически независимого русского государства. В составлении Новоторгового устава Ордын-Нащекин играл главную роль. Он является родоначальником русской экономической школы и политической экономии в России. Ордын-Нащекин не писал специальных теоретических работ, но его деятельность, подготовленные им указы, объяснительные записки и доклады оставили яркий след в истории русской экономической мысли.

Видный русский историк В. О. Ключевский писал об ораторских и писательских талантах Ордын-Нащекина: «Говорун и бойкое перо», говорил он «слагательно». Ум у него был тонкий, цепкий и емкий, умел быстро схватывать и импровизировать «по условиям минуты». Ордын-Нащекин – мастер своеобразных и неожиданных политических построений. С ним было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из терпения иноземных дипломатов, с которыми вел переговоры. Имел привычку иронизировать над несообразительностью людей. А признание положительных сторон в западноевропейских порядках привело к тому, что свои смеялись над ним, называли иноземцем. Среди людей служебного мира Ордын-Нащекин был чужой, и каждый его успех приносил ему и новых врагов. Нрав имел жесткий и несколько задорный. Имел опору в царе, унижался перед царем, но цену себе знал. Считал себя выдающимся, не от мира сего. «Если бы я от миру был, мир бы меня любил», – писал Ордын-Нащекин.

В 1671 г., вступив в конфликт с боярами и не найдя на этот раз поддержки со стороны царя Алексея Михайловича, Ордын-Нащекин ушел в отставку и вскоре постригся в монахи. В монастыре он вел научную работу, а в 1679 г. не выдержал добровольного заточения и вернулся к государственной деятельности.

Ордын-Нащекин составил экономическую программу. Она имела национальную направленность и состояла в том, что *развитие промышленности* рассматривалось не как орудие получения денег, т. е. не исключительно с точки зрения экспорта, но как средство увеличения производства товаров, необходимых для населения собственной страны, с тем чтобы освободиться от импорта. Экономическая политика Ордын-Нащекина была направлена на развитие экономики страны в целом.

Условиям развития денежной системы страны Ордын-Нащекин уделял особое внимание. Ордын-Нащекин стремился к увеличению доходов. Идею о необходимости развития доходного, прибыльного производства в стране он развивал в двух документах: Псковском положении 1665 г. и Новоторговом уставе 1667 г. Для удержания в стране драгоценных металлов Ордын-Нащекин предлагал ряд мероприятий. Он учредил купеческие союзы, которые представляли собой попытку организации кредита и являлись прообразами банка в России. В тот период в России не было рудников по добыче драгоценных металлов. Драгоценные металлы для развития денежного обращения получались в результате торговли с Западом, ибо отсутствие собственных рудников в тот период приводило к постоянному недостатку денег в стране.

Ордын-Нащекин проводил мероприятия, которые способствовали увеличению количества благородных металлов. Он установил строгую регламентацию и контроль над ввозом и вывозом золота и серебра. Ордын-Нащекин стремился упорядочить систему взимания таможенных сборов. Все указы и уставы были нацелены на строгий контроль над тем, чтобы пошлины иностранцев взимались только золотом и валютой.

Меры по удержанию в стране драгоценных металлов состояли в следующем: взнос в таможенную ефимками составлял одну треть стоимости товаров в обмен на русские серебряные деньги. Всякое нарушение каралось передачей товаров в государственную казну. При въезде в страну иностранцы должны были золото и серебро обменять на русские деньги. Обмен золота и ефимок (иохимсталлеров) на русские деньги приносил государству большой доход. Русское правительство пользовалось и другим обычным для того времени путем увеличения денег: в России, как и в других странах Европы, применялась порча денег.

Заслугой Ордын-Нащекина являются его взгляды на значение *развития промышленности*, в то же время его концепция легла в основу русской экономической школы. В отличие от предшествовавших ему русских экономистов, которые обращали внимание только на отдельные отрасли народного хозяйства, Ордын-Нащекин анализировал макроэкономику. Ордын-Нащекин стремился к развитию *всех отраслей промышленности*. Он считал, что надо развивать производство не только тех товаров, которые идут на экс-

порт, но в первую очередь производить товары, в которых нуждается население, и тем самым *освободить государство от необходимости их импорта, ввоза из других стран*. Впервые в России было проведено различие между хозяйством государя и народным хозяйством, при этом он решал экономические вопросы с точки зрения народного хозяйства в целом.

Ордын-Нащекин принимал участие в организации металлургических и металлообрабатывающих предприятий, кожевенных, бумажных и стекольных мануфактур, принимал меры к развитию орудий сельского хозяйства. Он указывал, что «дело в промысле, а не в том, что людей много. И много людей, да промышленника нет, так ничего не выйдет»; «половину рати продать, да промышленника купить, и то выгоднее будет».

Ордын-Нащекин объективно оценивал достижения более развитых государств и призывал заимствовать передовой *опыт западных стран*: «Не стыдно навязать доброму со стороны». Но неверно считать его западником, ибо опыт Запада он воспринимал критически. Он был ярким противником слепого подражания и раболепия перед заграничными обычаями и порядками и часто повторял: «Да что нам за дело до иноземных обычаев: их платье не по нас, а наше не по них».

Ордын-Нащекин уделял большое внимание развитию инфраструктурных отраслей: транспорту, торговому флоту, почте. Ему принадлежит заслуга организации первых почт в России, при этом он руководствовался экономическими соображениями: выступал против тайной пересылки золота и драгоценностей. Почта была организована между Москвой и Ригой.

Ордын-Нащекин ратовал за необходимость создания русского торгового флота и был поставлен по указу царя во главе «корабельного дела». В 1669 г. был спущен по Оке в Волгу, а оттуда в Каспийское море первый русский корабль «Орел». Ордын-Нащекин способствовал также построению каналов и других путей сообщения.

Главным для Ордына-Нащекина было развитие свободной *беспошлинной торговли внутри страны*. Он ратовал и за *расширение внешней торговли*. Документы, созданные им, предполагали строгую регламентацию внешней и внутренней торговли. Ордын-Нащекин высказывался за установление государственной монополии внешней торговли на ряд товаров. В своих действиях он опирался на купечество. Выражая требования русского купечества XVII в., он в Новоторговом уставе провел ряд мероприятий, направленных на защиту интересов русского купечества.

Ордын-Нащекин стремился организовать торговлю с наибольшей выгодой для *русского купечества*, поэтому иностранцам ограничили торговлю двумя сроками: ярмарки проводили в январе и мае. Были также установлены территориальные ограничения торговле иностранцев. Иностранные купцы

могли торговать только в пограничных городах. Предполагалось объединить торговых людей путем создания торговых компаний, чтобы они брали ссуду не у иностранных, а у русских крупных купцов.

Эти мероприятия, направленные на ограничение иностранной торговли, не следует рассматривать как стремление к национальной замкнутости. Ордын-Нащекин решительно выступал против засилья иностранцев, но ратовал за *широкую внешнюю торговлю* на началах, выгодных для России.

Вывоз товаров русскими купцами за границу всячески поощрялся. Русским купцам разрешалось беспошлинно торговать во всех пограничных городах и на ярмарках. Отменялись для русских купцов проезжие пошлины. Не платили пошлины они и при покупке товара в том городе, где живут. Были и другие статьи, поощрявшие вывоз.

Ордын-Нащекин, стремясь к расширению внешней торговли, завязывал торговые связи с иностранными государствами. Им были предприняты шаги к заключению торгового договора с Польшей. В 1667 г. были направлены послы в Испанию, которые договорились с Карлом II о свободной торговле русских купцов во всех испанских портах. По его мнению, для успешной внешней торговли необходимо овладеть выходом к берегам Балтийского и Черного морей, установить связи со странами Ближнего и Дальнего Востока. Ордын-Нащекин подготовил посольство в Индию и предполагал организовать торговлю с Китаем. Французы предложили заключить мирный вечный договор, но взамен требовали свободного вывоза товаров и транзита в торговле с восточными странами, в Персию. В торговле с восточными странами Ордын-Нащекин стремился отеснить конкурентов – Англию и Голландию, захвативших транзитную торговлю с Востоком, которая велась через Архангельск и Каспийское море. Монопольная торговля с Персией была возможна только при условии предоставления льгот персидским купцам.

Политика западных стран в XVII в. имела целью не только захватить богатства России, но и стремление экономически ее ослабить. В Западной Европе пропагандировалась идея изоляции России от Европы и раздавались призывы прекратить ввоз в нее не только оружия и боевых припасов, но также меди и олова. Иностранные правительства, прикрывая свои истинные намерения, демагогически заявляли, что их действия продиктованы миролюбивыми целями и защитой свободы в Европе, а на самом деле стремились затормозить ее экономический рост, воспрепятствовать политическому могуществу.

Государственная программа Ордын-Нащекина в конечном счете состояла в следующем:

- 1) брать пример с Запада, но не без разбору;

2) преодолевать привычки и бюрократический дух московской администрации, которая неумеренно руководствовалась личными счетами и отношениями, а не государственными интересами;

3) стремиться к воссоединению Московии с Великороссией (Украиной), для этого хотел союза с Польшей, хотя и понимал непрочность этого союза.

Литература

1. *Акты хозяйства* Б. И. Морозова. Т. 1–2. М., 1940–1945.
2. *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954.
3. *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
4. *Власть и реформы.* СПб., 1996.
5. *Довнар-Запольский М. В.* Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М., 1910.
6. *Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. Т. 1. Киев–СПб., 1911.
7. *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина. М., 1977.
8. *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973.
9. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
10. *История отечественной текстильной промышленности.* М., 1992.
11. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Соч. Т. 2–3. М., 1957.
12. *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. Т. 2. М., 1925.
13. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1952.
14. *Милюков П. М.* Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1995.
15. *Очерки истории СССР.* XVII в. М., 1955.
16. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
17. *Панеях В. М.* Холопство в XVI – нач. XVII вв. Л., 1975.
18. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
19. *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.
20. *Преображенский А. А., Перхавко В. Е.* Купечество Руси. XI–XVII вв. Екатеринбург, 1997.
21. *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XVI–XVII вв. М., 1995.
22. *Скрынников Р. Г.* Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 1.
23. *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975.
24. *Скрытников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978.
25. *Снегирев В.* Московские слободы. М., 1956.
26. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1967.
27. *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.
28. *Яковцевский В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

12. ЭКОНОМИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

12.1. Иран

Граница между Древностью и Средневековьем на Западе очевидна: гибель Римской империи, а с ней и рабовладельческого строя, и начало формирования феодализма в Королевстве Франков. На Востоке такой очевидной границы не было. Рабы там и в Древности не составляли основную производительную силу общества, а основная масса населения, крестьянство, оставалась главным объектом эксплуатации и в Древности, и в Средние века.

Восточная древность – это небольшие государства, часто даже города-государства, такие как Шумер, Вавилон, Финикия. И даже сравнительно большое государство, Древний Египет, объединяло население с общим языком и культурными традициями. Характерной же особенностью восточного Средневековья было образование гигантских империй, охватывавших народы с разной культурой и стоявших на разных ступенях общественного развития, таких как монгольская империя Чингиз-хана, Тамерлана, Арабский халифат, причем основой рождения этих империй являлись завоевания кочевых скотоводческих племен.

Одним из средневековых государств Востока был Иран, или Персия. Иран или Персия? Иран (Ариянам) – дословно «страна Ариев», потому что здесь находилось одно из гнезд оседания кочевников – ариев, которые ассимилировались с местными племенами, причем культурные традиции и язык ариев заняли господствующее положение.

Парс, или Фарс, – так называлось объединение племен на юге Ирана, из которого вышли первые иранские династии

Ахеменидов и Сасанидов. Следует заметить, что все более поздние династии были из пришельцев – арабов, сельджуков, монголов, кызылбашей.

12.1.1. ДИНАСТИИ И КОЧЕВНИКИ

Чтобы проследить переход Ирана от древности к Средневековью, мы вынуждены рассмотреть основные события истории Ирана на протяжении всей его истории, т. е. начать с Древности.

Началось с завоеваний царя Кира. Первоначально Парс входил в состав Мидийского царства. В 551 г. до н.э. царь Кир, основатель династии Ахеменидов, который был, в сущности, вождем союза племен Парса, выступил против правителей Мидии, разгромил мидийское войско и подчинил не только эту страну, но и окружающие земли. В состав государства Ахеменидов вошли Средняя Азия, Малая Азия, Месопотамия. Его сын Камбиз присоединил к державе Ахеменидов Египет и западную часть Индии.

Эта огромная территория была разделена на 20 областей – сатрапий. Сатрапия обычно охватывала территорию завоеванной страны. Например, отдельной сатрапией был Египет, отдельной – Вавилон. Сатрапы назначались из представителей персидской знати, но сохранялась прежняя система управления из местных чиновников.

Большинство побежденных находилось на более высоком культурно-экономическом уровне по сравнению с победителями, и Ахемениды активно впитывали новые культурные ценности. Из Месопотамии была заимствована клинописная письменность, из Бактрии – зороастризм – поклонение единому богу Ахура-Мазде, который заменил прежних дэвов – богов иранских племен. Пророком этой религии был Зоратуштра (Заратустра в европейской транскрипции). Конечно, ничего общего с сочинением Ницше его учение не имело. Важным элементом этой религии был культ огня, поэтому персов европейцы называли огнепоклонниками.

Столицей Ахеменидов стала Экбатана, прежняя столица Мидии, но Парс оставался на привилегированном положении. Персидские племена были освобождены от уплаты налогов и трудовой повинности. Их единственной государственной повинностью было военное дело: они составляли ядро войска Ахеменидов.

Правда, если верить Геродоту, наиболее боеспособными частями этого войска были греческие наемники. Но во время похода Александра Македонского, когда им надо было воевать против «своих», они уже не могли стать надежной опорой Ахеменидов. Поход Александра (334–330 гг. до н.э.) стал концом Персидского государства Ахеменидов.

Но Александр Македонский не смог построить на завоеванной территории новое государство. После его смерти завоеванные земли распались на ряд отдельных государств, которые принято называть эллинистическими. Основная часть Ирана вошла в состав Парфянского царства.

Эллинизм в эллинистических государствах составлял лишь внешнюю оболочку. Численность греко-македонцев была слишком мала, чтобы они могли составить значительный господствующий слой на огромной завоеванной территории. Поход Александра не сопровождался массовым избиением местной знати. Наоборот, военачальники Александра, возглавившие

эллинистические государства, старались привлекать местную знать, как и сам Александр, охотно перенимали местные обычаи, окружая себя восточной роскошью, оставляли местный аппарат управления, а, следовательно, и прежние порядки. Уже в III в. до н.э. во главе Парфянского государства стоял представитель парфянской знати, который основал династию Аршакидов.

Парфянское царство с династией Аршакидов просуществовало до III в. н.э. Оно, в сущности, не было единым государством, а представляло конгломерат племен, сохранявших свои обычаи и очень слабо зависящих от центральной власти.

Новая династия Сасанидов вышла из той же области Парс, что и династия Ахеменидов. Основатель этой династии Арта-шир I в 224 г. выступил против Аршакидов, разгромил парфянское войско, а затем поочередно покорил все области, на которые было разделено Парфянское государство (согласно хроникам он разгромил 80 царств). В 226 г. он принял титул шахиншаха – царя царей. Центром нового государства стал опять не Парс, а города на Тигре – Селевкия и Ктесифон.

Государство Сасанидов просуществовало до 651 г., когда Иран был завоеван арабами и вошел в состав Арабского халифата.

Арабы, заселявшие к этому времени Аравийский полуостров, оставались на стадии родоплеменного строя. Земля была общей собственностью племени, а власть вождя племени, шейха, была ограничена народным собранием. Родоплеменную организацию имели и вооруженные силы. Шейх был военным вождем племени, а каждый род составлял боевую единицу. Это способствовало сплочению: вместе сражались близкие люди, даже родственники, на которых можно было положиться.

Арабская пустыня – не место для земледелия. Земледелием занимались лишь в оазисах и немногих местах на морском побережье. В основном же арабы были кочевниками. Особое значение для них имела посредническая торговля между Западом и Востоком. «Великий шелковый путь», по которому шли караваны верблюдов (а верблюды и были главным скотом кочевников – арабов), проходил через Мекку и Медину. Не случайно Мухаммед, основатель ислама, был мекканским купцом. Но по мере того как Сасаниды усиливали стабильность своего государства, караванный путь стал передвигаться к северу и проходил теперь по территории Персии. Посредническая торговля Мекки была подорвана.

Потеря доходов от посреднической торговли порождала стремление к завоевательным войнам, к захвату военной добычи и новых земель, в первую очередь тех земель, на которые переместился теперь торговый путь. Новая религия, ислам, с проповедью джихада – войны против «неверных», давала и идейную основу для завоеваний.

Но для того чтобы вести завоевания, надо было объединить арабские племена в единое государство: силой отдельных племен можно было лишь грабить ближайших соседей, но не завоевывать. Идейной основой объединения и послужил монотеистический ислам («нет бога, кроме Аллаха»). Мухаммед не только основал новую религию, но и объединил арабов в единое государство, Арабский халифат.

К середине VII в. Иран был завоеван арабами и перестал существовать как самостоятельное государство. Государственные владения, земли Сасанидов, а также тех представителей иранской знати, которые выступали против арабов, перешли в собственность Халифата.

Победители пока оставались на более низком уровне экономического и культурного развития, чем побежденные. Для управления они были вынуждены использовать прежний административный аппарат. Кочевники переходили к оседлости, ассимилируясь с местным населением. На территории Ирана господствующие позиции постепенно переходили к местной персидской знати, и новая династия халифов, Аббасиды, которые пришли к власти в 740-е гг., были уже ставленниками иранской аристократии.

По мере усиления местной знати росли сепаратистские тенденции. К тому же воинственные кочевники, оседая, переставали быть грозной силой. К концу IX в. на территории Ирана возникло несколько самостоятельных государств с местными династиями.

Раздробленная страна не могла противостоять натиску новых кочевников – Сельджуков. Это были племена туркменов, которые кочевали первоначально по Средней Азии. Название свое они получили от имени Сельджука, полубогородного вождя племени. В стремлении к захвату военной добычи и плодородных земель (обычном стремлении кочевников) они мигрировали на юг, к границам Ирана. Один из их вождей в 20-х гг. XI в. попросил главу государства Газневидов, одного из государств на территории Ирана, принять их на военную службу и разрешить для этого поселиться на его землях. Но следом за первой туда двинулись и другие партии переселенцев – кочевников. Попытка противостоять этому натиску вооруженной силой не удалась. В 1040 г. войска газневидского султана были разгромлены, а к концу XI в. в состав государства Сельджуков вошли весь Иран, Малая Азия, Месопотамия, Афганистан и даже часть Аравии.

А затем произошло то, что уже повторялось неоднократно. В условиях земледельческой культуры кочевники все более переходили к оседлости. Знатные Сельджуки старались закрепить за собой определенные территории. В противовес этому сепаратизму султаны опирались на старый государственный аппарат из иранской знати. К началу XII в. государство раздробилось на 12 самостоятельных уделов.

Но главное вторжение кочевников было еще впереди. В 1220 г. Иран был завоеван ордами Чингиз-хана. Нашествие монголов сопровождалось страшным разорением. Города обращались в руины, цветущие оазисы – в пастбище для скота. После сдачи Термеза все население было вырезано. Балх не оказал сопротивления, сдавшись на милость победителя, но и этот город был разрушен, а население перебито. В Герате, где было несколько сот тысяч жителей, уцелело только 40 человек.

Нашествие Чингиз-хана было еще не завоеванием, а только разрушительным набегом. В 1224 г. Чингиз-хан ушел из Ирана. Но в 1254 г. монголы вернулись сюда во главе с его внуком – Хулагу-ханом, и было основано Хулагидское государство, которое просуществовало до середины XIV в.

Конечно, и Хулагиды стали раздавать в уделы своим нойонам и эмирам земли и города. Но владельцы этих уделов, сохраняя традиции, не управляли этими уделами и даже не жили в них, а продолжали вести кочевую жизнь, получая только дань со своих владений. Исходя из тех же традиций к исламу они относились враждебно: их религия была более связана с буддизмом и христианством, поэтому в христианах они видели союзников против ислама. Однако со временем и в государстве Хулагидов возобладала сепаратистские тенденции, и к середине XIV в. оно распалось на отдельные владения, во главе которых стояли представители монгольской кочевой знати.

Но и на этом опустошение страны монголами не закончилось. С 1380 по 1393 г. Иран был завоеван «железным хромцом» Тимурленгом, или Тамерланом, как его называли европейцы. Нашествие Тимура снова сопровождалось разрушением хозяйства и массовым истреблением населения. Только в Исфагане было отрублено 70 тыс. голов, из которых были возведены пирамиды. Такие же пирамиды из отрубленных голов возводились и в других местах.

Но государство Тимура распалось на части уже вскоре после его смерти. Снова наступил период раздробленности.

Последняя династия средневекового Ирана, Сефевиды, была тоже пришлой. Ее основателями были азербайджанцы из дервишского ордена Сефевийэ, и их опорой были кочевые племена, говорившие на азербайджанском языке. Они носили чалмы с полосами красного цвета, поэтому их называли «кызылбашами», т.е. красноголовыми. В начале XVI в. Сефевиды овладели Ираном, но до середины этого века столица Сефевидского государства находилась в Азербайджане, в Тавризе. Таким образом, строго говоря, это было азербайджанское государство.

В начале XVII в. персидские чиновники в правительственном аппарате стали оттеснять на задний план кызылбашскую кочевую знать. Столица была перенесена в Исфаган. Укрепление центральной власти было необходимо

шахиншаху, чтобы противостоять сепаратизму беглербегов, вождей кызыл-башских племен, которые стояли во главе управления провинциями. Итак:

VI–IV вв. до н.э. – государство Ахеменидов;

III в. до н.э. – III в. н.э. – Парфянское государство Аршакидов;

III–VII вв. – государство Сасанидов;

VII–XI вв. – Арабский Халифат;

XI–XIII вв. – государство Сельджуков;

XIII–XIV вв. – монгольские государства;

XVI в. – государство Сефевидов.

В этот перечень мы не включаем периоды раздробленности и правления отдельных династий, например, династии Хулагидов.

Таким образом, Иран в периоды Древности и Средних веков не был одним государством. Чередовались государства и периоды раздробленности. И только два из этих государств имели местное происхождение – государства Ахеменидов и Сасанидов. Поскольку в разных государствах, особенно в государствах пришлых кочевников, были разные условия экономической жизни, мы не можем это игнорировать при рассмотрении экономического развития. Это и заставило нас уделить столько места изложению основных событий политической истории.

12.1.2. ИРРИГАЦИЯ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Иран представляет обширное нагорье, окруженное горными хребтами. Центральная часть нагорья – бесплодные пустыни, непригодные для земледелия без крупных оросительных сооружений. Поэтому скотоводство занимало господствующее положение в хозяйстве страны. Земледелием занимались в оазисах вдоль хребтов, где для орошения использовались горные речки и ручьи.

Государственные оросительные системы здесь начали строить лишь в V–VI вв. в государстве Сасанидов, причем это была очень сложная система ирригации. Ее основу составляли каризы – подземные тоннели – галереи, по которым текла вода, скапливавшаяся в подпочвенном слое у подножия гор.

Каризы прокладывались на глубине 8–10, а потом даже 30–50 м и достигали в длину до 40 км. Через каждые 7–10 м располагались колодцы, которые служили, в частности, для очистки каризов от наносов, что было важной частью трудовой повинности крестьян. Очевидно, что строительство и содержание такой сложной системы было по силам только государству, но не общинам или частным землевладельцам, которых здесь называли дехканами (как мы знаем, в Средней Азии позже дехканами называли просто крестьян).

За пользование оросительными системами, естественно, государство взимало с земледельцев особую плату.

Дальнейшее расширение оросительной системы происходило в X–XI вв., когда длина некоторых каризов достигла 125 км, а глубина – до 90 м. Новая активизация ирригационных работ происходила уже в XVI–XVII вв. при Сефевидях. Французский путешественник Шарден описывал, как воду из колодцев поднимали в больших бурдюках специальными колесами, которые вращали волю, затем она выливалась в бассейн, откуда по каналам шла на поля.

В результате ирригации был достигнут очень высокий уровень земледелия. Кроме зерновых культур и овощей здесь было освоено производство сахарного тростника, хлопка, красителей (шафрана, марены, индиго), шелководство. Продукция именно этих новых для Ирана культур шла в основном на экспорт. По словам Шардена, в государстве Сефевидов производилось за год свыше 20 тыс. тюков шелка – сырца весом по 276 фунтов. Не более тысячи тюков оставалось в Иране, а основная часть вывозилась, причем не только в Европу, но и в Индию, где производился собственный шелк. По словам того же Шардена, в Исфаган на продажу привозили столько дынь, что за день их там съедали больше, чем за месяц во всей Франции.

В государствах Ахеменидов и Сасанидов, т.е. в древний период, верховным собственником земли считался шахиншах, «царь царей», но практически земля находилась в распоряжении общин, через которые собирались налоги и распределялась трудовая повинность. В период Средневековья община формально оставалась как административно-территориальная единица, но уравнительное землепользование было уже нарушено. Из общины выделялись крупные землевладельцы – дехкане. Своего хозяйства они, как правило, уже не вели, а сдавали землю в аренду на кабальных условиях. Широко практиковалась кабальная аренда и на землях, передаваемых государством в условную собственность представителям государственного аппарата. Особенно значительные масштабы кабальная аренда стала приобретать со времени Арабского халифата. Само слово «кабала» – арабского происхождения

12.1.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ИКТА

Государственное хозяйство, если исключить строительные и ирригационные работы, не играло важной роли в экономике страны на протяжении всей истории. Правда, при Ахеменидах существовал специальный термин для обозначения работников царского хозяйства – «курташ». Но эти люди были заняты в основном на обслуживании царя и строительных работах. При

дворе Сасанидов числилось 6000 слуг, 8000 коней, 12000 мулов и 760 слонов. Соотношение занятых людей и скота свидетельствует, что это не было производящее хозяйство, оно лишь обеспечивало роскошь правящей династии.

Конечно, полностью в распоряжении государства находилось производство вооружения. Государству принадлежали рудники, но они не разрабатывались государственными работниками, а сдавались на откуп артелям горняков и частным предпринимателям. При Сефевидах действовало свыше 30 шахских мастерских, «караханэ», в каждой из которых было занято около 130 работников, но это составляло ничтожную долю ремесленного производства огромной страны.

Основным же источником государственных доходов, как в Древности, так и в Средние века, была эксплуатация крестьян-общинников, причем в основном крестьян, которые вели хозяйство на государственной земле.

При переходе к Средневековью государственное землевладение не сокращалось, как можно было ожидать, а увеличивалось. Во-первых, поскольку ирригация была делом государства, орошаемые земли становились государственными. Во-вторых, при каждом вторжении иноземцев-завоевателей (арабов, монголов, туркмен) в собственность нового государства переходили не только прежние государственные земли, но и владения сопротивлявшихся завоеванию. Правда, потом часть государственных земель раздавалась в условное владение представителям господствующей группы, но приходили новые завоеватели и процесс начинался сначала.

В древний период, при Ахеменидах и Сасанидах, еще не было сложной системы условного землевладения. Крупные земельные владения просто раздавались членам царской династии, представителям персидской знати, крупным чиновникам в полную наследственную собственность. Владельцы этих имений обычно жили в городах на доходы, которые они получали от управляющих.

Средние землевладельцы, дехкане, выдвинувшиеся на местах, составляли ядро персидского войска, ее прославленную конницу. Эти «деревенские господа» государственных налогов не платили.

Несколько категорий земельной собственности возникло в период Халифата. Крупнейшим землевладельцем было государство, но, кроме того, огромные земельные владения принадлежали членам правящей династии и церковные земли – «вакф». Все доходы с этих земель шли в пользу владельцев. Земли в наследственной частной собственности дехкан, арабской и персидской знати назывались «мульк» и от государственных налогов не освобождались.

Новой формой земельной собственности стала «икта». Так назывались земли, которые раздавались чиновникам, представителям государственно-

го аппарата в качестве платы за службу. Предполагалось, что только налоги с крестьян, живущих на этих землях, поступают в пользу владельца икта, составляя его жалование, причем только на время исполнения служебных обязанностей, т.е. икта соответствовали европейскому бенефицию. Но поскольку государственные должности были наследственными, то и икта стали передаваться по наследству.

При Сельджуках икта стали преобладающей формой земельной собственности. В качестве икта раздавались целые области с городами, причем владельцы этих пожалований продолжали вести кочевую жизнь на доходы от своих владений. Мелкие икта теперь раздавались даже рядовым воинам.

Преобладание системы икта оставалось и при монголах. Газан-хан в 1303 г. издал указ о наделении землями на праве икта всех монголов. Огромные территории выделялись эмирам, эмиры делили их между предводителями отрядов, а те – между рядовыми воинами. Каждый воин получал в икта деревню или часть деревни с крестьянами. Тогда же было введено и крепостное право – прикрепление крестьян к земле. Следует оговориться, что крестьяне при этом не становились собственностью владельца: он не мог их продать или отобрать у них землю.

При Тимуридах была введена новая форма земельного владения – «со-юргал», владелец которого получал полную административную власть на выделенной ему земле, хоть эта земля продолжала считаться государственной.

При Сефевидах раздача земли в условное владение продолжалась. Эти земли теперь назывались «тиулами» и делились на две категории: а) персональные, пожизненные и б) закрепленные за определенной должностью на время ее исполнения.

Таким образом, в Иране в Средние века происходил процесс формирования частного условного землевладения, которое отличалось от европейского феодализма тем, что главным землевладельцем оставалось государство, а феодальная рента заменяла государственный налог. Иными словами, налог с крестьян частного владения шел в пользу владельца.

12.1.4. ХАРАДЖ И ДЖИЗИЯ

На протяжении всей истории Ирана основным источником доходов государства были налоги с крестьян. В государстве Сасанидов поземельный налог взимался натурой и составлял от 1/3 до 1/10 части урожая. Крестьянам запрещалось убирать урожай до прибытия чиновников, которые на месте определяли «государеву долю». Естественно, такая система давала простор произволу чиновников. Хосров Аноширван (531–579 гг.) ввел постоянные

ставки обложения земли в соответствии с кадастровой описью, причем в пригородных районах налог стал взиматься деньгами. Кроме поземельного, крестьяне платили подушную подать – от 4 до 12 дирхемов с мужчины от 20 до 50 лет. Кроме этих налогов крестьяне должны были отбывать трудовую повинность на ирригационных и строительных работах.

Главные формы налогообложения крестьян сохранились и в период Халифата. Земельный налог теперь назывался харад-жем, а подушный – джизией, причем джизию первоначально платили только «неверные», а потом она была распространена на все население. Следует подчеркнуть, что когда земля с крестьянами передавалась в условное частное владение, крестьяне продолжали платить те же джизию и харадж, только в пользу владельца земли.

Резко ухудшилось положение крестьян при монголах. Крестьяне были теперь вынуждены отдавать до 80% урожая. Размер налога практически был произволен, причем, растратив собранные деньги, сборщики возвращались, чтобы собирать их вновь. Сбор налогов сопровождался истязаниями и пытками крестьян. «Если не могли захватить мужчин, – писал персидский историк Рашидаддин, – то забирали их жен,... подвешивали их за ноги на веревке и избивали» [2, с. 579]. Крестьяне разбегались, число селений в некоторых районах сократилось в несколько раз.

Очень высокими оставались налоги и при Сефевидах. Разоренных крестьян приходилось снабжать скотом и зерном для посева, а поскольку за это взималась отдельная плата, у крестьянина нередко оставалась лишь треть или четверть урожая.

Крестьяне массами бежали в Индию, многие земли оставались заброшенными. По свидетельству Шардена, можно было проехать 20 лье (80 км), не встретив никаких признаков жилья. К началу XVIII в. годовой доход государства Сефевидов был в 10 раз меньше дохода Франции.

Картина государственного хозяйства была бы неполной без рассмотрения особенностей формирования вооруженных сил государства. Одна из сторон перехода от родоплеменных отношений к государству – замена родоплеменного ополчения регулярной армией. Но в Иране это превращение происходило заново после каждого завоевания страны пришельцами-кочевниками. Завоеватели (монголы, кызылбаши и др.) находились на стадии родоплеменных отношений, чем и определялся характер их войска. Но каждый раз по мере укрепления государственной власти верховный правитель в противовес кочевой знати стремился создать регулярное войско.

Уже в государстве Сасанидов Хосров Аноширван стал формировать государственное войско из «деревенских господ», средних землевладельцев, обеспечивая их за счет государства оружием и конями. Главной ударной силой была конница, как и на протяжении дальнейшей истории Ирана. Пехота,

по словам Прокопия Кесарийского, была «толпой несчастных крестьян», которые в основном выполняли вспомогательные работы при войске [9, с. 62].

В государстве Сефевидов основной вооруженной силой были конные отряды кочевников – кызылбашей. Они нередко выступали в поход со своими семьями и стадами и действовали по своему усмотрению. Шах Аббас I (1587–1629 гг.) создал регулярное войско, основу которого составляли 12 тыс. стрелков – туфенгчи, вооруженных мушкетами, и 10 тыс. конных гулямов. Отряды гулямов, как и турецкие янычары, комплектовались следующим образом: захватывались дети христиан, в основном грузин и армян, воспитывались в специальных заведениях в духе ислама и преданности шаху и представляли наиболее надежный контингент вооруженных сил.

12.1.5. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Экономическое развитие Ирана в значительной степени определялось тем, что через Иран проходил «великий шелковый путь». Поэтому развитие торговли, ремесла и городов в этой стране опережали другие отрасли хозяйства.

В X–XII вв. н.э., когда в Европе города только рождались, крупные города Ирана, такие как Нишапур или Балх, насчитывали по несколько сот тысяч жителей, а города второстепенные – десятки тысяч.

Уже в период правления Дария I (522–486 гг. до н.э.) здесь чеканили деньги. Золотой «дарик» весил 8,4 г. Но уже в X–XI вв. купцы здесь в основном использовали при расчетах векселя – чеки (само слово «чек» – персидского происхождения). Положение купца считалось почетным, и происходило даже сближение купечества с правящей аристократией. Представители знати нередко вкладывали деньги в торговые операции купцов.

Значительная часть торговли шла морем, через Каспий и Персидский залив. По словам географа Истахри, один персидский купец «так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля» [9, с. 134].

Транзитная торговля создавала условия для преимущественного развития производства предметов роскоши, изделий, пользующихся спросом за пределами страны, и производство именно таких изделий достигло наивысшего совершенства. Это были изделия из серебра и стали, ковры с изображением цветущего сада, узорчатые шелковые и парчевые ткани, краски из шафрана, марены, индиго. Персидские стальные клинки считались лучшими в мире, а один сорт парчи, по словам Шарде-на, был самым дорогим из тканей.

Ремесленники в городах жили кварталами по специальности, но подобных европейским ремесленным цехам с цеховыми монополиями и самоу-

правлением здесь не было, как не было и органов городского самоуправления. Города находились в полном подчинении правителя из состава знати, а продукция ремесленников «принадлежала владельцу города» [5, с. 77, 147].

Активно торговал Иран и с Россией. Источники X–XI вв. говорят о «кораблях русов», которые прибывали сюда по Каспийскому морю, а эрмитажная коллекция сасанидского серебра собрана на российской территории. Значительная часть этих серебряных сосудов была найдена в Прикамье. Очевидно, они попали сюда в обмен на меха, которыми славилось Приуралье.

Но с XVII в. транзитная торговля стала приходить в упадок. Главной причиной этого было открытие морского пути в Индию вокруг Африки. «Великий шелковый путь» утратил прежнее значение. Теперь индийские и китайские товары доставлялись в Европу без посредников. Но и торговля самой Персии с Европой теперь переходила в руки христианских купцов – армян, голландцев, англичан и французов, а торговля в восточном направлении – в руки индийцев.

Для расширения внешней торговли иностранным купцам стали предоставляться разного рода привилегии. Например, французы были освобождены от таможенного досмотра, а жители Ирана должны были предоставлять им бесплатно необходимые помещения. Но и это не спасало: внешняя торговля Ирана все более сокращалась.

* * *

Границей между Древностью и Средними веками в Иране, очевидно, следует считать переход страны под власть Арабского халифата. Не только потому, что это приблизительно совпадает с наступлением феодализма в Европе. Именно с этого времени страной перестают править местные династии, и власть в Иране переходит от одних завоевателей к другим. Господствующей религией становится ислам, но главное – в это время рождаются главные формы иранского средневековья: икта, ха-радж и джизия.

Эти формы и определяли сущность и особенности иранского Средневековья, отличия его от европейского. Был ли это феодализм?

Да, икта соответствовал бенефицию. Он превращался в наследственное владение, но потому, что наследственной была должность владельца в государственном аппарате. Харадж и джизия, которые составляли доход владельца икта, были государственными налогами, а не феодальной рентой. Налог и рента совпадали. Государство облагало налогами крестьян, и за счет этих налогов существовала правящая верхушка, только вместо жалования чиновникам оно предоставляло им самим возможность собирать налоги для себя.

Продолжались ирригационные работы, которые, конечно, координировались государством, и поэтому сохранялась государственная трудовая повинность.

В Западной Европе существовало городское самоуправление, городские свободы (магдебургское право), и крестьянин мог уйти в город, стать свободным от власти феодала. Здесь города находились под властью тех же представителей знати, управлялись государственными чиновниками, поэтому «городской воздух не делал человека свободным».

Итак, в Иране государство (но не государственный сектор хозяйства) сохраняет господствующее положение в экономике, господствующий слой населения сохраняет связь с государственным аппаратом, а эксплуатация крестьянства сохраняет полугосударственный характер.

Из этой схемы выпадают «деревенские господа», дехкане, но в их хозяйствах преобладают не феодальные формы эксплуатации (фиксированная рента), а арендные отношения.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
2. Всемирная история. Т. 3. М., 1957.
3. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
4. Дьяконов М. М. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961.
5. Заходер Б. Н. История восточного Средневековья. М., 1944.
6. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.
7. История Ирана. М., 1977.
8. История Древнего Востока. М., 1988.
9. Пигулевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
10. Шиллюк Н. Ф. Древний Восток. Свердловск, 1991.

12.2. Индия в Средние века

Проступая к рассмотрению экономического развития средневековой Индии, необходимо выделить три части этой страны: плодородную Индо-Гангскую равнину, плоскогорье Декан и южную часть полуострова, населенную в основном дравидами. Основные исторические события развертывались на Индо-Ганг-ской равнине. Здесь рождались крупные госу-

дарства, сюда вторгались иноземные завоеватели. В меньшей степени все это задевало Декан. В южной Индии долго сохранялись родоплеменные отношения, власть правителей Северной Индии сюда почти не распространялась, завоеватели сюда не доходили.

12.2.1. ГОСУДАРСТВА И ДИНАСТИИ

Первым периодом средневековой Индии, очевидно, следует считать время государства Гуптов, которое иногда даже называют империей Гуптов, что не совсем правильно: государство Гуптов объединяло этнически однородное население, а империей принято называть конгломерат разных народов, подчиненных центральной государственной власти, преимущественно путем завоевания.

Государство Гуптов, которое просуществовало с IV по VI в., было периодом высшего расцвета культуры и цивилизации Индии, а, по словам английского историка А. Бэшема, Индия в это время была «самой счастливой и цивилизованной страной мира» [1, с. 75]. Это государство во главе с Чандрагуптой I возникло на территории древней Магадхи и за короткий срок распространилось на всю территорию Северной Индии.

В начале VI в. Индия подверглась нашествию эфталитов – белых гуннов, которые пришли сюда из Средней Азии, но в середине столетия гунны были разгромлены войском Гуптов. К концу этого века государство Гуптов распалось на мелкие княжества.

Наступил длительный период распрей между местными династиями. В это время все более важную роль начинают играть кочевники раджпуты, заселявшие Раджпутану, область на западе Индии и остававшиеся пока еще на стадии родо-племенных отношений. Воинственные раджпуты не завоевывали другие княжества Северной Индии, а поступали на военную службу к местным правителям, а в итоге нередко заменяли и самих этих правителей. Когда началось вторжение арабов, именно раджпуты остановили их продвижение в глубь Индии.

В 812 г. арабы захватили Синд, область в долине Инда. Там возникло два мусульманских княжества. Нашествие арабов было остановлено, но не нашествие мусульман. В начале XI в. Махмуд Газневи, глава мусульманского государства Газни в Афганистане, совершил несколько грабительских походов на Северную Индию, а в конце XII в. газневиды захватили всю Северную Индию и основали Делийский султанат со столицей в Дели. Султанат не стал единым централизованным государством. Это был конгломерат княжеств во главе с наместниками султана или местными правителями, признавшими вассаль-

ную зависимость от султана. При этом раджпуты полностью не покорились, и происходила постоянная борьба между отрядами радж-путов и султанскими гарнизонами.

В XIII в. Индия подверглась монгольскому нашествию. Как и в других странах Южной Азии, это не было завоеванием территории. Монголы совершили ряд опустошительных грабительских набегов и ушли. Делийский султанат сохранился.

Нашествие Тимура в конце XIV в. тоже не было завоеванием. Тимур разорил страну, оставив после себя пустыню с пирамидами из черепов. Много дней подряд через городские ворота Дели выводили пленных.

Необходимость борьбы против завоевателей в какой-то степени даже способствовала укреплению центральной власти, но в начале XVI в. султанат распался на мелкие княжества, просуществовав около пяти веков.

В отличие от Ирана в результате длительного господства мусульманских правителей Индия не стала мусульманской. Ислам принимали в основном представители правящей верхушки – это считалось признанием вассальной зависимости. Низы общества оставались индуистами.

Согласно канонам ислама христианам и иудеям, людям Священного Писания, разрешалось сохранять свою веру, индуисты же, т.е. язычники, подлежали истреблению, если не принимали ислам. Но малочисленность завоевателей и необходимость сохранять социальную опору делали нецелесообразным осуществление этого фанатичного лозунга. Наоборот, переселенцы – мусульмане начали перенимать индуистские обряды.

С распадом Делийского султаната нашествия завоевателей не закончились. В 20-х гг. XVI в. потомок Тимура Бабур разгромил раджпутскую конницу и основал Могольскую империю. Завоеватели, в основном из кочевых племен Афганистана и Средней Азии, вторглись в Индию под знаменем джихада, войны мусульман против неверных. Но, как это повторялось уже неоднократно, осев в Индии, они ассимилировались, усваивая местные обычаи, и, как писал Д. Неру, уже «считали Индию своей родиной, а остальной мир – чужбиной» [5, с.253].

Могольское государство продолжало существовать до XVIII в. Дальнейшая история Индии уже определялась приходом сюда европейских колонизаторов и превращением этой страны в «жемчужину британской короны».

Первыми, начиная с экспедиции Васко да Гамы, сюда пришли португальцы. Они захватывали портовые города Южной Индии, но не двигались вглубь страны: для этого у Португалии не было достаточно людских ресурсов. А поскольку Южная Индия не входила в состав государства Моголов, то и военного столкновения с силами этого государства у португальцев не произошло. Но португалцев сменили голландцы, а потом английская Ост-Инд-

ская компания, но превращение Индии в английскую колонию происходило уже за пределами хронологических рамок средневековой Индии.

Итак, на протяжении Средних веков в Индии существовали последовательно три относительно крупных государства: государство Гуптов в IV–VI вв., Делийский султанат в XI–XVI вв. и Могольское государство в XVI–XVIII вв., причем только первое из них возглавляла индийская династия, а второе и третье были государствами завоевателей – мусульман, которые постепенно ассимилировались и перенимали индийскую культуру и обычаи.

Смена государств и правящих династий, длительные периоды феодальной раздробленности слабо затрагивали ход экономического развития. Вторжения кочевников – завоевателей разоряли хозяйство страны, но затем оно возрождалось в традиционных формах. Завоеватели почти ничего нового не вносили в хозяйственную жизнь.

12.2.2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛО

Даже в периоды существования крупных государств на значительной части территории страны оставались самостоятельные княжества, да и сами эти государства состояли из отдельных частей, экономически слабо связанных с центром.

В значительной степени это объяснялось тем, что здесь не было необходимости силами государства строить грандиозные ирригационные системы. Сезонные дожди давали достаточно влаги. Оросительные работы – строительство небольших каналов, запруживание мелких рек и даже создание водоемов для стока дождевой воды были по силам крестьянским общинам.

Например, для возделывания риса крестьянин окружал вспаханное поле земляным валиком, заполнял поле водой и в получившуюся земляную кашу бросал зерна, а полученную рассаду затем пересаживал на другое поле. В результате такой примитивной агротехники урожайность риса составляла сам-20 – сам-30, причем поле приносило два, а иногда и три урожая в год. Два урожая в год обычно давали и другие земледельческие культуры. В одном индийском тексте того времени говорилось даже, что в Южной Индии с участка земли, на котором мог улечься слон, могли прокормиться семь человек [3, с. 96]. Это, конечно, гиперболою, но она отражает высокие результаты земледелия.

Но обработанные земли занимали ничтожную часть территории. Вокруг редких деревень на сотни километров простирались леса (если не сказать джунгли), населенные «разбойниками», как их называли крестьяне, т.е. дикими племенами, остававшимися на стадии первобытнообщинного строя.

В составе земледельческих культур зерновые (пшеница, ячмень, рис) все более дополнялись выращиванием хлопка, пряностей, сахарного тростника (сахар вывозился в Европу). При осаде города Сарсути Махмуд Газневи приказал заполнить крепостной ров сахарным тростником с окрестных полей. Развивалось теперь и шелководство.

Основой жизни крестьян был крупный рогатый скот. На быках пахали, они служили транспортным средством. Обычными домашними животными были лошади и слоны, но лошадей держали представители военного сословия, а слонами владели только правители и вожди.

Значительные достижения были и в городском ремесле. Только в Индии изготовлялись тончайшие хлопчатобумажные ткани, так что женскую одежду – сари можно было пропустить через обручальное кольцо. О достижениях металлургов свидетельствует знаменитый железный столб в Дели высотой в 6,7 м и 40 см в диаметре, который с V в. не подвергся коррозии. Индийская сталь уже в первые века нашей эры вывозилась в Европу.

Ремесленники объединялись в самоуправляющиеся цеха – шрени, а некоторые отрасли ремесла составляли целые касты – джети. Ремесленник обычно сам продавал свои изделия на пороге мастерской или работал на заказ, но уже существовали и крупные предприятия. В одном из средневековых текстов говорится о богатом горшечнике, который имел 500 гончарных мастерских и флотилию, развозившую его товар по долине Ганга.

Но городские ремесленники не обслуживали крестьян, потому что в каждой общине работали свои деревенские ремесленники, изготовлявшие все необходимые для крестьянского обихода изделия. Городские ремесленники готовили предметы роскоши, обслуживая окружавшую правителя знать, поэтому когда такой правитель со своим двором менял резиденцию, город приходил в запустение. А в прибрежных портовых городах ремесленники готовили изделия на экспорт. Но поскольку Индия экспортировала предметы роскоши, то и в приморских городах ремесленники специализировались на производстве таких изделий.

12.2.3. ОБЩИНА

По утверждению Д. Неру, в основе общественного строя Индии лежали «три концепции: самоуправляющаяся сельская община, каста и большая семья. Во всех трех случаях значение имеет группа, а отдельная личность занимает второстепенное место» [5, с. 259]. Здесь Д. Неру подчеркивает главное отличие Востока – подчинение личности обществу, подчинение личных интересов общественным, которое подавляло личную инициативу, предприимчивость.

Главная особенность индийской крестьянской общины заключалась в том, что это была замкнутая хозяйственная единица, в которой земледелие сочеталось с ремеслом. В деревне – граме работали ремесленники: кузнецы, плотники, цирюльники, сапожники и даже астрологи. Они считались слугами общины и получали натуральную плату за свою работу в виде определенной доли урожая, причем размер этой платы не зависел от количества труда ремесленника, подобно тому, как и обычный слуга получает содержание независимо от количества его работы.

Эти ремесленники не считались полноправными членами общины. Общинники – крестьяне жили в центральной части деревни – грамы, которая называлась наттамом и была огорожена глинобитной стеной или колючей изгородью. Здесь же в наттаме находились центральная площадь, храм, здание для общественных собраний. Ремесленники жили за пределами нат-тама.

В индийской общине долго сохранялись не только коллективная собственность на землю, но и коллективный труд. В Южной Индии даже в XIV–XVI вв. существовали ганабхоги – общины, где земля не делилась между крестьянами, а обрабатывалась коллективно, и делился лишь продукт общего труда. В личном пользовании были лишь приусадебные участки. В остальных общинах в течение всего Средневековья сохранялся долевой передел земли, а пустоши, не занятые посевами земли, оставались в общей собственности.

Во главе общины стоял выборный совет – панчаят, который распределял налоги, организовывал трудовую повинность, выступал в качестве владельца пустующих земель. Староста, который стоял во главе совета, освобождался от уплаты налогов, получал от деревни специальную плату и дополнительный надел, а государство рассматривало его как своего чиновника.

Верховная власть относилась с уважением к самоуправлению общин. Государственный воин даже не имел права войти в деревню. В одной из инструкций для правителя было сказано, что если народ жалуется на чиновников, то правитель «должен стать на сторону не своих чиновников, а своих подданных» [5, с. 260].

Разложение общинных отношений началось с верхушки. Некоторые советские историки называли это «феодализацией» [3, с. 348]. Староста в качестве государственного чиновника становился руководителем деревни. В его распоряжении оказывались пустующие земли, а если учесть, что деревни – грамы были окружены лесами и границы общинных владений не соприкасались, открывались широкие возможности для освоения окружающих земель: ведь переделам подвергалась только освоенная пахотная земля, а иногда – только земля, на которой уже использовалась ирригация. Члены общины могли расширять свои владения сверх норм уравнительного землепользования, но под контролем старосты.

Однако и сам принцип уравнительного землепользования постепенно размывался. Член общины уже мог закладывать свою землю, а при определенных условиях – даже продать. Развивается аренда земли, причем арендная плата была, конечно, больше налога. В документах появляются сведения о людях, которые «отрабатывают долг» и даже «отдают себя на срок в работу».

Короче говоря, происходит расслоение деревни. Появляются богатые общинники, которые осваивают пустоши и расширяют свои хозяйства. Возникает слой бедняков – арендаторов. Дело в том, что при долевом распределении за основу принималась семья, а не человек. С увеличением семьи на долю каждого ее члена приходилось уже меньше земли.

Но вряд ли можно говорить о «феодализации» деревенской верхушки. Староста не мог превратить общинные владения в свою собственность. Он мог закабалить отдельных общинников, взимать дополнительные поборы, но не мог превратить государственный налог в свою феодальную ренту, а общину, членом которой он был, в феодально зависимых крестьян. Феодализм не возникает в ходе расслоения общины. Сословие феодалов повсеместно рождается из выделения военной знати.

12.2.4. КАСТОВАЯ СИСТЕМА

Второй важной особенностью социального строя Индии было деление на варны и касты. Варны и касты – это не совсем одно и то же, хоть в основе их лежали одни и те же принципы замкнутости и наследования правового положения. Как в Европе разорившийся дворянин оставался дворянином, так и в Индии бедный брахман или кшатрий не мог стать шудрой, а сын вайшьи не мог перейти в варну кшатриев.

Теоретически высшей варной были брахманы – жрецы и одновременно ученые, учителя. Правда, деревенский брахман мог быть даже неграмотным. Брахман редко был богатым человеком, но даже нищий брахман на социальной лестнице стоял намного выше богатого купца. Это высокое положение, почет и даже ореол святости вполне заменяли богатство. Даже воин – кшатрий склонялся перед брахманом.

Значительную часть брахманов составляли жрецы многочисленных храмов. Каждый храм имел свое натуральное хозяйство, земельные владения, не облагаемые налогами, штат слуг, ремесленников, музыкантов, танцовщиц. Естественно, эти люди в первую очередь обслуживали потребности брахманов.

Существовали и брахманские поселения с земледельческим хозяйством. Но сами брахманы не занимались обработкой своей земли. Они существо-

вали за счет средств, выделяемых правителями, и налогов с крестьян, ведущих хозяйство на их земле. Иногда одна-две деревни содержали сотни брахманов.

Были, наконец, деревенские брахманы, которые не только исполняли религиозные обряды, но и служили писцами при старосте.

Варна кшатриев возникла как варна воинов, и с появлением этой варны воинская повинность крестьян и крестьянское ополчение перестали существовать. Когда произошло выдвижение воинов-кочевников из Раджпутаны, раджпуты влились в варну кшатриев. Из кшатриев состоял и государственный аппарат. Они были не только военными, но и чиновниками.

Вайшьи – это земледельцы, скотоводы, купцы, ремесленники, т.е. все люди, которые занимались хозяйством. Граница между вайшьями и шудрами, низшим сословием, в Средние века была довольно неопределенной. Изначально шудры – это слуги, которые должны были обслуживать представителей трех высших варн, выполняя такие работы, которые представители этих варн считали ниже своего достоинства. Но в Средние века шудры были и ремесленниками, и торговцами, и даже земледельцами.

Это основное деление общества на варны, в основном соответствующие европейским средневековым сословиям, дополнялось более дробным делением на касты. Следует лишь оговориться, что брахманы и кшатрии на касты не делились. На касты делились низшие сословия, причем для них каста была важнее варны.

По словам Д. Неру, «кастовая система была системой групп, построенной по принципу разделения обязанностей и занятий... Эти группы почти во всех случаях были профессиональными, каждая из них специализировалась в каком-нибудь занятии или ремесле. Таким образом, они были своего рода профессиональными союзами или гильдиями ремесленников» [5, с. 264]. Таким образом, касты соответствовали ремесленным цехам и купеческим гильдиям средневековой Европы. Само слово «касты» – португальское, на санскрите они назывались «джати». Существовали касты ткачей, оружейников, торговцев растительным маслом, тканями.

Каста была замкнутой группой, которая защищала своих членов и обеспечивала условия для профессиональной деятельности, но требовала от них соблюдения определенных правил, нарушение которых могло караться изгнанием из касты. А изгнание из касты было самым страшным наказанием: потерявший кастовую принадлежность оказывался вне закона.

Недостаток кастовой системы заключался в том, что она сковывала социальную мобильность. Член касты не мог повысить свой социальный статус, добиться более высокого положения в обществе. Сын цирюльника мог быть только цирюльником.

Это вело к застою экономической жизни. Кастовая система замораживала производство на определенном уровне. Новые отрасли оказывались вне кастовой системы. Португальцы оказались господами на море, потому что здесь не строились суда, подобные европейским. Индийцы не переняли у европейцев книгопечатания, не освоили производства часов. Экономическое развитие Индии остановилось.

12.2.5. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И НАЛОГИ

В Древней Индии существовал большой государственный сектор хозяйства, в состав которого входили и земледелие, и животноводство, и ремесло. Государственные ремесленные мастерские, карахане, продолжали действовать и при мусульманских династиях. Там изготовлялись пушки, холодное оружие для войска, ткани, ковры, предметы роскоши для двора правителя. В период Делийского султаната в этих мастерских было занято до 17 тыс. работников, в том числе только в ткацких карахане – до 4 тыс. человек. Все они получали довольствие от казны.

В государстве Моголов существовали еще государственные монополии на некоторые сорта тканей, красителей, соли. Но эти монополии выражались не в производстве, а в обложении специальным налогом производства и торговли этими товарами.

Сельским хозяйством, земледелием и скотоводством в Средние века государство уже не занималось. Согласно утверждениям практически всех исследователей с пришествием мусульман государственная собственность на землю стала господствующей, но она выражалась не в праве распоряжаться этой землей, а в праве на получение налога с нее. Передавая в частные руки часть государственной земли, правительство лишь передавало право на сбор этого налога в установленном государством размере. Земля при этом оставалась в ведении общин, и вмешиваться в дела общин правитель не мог.

Государственные чиновники, военные, представители знати, получив землю от государства, своего хозяйства на этой земле не вели, довольствуясь тем налогом (или его частью), который они получали с крестьян.

В период государства Моголов существовало две формы государственной собственности на землю: халиса и джагир.

Халиса находилась в ведении чиновников фиска, и собранные ими налоги тратились на содержание двора и государственного аппарата. Должностные лица получали итлак – квитанцию на получение жалованья, а по этой квитанции получали установленную плату из казначейства. Так же, как

это было в Японии, итаки нередко переходили в руки ростовщиков в обеспечение долга.

Часть земель халисы сдавалась государственным служащим на праве икта, что, в сущности, было формой платы за службу. В своих владениях иктадар сам собирал налоги и лишь часть их сдавал государству.

Другая часть государственных земель, джагир, выделялся военачальникам для содержания войска. На собираемый с этого владения налог джагирдао должен был содержать отряд, которым он и командовал.

Владения и иктадаров, и джагирдаров не были наследственными. В случае смерти владельца они возвращались в государственный фонд. Более того, государство нередко перемещало эти условные владения, отнимая землю в одном районе и возвращая такое же количество земли в другом.

Небольшая часть земли в Индии находилась в наследственной собственности заминдаров. Заминдарами обычно становились представители старой индийской знати, которые сохранили свои владения. Предполагается, что некоторым иктадарам также удавалось закрепить землю в наследственную собственность.

Как уже ясно из сказанного, у Индии не было регулярной государственной армии. Ее войско состояло из отрядов джа-гирдаров, действия которых слабо координировались центром. Практически не было даже системы военного обучения. Вооружение этой армии оставляло желать лучшего. Существовала артиллерия, но крупные пушки разрывались после нескольких выстрелов.

Итак, основным источником доходов государства и господствующей группы населения являлись налоги с крестьян. Почти на протяжении всего Средневековья они собирались натурой и взимались не с площади земли, а с урожая, составляя в среднем шестую часть этого урожая. Кроме зерна государству надо было отдавать шестую часть всего, что производилось в крестьянском хозяйстве: фруктов, масла, меда и т.д. К концу Средневековья в государстве Моголов величина налога выросла уже до половины урожая и стала частично взиматься уже в денежной форме, но и в этом случае налогом облагалась не вся земля, а лишь та, с которой собирался урожай.

12.2.6. ГОРОД И ТОРГОВЛЯ

Города Индии не уступали европейским городам того времени. Один из спутников Васко да Гамы писал, что портовый город Каликут был больше Лиссабона, а по словам Ибн Баттуты, он не уступал Александрии, одному из крупнейших городов мира. Город Виджаянагар, центр княжества, по отзыву

среднеазиатского путешественника Абу-ар-Раззака, занимал 64 кв. мили, был окружен семью стенами, причем пространство между тремя внешними стенами было занято полями и садами. А по словам португальца Паэша, в XVI в. он был равен Риму. В главном городе Голконды Бхагнагаре (нынешний Хайдарабад) насчитывалось 50 тыс. кирпичных домов, 4 рынка, 14 тыс. лавок и 12 тыс. общественных зданий разного назначения.

Особенно значительными были портовые города, через которые шла торговля с внешним миром. Здесь же концентрировалось производство тех ремесленных изделий, которые предназначались для экспорта.

Города внутри страны обычно были административными центрами, центрами княжеств. Вокруг резиденции правителя селились ремесленники, обслуживавшие его двор.

Развитие городского ремесла сдерживала сельская община, в которой работали свои ремесленники, обслуживавшие потребности крестьян. Вероятно, именно поэтому даже крупные города были полуаграрными. Город окружали земледельческие хозяйства горожан, и даже посеvy жителей столичного города Дели облагались налогом, как и земли крестьян.

Когда Васко да Гама показал местным купцам подарки для правителя Каликута, они рассмеялись ему в лицо: несколько кусков ткани, бочонок меда, бочонок масла и несколько ниток кораллов – такой нищенский набор не мог прельстить этого правителя. Индия не нуждалась в европейских товарах: все необходимое, включая и предметы роскоши, производилось здесь, на месте.

Крестьяне Индии не нуждались в «городских» товарах, потому что необходимыми ремесленными изделиями их обеспечивали «свои» общинные ремесленники. Зато город нуждался в «деревенских» товарах – в сырье для производства тонких тканей, благовоний, красителей, в продуктах питания. Все это скупали купцы на деревенских базарах, а в обмен предлагали то, что не производилось в местных общинах: соль и те изделия, которые для крестьян были предметами роскоши и без которых крестьяне могли и обойтись. Община в миниатюре повторяла особенности всей Индии.

В Европу из Индии везли тонкие ткани, ювелирные изделия, пряности, индиго, изделия из слоновой кости и многое другое. Соответствующее по ценности количество своих товаров в обмен Европа предложить не могла. Поэтому из Европы в Индию шел поток золота и серебра.

Да и в странах Востока Индия покупала немного: из Китая везли фарфор и шелк, а из Средней Азии гнали табуны лошадей.

Поскольку потоки золота и дорогих товаров шли через руки купцов, это повышало их вес в обществе, особенно при мусульманских династиях, поскольку сам основатель ислама был купцом. И купечество в Индии сливалось с правящей аристократической верхушкой.

* * *

Главные особенности восточной, «азиатской» экономики средневековой Индии выделил Д. Неру: общину и кастовую систему. Община, где сочеталось земледелие с ремеслом, представляла замкнутую экономическую единицу. Она не нуждалась во внешнем мире, как и средневековый европейский феодал.

Именно община была основным объектом эксплуатации со стороны государства. Индийские «феодалы», иктадары и джа-гирдары, не вели своего хозяйства. Они, в сущности, были людьми государственного аппарата, только свое жалованье получали непосредственно с крестьян в виде налогов, которые в ином случае проходили бы через государственное казначейство.

Европейский феодал был собственником земли и именно как собственник он получал феодальную ренту. Здесь собственником земли было государство, и государственный налог заменял ренту.

Кастовая система, включая варны, определяла социальную структуру индийского общества, заменяя не только сословия, но и ремесленные цеха и купеческие гильдии. Ее главный недостаток заключался в том, что она сковывала социальную инициативу, деловую предприимчивость и порождала экономический застой.

Итак, основными особенностями индийского Средневековья были замкнутая община, в которой земледелие сочеталось с ремеслом, господство государственной собственности на землю и кастовая система. Интересы общества, общины, касты ставились выше интересов отдельного человека, подавляя личную инициативу, деловую предприимчивость.

Л и т е р а т у р а

1. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
2. Всемирная история. Т. 3. М., 1957.
3. История Индии в Средние века. М., 1968.
4. Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М., 1968.
5. Неру Д. Открытие Индии. М., 1955.
6. Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X в. М., 1948.
7. Сингха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954.

12.3. Экономика Китая в Средние Века

12.3.1. НАШЕСТВИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ КОЧЕВНИКОВ

Средневековый Китай дает нам наиболее яркий и отчетливый вариант «восточной», «азиатской» организации хозяйства, названный российским академиком Н.И. Конрадом «надельной системой». Эта надельная система распространилась также на соседние Корею и Японию.

Но прежде чем приступить к анализу экономического развития средневекового Китая, необходимо кратко рассмотреть ход основных политических событий, т.е. условия, в которых происходило это развитие.

История средневекового Китая, как и других земледельческих стран Азии, – это история вторжений кочевников, разорения страны, ассимиляции этих кочевников. Завоеватели принимали китайскую государственность, китайский язык и письменность, основывая новые династии.

Конечно, пришельцы сохраняли свои антропологические особенности, элементы прежнего быта в местах своих поселений. Поэтому «настоящими», коренными китайцами долгое время считались только ханьцы, жители прежней Ханьской империи, которые к потомкам пришельцев все-таки относились как к «варварам». Но и Ханьская империя объединила разные народности, сохранявшие свои диалекты, столь различающиеся, что иногда даже жители соседних деревень не могли понять друг друга. Поэтому огромное значение по сплочению китайцев в единый народ имела иероглифическая письменность. В отличие от фонетического письма иероглифы могли читаться по-разному, но означали одно и то же. Это обстоятельство требовало распространения грамотности, обучения, и послужило одной из причин системы экзаменов для занятия должностей.

Началом Средневековья в Китае принято считать распад Ханьской империи на три отдельных государства к началу III в. Наступил период «троецарствия», разорительных междоусобных войн. За третье столетие численность населения Китая сократилась с 50–56 млн человек до 16 млн, были разрушены ирригационные системы, почти прекратилась торговля..

В 265–280 гг. удачливому военачальнику Сыма Яню удалось объединить основную часть страны, основав династию Цзинь. Именно Сыма Янь официально установил надельную систему, ставшую экономической основой китайского Средневековья, но полностью провести эту систему в жизнь ему не удалось. Новая династия просуществовала всего 36 лет и закончилась со смертью Сыма Яня в 316 г.

Затем Северный Китай на протяжении трех столетий становится ареной столкновений между племенами пришедших с севера кочевников, среди ко-

торых главную роль играли гунны (сюнну) и сяньбийцы. В китайской историографии этот период назван временем «шестнадцати царств пяти северных племен». Сначала вторглись гунны, затем сяньбийцы. Попытки завоевателей закрепиться на захваченной территории разрушались вторжениями новых пришельцев.

И все же сяньбийцам удалось объединить значительную часть Северного Китая и основать государство, которое под названиями Северное Вэй и Северное Чжоу просуществовало почти двести лет – с 386 по 584 г. Но это было уже скорее китайское, чем сяньбийское государство. Не только в управление страной широко привлекались китайские чиновники, но и государственным языком стал китайский, а сяньбийский был запрещен. Рядовые кочевники оседали на землях, сливаясь с местным населением. Именно в этот период окончательно утверждается государственная надельная система.

Когда в Северный Китай вторглись кочевники, население отсюда бежало на юг. В первую очередь, спасая свою жизнь, туда мигрировала знать. Там были богатые земли и сравнительно редкое население. Беженцы занимали плодородные долины, оттесняя коренных жителей в горы. Здесь возникают новые царства, господствующее положение в которых занимают пришельцы с севера.

Рубежом между севером и югом, защитой от кочевников, служила широкая Янцзы, форсировать которую конное войско не могло. Но эти южные царства не отличались стабильностью. Как и в период «троецарствия» на севере, между ними происходили постоянные военные столкновения.

А Северный Китай в VI в. стал снова китайским не в результате изгнания чужеземцев, а в результате их ассимиляции.

Следующий период истории Китая – пять веков правления китайских династий Суй, Тан и Сун, с 589 по 1115 г. Китай снова стал единым государством, а экономика и культура страны достигли высшего расцвета.

После этого надвигается новая волна нашествий кочевников. Сначала «Поднебесная» пыталась откупиться. С 1004 г. Китай платил дань киданям, с 1044 г. – тангутам. Но с чжурчженями договориться не удалось. К 1127 г. они овладели Северным Китаем.

Однако главные бедствия были еще впереди. В 1211 г. в Северный Китай вторглись монголы во главе с ханом Темучином, а к 1234 г. завоевали весь Северный Китай. Но теперь пострадал и Южный: в 1276 г. было завершено завоевание монголами и Южного Китая. Хан Хубилай стал первым императором Китая – монгольской династии Юань.

Монгольское разорение было особенно разрушительным. Сжигались города поголовно вырезалось их население, прекратили существование оросительные системы. Правда, один из монгольских предводителей, Елюй Чу-

цай, говорил: «Хотя мы империю получили, сидя на лошади, но управлять ею, сидя на лошади, невозможно» [3, с. 424]. Однако долгое время китайцы привлекались к управлению лишь в качестве помощников и секретарей.

Кочевая знать, получая огромные земельные владения с тысячами крестьян, хозяйством не занималась, продолжая вести кочевой образ жизни и довольствуясь данью с жителей этих владений.

Монгольское иго в Китае рухнуло в результате народного восстания в 1368 г. Один из предводителей этого восстания, Чжу Юань, крестьянин по происхождению, основал династию Мин («Светлая»). Однако, несмотря на то, что основателем династии был крестьянин, гнет правящей верхушки стал усиливаться, вызывая все новые крестьянские восстания. За помощью против восставших знать обратилась к манчжурам – наследникам чжурчженей, и в 1644 г. Китай оказался под властью манчжурской династии Цин, господство которой сохранилось до 1911 г.

Но правление манчжуров в Китае – это уже не Средневековье.

Таким образом, из 14 веков средневековой истории Китая (от распада Ханьской империи до прихода к власти манчжуров) 5 столетий Китай находился под властью завоевателей – кочевников, 4 столетия был раздроблен на отдельные государства и только 5 столетий существовал в качестве единого государства. Периоды раздробленности, нашествий и единства сменялись. Но даже несмотря на этот калейдоскоп, четко выделяются основные особенности экономического развития Китая. Экономический процесс шел, несмотря на смену властителей.

12.3.2. НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Надельная система была официально введена в III в., в период династии Цзинь, окончательно сложилась к VI в., распространившись на весь Китай, а в VII в. была установлена в Корее и Японии.

Надельная система, или система «равных полей», как ее называли китайские историки, исходила из того, что вся земля является собственностью государства. Для пользования она делится поровну между крестьянами, но за это крестьяне должны платить государству налог и отрабатывать трудовую повинность.

Поскольку в Китае традиционно было принято идеализировать древние порядки, в III в. сначала попытались восстановить «колодезную систему», когда каждый должен был обрабатывать дополнительный участок земли, урожай с которого шел в пользу государства. Но уже при династии Цзинь перешли от обработки казенных полей к простому земельному налогу.

Чтобы обеспечить равенство и гарантировать обработку земли, земля предоставлялась только трудоспособным, причем в меру их трудоспособности. Трудоспособными считались мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Мужчины в возрасте от 13 до 15 лет и от 61 до 65 лет считались не полностью трудоспособными, а трудоспособность женщины оценивалась как 40–43% трудоспособности мужчины.

Периодически проводились переделы земли: наделы лиц старше 65 лет отбирались и передавались другим крестьянам в соответствии с составом их семей. В VI в. пахотный надел на семейную пару составлял 120 му, т.е. 7,2 га (1 му = 0,06 га), с соответствующим добавлением на каждого трудоспособного члена семьи.

Кроме того, каждая семья получала усадебный участок (3 му на 5–6 человек) и тутовый надел в 20 му: каждая семья должна была заниматься и шелководством. Таким образом, государство обязывало крестьян сочетать земледелие с ремеслом. Тутовые и усадебные участки переделам не подлежали. Не подлежала переделам и закреплялась в наследственное пользование также вновь возделанная земля.

За все это крестьянин должен был платить налог государству зерном, тканями и 20 дней в году выполнять государственную трудовую повинность, преимущественно на строительстве ирригационных сооружений и других строительных работах.

Естественно, такая система требовала сильной государственной власти, которая доходила бы до каждого крестьянина. Это достигалось системой «трех старост». Каждые пять дворов составляли соседскую общину «линь», пять соседских общин – деревенскую общину «ли», а пять деревенских общин – сельскую общину «дан». Во главе каждого из этих подразделений стоял староста, который вел учет населения, уплаты налогов, выполнения трудовой повинности, т.е., в сущности, являлся представителем государства.

В составе правительства существовало финансовое ведомство, которое ведало распределением наделов и сбором налогов. Вторым хозяйственным органом в правительстве было ведомство работ – «Гунбу».

С VIII в. надельная система в Китае начинает распадаться. Основа для этого была заложена значительно раньше – уже в VI в., когда были введены должностные (служебные) и жалованные наделы.

Должностные наделы давались чиновникам в качестве платы за службу в соответствии с рангом – от 1 до 5 цин (от 6,25 до 31 га), а в VIII в. – от 2 до 12 цин (от 12,5 до 75 га). Эти земли не передавались по наследству, считались государственными, и чиновник терял их вместе с должностью. Налоги с крестьян, живущих на этих землях, полностью или частично шли в распоряжение владельца.

Жалованные владения, размером от 5 до 100 цин (от 31 до 625 га), первоначально составляли небольшую часть земли. В Китае не было традиции крупного, а тем более феодального землевладения, крупных родовых имений. Основную массу господствующего слоя составляли чиновники.

Земли жаловались родственникам правителя, представителям старой знати, наиболее отличившимся государственным деятелям. А поскольку они уже не возвращались в государственный фонд, их доля постепенно увеличивалась. К тому же и вновь освоенные земли становились частными.

А в условиях смены династий, разорительных нашествий кочевников, когда значительная часть земли оставалась без хозяев, площадь жалованных и вновь освоенных земель возрастала ускоренно. В VIII в. государство отказалось от переделов земли, тем самым покончив с надельной системой. В Цинской империи уже 80% земли принадлежало частным лицам.

Обрабатывались эти земли уже не крестьянами-общинниками, которые платили бы прежний государственный налог новым владельцам. В имениях крупных собственников работали преимущественно «гости», или «кэху» из безземельных крестьян, которые отдавали владельцу около половины урожая. После отказа государства от передела земли численность таких безземельных крестьян быстро увеличивалась.

Итак, сущность надельной системы сводилась к тому, что не крупные землевладельцы, не феодалы эксплуатировали крестьян, а непосредственно государство. Господствующее сословие составляли не феодалы, а чиновники, люди, действующие от имени государства. И лишь к концу Средневековья эта система стала перерастать в феодальные отношения.

Пригодная для обработки земля составляла 20% территории Китая, поэтому китайцы старались использовать каждый клочок земли. 90% пашни занимали зерновые культуры. На севере выращивали пшеницу, просо, а к югу от Янцзы – рис, причем за год получали 2–3 урожая этой культуры.

«Рис половину времени растет в руке земледельца» – гласит китайская поговорка. Сначала выращивали рассаду в горшках, затем поле слегка заливали водой и рассаду вручную высаживали в грязь. После этого поле заливалось водой на полметра, и через три месяца рис созревал. Эта трудоемкая работа требовала постоянного регулируемого орошения.

Мы знаем Китай как страну риса, чая и шелка. Между тем, чай здесь стали выращивать только в Средние века, причем первоначально чай кипятили. Заваривать чай кипятком начали только в XII в. Чайные плантации разбивались на склонах гор в Южном Китае. В средние века в Китае получают широкое распространение выращивание хлопчатника и шелководство.

12.3.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Итак, вся земля в Китае считалась собственностью государства, все население должно было платить налоги и работать на государство, обеспечивая потребности государственной власти. Государство определяло даже, какие культуры должны выращивать крестьяне: установленные государством тутовые наделы означали принудительное развитие шелководства.

Таким образом, все хозяйство страны, в сущности, было единым государственным хозяйством, и поэтому не было необходимости в особом, отдельном государственном хозяйстве. Тем не менее, такое хозяйство существовало. В XI в. только производством оружия в государственных мастерских занималось 8–9 тыс. человек, в казенных шелкоткацких мастерских Кайфына действовало 400 станков, на монетном дворе было занято свыше 200 работников, а производством кирпича в казенных мастерских занималось 1200 человек.

Вполне понятно сосредоточение в руках государства производства оружия, денег и кирпича для государственного строительства. Но шелкоткачество не вызывалось государственными потребностями. Действовали государственные монополии на разработку руд металлов, производство древесного угля, на соль, чай, вино. А это значит, что государство дополнительно увеличивало свои доходы за счет населения.

Государство – это чиновники. В средневековом Китае положение человека определялось не знатностью, не богатством, а должностью и чином, т.е. местом в системе государственного аппарата. А чтобы получить чин, звание, а с ним – и должность, надо было сдать экзамены. А к экзаменам допускались даже крестьяне. Выдерживали экзамены далеко не все. При династии Тан, например, конкурс составлял до 100 человек на место. Для того чтобы повысить свой чин и получить более высокую должность, надо было снова сдавать экзамены, с более высокими требованиями. Поэтому неудивительно, что чиновники в этой стране имели репутацию ученых.

Говоря о государстве, необходимо рассмотреть организацию вооруженных сил, составляющую важную часть государственного аппарата, а, следовательно, и государственных расходов.

В Европе военным сословием были феодалы. Крупные феодалы сами содержали свои дружины, свои боевые отряды, да и рядовые дворяне имели свое оружие. Поэтому от государственной власти, власти короля, не требовалось нести большие расходы на содержание вооруженных сил. Но в Китае не было военного сословия, сословия феодалов, поэтому содержание армии полностью ложилось на плечи государства.

В раннее Средневековье, при династии Цзинь, армия комплектовалась за счет всеобщей воинской повинности. Естественно, набранное из крестьян войско содержалось на средства государства: оторванный от своего хозяйства крестьянин не мог обеспечить себя оружием и всем необходимым для жизни.

Кроме того, на границах государства находились военные округа, жители которых вели крестьянское хозяйство, обеспечивая свое содержание, а налог и трудовая повинность для них заменялись военной службой. Но это уже представляло некоторую опасность для центральной власти: начальники таких округов, цзедуши, в распоряжении которых находились войска и экономические ресурсы, проявляли склонность к сепаратизму.

Кроме того, государство привлекало для защиты своих границ соседних варваров – кочевников. А поскольку государство не имело над ними власти, такие наемники нередко становились авангардом очередного вторжения кочевников.

В VIII в., при Танской династии, была проведена военная реформа: система воинской повинности и рекрутских наборов была заменена вербовкой солдат из голытьбы, бродяг, безземельных. Маргиналы, привлеченные обеспеченностью существования, охотно шли на военную службу. В сущности, это была армия наемников, и расходы на содержание вооруженных сил резко возросли.

За первые 80 лет правления Сунской династии численность войска выросла в 6 раз, достигнув 1,2 млн человек, и на его содержание теперь шло 5/6 всех государственных расходов [2, с. 106]. При этом основную часть вооруженных сил составляла столичная гвардия, «войско запретного города», игравшее преимущественно парадную роль.

Но это была слабая армия. Война в Китае рассматривалась не как поле воинской доблести, а как печальная необходимость. Там не было обычая празднования побед с шествиями триумфаторов.

И только в вооружении были достигнуты значительные успехи. Уже в X в. стал использоваться порох для изготовления зажигательных бомб, а в XI в. появились разрывные снаряды в железной оболочке. Их забрасывали во вражеский стан при помощи катапульт. А первые пушки в Китае появились лишь в конце XIII в.

12.3.4. ГОРОД. БЫТ

Главное отличие китайского средневекового города от европейского заключалось в том, что города не составляли самостоятельную политическую силу, не были общинами горожан. Во главе европейских городов стояли выборные органы, которые защищали интересы горожан. Европейский город был городом-республикой, городом-коммуной, с которой считались и короли. В городах действовало магдебургское право, обеспечивавшее свободу горожан и благоприятные условия для развития ремесла и торговли.

Китайские города находились под властью государства и служилой знати. Здесь не было специальных городских правовых норм. Непосредственно подчинялись государственной власти и торгово-ремесленные объединения – ханы, которые соответствовали европейским цехам и гильдиям. С XI в. они даже стали официальными государственными организациями и членство в ханах стало обязательным. Это было одним из проявлений господствующей роли государства в экономике.

Города древнего Китая, которые рождались как административные центры и оборонительные крепости, в IV–V вв. в ходе войн и нашествий кочевников были разрушены. Лишь с VI в. началось усиленное градостроительство, в результате которого многие китайские города стали крупнее европейских.

«Крупнейшим городом средневекового мира», по словам авторов «Истории Китая», стал Чаньань. 14 прямых улиц тянулись по этому городу с востока на запад, 11 улиц – с севера на юг [2, с. 68].

Марко Поло, который был не только путешественником, но и сановником хана Хубилая, назвал этот город «самым лучшим, самым величественным городом в свете» [2, с. 121]. Немногим уступали Чаньяню города Лоян и Гуанчжоу.

Конечно, китайские города, как и другие города Средневековья, были окружены крепостными стенами. Но, кроме того, город делился на замкнутые кварталы, тоже окруженные стенами, и ворота в этих стенах на ночь запирались. Ночью жителям запрещалось выходить на улицу.

Застройка городов отражала неприязнь к монументальной архитектуре. В городах жили не только ремесленники и торговцы, но и государственные сановники, тем не менее преобладали одноэтажные дома, и даже дворец императора состоял из одноэтажных павильонов. Богатые кварталы не отличались от бедных: на улице выходили глухие стены домов или кирпичные заборы. Каждую усадьбу окружала стена выше человеческого роста.

При строительстве жилищ почти не использовался камень. Дома строились из дерева, бамбука и глины. Обычно по периметру располагались

четыре столба, соединенные стенами из плетеного бамбука. Несущими были не стены, а колонны по оси дома, причем потолок не скрывал перекрытия: его не было. Характерная деталь китайской архитектуры – загнутые вверх карнизы. Дом обычно был окружен открытой галереей, и в усадьбе находилось несколько «небесных колодцев» – внутренних дворики.

В центральной комнате находился домашний очаг. Здесь совершались семейные церемонии и торжественно принимали гостей. А жилые комнаты не имели функциональных отличий: здесь и спали, и совершали туалет. Часто туалетных комнат не было вообще.

Главным предметом мебели были топчаны. Сидеть на полу, на корточках, как это было принято в странах Ближнего Востока, здесь считалось неприличным.

Пожалуй, главной особенностью одежды китайцев было то, что мужская и женская одежда почти не отличались. Главным ее предметом был халат, под который надевались рубаха и широкие штаны. Заметим, что в средневековом китайском искусстве почти отсутствуют любовные отношения, и в живописи, например, практически нет обнаженной натуры.

Важным предметом одежды считался головной убор. Принимать гостей и даже читать и писать без него считалось неприличным. Знатные люди носили прямоугольные шапочки с выступающими спереди и сзади полями, простолюдины – круглые шапочки, похожие на тибетейки. Обычные для изобразительного искусства широкополые бамбуковые шляпы носили в основном во время полевых работ для защиты от солнца.

Основным предметом питания был рис. Мясо, рыба и овощи служили лишь дополнением к нему. И все это сдабривалось основной приправой – соевым соусом. Следует заметить, что горожане предпочитали покупать готовую пищу, а не заниматься ее приготовлением дома. Поэтому готовые блюда составляли значительную часть уличной торговли.

12.3.5. РЕМЕСЛО. ТЕХНИКА. ТОРГОВЛЯ

Основная часть ремесленных изделий для народного потребления в городах производилась ханами – торгово-ремесленными объединениями. Как и европейские ремесленные цеха, ханы имели свои уставы, которые регламентировали производственный процесс, устанавливали цены продукции. Но в отличие от европейских цехов ханы были торгово-ремесленными объединениями, поэтому ханом назывался и торговый ряд.

А это ускоряло имущественное расслоение внутри ханов. Если европейские цеховые регламенты ограничивали масштабы производства, не допуская

превращения ремесленной мастерской в крупное предприятие, то в китайских ханах такого ограничения не было. Торговцы снабжали ремесленников сырьем, скупали их изделия, а потом от раздачи работы на дом переходили к организации крупных мастерских. Иногда в таких мастерских работало до нескольких сотен наемных работников. Так, начиная с XIV в. здесь рождается простая кооперация с переходом в мануфактуру. Это происходило в Китае раньше, чем в Европе.

Опережал Европу Китай и по развитию техники. Здесь гораздо раньше, чем в Европе, появились порох и компас, но особенно значительные успехи были в книгопечатании. Книгопечатание началось в IX в. сначала в форме ксилографии – печатания с досок: иероглифическая письменность препятствовала переходу к литерам.

Тем не менее, уже через некоторое время появились десятки частных типографий.

Государственный характер хозяйства особенно показательно отражало денежное обращение. Вместо золота и серебра здесь использовались выпускаемые государством медные и железные деньги. В VII в. в Китае была введена единая денежная единица – цянь – круглая монета с квадратным отверстием в середине. Для таких денег не нужен был кошелек: связки монет с продернутым в отверстия шнурком носились на шее. Эти железные деньги, стоимость которых была гарантирована государством, широко обращались и в соседних с Китаем странах. Лишь с XI в. входят в обращение золото и серебро и даже появляются бумажные деньги. В сущности, это были векселя, выпускаемые банкирскими домами.

* * *

Итак, главной особенностью экономики средневекового Китая, главным отличием ее не только от европейского феодализма, но и от организации хозяйства в странах Ближнего и Среднего Востока была надельная система, сущность которой сводилась к тому, что вся земля принадлежала государству, делилась между крестьянами поровну, и за пользование этой землей крестьяне должны были содержать государство, отдавая ему часть продукции и выполняя трудовую повинность.

Для обеспечения равенства при распределении земли рассчитывалась степень трудоспособности каждого крестьянина и производились регулярные переделы в соответствии с изменением трудоспособности семей. Такого не было даже в странах Ближнего Востока.

Здесь не было крупных частных владений знати, и господствующий слой составляла не наследственная родовая знать, а чиновники, государствен-

ные служащие, которые занимали должности не по степени знатности, а по результатам сдачи системы экзаменов. Да, они получали служебные или должностные участки земли с крестьянами, часть налогов и повинностей с которых шла в распоряжение такого условного владельца. Но это была плата за государственную службу. Такие земли оставались собственностью государства, не наследовались, поэтому их нельзя считать феодальными владениями.

Надельная система стала разлагаться с VIII в., когда государство отказалось от регулярных переделов земли, когда стала увеличиваться доля жалованных владений, закреплявшихся уже в наследственную собственность.

Особенностью китайской экономики было и то, что города здесь не составляли самостоятельную политическую силу, находились в ведении государства, а торгово-ремесленные объединения – ханы даже стали ячейками государственной системы.

Но наиболее отчетливым проявлением господства государства в экономике были железные и медные деньги, стоимость которых устанавливалась государством.

Л и т е р а т у р а

1. История и культура Китая. М., 1974.
2. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
3. Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1974.
4. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001.
5. Стружина Э. П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	5
1. ХОЗЯЙСТВО ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА	11
2. ЭКОНОМИКА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	25
2.1. Страны Древнего Востока	25
2.2. Шумер	28
2.2.1. Заря цивилизации	28
2.2.2. Природа	29
2.2.3. Храмовое хозяйство. Рождение письма	30
2.2.4. Энциальное хозяйство	32
2.2.5. Земледелие и ремесло	34
2.2.6. Быт	37
2.2.7. Объединение страны	39
Литература	41
2.3. Вавилон	42
2.3.1. Ассимиляция пришельцев	42
2.3.2. Распад государственного хозяйства. Частная собственность и аренда	44
2.3.3. Город и горожане	47
Литература	51
2.4. Ассирия	51
2.4.1. Рождение государства. Торговая, ростовщичество и разрушение общины	52
2.4.2. Реформы Тиглатпаласара III	54
2.4.3. Военно-паразитическая империя	56
2.4.4. Нарастание противоречий и гибель	59
Литература	61
2.5. Финикия и Карфаген	61
2.5.1. Хозяйство финикийских городов	62
2.5.2. Морская торговля и колонизация	64
2.5.3. Карфагенская держава	65
Литература	69
2.6. Древний Египет	69
2.6.1. Нил. Рождение цивилизации	69
2.6.2. Развитие хозяйственной техники. Ирригация	72
2.6.3. Быт египтян	74
2.6.4. Государственное хозяйство	75
2.6.5. Разложение общины	78
2.6.6. Родовая и служилая знать. Реформа Эхнатона	79
2.6.7. Пирамиды	81
2.6.8. Разложение государственного хозяйства. Торговля	82

2.6.9. Войны и армия	83
Литература	86
2.7. Древняя Индия	86
2.7.1. Загадки индской цивилизации	87
2.7.2. Хозяйство индской цивилизации	89
2.7.3. Арии	90
2.7.4. Варны и касты	91
2.7.5. Государственное хозяйство Маурьев	94
2.7.6. Государство и товарно-денежные отношения	96
2.7.7. Города	97
2.7.8. Армия	98
2.7.9. Ашока и буддизм	99
Литература	100
2.8. Древний Китай	101
2.8.1. Династии и традиции	101
2.8.2. Государства Шан Инь и Чжоу	102
2.8.3. Государственное хозяйство Шан Инь и Чжоу	104
2.8.4. Сельское хозяйство и ремесло	105
2.8.5. Конфуций и пегисты. Цинь и Хань	106
2.8.6. Развитие производства	109
2.8.7. Община и государство	110
2.8.8. Торговля	111
2.9. Эволюция «восточной» экономики	113
2.10. Экономическая мысль Древнего Египта	114
Литература	116
3. ЭКОНОМИКА КРИТО-МИКЕНСКОГО ОБЩЕСТВА	118
Литература	122
4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	123

5. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕГО РИМА	170
5.1. Этруски	170
5.2. Царский период	174
5.3. Патриции и плебеи	176
5.4. Слияние полисов Италии	180
5.5. Законы Гракхов	183
5.6. Кризис республики	185
5.7. Провинции	187
5.8. Социально-политический строй империи	191
5.9. Сельское хозяйство	195
5.10. Город, ремесло и торговля	200
5.11. Рабы, отпущенники и колонны	205
5.12. Экономическая мысль в Древнем Риме	213
Литература	218
6. ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА ...	219
6.1. Хозяйство «варварских» королевств	219
6.2. Формирование феодализма в королевстве франков	229
6.3. Особенности формирования феодализма в Германии	238
6.4. Особенности формирования феодализма в Англии	240
6.5. Экономическая мысль Средневековья	245
Литература	246
7. ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА	247
7.1. Коммутация и ренты	247
7.2. Сельское хозяйство и промышленность	250
7.3. Сеньория и община	258
7.4. «Освобождение» крестьян	264
Литература	265
8. ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	266
Литература	282
9. ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ДО ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВ- СКОЙ РУСИ	283
9.1. Каменный и бронзовый века в Восточной Европе	283
9.2. Славяне и кочевники	288
9.3. Хозяйство восточных славян накануне рождения государства	294
Литература	299
10. ЭКОНОМИКА КИЕВСКОЙ РУСИ	300
10.1. Социально-экономический строй	300
10.2. Город, ремесло и торговля	309
10.3. Экономическая мысль Древней Руси	320
10.3.1. Русская Правда	320

10.4. Экономика русских земель в период раздробленности (XII–XV вв.)	323
10.5. Хозяйство Руси под монгольским игом	326
Литература	329
11. ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В XV–XVII ВВ.	330
11.1. Объединение русских княжеств	330
11.2. Переход от вотчины к поместью	333
11.3. Установление крепостного права	337
11.4. Город, ремесло и промыслы	343
11.5. Государственная промышленность. Рождение мануфактуры	350
11.6. Хозяйство Алексея Михайловича	354
11.7. Первые частные предприниматели: Морозов, Строгановы	356
11.8. Торговля и финансы	362
11.9. Елена Глинская и ее денежная реформа	369
11.10. А. Л. Ордын-Нащекин	373
Литература	378
12. ЭКОНОМИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЗИИ	379
12.1. Иран	379
12.1.1. Династии и кочевники	379
12.1.2. Ирригация и земледелие	384
12.1.3. Государственное землевладение и икта	385
12.1.4. Харадж и джизия	387
12.1.5. Ремесло и торговля	389
Литература	391
12.2. Индия в Средние века	391
12.2.1. Государства и династии	392
12.2.2. Земледелие и ремесло	394
12.2.3. Община	395
12.2.4. Кастовая система	397
12.2.5. Государственное землевладение и налоги	399
12.2.6. Город и торговля	400
Литература	402
12.3. Экономика Китая в Средние века	403
12.3.1. Нашествия и ассимиляция кочевников	403
12.3.2. Надельная система	405
12.3.3. Государственное хозяйство	408
12.3.4. Город. Быт	410
12.3.5. Ремесло. Техника. Торговля	411
Литература	413

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

В 6 томах

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: ИСТОРИЯ, экономика, техника, право, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 33,7. Печать офсетная.

Заказ №